В. СТАНКЕВИЧЪ

СУДЬБЫ НАРОДОВЪ РОССІИ

ВѢЛОРУССІЯ. УКРАИНА.
ЛИТВА. ЛАТВІЯ. ЭСТОНІЯ. АРМЕНІЯ.
ГРУЗІЯ. АЗЕРБЕЙДЖАНЪ. ФИНЛЯНДІЯ.
ПОЛЬША.

1921

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ

Право собственности закрѣплено за авторомъ
во всѣхъ странахъ,
гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten,
insbesondere das Übersetzungsrecht

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

ВСТУПЛЕНІЕ

1. Національная политика до 1905 года. 2. 1905 годъ. 3. Столыпинскій націонализмъ. 4. Война. 5. Революція. Національный максимализмъ. 6. Большевистское возстаніе. Не «отпаданіе», а «распадъ». 7. Возможность новой Россіи.

Современное государство, съ его грандіознымъ административнымъ аппаратомъ, съ его требованіями чрезвычайной дисциплины во внутреннихъ отношеніяхъ, съ его своеобразной способностью сочетать высокую личную и общественную свободу съ тщательной и всесторонней регулировкой, нуждается въ широкой базѣ всенароднаго сотрудничества и поддержки. Поэтому развитіе общественныхъ отношеній въ сторону всесторонняго народовластія является технической неизбѣжностью для усовершенствованнаго правительственнаго аппарата. Замедленіе въ расширеніи фундамента правительственной власти необходимымъ послѣдствіемъ имѣетъ техническій регрессъ, который на извѣстной ступени можетъ привести къ полному развалу правительственнаго механизма. Въ этомъ смыслѣ старая русская правительственная власть, не озаботившись созданіемъ, наряду съ историческими устоями русской государственности, устоевъ новыхъ, современныхъ, возстанавливая противъ себя широкіе круги интеллигенціи и народа, тянула Россію назадъ и была органически неспособной на необходимый государственно-техническій прогрессъ. Своей же національной политикой, не считающейся ни съ требованіями времени ни съ реальными возможностями, власть прямо таки разрушала Россію.

1. *Національная политика до 1905 года.*

Какъ извѣстно, въ Россіи господствующая и наиболѣе многочисленная народность составляла всего 43,3% всего населенія[1]), при чемъ «инородческій» элементъ въ значительной своей части (поляки, финны, эсты, латыши, литовцы) превосходилъ культурой и общественной организованностью господствовавшихъ великороссовъ. Это, конечно, не значитъ, что Россія была исторической безсмыслицей или случайностью: наоборотъ, несмотря на всѣ ошибки власти, мы неоднократно видимъ и стихійное довѣріе народовъ къ Россіи и глубокое сознаніе необходимости ея. Но для того, чтобы это довѣріе могло принять осязательныя формы, необходимы были извѣстныя правовыя предпосылки свободы и равенства. Устойчивый правительственный механизмъ могъ быть построенъ только при широкомъ участіи всѣхъ народовъ, въ работѣ и организованности которыхъ русская государственность

[1]) По переписи 1897 года, изъ 129 милліоновъ жителей Имперіи и Финляндіи было:

Названіе народности	Число (въ тысячахъ)	%
Великороссы	55.673	43,3
Украинцы (малороссы)	22.415	17,4
Поляки	7.931	6,2
Бѣлоруссы	5.886	4,5
Евреи	5.063	3,9
Киргизы	4.084	3,2
Татары	3.738	2,9
Нѣмцы	1.790	1,4
Литовцы	1.658	1,3
Башкиры и тептяри	1.439	1,1
Латыши	1.436	1,1
Грузины	1.352	1,0
Армяне	1-173	0,9
Молдаване	1.122	0,9
Мордва	1.024	0,8
Эсты	1.003	0,8
Сарты	969	0,7
и т. д. и т. д.		

Къ 1918 году, при ежегодномъ приростѣ въ 1½ процента, населеніе Россіи должно было равняться приблизительно 180 милліонамъ жителей, съ соотвѣтственнымъ пропорціональнымъ увеличеніемъ всѣхъ отдѣльныхъ національностей.

могла почерпнуть для себя животворящія силы. Но старая бюрократія не только не поняла этого, болѣе того, она не ограничилась даже простымъ отстраненіемъ инородцевъ отъ участія во власти — она рѣшилась растрачивать и такъ уже недостаточные духовные рессурсы русской государственности на активную, безсмысленную борьбу съ окраинными народами.

Безнадежность этой борьбы была, въ сущности, ясна даже до великаго духовнаго пробужденія всѣхъ народовъ Россіи въ 1905 году. Въ упорной систематической борьбѣ съ политической, правовой и культурной самобытностью Финляндіи, въ «располячиваніи» Польши, въ запрещеніи литовской, украинской и бѣлорусской письменности были неоднократно перейдены незыблемыя грани примитивнѣйшаго культурнаго общежитія и правопорядка — но къ обрусѣнію это не приводило. Это создало кучу историческихъ, болѣе или менѣе забавныхъ, анекдотовъ, въ родѣ страхованія финскихъ газетъ отъ цензурныхъ бѣдствій, исполненія въ Кіевѣ украинскихъ пѣсенъ на французскомъ языкѣ, печатанія научно-популярныхъ брошюръ въ беллетристической формѣ и пр. и пр. Это искажало весь историческій смыслъ Россіи, и если наканунѣ послѣдней турецкой войны за «освобожденіе» славянъ на Балканахъ власть запрещала огуломъ всю украинскую письменность у себя дома, то украинцы имѣли право говорить, что прежде, чѣмъ освобождать отъ «турокъ внѣшнихъ», необходимо самимъ освободиться отъ «турокъ внутреннихъ»... Національный гнетъ приводилъ къ катастрофическому пониженію культуры руссифицируемыхъ областей: Польша, Литва, Украина, не имѣющія возможности учить дѣтей въ соотвѣтствіи съ окружающей народной стихіей, показали паденіе или значительную отсталость примитивной грамоты, не говоря о высшихъ формахъ просвѣщенія[1]). Тутъ уже была большая потеря

[1]) Въ 1828 году въ Польшѣ было больше училищъ сравнительно съ числомъ населенія, чѣмъ въ 1900 году!

въ духовныхъ богатствахъ всего государства. Но еще бо́льшая потеря была въ томъ, что живой, творящій духъ народовъ былъ растраченъ на борьбу съ мелочными придирками, приниженъ въ вынужденномъ подпольномъ существованіи, сдѣлался подозрительнымъ, ненавидящимъ, недовѣрчивымъ. Самое сильное, стойкое, упорное и цѣнное — вмѣсто работы на благо страны — ушло за предѣлы Россіи. Всѣ народы, во имя своихъ святѣйшихъ интересовъ, вынуждены были создать свои «Пьемонты» за рубежомъ Россіи. Духовный огонь Польши горѣлъ въ австрійскомъ Краковѣ, украинцы жили своимъ Львовомъ, литовцы печатали книги и закладывали фундаментъ національнаго пробужденія въ Восточной Пруссіи, Финляндія имѣла свои очаги въ Швеціи.

Это не было сепаратизмомъ, это было жизненной и технической необходимостью. При первой возможности всѣ готовы были перенести свои національные ковчеги въ Россію. Ждали этой возможности, тѣшили себя несбыточными мечтами, создавали наивныя иллюзіи... Одной изъ такихъ иллюзій была вѣра въ Николая II при его вступленіи на тронъ. И пылкая Варшава и холодная Финляндія съ восторженной вѣрой встрѣтили воцареніе молодого монарха, во всемъ выискивая признаки долгожданной перемѣны политическаго курса власти. Но Бобриковъ и манифестъ 1899 года въ Финляндіи, Чертковъ въ Царствѣ Польскомъ явились достаточно яркимъ доказательствомъ, что надежды напрасны, все остается по-старому, для соглашенія, «угоды» никакихъ предпосылокъ нѣтъ.

2. 1905 годъ.

1905 годъ далъ новую пищу иллюзіямъ. Возстановленіе конституціи въ Финляндіи, отмѣна законовъ о воспрещеніи литовской, украинской, бѣлорусской письменности, нѣкоторыя облегченія въ Польшѣ, возможность организаціи обществъ и союзовъ, открытое существова-

ніе партій — дали возможность говорить о рѣшительномъ переломѣ въ политикѣ власти. Свободно сформулированныя національныя программы нигдѣ не шли дальше автономіи, которая, въ конечномъ счетѣ, сводилась не столько къ національному, сколько къ культурно-хозяйственному моменту, была протестомъ не только противъ націоналистической политики, но и противъ гнетущей централизаціи управленія страной. Это не было стремленіемъ къ разложенію, къ отпаденію отъ Россіи, а лишь необходимымъ шагомъ къ перестройкѣ всего устарѣвшаго аппарата власти. Націи заботились не о томъ, чтобы выхватить себѣ отъ Россіи ту или иную долю свободы, но о томъ, чтобы реформировать всю Россію, перестроить ее. Въ требованіяхъ украинцевъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и даже отчасти, хотя и въ меньшей степени, поляковъ и финновъ звучитъ не только забота о себѣ, но и обо всемъ государствѣ въ его цѣломъ. Конечная цѣль — перестройка Россіи на федеративныхъ основаніяхъ, ближайшая задача — автономія всѣхъ входящихъ въ Россію частей. И здѣсь голоса «инородцевъ», добивавшихся національно-территоріальной автономіи, нераздѣльно сливались съ аналогичными требованіями великороссовъ-областниковъ: жалобы, напримѣръ, сибиряковъ на гнетъ, несправедливость и неумѣлость центральной власти мало чѣмъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ заявленій западныхъ окраинъ Россіи. Не ослабленіе, а наоборотъ, усиленіе Россіи было мотивомъ этихъ требованій. Такъ это было понято и учтено даже историческими противниками Россіи — вспомнимъ, тревогу которую испытали въ Австріи при извѣстіи, что Грушевскій появился въ украинской фракціи первой Государственной Думы, или безпокойство Берлина при слухахъ о введеніи автономіи въ Царствѣ Польскомъ.

3. *Столыпинскій націонализмъ.*

«Ликвидація дней свободы», послѣ акта 3-го іюня принесла крутой поворотъ и въ области національной политики. Это не было даже простымъ возвращеніемъ къ старому. До Столыпина обрусительная политика, въ конечномъ счетѣ, не была сознательнымъ планомъ, системой. Часто это было только самодурствомъ, часто, лишь проявленіемъ лѣни вникать въ сложность мѣстной народной жизни, и годы особенно суроваго гнета смѣнялись годами «передышки» — сравнительная милость и благоволеніе смѣняли суровость и гнетъ. Въ конституціонное же время націонализмъ явился, какъ стройная идеологическая основа всей проводимой политики, однимъ изъ главныхъ устоевъ «ставки на сильнаго», необходимая предпосылка «Великой Россіи» въ ново-бюрократическомъ ея пониманіи. Конечно, несоразмѣрность поставленной политической задачи съ силами государственной власти привела къ тому, что политика подавленія народностей проводилась не всегда послѣдовательно. Но не было ни одной національности, которая не испытала бы оскорбленій отъ новой системы правительственной власти. Поляки были объявлены гражданами второго разряда при значительномъ сокращеніи ихъ представительства въ Государственной Думѣ, и ихъ наискромнѣйшія чаянія — школьный законопроектъ — не получили никакого движенія. Финляндской конетитуціи былъ нанесенъ потрясающій ударъ. Украинское національное культурное движеніе было объявлено «несоотвѣтствующимъ русскимъ государственнымъ задачамъ» (циркуляръ Столыпина отъ 10-го января 1910 г.). Литва и Прибалтійскій Край усиленно руссифицировались при помощи колонизаціи.

Этотъ твердый, рѣшительный, неуклонной волей направляемый правительственный курсъ внушалъ тѣмъ бо́льшую тревогу, что правительство дѣйствовало не

одиноко Въ прежнее время угнетенныя народности могли связывать свои обиды только съ политикой правительства, только съ тѣми худшими элементами и представителями чиновничества, которые наводняли окраины. Теперь же они могли воочію убѣдиться, что правительство находитъ опору въ весьма широкихъ и вліятельныхъ кругахъ русской общественности. Громадное большинство Думы высказывалось за всѣ обрусительныя предложенія власти. И какъ разъ буржуазные, умѣренные элементы другихъ странъ, болѣе всего готовые идти на примиреніе, на соглашеніе съ русской правительственной властью, должны были особенно болѣзненно чувствовать такое отношеніе къ національнымъ вопросамъ со стороны созвучныхъ имъ по соціальнымъ интересамъ буржуазныхъ классовъ Россіи. Но и въ демократическихъ, либеральныхъ кругахъ общественности политика правительства не всегда встрѣчала достаточный протестъ. Призывы П. Б. Струве къ безпощадной идейной борьбѣ съ украинствомъ звучали предостерегающе для тѣхъ, кто хотѣлъ бы связывать національныя надежды съ побѣдами русской общественности. Позиція Родичева и Милюкова въ Государственной Думѣ по отношенію къ украинцамъ — «освободите, и ихъ не будетъ» — тоже казалась отзвукомъ модернизированнаго націонализма. Партія к.-д. сумѣла довести дѣло до открытаго разрыва съ польскимъ коло. Между тѣмъ, руководящіе круги Польши и Финляндіи, въ силу своихъ классовыхъ симпатій, мало были склонны связывать какія бы то ни было надежды съ ростомъ вліянія болѣе лѣвой части русской общественности, видя въ ней только проявленіе пугающаго ихъ и безпокоющаго анархизма.

Русскимъ трудно даже понять тѣ острыя чувства, которыя вызывалъ новый курсъ правительственной власти. Были поставлены подъ ударъ историческія традиціи, духовныя цѣнности, и грубо оскорблялись права личности, любовь къ своему родному языку, привязанность

къ своей духовной стихіи. Съ крайней остротой сказывались и чисто экономическія послѣдствія. Для борьбы за экономическое процвѣтаніе нуженъ подъемъ культуры, нужно распространеніе знанія, нужна хотя бы примитивная грамотность. Но это благо было недоступно для поляковъ, украинцевъ, литовцевъ. Русская школа, съ насильственнымъ и противоестественнымъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ, или приводила къ полному опустѣнію школъ или не давала никакихъ результатовъ, такъ какъ поверхностное знаніе русской грамоты улетучивалось въ стихіи другого языка, къ которому школа безуспѣшно пыталась внушить пренебреженіе, какъ къ языку низшаго сорта[1]). Частная иниціатива? — Но судьба польской матицы показала, что широкое развитіе частной иниціативы допущено не будетъ. Оставался послѣдній путь — негласное, подпольное обученіе. И если для русскаго сравненіе производительности десятины земли за-границей и въ Россіи ставило на очередь лишь задачу бо́льшаго распространенія знаній, то полякъ, литовецъ, украинецъ при этомъ сжималъ зубы, понимая, сколько препятствій съ перваго шага онъ встрѣтитъ со стороны руссифицирующей политики власти.

Кромѣ того, естественнымъ послѣдствіемъ національстической политики явилась необходимость придерживаться прежней централизаціи правительственнаго аппарата, не выдерживающаго никакой критики съ хозяй-

---

[1]) О значеніи русской школы на окраинахъ можно судить по даннымъ относительно губерній сѣверо-западнаго края, гдѣ число грамотныхъ обратно-пропорціонально числу учащихся въ школахъ. Въ 1911 году число дѣтей школьнаго возраста (9—11 лѣтъ), посѣщающихъ школу, было на 1.000 жителей въ Могилевской губ. 52, въ Гродненской — 44, въ Виленской — 28, въ Ковенской — 18, а процентъ грамотныхъ въ Могилевской губ. 17,0, въ Гродненской — 29,1, въ Виленской — 29,3, въ Ковенской — 42,1. Цифры эти показываютъ, что въ губерніяхъ, гдѣ населеніе сумѣло сорганизовать и ввести въ повседневный бытъ домашнюю нелегальную школу, процентъ грамотности сравнительно высокъ, тамъ же, гдѣ населеніе довольствовалось правительственной школой, грамотность падаетъ поистинѣ катастрофически.

ственно-дѣловой точки зрѣнія. Даже земства не могли быть распространены на наиболѣе важныя области государства. И слабая, бездарная, необразованная и даже невоспитанная петербургская бюрократія вынуждена была безпомощно барахтаться въ небывалой и невыполнимой задачѣ — управлять изъ одного центра 150-ти милліоннымъ человѣческимъ образованіемъ, раскинувшимся по $^1/_6$ части суши всего міра. Тяжелыя финансовыя, экономическія и культурныя послѣдствія этого сказывались съ особенной силой тамъ, гдѣ рядомъ находились цвѣтущія области Германіи, гдѣ западная культура непосредственно сталкивалась съ Россіей и глохла подъ воздѣйствіемъ неумѣлаго, громоздкаго, допотопнаго бюрократическаго механизма.

Однако, стихійное довѣріе къ Россіи сдерживало негодованіе. Идея иной Россіи, служащей не только кучкѣ чиновниковъ, а всему цѣлому, Россіи свободной и въ свободѣ могучей, — оставалась и живой и дѣйственной. Дальше требованій автономіи общественные дѣятели Польши, Украины, Литвы и др. странъ не шли. Но выдержка питалась и тѣми соображеніями, что отторженіе отъ Россіи, не говоря объ опасности и нежелательности по экономическимъ и политическимъ соображеніямъ, было просто невозможно. Это былъ уже только трезвый разсчетъ, настолько трезвый, что, не выставляя лозунга отдѣленія отъ Россіи, украинцы въ своей программѣ признавали нежелательнымъ соединеніе съ Россіей Галиціи, такъ какъ тогда исчезла бы возможность имѣть зарубежный очагъ украинской культуры, безопасный отъ самодурства русской администраціи. Куда бы дѣлось тогда «Общество имени Шевченко», основанное украинскими патріотами, перекочевавшими подъ вліяніемъ репрессій изъ Кіева во Львовъ? Да, и поляки не остались бы, пожалуй, довольными безусловнымъ присоединеніемъ къ Царству Польскому Кракова съ его національными хранилищами. Литовцы тоже поколебались бы дать согласіе на присо-

[illegible] литовскаго [illegible]лка Восточной Пруссіи — вѣдь не было никакихъ гарантій, что запрещеніе литовскаго шрифта или другая тому подобная мѣра опять не явится на сцену, и культурная жизнь литовскаго народа должна будетъ организовываться въ порядкѣ широкой и планомѣрной контрабанды.

4. Война.

Начавшаяся война поставила всѣ вопросы въ новомъ трагическомъ освѣщеніи. Стихійная вѣра въ Россію на первыхъ порахъ побѣдила недовѣріе къ правящимъ кругамъ. Предчувствіе грозныхъ измѣненій въ судьбахъ всѣхъ народовъ заставило ихъ тѣснѣе прижаться къ общему единству. Первыя слова власти способствовали этому. Но за рубежомъ война была принята иначе, и суровымъ приговоромъ всей системѣ русской власти явилось то, что въ Царство Польское вошли польскіе легіоны, организованные подъ сѣнью Австріи, что среди плѣнныхъ украинцевъ противникъ находилъ готовую почву для пропаганды. Довѣрія къ Россіи хватило на первый подъемъ. Но его оказалось недостаточно для величайшаго и длительнаго напряженія всѣхъ народныхъ силъ. Работа Бобринскихъ въ Галиціи, неопредѣленность и отмалчиванія по отношенію къ полякамъ, упорное игнорированіе требованій литовцевъ, преслѣдованіе украинской печати — все это далеко не способствовало созданію того длительнаго энтузіазма, который единственно позволилъ бы Россіи справиться съ трудностями организаціи небывалой борьбы, который превратилъ бы въ дѣйствительную силу тѣ колоссальныя возможности, которыми Россія обладала. Оффиціальныя заявленія объ освободительныхъ цѣляхъ войны казались ироніей на фонѣ пренебреженія къ самымъ основнымъ и священнымъ правамъ націй внутри Россіи.

И для русскаго народа, для массъ, развращенныхъ политикой власти, подлинный ликъ Россіи, освѣщенный

войной, явился неожиданнымъ и незнакомымъ. Поляки, которые въ оффиціальной исторіи и всей политикой правительства неизмѣнно выставлялись въ качествѣ тайныхъ и явныхъ враговъ Россіи, вдругъ оказались «братьями-поляками». Поля сраженія въ предѣлахъ Россійскаго государства оказались украинскими, польскими, литовскими, латышскими, армянскими... Защищая Литву, Польшу, Латвію, солдатъ невольно думалъ, нужно ли это Россіи, съ именемъ которой онъ привыкъ связывать представленіе объ однообразной странѣ. У прощенное оффиціальное пониманіе Россіи оказалось недостаточнымъ, не покрывающимъ историческаго существа борьбы за Россію. Въ бояхъ подъ Варшавой, подъ Вильной, подъ Митавой идея подлинной Россіи, связующей и свободно объединяющей всѣ ея народы, стала витать надъ русской арміей. Но неизмѣнность правительственнаго курса не дала этой идеѣ развиться со всей необходимой полнотой и яркостью. И русскій солдатъ, убѣдившись въ ложности прежняго представленія о Россіи и не обрѣтя новаго, совершенно потерялъ идею борьбы. Онъ просто пересталъ быть «русскимъ», превратился въ «вятича» и «курянина». И, вмѣстѣ съ этимъ превращеніемъ, война для него была окончена.

Не было воли. Армія росла количественно, но все понижалась качественно, пока, наконецъ, пораженія, созданныя бездарностью русской власти и русскаго военнаго командованія, не привели армію къ возстанію, и власть перешла въ руки русской общественности.

5. *Революція. Національный максимализмъ.*

Въ невыразимо тяжкихъ условіяхъ народнаго возстанія и военнаго развала Россіи суждено было видѣть послѣднюю вспышку довѣрія къ ней со стороны связанныхъ общей судьбой народовъ. Украинцами былъ провозглашенъ вѣчный покой австрійской оріентаціи, и арестъ въ

оккупированномъ Царствѣ Польскомъ вождя польскихъ легіоновъ Пилсудскаго показывалъ, что народы предпочитаютъ связывать свою судьбу съ свободой Россіи, чѣмъ съ побѣдами Германіи.

Но вспышка быстро погасла. Наслѣдіе старой власти заключалось не только въ матеріальномъ разстройствѣ, но и въ истощеніи запаса духовныхъ силъ. Необходимость въ прежнее время бороться за азы современнаго конституціоннаго права лишила возможности поставить и подготовить новое, истинно-государственное, разрѣшеніе національныхъ проблемъ Россіи. Но естественная неумѣлость справиться съ трудностями организаціи новой народной власти воспринималась, какъ злонамѣренное затягиваніе удовлетворенія насущныхъ національныхъ требованій, тѣмъ болѣе, что руководители національныхъ движеній, часто только что вышедшіе изъ подполья, отнюдь не превосходили русскихъ дѣятелей ни широтой государственнаго масштаба, ни, тѣмъ болѣе, опытностью въ государственномъ дѣлѣ.

Въ сущности, Временное Правительство дѣлало все доступное его силамъ. Оно возстановило конституцію въ Финляндіи, признало независимость Польши, установило автономію Эстоніи, ввело краевое управленіе для Закавказья, въ принципѣ согласилось на автономію для Украины и Латвіи. Но это уже не удовлетворяло. Неумѣренныя требованія неслись отовсюду, составляя одно изъ наиболѣе роковыхъ проявленій всеобщаго и всемѣстнаго максимализма. Малѣйшее разногласіе или замедленіе вызывало ожесточенныя нападки. И если солдаты требовали отъ власти, чтобы по телеграфу былъ заключенъ миръ, то также «по телеграфу», въ 24 часа, требовали введенія автономіи на Украинѣ и въ Бѣлоруссіи, учрежденія «Штата Эсти», признанія Латышской республики. Настойчивость требованій росла параллельно съ затрудненіями власти, съ разстройствомъ транспорта, гибелью промышленности, недостатками продовольствія. На

мѣстахъ невольно думалось, что немедленная автономія, освобожденіе отъ ига централизма не путемъ перестройки, а путемъ разрушенія стараго аппарата власти можетъ спасти дѣло, и тутъ голубая Украина ничѣмъ не отличалась отъ красной Шлиссельбургской или Красноярской республики. Не было проявлено достаточной терпѣливости и въ вопросѣ о гарантіяхъ, каковымъ являлась организація національныхъ войскъ. Больная психологія національныхъ вождей готова была видѣть въ медлительности выполненія ихъ пожеланій несогласіе по существу, и они не останавливались даже передъ самочинными мѣрами, передъ хозяйничаніемъ въ арміи, не считаясь съ высшимъ военнымъ управленіемъ. Это, въ свою очередь, глубоко огорчало представителей центральной власти: хотѣлось въ минуту внѣшней невзгоды встрѣтить нѣсколько больше «самоотверженія» со стороны народовъ Россіи. Выдвигать на первый планъ если не «постылые», какъ жаловались украинцы, то, во всякомъ случаѣ, далекіе вопросы украинской и бѣлорусской автономіи казалось преступленіемъ передъ насущными задачами міровой борьбы, хотя въ принципѣ, въ существѣ дѣла разнорѣчій не было. Никто не думалъ объ отказѣ или хотя бы ограниченіи демократическаго принципа самоопредѣленія народовъ, но изъ-за «порядка дня», изъза оцѣнки удѣльнаго вѣса того или иного вопроса, недоразумѣнія все накапливались, затрудненія увеличивались, центробѣжныя силы росли.

6. Большевистское возстаніе. Не «отпаденіе», а «распадъ».

Но и тутъ все же не внѣшнимъ врагомъ, не отпаденіемъ окраинъ, а внутреннимъ безсиліемъ нанесенъ былъ послѣдній ударъ русской государственной власти. Начались небывалые эксперименты въ центрѣ, и всему міру стало ясно, что государству грозитъ величайшая опасность. Сговориться было нѣ съ кѣмъ, задерживать цен-

тробѣжныя силы было некому. Съ паденіемъ Керенскаго, можно сказать, единство Россіи разрушилось автоматически. Она распалась на составныя части. Ощущеніе гибели государственнаго организма заглушало голоса благоразумія и историческаго предвидѣнія. Быть можетъ, Россія нужна, но ея нѣтъ, она гибнетъ, она лишь послѣдніе дни носится, какъ корабль безъ руля и безъ вѣтрилъ, по бурному морю военныхъ опасностей и народной смуты...

«Спасайся, кто можетъ»...

Стремленіе освободиться отъ страшной опасности совмѣстнаго существованія съ гибнущимъ колоссомъ, съ низвергающейся великой державой, желаніе во что бы то ни стало освободиться отъ опеки и воздѣйствія дикихъ экспериментовъ и принудительной соціализаціи новой власти, которая была, пожалуй, страшнѣе прежней руссификаціи — все это привело къ тому, что, въ минуту гибели Россіи, народы, жившіе подъ ея сѣнью, почувствовали облегченіе и успокоеніе. Настоящее было такъ грозно и нестерпимо, что всякая перемѣна казалась къ лучшему.

Въ такой обстановкѣ на политической аренѣ появились новыя политическія образованія, засамоопредѣлялись, засамоуправлялись, заполнили своими делегатами столицы Европы: Финляндія, Эстонія, Латвія, Литва, ~~Грузія, Арменія, Азербейджанъ, Украина, Бѣлоруссія, Донъ, Кубань~~. Газеты запестрѣли новыми географическими и политическими терминами, новыми политическими именами...

Часто склонны называть это «отпаденіемъ» окраинъ отъ Россіи. Но едва ли можно признать такое словоупотребленіе правильнымъ. Не отпаденіе частей, а р а с п а д ъ с т а р о й Р о с с і и — вотъ истинный историческій смыслъ явленія. Вѣдь первымъ отпалъ центръ, Москва, расписавшійся въ этомъ въ Брестѣ.

Россія не уменьшилась, не сократилась, а вообще

временно перестала быть. Лишь привычка заставляетъ насъ связывать имя Россіи съ одной частью ея, съ Великороссіей. Но это лишь инерція словоупотребленія: старымъ, привычнымъ словомъ покрываютъ новое понятіе, не имѣющее ничего общаго съ прежнимъ содержаніемъ слова. Уже съ географической точки зрѣнія страна, отрѣзанная отъ Балтійскаго и Чернаго морей, отрѣзываемая отъ Тихаго океана и даже отъ надежнаго выхода въ Ледовитый океанъ, ничѣмъ не похожа на прежнее государство, нераздѣльно господствовавшее на Черномъ морѣ и въ сѣверной части Балтики: самъ Петръ Великій, творецъ старой Россіи, не узналъ бы въ нынѣшнихъ остаткахъ своего великодержавнаго наслѣдія.

Могло бы успокаивать соображеніе, что хотя нѣтъ морей, но все же главная масса земли осталась въ предѣлахъ государства, унаслѣдовавшаго имя Россіи. Однако, вопросъ о количествѣ населенія и тутъ заставляетъ задуматься: изъ 180 съ лишнимъ милліоновъ населенія отрывается около 80 милліоновъ, хотя процессъ распада еще не закончился... Отъ живого организма отрѣзана цѣлая треть его; остался обрубокъ, мертвое туловище, нежизнеспособный калѣка; въ лучшемъ случаѣ — совершенно новый, по-новому живущій организмъ. Значеніе количественной утраты населенія возрастаетъ въ виду того, что качественно составъ его значительно мѣняется. Вмѣсто вѣнка народностей — остается страна съ подавляющимъ великорусскимъ населеніемъ. Вмѣсто и такъ уже крайне убогой цифры 8 человѣкъ на кв. версту, опредѣляющей плотность населенія прежней Россіи, остается страна съ 4 душами на кв. версту. Центръ населенія прежней Россіи, хотя и лежавшій близко къ западной границѣ, но все же отдѣленный отъ нея доброй тысячью верстъ, теперь оказывается у самой границы, а центръ жизнедѣятельности новаго государственнаго организма перекочевываетъ куда-то на сѣверо-востокъ, за Волгу, быть можетъ, даже за Уралъ.

Такъ же опредѣленна экономическая характеристика, дающая нынѣ всюду совершенно новые признаки. Густота желѣзныхъ дорогъ, количество сбора хлѣбовъ на десятину и на душу, соотношеніе городского и сельскаго населенія, процентъ занятыхъ въ промышленности — все представляетъ новыя, незнакомыя величины и цифры, кореннымъ образомъ отличающіяся отъ прежнихъ признаковъ экономическаго строя Россіи.

Россіи въ прежнемъ смыслѣ нѣтъ. Она распалась подъ внѣшними ударами, вслѣдствіе внутренняго худосочія и безсилія. Украина такъ же похожа или не похожа на всю Россію, какъ и ~~оставшаяся~~ Великороссія. И, строго говоря, наслѣдниками Россіи, наравнѣ съ Москвой, съ одинаковымъ моральнымъ правомъ могутъ себя считать и мать русскихъ городовъ Кіевъ, и Варшава, и Вильна, одинаково представляющіе части, а не всю Россію.

7. Возможность новой Россіи.

Но, быть можетъ, рано еще дѣлить наслѣдіе? Быть можетъ, вообще Россія еще не умерла? Трудно думать, чтобы въ историческомъ процессѣ созданія Россіи, процессѣ, продолжавшемся вѣками, была только ошибка, недоразумѣніе. Несомнѣнно, инерція этого процесса скажется съ чрезвычайной силой. Россія создалась не только завоеваніемъ, но и стихійнымъ процессомъ собирательства самихъ народовъ, которые въ ней нашли форму общежитія на востокѣ Европы и грандіозный аппаратъ, соотвѣтствующій грандіознымъ возможностямъ по пріобщенію къ культурѣ и экономическому использованію неограниченныхъ богатствъ востока Европы и Азіи. Бюрократія, не понявшая новаго смысла Россіи и управлявшая въ XX вѣкѣ по принципамъ, устарѣвшимъ уже въ XVIII вѣкѣ, лишь злоупотребляла именемъ Россіи, прикрывая имъ свою политику обезличиванія и самодурства.

Но исчерпывается ли историческое значеніе Россіи тѣмъ, что она создала такую бюрократію?

Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были прогнозы относительно будущаго, процессъ распада самъ по себѣ является единымъ историческимъ событіемъ, и поэтому изученіе его должно производиться не только по отдѣльнымъ частямъ, но и во всей совокупности. Лишь такимъ путемъ откроются намъ существенныя и основныя черты всего процесса, которыя, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ клочковъ явленія, загромождаются деталями, имѣющими временный или чисто мѣстный характеръ. Въ этомъ смыслѣ до сихъ поръ является неопровержимо законнымъ совмѣстное изученіе политическихъ судебъ не только Латвіи съ Литвою или Грузіи съ Арменіей, но и Польши съ Эстоніей или Финляндіи съ Азербейджаномъ. Лишь послѣ такого общаго обзора можно получить основы для сужденія о дальнѣйшихъ судьбахъ народовъ: разойдутся ли они во всѣ стороны самобытными путями или, послѣ временнаго распада, соединятся вновь и дадутъ содержаніе новой главѣ въ Исторіи Россіи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и первой главой Новой Россіи.

БѢЛОРУССІЯ

А хто там ідзе, а хто там ідзе
У вагромністай такой грамадзе?
— Беларусы.

А што яны нясуць на худых плечах,
На у лапцях нагах, на у крыві руках?
— Сваю Крыуду.

А каму нясуць гэту крыуду усю?
А каму нясуць на паказ сваю?
— На свьет цэлы.

А хто гэта ихъ — не адзін миліен —
Крыуду несьць научыу, разбудзіу іх сон?
— Бяда, гора.

А чаго-ж, чаго захацелась ім
Пагарджанымъ век, ім сьляпым, глухім?
— Людзьмі звацца!

Янка Купала.

1. Территорія и населеніе. 2. Бѣлорусскій языкъ. 3. Экономическое состояніе Бѣлоруссіи. 4. Историческія судьбы Бѣлоруссіи. 5. Зачатки бѣлорусской литературы. 6. Бѣлорусское движеніе на русской почвѣ. 7. Идея бѣлорусской автономіи. 8. Культурная работа. «Наша Ніва». 9. Война и революція. 10. Бѣлоруссы и нѣмцы. 11. Бѣлоруссы и литовцы. 12. Бѣлоруссы и поляки.

1. Территорія и населеніе.

Согласно даннымъ переписи 1897 года, бѣлорусское населеніе составляло большинство во всей Минской и Могилевской губерніяхъ, въ Витебскомъ, Велижскомъ, Городокскомъ, Дрисненскомъ, Лепельскомъ, Невельскомъ, Полоцкомъ и Себежскомъ уѣздахъ Витебской губ., въ Гродненскомъ, Пружанскомъ, Бѣлостокскомъ, Слонимскомъ, Волковысскомъ, Сокольскомъ уѣздахъ Гродненъ-

ской губ., въ Виленскомъ, Лидскомъ, Ошмянскомъ, Свенцянскомъ уѣздахъ Виленской губ., въ Суражскомъ уѣздѣ Черниговской губ. и въ Краснинскомъ уѣздѣ Смоленской губ. Значительно шире во всѣ стороны рас-

пространяетъ границы бѣлорусскаго племени проф. Карскій, почти что монополизировавшій научное изслѣдованіе бѣлорусскаго языка. Съ ревностью ученаго, повсюду отыскивающаго объектъ своего изслѣдованія, проф. Карскій, на основаніи фонетическихъ особенностей рѣчи, относитъ къ Бѣлорусской территоріи еще Мглинскій,

Стародубскій, Новозыбковскій, части Новгородъ-Сѣверскаго, Сосницкаго и Городокскаго уѣздовъ Черниговской губ., Бѣльскій, Порѣчскій, Духовщинскій, Смоленскій, Рославльскій и часть Ельнинскаго и Дорогобужскаго уѣздовъ Смоленской губ. и. т. д.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, проф. Карскій увеличиваетъ и количество бѣлоруссовъ. Если, исходя изъ переписи 1897 года и прибавляя естественный приростъ, мы къ 1917 году получаемъ общее число бѣлоруссовъ въ 8.272.156 человѣкъ, то Карскій увеличиваетъ это число до 9.300.000. Особенно безцеремонно поступлено со Смоленской губерніей, число бѣлоруссовъ въ которой Карскій съ 140.000 увеличиваетъ до 842.000, при чемъ опору и основаніе для этого онъ ищетъ въ видѣ данныхъ учета населенія, произведеннаго въ 1866 году!

Въ нижеслѣдующей таблицѣ приводится сопоставленіе общихъ итоговъ подсчетовъ проф. Карскаго:

Численность бѣлоруссовъ (въ тысячахъ):

Губернія	По переписи 1897 года			Въ 1917 г. съ естеств. приростомъ	Круглое число по Карскому
	Всего	Католиковъ	Православн.		
Виленская	891,0	522,1	366,3	1.234,6	1.280
Витебская	788,6	83,0	685,2	1,068,2	1.100
Гродненская	705,0	213,6	420,2	974,4	1.000
Калужская	0,7	—	0,7	0,9	10
Ковенская	37,8	32,4	4,6	41,7	60
Курляндская	12,3	8,6	3,2	14,5	23
Минская	1633,1	148,2	1,483,3	2,417,7	2,450
Могилевская	1389,8	27,5	1,359,3	2,134,7	2,150
Орловская	2,6	—	2,4	3,4	24
Псковская	3,3	—	2,2	3,0	40
Смоленская	100,8	0,2	100,5	139,5	842
Сувалкская	25,7	14,6	11,9	25,7	26
Тверская	0,4	—	0,4	0,6	45
Черниговская	149,8	0,1	149,7	213,2	250
Всего	5,740,9	1.050,3[1])	4,662,0	8,272,1	9,300

[1]) Въ виду закона о вѣроисповѣдной терпимости, значительное количество православныхъ изъ бывшихъ уніатовъ перешло въ католичество, и нынѣ общее отношеніе католиковъ къ православнымъ исчисляется, какъ 1 : 3.

Однако, и эти цифры уже не удовлетворяютъ бѣлорусскихъ общественныхъ дѣятелей, и въ своей пропагандистской литературѣ они говорятъ о Бѣлоруссіи, какъ странѣ въ 250.000 кв. верстъ съ 15—16 милліонами жителей, изъ коихъ около 12 милліоновъ бѣлоруссы! Уже само сопоставленіе этихъ спорныхъ цифръ показываетъ, въ какихъ предѣлахъ колебались бы спорные вопросы при отмежеваніи бѣлоруссовъ отъ сосѣдей.

2. *Бѣлорусскій языкъ.*

Споры эти, однако, въ значительной степени обусловлены органическими причинами, тѣмъ обстоятельствомъ, что бѣлорусскій языкъ по своимъ свойствамъ значительно приближается къ тремъ сосѣднимъ языкамъ: польскому, украинскому и, въ особенности, великорусскому. Въ послѣднемъ отношеніи родство такъ велико, что бѣлорусскій языкъ можно опредѣлить, какъ совокупность ряда фонетическихъ особенностей въ произношеніи русскихъ словъ. Главныя изъ этихъ особенностей: аканіе — «е» безъ ударенія произносится какъ «я»: напримѣръ, бяру, бяреза, цяперь; дзяканіе и цяканіе — «д» и «т» передъ мягкими гласными «е» и «и» и полугласной «в» переходятъ въ «дз» или «ц» — напримѣръ, дзѣд, цвердый, цярпѣть, звукъ «г» всегда произносится съ придыханіемъ, какъ въ словѣ «Господь» и пр. И почти всѣ эти особенности могутъ быть установлены, какъ провинціализмы, въ произношеніи русскихъ словъ. Правда, кромѣ того, бѣлорусскій языкъ имѣетъ много словъ изъ сосѣднихъ языковъ: польскаго, литовскаго, украинскаго. Но, въ виду отсутствія бѣлорусской литературы, вліяніе сосѣдей на бѣлорусскій языкъ чувствуется не вездѣ одинаково, и въ пограничныхъ областяхъ имѣются бѣлорусскіе говоры, составляющіе переходные этапы между чисто бѣлорусскимъ языкомъ, какой слышится въ Минской губ., и языками великорусскимъ, польскимъ и

украинскимъ; нѣкоторые изслѣдователи даже указываютъ на существованіе обособленныхъ языковъ польско-бѣлорусскаго (Бодуэнъ-де-Куртенэ) и украинско-бѣлорусскаго. Во всякомъ случаѣ, русскій и бѣлорусскій крестьянинъ безъ всякаго труда понимаютъ другъ друга, точно такъ же какъ русскій интеллигентъ безъ всякой подготовки понимаетъ бѣлорусскую книгу. Процессъ ассимиляціи продолжается неустанно до послѣдняго времени, такъ что можно ожидать, что новая перепись дала бы число бѣлоруссовъ значительно ниже, чѣмъ въ 1897 году, и только чрезвычайный ростъ культурнаго развитія и глубокое народное самосознаніе могло бы служить опорой для выдѣленія бѣлоруссовъ изъ сосѣднихъ народовъ. Но объективный изслѣдователь долженъ признать, что до сихъ поръ этихъ условій нѣтъ налицо, и отдѣленіе бѣлорусскаго народа отъ его сосѣдей всегда будетъ носить характеръ искусственности, а отмежеваніе его отъ великорусской стихіи совершенно невозможно.

3. Экономическое состояніе Бѣлоруссіи.

Экономически Бѣлоруссія одинъ изъ самыхъ убогихъ краевъ Россіи. Главное ея богатство — лѣса. Объ ихъ количествѣ можно судить по слѣдующей таблицѣ, относящейся къ 1913 году:

Губернія	Площадь лѣсовъ (въ десятинахъ).	% всей поверхности	На одного жителя аровъ
Виленская	903.000	29,8	63,3
Гродненская	717.000	22,9	43,2
Минская	2.981.000	39,8	122,8
Могилевская	820.000	36,1	75,8
Витебская	1.013.000	31,8	73,7

Такъ какъ для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей считается достаточнымъ 35 аровъ на жителя, то можно судить о перспективахъ въ лѣсномъ хозяйствѣ этихъ губерній.

Зато условія для земледѣлія, въ виду сравнительно плохой и бѣдной почвы, не благопріятны, даже по сравненію съ Литвой. Если урожайность Литвы равна приблизительно 50 % урожайности Восточной Пруссіи, то въ губерніяхъ Минской и Могилевской этотъ процентъ падаетъ до 35. Главная масса земли находится въ рукахъ крестьянства. Вторую категорію землевладѣнія составляютъ помѣщики.

Губернія	Земля въ тысячахъ десятинъ.			
	Казенная	Крестьянская	Помѣщичья	Всего
Гродненская . . .	558	1.517	1.203	3.278
Виленская	366	1.279	1.533	3.178
Витебская	326	1.593	2.135	4.054
Минская	810	1.946	5.257	8.013
Могилевская . . .	182	1.619	2.304	4.105
Смоленская	191	1.936	2.634	4.761
Итого	2.433	9.890	15.066	27.389

Промышленность не имѣла условій для развитія, въ виду ограниченности путей сообщенія, недостатка капитала, а, главное, въ силу отсутствія естественныхъ богатствъ.

Губернія	Количество предпріятій	Производство (въ тыс. руб.)	Число рабочихъ
Гродненская	3.614	26.642	22.050
Виленская	1.803	33.288	16.608
Витебская	1.189	9.120	11.209
Минская	395	21.200	8.884
Могилевская	3.000	8.300	10.295
Итого	10.001	98.550	69.046

По роду предпріятій промышленность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ въ губ. Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской.

Родъ предпріятія	Число предпріятій	Число рабочихъ	Увеличеніе производства съ 1893—1903 г. %
Пищевая промышл. . .	4.016	10.007	36,6
Текстильная	284	5.574	72,7
Деревообдѣлочная. . .	261	3.993	283,4
Минеральная и керам.	683	6.180	107,7
Бумажная	55	1.686	91,0
Обработка продуктовъ животноводства . .	532	2.469	62,8
Химическая.	2.140	3.735	243,8
Металлическая	31	1.355	166,1
Остальныя	45	1.236	77,4
Итого	8.047	36.235	61,7

Такимъ образомъ, таблица показываетъ значительное оживленіе промышленности за десять лѣтъ. Въ таблицу не включены данныя наиболѣе индустріализированной Гродненской губерніи (Бѣлостокскій районъ), что еще болѣе подчеркнуло бы тенденціи промышленнаго развитія въ краѣ.

Въ экономической оріентаціи края слѣдуетъ установить извѣстную двойственность, соотвѣтствующую двойственности въ политическихъ вліяніяхъ: наряду съ вліяніемъ общерусскихъ центровъ, было весьма значительно тяготѣніе въ сторону Варшавы. Помимо вліянія мѣстнаго польскаго элемента въ краѣ, въ этомъ тяготѣніи сказываются и естественныя условія общаго движенія капитала и промышленной предпріимчивости съ запада на востокъ. Если передъ московскими капиталистами открывались широкіе, безграничные просторы на востокѣ, и ихъ вниманіе не могла привлекать убогая страна болотъ и лѣсовъ, то для польскаго элемента это было ближайшей сферой экономической работы. Поэтому въ структурѣ сельскохозяйственныхъ обществъ, въ кредитныхъ учрежденіяхъ, въ личномъ составѣ дѣятелей надъ экономическимъ возрожденіемъ страны — повсюду весьма замѣтныя и сильныя польскія вліянія.

4. *Историческія судьбы Бѣлоруссіи.*

Тѣ, въ общемъ незначительныя, черты, которыя выдѣляютъ бѣлоруссовъ изъ общей великорусской массы, опредѣлились особенностями историческихъ судебъ Бѣлоруссіи. Славянскія племена Дреговичей между Припятью и Двиной, Кривичей въ верхнемъ теченіи Двины, Волги и Днѣпра и Радимичей надъ Сожемъ, изъ которыхъ образовалось бѣлорусское племя, были рано, уже въ XII и XIII вѣкахъ, завоеваны литовскими князьями. Вплоть до раздѣловъ Польши судьбы ихъ были выдѣлены изъ судебъ остальной Россіи, и культурнымъ, политическимъ центромъ ихъ становится не Москва, но сперва Вильна, а впослѣдствіи — Варшава. Но, оказавшись подъ властью литовскихъ князей, бѣлорусскія племена на первыхъ порахъ потеряли лишь свою политическую независимость. Культура же ихъ не только сохранилась, но даже получила преобладаніе надъ культурой литовцевъ, и мало-по-малу бѣлорусскій языкъ становится языкомъ литовскаго двора, князей и дворянства и офиціальнымъ «актовымъ» языкомъ. Къ этому времени относится дѣятельность Франца Скорины, издавшаго переводъ Библіи на бѣлорусскомъ языкѣ. Но, оторванный отъ родной почвы, развивавшійся на основѣ національно-чуждаго законодательства, «актовый» языкъ начинаетъ все болѣе отдаляться отъ народнаго говора и становится смѣсью церковно-славянскаго языка съ польскими, литовскими и латинскими терминами, чѣмъ значительно разнится отъ разговорнаго бѣлорусскаго языка. Превратившись въ книжный языкъ, онъ дѣлается мало понятнымъ даже для высшихъ классовъ и вслѣдъ за уніей съ Польшей, послѣ недолгой борьбы, уступаетъ мѣсто польскому языку. Если «Литовскій Статутъ» въ 1588 году указываетъ, что «Земски писарь маетъ по русску литерами и слову русскими вси листы, выписи и позвы писати, а не иншимъ евыкомъ и словы», то черезъ сто лѣтъ Сеймъ 1696 года постановляетъ, что

писарь долженъ писать по-польски, а не по-русски. Народный же бѣлорусскій языкъ остался по-прежнему холопскимъ, низкимъ языкомъ, ненужнымъ и неспособнымъ служить орудіемъ для высшей культуры, пригоднымъ лишь въ лучшемъ случаѣ для забавы, для шутливыхъ повѣстей и юморескъ. Только употребленіе уніатскимъ духовенствомъ охраняло бѣлорусскій языкъ отъ полнаго упадка и заброшенности.

5. Зачатки бѣлорусской литературы.

Первымъ свѣтскимъ произведеніемъ на бѣлорусскомъ разговорномъ языкѣ является передѣлка «Энеиды» Котляревскаго, принадлежащая перу неизвѣстнаго автора и вышедшая въ свѣтъ, вѣроятно, въ послѣднихъ годахъ XVIII или въ началѣ XIX вѣка. Но это произведеніе осталось одинокимъ и не произвело вначалѣ большого впечатлѣнія: лишь въ серединѣ XIX вѣка, когда интересъ къ бѣлоруссамъ и ихъ творчеству получилъ значительное развитіе, «Энеида» завоевываетъ себѣ широкую популярность. Такого же характера литературнымъ произведеніемъ является шутливая поэма «Тарасъ на Парнасѣ», написанная, повидимому, бѣлоруссомъ съ русской культурой и получившая очень широкое распространеніе.

Вслѣдъ за этими анонимными юмористическими произведеніями, служащими забавой для мѣстной шляхты, начались и болѣе серьезныя проявленія интереса къ бѣлорусскому народу и языку. Вначалѣ бѣлоруссами заинтересовывается польская интеллигенція. Это было естественно потому, что только она, въ лицѣ помѣщичьяго элемента, имѣла возможность близко знать и постоянно сталкиваться съ бѣлорусскимъ народнымъ элементомъ. Польскіе романтики: Чечотъ, Занъ, Одынецъ, Мицкевичъ и другіе не только пользуются мотивами народной поэзіи, но начинаютъ ее изучать; при чемъ надъ этими работами

витаетъ и туманная политическая идея — такъ, въ сороковыхъ годахъ, въ Виленскомъ университетѣ существовалъ кружокъ лицъ, мечтавшихъ о возстановленіи прежняго Литовско-Бѣлорусскаго великаго княжества. Въ Парижѣ въ 40-омъ году появляется произведеніе Рыпинскаго: «Бѣлорусь», посвященное поэзіи и обычаямъ бѣлоруссовъ. Большое значеніе имѣютъ сборники народныхъ пѣсенъ, пословицъ, поговорокъ и пр., собранныхъ Чечотомъ. Кромѣ того, мѣстная польская литература все болѣе проникается народнымъ элементомъ, при чемъ мало-по-малу, наряду съ произведеніями на польскомъ языкѣ изъ народнаго быта, начинаютъ появляться произведенія на бѣлорусскомъ языкѣ. Такимъ писателемъ, вслѣдъ за Рыпинскимъ, былъ еще Борщевскій. Но оба они прежде всего польскіе писатели. Отцомъ подлинно бѣлорусской литературы обычно считается Дунинъ-Марцинкевичъ (1807—1885), шляхтичъ изъ Бобруйска. Однако, и онъ писалъ больше по-польски, чѣмъ по-бѣлорусски, при чемъ нѣкоторыя его произведенія написаны смѣшанно: напримѣръ, въ извѣстной «Селянкѣ», музыку для которой написалъ Монюшко, большинство дѣйствующихъ лицъ говоритъ по-польски, и только войтъ Наумъ, крестьянинъ Титъ и хоръ крестьянъ говорятъ на бѣлорусскомъ языкѣ. Всецѣло на бѣлорусскомъ языкѣ написана дидактическая повѣсть «Гапон». Кромѣ того, перу Марцинкевича принадлежитъ много переводовъ, въ особенности съ польскаго языка («Панъ Тадеушъ»).

Наряду съ Марцинкевичемъ, въ пятидесятыхъ годахъ на бѣлорусскомъ языкѣ пишетъ рядъ польскихъ авторовъ; въ началѣ 60-хъ годовъ, въ силу политическихъ причинъ, вызванныхъ польскимъ возстаніемъ, бѣлорусскій языкъ явился на нѣкоторое время въ качествѣ орудія политической пропаганды. На немъ издается рядъ брошюръ, листковъ и воззваній противоправительственнаго характера, распространяемыхъ польскими патріотами. Характерно, что въ отвѣтъ на это русскія власти тоже

стали издавать воззванія и брошюры на бѣлорусскомъ языкѣ и пускать въ оборотъ антипольскія бѣлорусскія пѣсенки. Въ это же время появляется первый бѣлорусскій букварь, составленный поляками для обученія въ польскихъ школахъ: «Element dla dobrych dzietok katolikou», въ которомъ, кромѣ азбуки и указаній для чтенія, былъ еще катехизисъ, объясненіе десяти заповѣдей и молитвы.

Такимъ образомъ, бѣлорусскій языкъ мало-по-малу начиналъ изъ игрушки и забавы превращаться въ серьезное орудіе политической агитаціи и науки; при чемъ главныя усилія въ этомъ направленіи все время дѣлали поляки, которые въ бѣлорусскомъ языкѣ видѣли единственное средство обособить Бѣлоруссію отъ русскихъ вліяній и сохранить свое культурное значеніе въ краѣ. Со стороны же русской интеллигенціи интересъ къ бѣлорусскому языку и народу былъ проявленъ значительно позже. Поэтому и работа шла преимущественно среди близкихъ къ Польшѣ областей, населенныхъ бѣлоруссами-католиками, на которыхъ вліяніе польской культуры было особенно сильно. Естественно, что и шрифтъ, которымъ печатались тогда книги, былъ преимущественно латинскій. Но въ 1865 году работѣ этой былъ нанесенъ непоправимый ударъ, въ видѣ запрета печати латинскимъ шрифтомъ. Подъ вліяніемъ католическаго духовенства, бѣлорусскія книги, напечатанныя гражданкой, были восприняты католической частью населенія, какъ попытка насильственнаго обращенія въ православіе, и не привились. Съ отпаденіемъ польскаго элемента, раздувавшаго искры политическаго сепаратизма, бѣлорусское движеніе почти прекратилось. Кромѣ того, вообще польская работа въ краѣ стала встрѣчать непреодолимыя трудности, въ виду усиленныхъ репрессій, которыя посыпались на польскій элементъ послѣ подавленія возстанія 1862-3 года.

6. *Бѣлорусское движеніе на русской почвѣ.*

Возобновилось бѣлорусское движеніе только въ 80-хъ годахъ, но уже на русской культурной почвѣ, въ связи съ общей демократизаціей русской жизни. Съ одной стороны, появился рядъ русскихъ ученыхъ, заинтересовавшихся особенностями языка и изучавшихъ бѣлорусскую этнографію и исторію — Сапуновъ, Стукаличъ, Никифоровскій, Довнаръ-Запольскій, Карскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наряду съ общимъ стремленіемъ всей русской интеллигенціи искать дорогъ сближенія съ народомъ, интеллигенція, выходящая изъ рядовъ бѣлорусскаго народа, тоже старалась не терять связей съ нимъ, но использовать ихъ для своей общественной работы. Такимъ образомъ если прежніе работники на бѣлорусской нивѣ были польскими интеллигентами, то дѣятели новой формаціи, выходившіе главнымъ образомъ изъ восточной, православной части Бѣлоруссіи, были прежде всего русскими интеллигентами, пропитанными русской культурой. Среди студенческихъ кружковъ въ русскихъ университетскихъ городахъ образуются бѣлорусскія землячества, кружки, и даже начинаютъ намѣчаться различныя направленія. Наиболѣе крайними теченіями среди бѣлорусской молодежи въ 1884 году издается гектографированный журналъ «Гомонъ», правда, на русскомъ языкѣ, но уже съ ясно выраженными тенденціями къ бѣлорусской автономіи. Растетъ число изданій, посвященныхъ бѣлорусской этнографіи (сборники Безсонова, большой «Словарь бѣлорусскаго нарѣчія» Шейна и пр.). Но изъ литературныхъ произведеній на бѣлорусскомъ языкѣ еще нельзя указать ничего.

Только къ концу 90-хъ годовъ усиліями бѣлорусской молодежи, обучавшейся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, дѣлаются первые шаги къ созданію бѣлорусской литературы съ просвѣтительными цѣлями. Начинаетъ появляться «Сѣверо-Западный Календарь», въ которомъ

помѣщаются произведенія современныхъ и старыхъ авторовъ на бѣлорусскомъ языкѣ. Оживляется работа на бѣлорусской нивѣ и со стороны поляковъ: нѣкто Ельскій, польскій помѣщикъ, издаетъ нѣсколько просвѣтительныхъ брошюръ на бѣлорусскомъ языкѣ: о вредѣ водки, объ эмиграціи и пр. Появляются произведенія на бѣлорусскомъ языкѣ Богушевича, Неслуховскаго — оба автора опять таки и по культурѣ и по происхожденію были поляками. Произведенія Богушевича появились за-границей, въ Краковѣ и Познани. Уже къ первому сборнику своихъ произведеній «Dudka biełaruskaja» (Краковъ, 1891 г., подъ псевдонимомъ Симона Реуки) Богушевичъ даетъ предисловіе, въ которомъ указываетъ на самостоятельность бѣлорусскаго народа и языка и призываетъ бѣлоруссовъ къ національному возрожденію. Такую же позицію занимаетъ и Неслуховскій.

Къ этому же времени относятся и первые зачатки организованности. Въ концѣ 90-хъ годовъ въ Минскѣ возникъ кружокъ бѣлорусской молодежи среднихъ учебныхъ заведеній, ставившій своей цѣлью изученіе Бѣлоруссіи и бѣлоруссовъ, собираніе народныхъ произведеній и разработку бѣлорусскаго національнаго вопроса. Нѣкоторые изъ членовъ кружка попали въ высшія учебныя заведенія Петербурга и приступили къ организаціи тамъ аналогичнаго кружка, при чемъ на ихъ призывъ откликнулось нѣсколько десятковъ изъ бѣлорусской молодежи. Движеніе это особенно оживляется въ годы, предшествующіе освободительному движенію. Бѣлорусская молодежь, особенно въ Петербургѣ, образуетъ болѣе тѣсные кружки для совмѣстной просвѣтительной и культурной работы. Создается «Общество бѣлорусскаго народнаго просвѣщенія» (1902 г.), которое издаетъ нѣсколько книжекъ для чтенія. Особенное значеніе получаетъ въ это время появленіе монографіи проф. Карскаго «Бѣлоруссы», научно доказывавшаго самостоятельность бѣлорусскаго языка.

Наряду съ чисто культурными стремленіями, проявляются и политическія тенденціи, получившія наиболѣе яркое выраженіе въ организаціи «Беларусская рэволюцыйная Громада», которая съ 1903 года переименовалась въ «Беларусскаю соціалистычную Громаду», по программѣ своей соотвѣтствовала украинскимъ и другимъ національнымъ партіямъ и находилась съ ними въ контактѣ. Организація эта начинаетъ пользоваться извѣстнымъ вліяніемъ среди бѣлорусскаго крестьянства и рабочихъ и служитъ для объединенія бѣлорусской интеллигенціи, указывая опредѣленныя политическія цѣли, между прочимъ — автономію Бѣлоруссіи.

7. *Идея бѣлорусской автономіи.*

Какъ мы уже упоминали, впервые идея политическаго обособленія появилась, какъ историческое воспоминаніе, въ кружкѣ виленскихъ романтиковъ-сепаратистовъ. Впослѣдствіи идея отдѣленія Бѣлоруссіи была замѣнена идеей автономіи, изрѣдка пробивавшейся какъ на польской, такъ и на русской почвѣ. Такъ, вопросъ о бѣлорусской автономіи дебатировался на съѣздѣ общественныхъ дѣятелей въ Вильнѣ, поднимался въ союзѣ автономистовъ-федералистовъ. Въ Минскѣ онъ вызвалъ къ жизни особую организацію «Кружокъ автономистовъ», занявшійся даже составленіемъ проекта бѣлорусской автономіи и опредѣленіемъ круга функцій мѣстнаго Сейма и его отношенія къ всероссійскому парламенту. Характерно, что мѣстомъ Сейма намѣчалась Вильна, что вызвало горячій споръ съ литовцами, стремившимися къ національно-территоріальной автономіи, а не къ автономіи сѣверо-западнаго края. Точно такъ же подъ вліяніемъ «Бѣлорусскаго крестьянскаго союза» требованія автономіи выставлялись въ наказахъ въ Государственную Думу...

Однако, появленіе идеи автономіи Бѣлоруссіи едва ли можно объяснять органическимъ ощущеніемъ необхо-

димости для бѣлоруссовъ административнаго выдѣленія края: бѣлорусская работа не вышла еще изъ сферы небольшихъ кружковъ, которые, даже въ ничтожной долѣ, не могли использовать и тѣхъ легальныхъ возможностей, которыя были налицо безъ всякой автономіи. Запрещеніе латинскаго шрифта не имѣло, по своему значенію, даже отдаленнаго сходства со значеніемъ этого для литовцевъ, такъ какъ $^4/_5$ бѣлоруссовъ, т. е. вся православная часть ихъ, охотнѣе воспринимали гражданку, чѣмъ латинскій шрифтъ, который имѣлъ значеніе только для католической части населенія. Поэтому надо считать, что требованіе автономіи было чисто теоретическимъ, навѣяннымъ программами другихъ національныхъ партій. Тѣмъ болѣе, что вся русская жизнь какъ разъ входила въ періодъ всеобщихъ преувеличенныхъ требованій и ожиданій, характеризующихъ начальный періодъ освободительнаго движенія. Но, даже будучи выставленной въ программѣ, идея автономіи не нашла отзвука въ какомъ-либо народномъ движеніи, не получила оказательства и прошла почти незамѣченной какъ въ Бѣлоруссіи, такъ и для русской общественности.

8. Культурная работа. «Наша Нівa».

Вслѣдъ за началомъ политической реакціи, за отказомъ отъ всеобщихъ преувеличенныхъ ожиданій и разочарованіемъ въ революціонныхъ методахъ борьбы, передъ бѣлоруссами встали реальныя задачи культурной работы для своего края. Осенью 1906 года въ Вильнѣ началъ выходить первый еженедѣльникъ «Наша Доля», издаваемый въ двухъ изданіяхъ — русскимъ шрифтомъ для православной части бѣлоруссовъ и латинскимъ (разрѣшеннымъ съ 1904 года) для католиковъ. Однако, рѣзкій тонъ и далекія политическія требованія оказались не по сезону, и журналъ послѣ нѣсколькихъ конфискацій и ареста редактора былъ закрытъ. Въ томъ же году въ Петербургѣ было основано издательство «Загляне сонцэ

и у наше ваконца», которое издаетъ «Беларуски лемэнтар» (букварь) и «Першае чытаньне» — каждое въ двухъ изданіяхъ. Въ 1907 году въ Минскѣ организовалось второе издательство «Минчукъ».

Черезъ нѣкоторое время послѣ закрытія «Нашей Доли» на смѣну ея появился еженедѣльникъ «Наша Ніва», тоже выходившій въ двухъ изданіяхъ. Этому маленькому изданію суждено было стать дѣйствительнымъ центромъ бѣлорусскаго движенія. Редактируемый кружкомъ бѣлорусской интеллигенціи (главный редакторъ Антонъ Луцкевичъ), онъ привлекаетъ вниманіе народныхъ массъ, начинаетъ пользоваться все бо̀льшимъ вліяніемъ и, дѣйствительно, становится народнымъ дѣломъ. Объясняется это не только тѣмъ, что «Наша Ніва» издавалась на языкѣ близкомъ населенію. Забитое, нищее, наиболѣе отсталое крестьянство бѣлорусскихъ губерній впервые въ «Нашей Нівѣ» встрѣтило трогательную заботу о его нуждахъ, призывъ къ просвѣщенію, вѣру въ лучшую долю, надежду, что «Заглянетъ солнце и въ его оконце»... О сочувствіи, съ какимъ было принято это первое бѣлорусское изданіе, можно судить по чрезвычайно интересной статистикѣ сотрудниковъ, которую журналъ опубликовывалъ. Такъ, напримѣръ, въ 1910 году въ немъ появилось 666 корреспонденцій изъ 320 мѣстностей. Число корреспондентовъ распредѣляется между губерніями слѣдующимъ образомъ: Виленская — 229, Минская — 208, Гродненская — 114, Могилевская — 65, Витебская — 27, Ковенская — 15, Смоленская —8. Въ томъ же 1910 году помѣщено было 69 беллетристическихъ произведеній 24 авторовъ. Въ публицистической части принимало участіе 32 автора. Направленіе «Нашей Нівы» было крайне осторожное въ политической части и настойчивое въ части культурной, въ стремленіи къ подъему массъ и ихъ просвѣщенію на почвѣ развитія своей культуры. Слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить крайне тактичный и сдержанный тонъ по отношенію къ русскимъ,

полякамъ и литовцамъ. Изданіе газеты двумя правописаніями оказалось вскорѣ не подъ силу по матеріальнымъ соображеніямъ, и въ 1910 году была произведена анкета среди читателей относительно вопроса, какимъ правописаніемъ лучше издавать газету. Рѣшеніе читателей, правда, незначительнымъ большинствомъ голосовъ, выпало въ пользу русскаго шрифта, и газета съ 1912 года выходитъ только въ одномъ изданіи.

Вскорѣ, наряду съ «Нашей Нівой», появились и другія бѣлорусскія изданія. Такъ, въ Вильнѣ, къ моменту начала войны, выходила еще клерикально-католическая «Bielarus», ежемѣсячникъ для молодежи «Лучына», сельскохозяйственный популяный журналъ «Сяха» (четыре раза въ годъ) и студенческая «Ранница».

Созданіе прессы ставило все ярче вопросъ о введеніи бѣлорусскаго языка въ школахъ. Въ 1907 году состоялся съѣздъ бѣлорусскихъ учителей, приведшій къ созданію «Бѣлорусскаго учительскаго союза». Въ рядѣ частныхъ школъ Могилевской, Минской и Виленской губ. началось обученіе дѣтей по-бѣлорусски. — Являлась мысль о созданіи національной бѣлорусской церкви, т. е. о возвратѣ къ прежней уніи. Но отношеніе духовенства, какъ православнаго, такъ и католическаго, оказалось рѣзко враждебнымъ по отношенію къ этому проекту.

Въ связи съ зарожденіемъ періодической печати, появляются новыя литературныя имена. Особенно популярными становятся поэты Якубъ Коласъ и Янко Купала, оба вышедшіе изъ народа, всѣ произведенія которыхъ глубоко проникнуты народнымъ духомъ. Коласъ — сынъ крестьянина, народный учитель, въ своихъ грустныхъ, заунывныхъ произведеніяхъ изливаетъ горести народныя. Болѣе бодрые и даже боевые тона звучатъ въ произведеніяхъ Купалы. Его стихотвореніе, приведенное въ эпиграфѣ къ настоящей главѣ, переложено Роговскимъ на музыку и стало бѣлорусскимъ національнымъ гимномъ.

Наряду съ развитіемъ литературы начинается зарожденіе народнаго бѣлорусскаго театра. Въ 1910 году было дано уже много представленій на бѣлорусскомъ языкѣ по мѣстечкамъ и деревнямъ края. Въ 1911 году образовался передвижный театръ, объѣхавшій за лѣто 15 мѣстечекъ Виленской, Витебской и Минской губерній.

Въ общемъ, какъ ни многочисленны проявленія бѣлорусскаго движенія, все же это было только небольшими искорками народнаго пробужденія и во всемъ своемъ объемѣ чрезвычайно ничтожно, особенно если припомнить численность бѣлорусскаго племени. Ни съ украинскимъ, ни съ литовскимъ національнымъ движеніемъ его даже нельзя сравнивать, и въ этомъ смыслѣ бѣлорусское національное движеніе, пытающееся идти въ ногу со своими сосѣдями, только компрометируетъ ихъ. Даже среди мѣстнаго крестьянства дѣятельность бѣлорусскихъ патріотовъ не пустила замѣтныхъ корней и не пробудила отвѣтнаго движенія. О степени отсутствія политическаго вліянія бѣлоруссовъ можно судить по тому, что депутаты бѣлорусскихъ губерній во всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думахъ или были представителями польскаго коло сѣверо-западнаго края (помѣщичья курія), или же давали крайне-правый, національстическій элементъ (крестьянская курія). Независимо отъ вліяній русской школы и общей руссификаторской правительственной системы, богатая, разнообразная, разностороная и органически родственная русская культура составляла такую силу притяженія, что ни энтузіазмъ ни вѣра горсточки интеллигентовъ не могли измѣнить положенія дѣлъ. Бѣлорусскому языку и культурѣ, съ ихъ малой индивидуальностью, приходится развиваться при соперничествѣ культуры богатой и неустранимой въ своихъ вліяніяхъ на каждаго грамотнаго бѣлоруса. Поэтому трудно сказать, какія судьбы имѣло бы дальше бѣлорусское движеніе. Но историческія событія поставили его передъ лицомъ совершенно новыхъ проблемъ.

9. *Война и революція.*

Уже первый годъ войны отрѣзалъ значительную часть Бѣлоруссіи, попавшей подъ власть нѣмецкой оккупаціи. Бѣлорусскіе дѣятели, оставшіеся въ Вильнѣ, не прекратили своей работы, но сочли возможнымъ приспособиться подъ нѣмецкія настроенія, издавая, вмѣсто «Нашей Нівы», газету «Гомонъ» и покупая право на существованіе германофильскимъ тономъ. Впрочемъ, этотъ тонъ былъ явно внѣшне пристегнутъ къ общему содержанію и направленію, оставшемуся тѣмъ же, что раньше.

Въ связи съ общимъ національнымъ максимализмомъ, не отставая отъ духа времени, бѣлоруссы развили усиленную дѣятельность, стремясь возможно болѣе широко примѣнить къ Бѣлоруссіи принципъ самоопредѣленія народовъ. Но, при всемъ признаніи усилій и значенія работы бѣлоруссовъ для своего народа, нельзя отрицать, что въ это время движеніе для посторонняго, непредубѣжденнаго зрителя получило черты явнаго несоотвѣтствія средствъ и цѣлей, особенно въ домогательствахъ немедленнаго введенія автономіи Бѣлоруссіи. При всемъ уваженіи къ стремленію населенія сбросить централизаторскую систему прежней власти, Временное Правительство не могло не видѣть, что земскія и городскія учрежденія Бѣлоруссіи, избранныя на основѣ всеобщаго избирательнаго права, почти не отразили въ себѣ бѣлорусскихъ національныхъ теченій и во всей своей работѣ шли въ общерусскомъ руслѣ. Точно такъ же и въ другихъ мѣстныхъ организаціяхъ, какъ, напримѣръ, въ совѣтахъ, бѣлорусское движеніе не имѣло никакого вліянія. Единственнымъ организаціоннымъ выраженіемъ бѣлорусскихъ пожеланій явился «Первый Всебѣлорусскій Демократическій Конгрессъ» въ Минскѣ, собравшійся уже послѣ паденія Временнаго Правительства. Но и этотъ Конгрессъ былъ собранъ по чисто случайнымъ призна-

камъ, безъ соблюденія какого бы то ни было принципа выборности и представительства, и никоимъ образомъ органомъ краевымъ быть не можетъ. На съѣздѣ присутствовало около 2.000 «делегатовъ» изъ разныхъ мѣстностей Бѣлоруссіи, главнымъ образомъ, солдаты Минскаго гарнизона. Въ ночь съ 17 на 18 декабря 1917 года Конгрессъ объявилъ независимость Бѣлорусской республики. Но онъ былъ въ ту же ночь разогнанъ большевиками, и бѣлорусское движеніе вынуждено было искать убѣжища по ту сторону фронта. О несоотвѣтствіи средствъ и цѣлей можно судить и по тому факту, что бѣлоруссы, выставлявшіе свой списокъ по сѣверо-западной области и фронту, при всеобщихъ и пропорціональныхъ выборахъ, при полной свободѣ агитаціи, не провели въ русское учредительное собраніе ни одного своего депутата и получили всего около 29.000 голосовъ.

Такой ничтожностью народной базы и отсутствіемъ развѣтвленныхъ прочныхъ корней въ населеніи объясняется весь характеръ дальнѣйшей судьбы бѣлорускаго національнаго движенія.

10. Бѣлоруссы и нѣмцы.

Въ началѣ 1918 года, вмѣстѣ съ нѣмецкими оккупаціонными войсками, опять появилась въ Минскѣ бѣлорусская Рада, выдѣленная все тѣмъ же «Всебѣлорусскимъ Конгрессомъ» и принявшая рѣзко выраженный германофильскій характеръ, что сразу было подчеркнуто телеграммой императору Вильгельму, за подписью Скирмунта и другихъ, съ благодарностью за освобожденіе отъ московскаго ига. Кромѣ недостаточно дальновидной оцѣнки политическаго положенія и страха передъ большевизмомъ, въ этой оріентаціи на Германію были и нѣкоторые элементы своеобразнаго политическаго національнаго расчета. Ощущая трудности соперничества бѣлорусской культуры съ русской, бѣлорусскіе дѣятели считали, что

временное отдѣленіе отъ Россіи можетъ оказаться имъ на руку. Чужеземное господство уже по соображеніямъ самосохраненія должно будетъ благопріятствовать національному бѣлорусскому движенію, откалывающему край отъ Россіи. Это могло дать возможность окрѣпнуть бѣлорусскому національному духу настолько, что къ моменту возсоединенія съ Россіей онъ имѣлъ бы возможность тягаться съ русскими вліяніями уже съ нѣкоторыми шансами не быть ими поглощенными.

Однако, на этотъ разъ, кромѣ чисто формальнаго существованія и созданія на бумагѣ бѣлорусскаго секретаріата, впослѣдствіи переименованнаго въ совѣтъ министровъ, реальнаго значенія въ краѣ бѣлорусскія организаціи не получили и, вслѣдъ за очищеніемъ края нѣмцами, вынуждены были слѣдовать за ними, не имѣя никакихъ средствъ что-либо противопоставить надвигающемуся большевизму.

11. Бѣлоруссы и литовцы.

Въ связи съ этимъ выдвинулся вопросъ о возможности использовать для бѣлорусскаго національнаго дѣла литовскую національную организацію. Вопросъ о значеніи литовскаго политическаго движенія для бѣлоруссовъ возникъ уже давно. Еще во время движенія 1905 года бѣлоруссы на совѣщаніяхъ въ Вильнѣ настаивали на принятіи программы возрожденія и автономіи исторической Литвы, обнимающей, кромѣ этнографически литовскихъ земель, также земли бѣлорусскія. Белорусскіе дѣятели разсчитывали, что такимъ образомъ, связавъ свою судьбу со значительно болѣе развитымъ политическимъ теченіемъ литовцевъ, имъ удастся легче отгородиться отъ русской стихіи. Кромѣ того, играли роль и польскія вліянія. Но какъ разъ по тѣмъ же соображеніямъ литовцы относились къ этимъ аспираціямъ весьма

холодно. Учитывая культурно-національную неотчетливость бѣлорусскаго движенія, а также трудности, которыя создаются въ Бѣлоруссіи различіемъ между тяготѣющей къ Польшѣ католической частью края и тяготѣющей къ Россіи православной, — литовцы отнюдь не имѣли желанія связывать судьбу литовской автономіи съ разрѣшеніемъ домогательствъ бѣлорусскихъ національстовъ. Тѣмъ болѣе, что, въ случаѣ успѣха и дѣйствительнаго выдѣленія исторической Литвы въ автономную единицу, литовская народность оказалась бы въ меньшинствѣ и должна была бы начать наново борьбу за эмансипацію. Однако, уже тогда стали намѣчаться линіи совсѣмъ особаго соглашенія между литовцами и бѣлоруссами. Въ принципѣ настаивая на этнографическомъ признакѣ, литовцы, въ силу экономическихъ условій, считали необходимымъ внесеніе нѣкоторыхъ поправокъ въ этнографическія границы. Кромѣ того, Вильна расположена на бѣлорусской территоріи. Все это заставляло сближаться съ бѣлоруссами на основѣ стремленія къ выдѣленію изъ всей Бѣлоруссіи нѣкоторыхъ частей и присоединенію ихъ къ Литвѣ. Бѣлоруссы къ этому относились доброжелательно и готовы были идти на временное раздѣленіе своего народа, лишь бы пріобрѣсти базу для своей національной работы. Именно въ этой плоскости намѣчалось соглашеніе и нынѣ, послѣ ухода оккупаціонныхъ войскъ. Бѣлорусская Рада, еще находясь въ Минскѣ, не ставила вопроса объ объединеніи Бѣлоруссіи и допускала существованіе избранной при нѣмцахъ Виленской Бѣлорусской Рады, которая установила сотрудничество съ литовской Тарибой. Нѣсколько членовъ виленской Рады вошло въ составъ литовской Тарибы, и, начиная съ перваго литовскаго кабинета, въ немъ получилъ мѣсто представитель бѣлоруссовъ въ качествѣ министра по бѣлорусскимъ дѣламъ.

Еще тѣснѣе сталъ контактъ между литовцами и бѣлоруссами послѣ очищенія Минска, когда у бѣлоруссовъ

осталась единственная возможность продолжать свою работу, пользуясь рамками литовской государственности. Опираясь на виленское правительство, бѣлоруссы перенесли центръ своей дѣятельности въ Гродно, гдѣ образовали свое правительство, которое пыталось организовать край. Этотъ періодъ, декабрь 1918—мартъ 1919 года, былъ, въ сущности, періодомъ высшаго расцвѣта бѣлорусскаго національнаго движенія, которое получило значительный приливъ силъ изъ рядовъ мѣстной русской интеллигенціи, — въ Гродно въ началѣ 1919 года издавалось 5 бѣлорусскихъ газетъ. Но все-таки для созданія правительственнаго аппарата при существовавшихъ трудныхъ условіяхъ силъ оказалось недостаточно. На смѣну эвакуирующимся нѣмцамъ съ юга двигались поляки, а съ сѣвера и востока шли большевики. Литовское правительство само не смогло удержаться въ Вильнѣ, которая была сперва занята польской военной организаціей, а впослѣдствіи перешла въ руки большевиковъ. Связь съ литовскимъ правительствомъ, переѣхавшимъ въ Ковно, оказалась прерванной. Мирные переговоры съ поляками при посредствѣ миссіи Шаулиса въ Варшавѣ не привели ни къ какому результату. Въ Гродно еще при номинальномъ существованіи бѣлорусскаго правительства начинаетъ дѣйствовать польскій комиссаръ; тамъ происходитъ мобилизація въ польскую армію, и производятся выборы въ польскій учредительный Сеймъ, дающіе депутата-поляка. Въ краѣ одновременно начинаютъ дѣйствовать четыре власти — бѣлорусская, польская, нѣмецкая и союзническая. Спазматическія попытки вызвать вниманіе къ бѣлорусскому вопросу различныхъ союзническихъ представителей и организацій остаются безплодными. Даже американская мука и сало для населенія, какъ жаловались бѣлоруссы, идетъ черезъ руки поляковъ, а не «краевой власти», которая въ мартѣ сошла на нѣтъ.

Бѣлорусское движеніе нынѣ раздѣлилось на два

русла [1]). Одно по-прежнему оріентируется на литовцевъ и представлено министромъ по бѣлорусскимъ дѣламъ въ литовскомъ правительствѣ. Это направленіе пыталось оказывать воздѣйствіе при переговорахъ литовцевъ и поляковъ съ Москвой и вліять на европейское общественное мнѣніе. Оно, въ общемъ, рѣзко противо-польское, и въ немъ намѣчаются тенденціи искать опоры въ Россіи.

12. Бѣлоруссы и поляки.

Другое теченіе пытается, повидимому, найти почву для соглашенія съ поляками. Уже при первой оккупаціи поляками Бѣлоруссіи въ Варшавѣ появился во главѣ бѣлорусской делегаціи Луцкевичъ, и ему удалось получить нѣкоторыя гарантіи свободы бѣлорусскаго культурнаго и просвѣтительнаго движенія. Въ общемъ, главная роль въ постановкѣ бѣлорусскаго вопроса принадлежитъ опять полякамъ. При этомъ среди поляковъ кон-

---

[1]) Къ концу 1920 года существовали слѣдующія «правительственныя» организаціи бѣлоруссовъ:

1. Бѣлорусское «народное» правительство, преемственность котораго восходитъ еще къ Всебѣлорусскому Конгрессу 1918 года. Во главѣ правительства стоитъ Ластовскій. Оно находится нынѣ въ Ковно и заключило союзъ съ Литвой противъ Польши.

2. Коммунистическое бѣлорусское правительство во главѣ съ Червяковымъ. Оно находилось въ Минскѣ и заключило союзъ съ совѣтской Россіей и Украиной противъ Польши.

3. При генералѣ Балаховичѣ, именовавшемъ себя главнокомандующимъ бѣлорусской арміей, находился бѣлорусскій политическій комитетъ во главѣ съ Адамовичемъ. Комитетъ придерживался польской оріентаціи.

4. Въ Вильнѣ, послѣ занятія города Желиговскимъ, тоже образовался бѣлорусскій комитетъ съ Ивановскимъ и Луцкевичемъ во главѣ.

5. Въ оккупированной поляками Гродненской губерніи имѣлся Гродненскій національный бѣлорусскій комитетъ, завѣдывавшій культурными дѣлами бѣлоруссовъ.

6. Національныя дѣла бѣлоруссовъ въ Литвѣ находятся въ завѣдываніи особаго министра по бѣлорусскимъ дѣламъ, входящаго въ составъ литовскаго правительства.

7. Бѣлоруссы, живущіе въ латышскихъ уѣздахъ Витебской губерніи, управляются на общемъ основаніи и своихъ правительственныхъ органовъ не имѣютъ.

курируютъ, насколько можно судить, два направленія мысли. Одно стоитъ на почвѣ самоопредѣленія Бѣлоруссіи и созданія изъ нея буфернаго государства, находящагося подъ большимъ вліяніемъ, а быть можетъ, даже въ федеративной связи съ Польшей. Эта точка зрѣнія признаетъ политическую самобытность Бѣлоруссіи и стремится выдѣлить ее всю изъ Россіи, опираясь на мѣстные бѣлорусскіе народные элементы. Ея логическая предпосылка — неизбѣжность борьбы съ Россіей, отъ которой надо прикрыться буфернымъ политическимъ образованіемъ. Этому теченію противопоставляется взглядъ защитниковъ такъ называемой «Бѣлопольши». Согласно этому взгляду, значительная часть Бѣлоруссіи, во всякомъ случаѣ вся католическая часть ея, проникнутая и пропитанная польскими вліяніями, составляетъ только своеобразную, самобытную часть Польши. Это утвержденіе логически приводитъ къ надеждѣ на возможность столковаться съ Россіей на почвѣ раздѣла Бѣлоруссіи. Сторонники такого рѣшенія опираются на мѣстный польскій, главнымъ образомъ помѣщичій, элементъ, хотя и малочисленный [1]), но вліятельный. О границахъ такой «Бѣлопольши» самыя неясныя представленія даже у сторонниковъ ея. Вотъ какъ характеризуютъ ее сами поляки: «Бѣлопольша — это край, полный костеловъ, край громкой польской молитвы, придорожныхъ польскихъ крестовъ и церквей, мелкаго польскаго дворянства, имѣній, хуторовъ и фольварковъ. — Кто не знаетъ этихъ бѣлополяковъ, имена которыхъ Костюшко, Мицкевичъ, Пилсудскій! Война выковываетъ Бѣлопольшу. Назовите ее, какъ хотите, но она желаетъ быть польской и будетъ польской»... «Какъ это случилось, что между Литвой и Бѣлоруссіей оказался какой-то новый духъ, новый народъ, который не хочетъ быть ни Лит-

[1]) По переписи 1897 года, во всѣхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ было около 500.000 поляковъ, изъ коихъ въ Гродненской губ. 161.000.

вой ни Бѣлоруссіей? Довольно, что это случилось. Жизнь творитъ теперь границы Бѣлопольши. Это уѣзды Гродненскій и Виленскій, можетъ быть, еще уѣздъ Новогрудскій, можетъ быть, Минскій, кто знаетъ, чего достигнетъ новый духъ! Спросите этихъ людей, они отвѣтятъ. Но только умѣйте спросить»[1]).

Миръ Польши съ большевиками будетъ заключенъ, повидимому, въ плоскости созданія «Бѣлопольши». И въ первое время слѣдуетъ ожидать, что въ части Бѣлоруссіи, попадающей въ руки поляковъ, будетъ вестись усиленная полонизаторская работа. Ея неминуемая неудача заставитъ, быть можетъ, очень скоро попробовать добиться соглашенія съ бѣлорусскими національными элементами. Едва ли, однако, такое соглашеніе можетъ быть достижимо, и, во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть прочнымъ. Между поляками и бѣлоруссами лежатъ слишкомъ глубокія соціальныя противорѣчія для того, чтобы можно было надѣяться на длительный миръ. Если польскій элементъ въ Бѣлопольшѣ представленъ почти исключительно помѣщиками и интеллигенціей, то бѣлорусское населеніе составляетъ въ подавляющей массѣ крестьянство[2]).

Стремленія и лозунги аграрной революціи, совершающейся на востокѣ, дѣйственны и въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и кладутъ пропасть между поляками, считающими тамъ на десятины, и крестьянской стихіей. При этихъ условіяхъ тяготѣніе къ Москвѣ, къ родственной русской стихіи станетъ непреодолимымъ и властнымъ какъ надъ чисто русскими, такъ и надъ народно-бѣлорусскими теченіями, которыя въ борьбѣ за симпатіи крестьянства вынуждены будутъ соперничать между собой въ рѣзкости позиціи по отношенію къ полякамъ. Однако, это не

[1]) Цитирую изъ брошюры І. Я. Воронко «Бѣлорусскій вопросъ къ моменту Версальской Мирной Конференціи».

[2]) По переписи 1897 года, 89,93 % бѣлоруссовъ — земледѣльцы; слѣдующая наиболѣе крупная группа 2,75 % — прислуга, поденщики.

исключаетъ возможности, что если только господство поляковъ въ занятыхъ по Рижскому договору областяхъ останется болѣе или менѣе продолжительный срокъ, то мы тамъ увидимъ кратковременную вспышку бѣлорускаго національнизма польской оріентаціи, какъ, напримѣръ, была эпоха соглашенія между русинами и поляками въ Восточной Галиціи. Болѣе того, со стороны этихъ теченій вѣроятны даже попытки перебросить въ восточную половину Бѣлоруссіи и создать тамъ стремленіе къ объединенію подъ польской эгидой. Но рано или поздно органическія условія, препятствующія прочности соглашенія, скажутся, и, какъ въ Восточной Галиціи, тѣ бѣлорусскія группы, которыя не догадаются своевременно разорвать съ поляками, потеряютъ связи и опору въ своемъ населеніи.

Если польское рѣшеніе бѣлорусскаго вопроса слѣдуетъ считать чисто временнымъ, то все же остается еще открытымъ вопросъ о формѣ, въ которую выльются бѣлорусско-русскія отношенія. Однако, едва ли можетъ быть рѣчь о рѣзкомъ размежеваніи этихъ двухъ такъ близкихъ и родственныхъ народностей. Несомнѣнно, что при нынѣшнемъ состояніи бѣлорусской культуры отдѣленіе ея отъ общерусской могло бы быть произведено лишь цѣною чрезвычайнаго напряженія и то лишь при условіи, что всѣ рессурсы мѣстной государственной власти будутъ активно помогать бѣлорусскому національнизму, поощряя все бѣлорусское и стѣсняя русское. Но такая политика съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ народныхъ интересовъ была бы столь неэкономной тратой силъ и средствъ, что можно сомнѣваться въ осуществимости ея при формахъ правленія, болѣе или менѣе напоминающихъ демократизмъ. Между тѣмъ, бѣлорусское движеніе, которое вынуждено искать опоры исключительно въ крестьянствѣ, мыслимо только въ демократическихъ рамкахъ. Въ этомъ обстоятельствѣ предупрежденіе не только для бѣлорусскихъ дѣятелей и поляковъ, но и для нѣкоторыхъ русскихъ

круговъ: русская реакція въ Бѣлоруссіи тоже встрѣтитъ чужой и враждебный для себя элементъ въ видѣ демократически настроеннаго крестьянства и реакціоннаго польскаго національнаго. Лишь русская демократія, соединяющая полную свободу и національное равенство, можетъ установить новое прочное и органическое равновѣсіе между прежнимъ государственнымъ центромъ и бѣлорусскимъ народомъ.

УКРАИНА

Получить политическую свободу въ Россіи украинская нація можетъ не путемъ сепаратизма, а только вмѣстѣ съ другими націями и областями Россіи путемъ федерализма. Мих. Драгомановъ.

1. Территорія и населеніе. 2. Границы Украины. 3. Народъ ли украинцы? 4. Естественныя богатства Украины. 5. Историческія судьбы Украины. 6. Національное возрожденіе Украины. 7. Война и революція. 8. Германская оккупація. Директорія. Анархія. 9. Выводы и перспективы.

Для массоваго русскаго общественнаго мнѣнія украинскій вопросъ давно уже заслонился безсодержательной полемикой, дешевыми анекдотами о бородѣ Владиміра Святого, выпадами противъ «петлюровцевъ», ироніей противъ «синежупанниковъ». Но и при болѣе серьезной трактовкѣ темы — украинскій вопросъ неизмѣнно изображается въ видѣ спора между русской идеей и «самостійностью», въ которомъ нужно, во что бы то ни стало, переспоритъ противника. На самомъ же дѣлѣ нужно съ чрезвычайной серьезностью и обстоятельностью приняться за поиски соглашенія, примиренія, ликвидаціи распри между «матерью русскихъ городовъ» Кіевомъ и «сердцемъ Россіи» Москвой. Отъ этого зависитъ не только судьба двухъ родственныхъ народовъ, но самая возможность нормальной трудовой жизни въ богатѣйшей части Европы, переживающей нынѣ безысходную анархію.

1. Территорія и населеніе.

По даннымъ переписи 1897 года, украинцы (малороссы) населяли цѣликомъ территоріи слѣдующихъ губерній: Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Екатеринославской, Харьковской и Херсонской, которыя и составляютъ основное ядро украинской территоріи. Соотношеніе трехъ главныхъ по численности національныхъ группъ въ этихъ губерніяхъ характеризуется слѣдующими цифрами (данныя 1897 г. въ тысячахъ душъ):

Губернія	Всего жителей	Украинцевъ	Великороссовъ	Евреевъ
Волынская	2.989	2.096	105	395
Екатеринославская . .	2.113	1.456	365	99
Кіевская	3.559	2.819	209	430
Подольская	3.018	2.442	99	369
Полтавская	2.778	2.583	73	110
Харьковская	2.492	2.009	441	13
Херсонская	2.733	1.462	575	322

Значительно иную картину даетъ распредѣленіе городского населенія въ этихъ же губерніяхъ (въ тысячахъ):

Губернія	Всего городского насел.	Украинцевъ	Великороссовъ	Евреевъ
Волынская	234	46	44	119
Екатеринославская . .	241	65	98	62
Кіевская	459	129	152	142
Подольская	222	72	33	103
Полтавская	274	157	30	80
Харьковская	367	199	145	12
Херсонская	789	136	355	224

Но этнографическая украинская территорія не ограничивается этими предѣлами, такъ какъ украинское населеніе составляетъ большинство еще въ слѣдующихъ уѣздахъ смежныхъ губерній: Брестскомъ и Кобринскомъ Гродненской губерніи; во всѣхъ уѣздахъ Черниговской губерніи, кромѣ Суражскаго, Мглинскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго; въ Путивль-

скомъ, Суджанскомъ, Грайворонскомъ и Новооскольскомъ уѣздахъ Курской губ.; Бирюченскомъ, Богучарскомъ, Валуйскомъ, Острогожскомъ уѣздахъ Воронежской губ., Таганрогскомъ уѣздѣ Области Войска Донского; Екатеринодарскомъ, Ейскомъ и Темрюкскомъ уѣздахъ Кубанской области; Бердянскомъ, Мелитопольскомъ, Приднѣпровскомъ уѣздахъ Таврической губ.; Хотинскомъ уѣздѣ Бессарабской губ. За предѣлами Россіи украинцы составляютъ большинство во всѣхъ уѣздахъ Галиціи на востокъ отъ Сана. Наконецъ, они занимаютъ нѣсколько комитатовъ въ Венгріи — такъ называемую Угорскую Русь — и въ сѣверной Буковинѣ.

По своимъ размѣрамъ этнографическая территорія Украины равняется около 750 т. кв. километровъ, изъ которыхъ 664 т. — въ предѣлахъ Россіи, около 60 т. — въ Восточной Галиціи и около 15 т. — въ Венгріи. Такимъ образомъ, въ своихъ этнографическихъ границахъ Украина была бы послѣ Россіи самымъ большимъ политическимъ организмомъ въ Европѣ, почти въ полтора раза превосходя своими размѣрами Францію.

Согласно даннымъ переписи 1897 г., на указанной выше этнографической территоріи украинскаго племени въ Россіи изъ общаго количества 28 милліоновъ жителей было 19.482 т. украинцевъ, 4.282 т. русскихъ, 2.037 т. евреевъ, 508 т. нѣмцевъ и 461 т. поляковъ. Въ Восточной Галиціи мы находимъ изъ общаго количества населенія въ 4.700 т. жителей, 3.150 т. украинцевъ. Въ Угорской Руси живетъ около 500 т. украинцевъ. Нынѣ же надо считать, что на всей территоріи Украины живетъ около 32—33 милліоновъ украинцевъ. Во всемъ же мірѣ украинцевъ считается до 40 милліоновъ.

2. Границы Украины.

Отмежеваніе этой человѣческой громады отъ сосѣднихъ народовъ и государствъ не представляется легкимъ

ПЛОЦКЪ
ЛОМЖ.
ГРОДНО
МИНСКЪ
МОГИЛ.
КАЛУГА
РЯЗАНЬ
ТУЛА
ВАРШАВА
ОРЕЛЪ
ТАМБОВЪ
ЛЮБЛ.
ЧЕРНИГ.
КУРСКЪ
ВОРОН.
ТАРНОВЪ
ЖИТОМ.
ЛЬВОВЪ
ПЕРЕМ.
КІЕВЪ
ПОЛТАВА
ХАРЬКОВЪ
ЧЕРН.
КАМЕНЕЦЪ ПОД.
ВЕНГРІЯ
ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ
КИШИН.
ХЕРСОНЪ
ОДЕССА
СТАВРОП.
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА УКРАЙНЫ
ГРАНИЦЫ:
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ГУБЕРНСКАЯ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ
МАСШТАБЪ
100 0 100 200

дѣломъ. Извилистость и прихотливость этнографической линіи какъ-то мало напоминаетъ строгія и ровныя очертанія государственныхъ границъ, и превращеніе ея въ политическую границу потребуетъ не мало географическихъ, экономическихъ и политическихъ коррективовъ.

Въ сущности, даже точное установленіе этнографической границы наталкивается на чрезвычайныя затрудненія. Уже сравнительно небольшая граница съ Венгріей, прекрасно изученная и обслѣдованная, представляетъ много споровъ и открываетъ широкое поле для распри. Еще хуже обстоитъ дѣло опредѣленія границъ съ Польшей. Несмотря на то, что вопросъ о размежеваніи польской и украинской территоріи представлялъ предметъ детальныхъ обслѣдованій въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ, а граница и всѣ данныя о населеніи прекрасно изучены до мельчайшихъ подробностей, все же нѣтъ согласія между изслѣдователями; въ то время, какъ украинцы предлагаютъ полякамъ отодвинуть свои притязанія за Санъ, поляки, въ лучшемъ случаѣ, готовы отойти лишь за Бугъ, т. е. оставивъ въ своихъ предѣлахъ Львовъ и Дорогобычъ, въ основѣ же твердо стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что польское и украинское населеніе въ В. Галиціи такъ перемѣшано, что размежеваться тамъ нѣтъ никакой возможности[1]). Не менѣе остро стоитъ вопросъ о границѣ между украинцами и поляками въ предѣлахъ прежней Россіи, при чемъ украинцамъ пришлось бы принять на себя весь одіумъ новаго разрѣшенія пресловутаго Холмскаго вопроса, гдѣ столѣтія наслаивающихся другъ на друга грѣховъ насильственной полонизаціи и руссификаціи создали неразрѣшимый клубокъ трудностей.

И, тѣмъ не менѣе, все это еще незначительные вопросы въ сравненіи съ проведеніемъ русско-украинской границы. Прежде всего, этотъ вопросъ совсѣмъ не под-

[1]) О подробностяхъ польско-русинскаго конфликта въ Восточной Галиціи см. главу о Польшѣ.

готовленъ. Въ сущности, болѣе или менѣе достовѣрныя данныя установлены только переписью 1897 года, т. е. двадцать лѣтъ тому назадъ, и за это время значительно уже устарѣли, особенно въ виду войны и революціи, создавшихъ чуть ли не переселеніе народовъ. Но и эти данныя приведены по уѣздамъ, при чемъ, судя по значительнымъ меньшинствамъ въ пограничныхъ уѣздахъ, видно, что границы уѣздовъ проходятъ по живому тѣлу то русской, то украинской народности. Тутъ нужны спеціальныя и многочисленныя изслѣдованія, которыя, несомнѣнно, наткнутся на чрезвычайныя трудности въ виду родственности обоихъ народовъ, въ виду общности культуры и наличія значительныхъ территорій съ переходнымъ русско-украинскимъ говоромъ. Ни переписи, ни плебисциты не явятся здѣсь спасеніемъ, ибо ихъ порядокъ и предѣлы сами по себѣ составятъ предметъ споровъ и распрей. Вѣдь даже исключительная по точности перепись 1897 года оспаривается уже обѣими сторонами, и украинцы не считаютъ слабымъ аргументомъ противъ переписи ссылку на статью словаря Брокгауза, составленную до этой переписи! Кромѣ того, споры не ограничатся смежными областями, такъ какъ вся Украина пропитана великорусскими элементами, наполняющими ея города и твердо осѣвшими на берегу Чернаго моря.

3. Народъ ли украинцы?

Сложность выдѣленія Украины увеличивается тѣмъ, что до сихъ поръ самый вопросъ о степени самобытности украинскаго народа еще не получилъ окончательнаго разрѣшенія. Какъ мы увидимъ, еще недавно существованіе отдѣльнаго украинскаго народа отрицалось какъ русскими, такъ и поляками и даже самими украинцами. Правда, теперь украинцы уже не думаютъ, что ихъ языкъ, какъ мѣстный говоръ, осужденъ на скорое исчезновеніе; правда, и поляки уже оставили свою теорію, что между

Варшавой и Москвой нѣтъ ничего средняго, и что галицій-ское нарѣчіе представляетъ собой лишь испорченный поль-скій языкъ, а «мова» въ Россіи — испорченный русскій языкъ. Но все же вопросъ о соотношеніи русской и украинской народности и о предѣлахъ возможности само-стоятельной украинской культуры еще не является вполнѣ и окончательно выясненнымъ.

Въ пользу обособленности украинцевъ убѣдительнѣе всего антропологическія данныя, на которыя постоянно ссылаются украинскіе изслѣдователи. Эти данныя устана-вливаютъ рядъ признаковъ, которыми украинское племя отличается и отъ польскаго и отъ русскаго: такъ, средній ростъ украинцевъ 1670 мм., въ то время какъ у поляковъ 1654, а у великороссовъ 1657; отношеніе средняго объема груди къ длинѣ тѣла у украинцевъ 55,04 %, у поляковъ — 55,11 %, а у великороссовъ — 52,18 %. Точно такъ же значительныя отличія установлены и въ строеніи черепа и пр. Но, конечно, эти антропологическія данныя, какъ ни велико ихъ значеніе для научныхъ выводовъ, при рѣшеніи практической проблемы о самобытности народа не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ извѣстно, что въ предѣлахъ одной націи городскіе жители значительно отличаются по физическимъ свойствамъ отъ сельскихъ. И тотъ фактъ, что украинцы по своимъ антропологическимъ при-знакамъ стоятъ ближе къ сербамъ и хорватамъ, чѣмъ къ полякамъ и великороссамъ, не даетъ основы ни для какихъ политическихъ выводовъ.

Гораздо больше, а, въ концѣ концовъ, даже рѣшаю-щее значеніе имѣетъ вопросъ относительно языка. Рус-скія теоріи раздѣлились по этому вопросу. Въ то время, какъ Флоринскій и нѣкоторые другіе изслѣдователи при-знавали украинскій языкъ только нарѣчіемъ, Академія Наукъ признала его самобытнымъ [1]), подобно сербскому, чешскому и другимъ славянскимъ языкамъ, самостоя-тельность которыхъ никѣмъ не оспаривается. Однако, и

[1]) «Украинскій языкъ не является лишь нарѣчіемъ русскаго

это признаніе не колеблетъ практически существеннаго факта чрезвычайной близости украинской и великорусской рѣчи. Образованный русскій безъ труда, послѣ нѣкотораго навыка, читаетъ книги и газеты на украинскомъ языкѣ, а украинецъ-галичанинъ тоже сразу понимаетъ русскую книгу. Точно такъ же великорусскій и украинскій крестьянинъ безъ труда понимаютъ другъ друга. И въ исторіи, несомнѣнно, украинскій языкъ отдѣлился отъ русскаго значительно позднѣе, чѣмъ отдѣлились языки западныхъ славянъ, давшихъ происхожденіе польскому, чешскому и др., отъ языка восточныхъ славянъ, отъ котораго происходитъ великорусскій, бѣлорусскій и украинскій. Объ этомъ можно судить хотя бы по тому, что такіе сравнительно поздніе памятники письменности, какъ лѣтопись Нестора и «Слово о полку Игоревѣ», являются памятниками, общими для русской и украинской литературы, понятными, близкими и живыми для обоихъ языковъ. Эти факты могутъ имѣть вліяніе на родственность культуръ, но сами по себѣ еще не рѣшаютъ вопроса объ единствѣ ея. Тутъ рѣшающее значеніе можетъ имѣть только фактическое состояніе культуры, богатство ея

языка; это отдѣльный славянскій языкъ. Точно такъ же и народъ украинскій является не отдѣльной отраслью россійскаго народа, но самостоятельной славянской народностью. По мнѣнію многихъ славистовъ, украинская литература стоитъ по своему уровню значительно выше многихъ другихъ литературъ славянства»... Записка Имп. Академіи Наукъ отъ 20-го февраля 1906 года (цитируется по переводу съ французскаго).

Точно такъ же высказалась комиссія при Академіи Наукъ въ составѣ академиковъ Зелинскаго, Корша, Лаппо-Данилевскаго, Ольденбурга, Фаминцына, Фортунатова и Шахматова: «Историческія условія содѣйствовали полному разобщенію юго-западной Россіи (Малороссіи, Украины) и области, занятой великороссами; отсюда существенныя различія въ языкѣ обѣихъ народностей — великорусской и малорусской. Историческая жизнь этихъ народовъ не создала общаго для нихъ языка; она, напротивъ, усугубила тѣ діалектическія отличія, съ которыми предки украинцевъ, съ одной стороны, великороссовъ, съ другой, выступаютъ въ началѣ нашей исторіи. И, конечно, живой великорусскій языкъ, на которомъ говоритъ народъ въ Москвѣ, Рязани, Ярославлѣ, Архангельскѣ, Новгородѣ, не можетъ быть названъ «общерусскимъ», въ противоположность малорусскому языку Полтавы, Кіева и Львова».

содержанія и количество элементовъ, стремящихся къ созданію ея. Въ этомъ отношеніи, повидимому, исторія украинскаго движенія за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ даетъ достаточно краснорѣчивый отвѣтъ.

4. Естественныя богатства Украины.

По своимъ естественнымъ богатствамъ Украина находится въ наиболѣе благопріятномъ положеніи по сравненію со всѣми областями Россіи. Въ ней добывалось три четверти всего каменнаго угля Россіи (20 милліоновъ тоннъ изъ 28 милліоновъ тоннъ общей добычи угля въ 1911 году), болѣе двухъ третей желѣзной руды (3,6 милліона тоннъ изъ общей добычи въ 5,3 милліона тоннъ въ 1911 г.), три четверти всей марганцевой руды, двѣ трети всей соли. Точно такъ же Украина, по утвержденію нѣкоторыхъ изслѣдователей, давала девять десятыхъ вывозимаго заграницу хлѣба (великорусскія области вывозили 0,7% производимаго хлѣба, а Украина — 27%, и производила четыре пятыхъ всего русскаго сахара.

Однако, о значеніи этого богатства для населенія Украины судить довольно трудно въ виду отсутствія обстоятельныхъ спеціальныхъ изслѣдованій, прямо или косвенно имѣвшихъ въ виду выдѣленіе Украины изъ прежней хозяйственной системы всей Россіи. Насколько вопросъ представляется спорнымъ, показываетъ то обстоятельство, что двѣ небольшія работы, посвященныя вопросу о хозяйственномъ взаимоотношеніи Россіи и Украины, — статьи Гехтера и Стасюка [1]) — даютъ противоположныя, другъ друга уничтожающія показанія. Гехтеръ

[1]) Гехтеръ. «Значеніе Украины въ экономической жизни Россіи», кн. IX «Літературно-Наукового Вістника» за 1909 г. Стасюкъ: «Экономическія отношенія Украины къ Великороссіи и Польшѣ», въ «Запискахъ Украинскаго Наукового Товарищества въ Кіевѣ» за 1911 годъ, VII и IX книга. См. также К. Оберучевъ «Къ вопросу объ экономическомъ отношеніи Украины къ Великороссіи и Польшѣ», въ «Украинской жизни» 1912 г. № 3.

радужно утверждаетъ, что Украина не только житница Россіи, но и складъ мяса, ртути, глины, желѣзной руды, чугуна, стали, каменнаго угля, свеклы, сахара, и что Россія не можетъ существовать безъ Украины. Стасюкъ же оспариваетъ самый методъ работы Гехтера и, путемъ анализа данныхъ о желѣзнодорожныхъ перевозкахъ (несомнѣнно, единственно правильный путь изслѣдованія), приходитъ къ совершенно инымъ выводамъ: что Украина является не складомъ сырья, а рынкомъ для обрабатывающей промышленности Великороссіи и Польши; при этомъ Стасюкъ подчеркиваетъ, что преувеличенный оптимизмъ украинцевъ къ собственной хозяйственной самостоятельности и не оправдываемая фактами слишкомъ высокая оцѣнка украинской экономической дѣйствительности опасны для пониманія тѣхъ интересовъ, коими должно направляться украинское національное движеніе. Какъ бы тамъ ни было, чья бы зависимость ни была больше, — фактъ значительной обусловленности и связи экономическихъ интересовъ не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ же о томъ, какъ распутать эту связь, совсѣмъ еще не разработанъ.

5 Историческія судьбы Украины.

Историческія судьбы сѣверныхъ и южныхъ славянскихъ племенъ разошлись со времени татарскаго нашествія. Сѣверъ, сперва въ лицѣ Новгорода, а потомъ Москвы, сохранилъ старые и создалъ новые центры политической независимости. Южныя же племена со времени паденія Кіева потеряли политическую независимость и, если не считать столѣтняго существованія Галицкаго княжества, сошли съ исторической арены. Ихъ исторія вошла составною частью въ исторію Литвы, Польши, а впослѣдствіи Россіи. Но, не будучи въ силахъ подняться изъ упадка и создать свою государственность, южно-русскія племена все время не уставали бороться за свою

самостоятельность. Это наложило на населеніе Украины своеобразный и неизгладимый отпечатокъ: рѣшимость, мужество, отчаянность, нужныя для возстанія, и отсутствіе навыковъ и способности къ организаціи устойчивой власти послѣ возстанія, а вслѣдствіе этого поиски опоры извнѣ и замѣна одной формы политической зависимости другою. Наплывъ буйныхъ вольницкихъ и «воровскихъ» элементовъ изъ Москвы только усиливалъ эти черты украинскаго народа, насыщая его въ то же время великорусскими элементами.

Наиболѣе существеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ характернымъ этапомъ въ жизни украинскаго народа является эпоха освободительныхъ войнъ съ поляками, тянувшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Благодаря руководству исключительнаго государственнаго и военнаго таланта Хмѣльницкаго, Украина получила независимость отъ Польши. Но она тотчасъ пошла подъ высокую руку царя московскаго, чувствуя свою неспособность отстоять независимость отъ поляковъ. О значеніи Переяславльскаго договора (1654), по которому Украина присоединилась къ Москвѣ, существуютъ два взгляда. Украинскіе изслѣдователи и нѣкоторые русскіе ученые (Б. Нольде) толкуютъ договоръ, какъ двусторонній актъ, которымъ отношенія между Россіей и Украиной опредѣлились въ видѣ уніи, при чемъ оставался лишь открытымъ вопросъ, была ли унія личной или реальной. Большинство же русскихъ изслѣдователей склонны считать, что Украина присоединилась къ Москвѣ безъ всякихъ условій, была инкорпорирована въ нее, и лишь односторонней волей царя московскаго ей была дана широкая внутренняя автономія (свое управленіе, войско, финансы, судъ) и даже нѣкоторое право самостоятельныхъ международныхъ сношеній. Разнорѣчія въ пониманіи смысла присоединенія Украины сказались очень скоро на практикѣ, какъ только умеръ Хмѣльницкій. Московскія власти стали посылать свои гарнизо-

ны и своихъ воеводъ въ украинскіе города, раздражая этимъ украинскую старшизну. Однако, среди украинскихъ старшинъ не проявилось выдержаннаго политическаго направленія, и послѣдующіе гетманы бросаются отъ одной комбинаціи къ другой. Выговскій заключаетъ опять договоръ съ Польшей и вступаетъ въ ожесточенную борьбу съ Москвой. Его преемникъ, сынъ Хмѣльницкаго Юрій, возвращаетъ Украину во власть Москвы. Гетманъ Дорошенко ищетъ опоры въ турецкомъ султанѣ. И дѣло кончается тѣмъ, что Украина дѣлится на двѣ части — московскую лѣвобережную и польскую правобережную, каждая изъ которыхъ имѣетъ свое особое устройство, но не обладаетъ достаточными силами для борьбы съ польскими и московскими стремленіями. Ни въ одной части Украины не образовывается сильнаго мѣстнаго аппарата: небольшой кругъ мѣстныхъ старшинъ стоялъ во враждѣ съ казачьими низами, чернью. Этимъ обстоятельствомъ особенно искусно пользуется Москва: натравливая чернь на старшинъ, она борется съ автономическими стремленіями знати и въ то же время, усмиряя вооруженной силой вспышки и бунты черни, привлекаетъ на свою сторону знать.

Ко времени Петра Москва уже контролировала выборы гетмана, поставила въ свою зависимость выборы войсковыхъ начальниковъ, ввела московскихъ воеводъ и московскіе гарнизоны въ главные города Украины, запретила украинскимъ властямъ непосредственныя дипломатическія сношенія и подчинила украинскую церковь московскому патріарху. Но, все же, внутреннее управленіе Украины: финансы, войско, порядокъ выборовъ и назначенія должностныхъ лицъ — регулировалось мѣстной автономной властью, съ высшимъ ея органомъ — войсковымъ собраніемъ. Значительное ограниченіе правъ украинской власти и все растущая склонность Москвы вмѣшиваться во внутреннія дѣла вызвали рядъ бунтовъ и возстаній (Булавина, Мазепы). Послѣ разгрома Кар-

ла XII, Петръ повелъ круто борьбу съ сепаратизмомъ и правовой обособленностью Украины. Краемъ стали фактически управлять русскіе чиновники, а послѣ смерти Скоропадскаго (1722) выборы новаго гетмана не были произведены. Послѣ смерти Петра гетманское достоинство, правда, лишь съ видимостью выборовъ, было возстановлено. При гетманѣ Кириллѣ Разумовскомъ Украина переживала даже нѣчто въ родѣ эпохи расцвѣта. Но Екатерина II заставила Разумовскаго уйти, и гетманство было уничтожено окончательно. Въ 1775 году была разрушена Запорожская Сѣчь, послѣдній остатокъ казачьей вольности, и Украина превратилась въ генералъ-губернаторство. Къ моменту объединенія Украины подъ властью Россіи по первому польскому раздѣлу — лѣвобережная Украина представляла собой уже ничто иное, какъ нѣсколько россійскихъ губерній, управляющихся на общемъ основаніи, безъ какой-либо тѣни автономіи, и такимъ образомъ Украина изъ-подъ іезуитско-аристократическаго ига попала подъ иго самодержавно-бюрократическое. Высшіе слои Украины приняли, однако, эту перемѣну спокойно и безъ ропота, ибо за утрату политической свободы Украины имъ было уплочено введеніемъ крѣпостного права надъ украинскимъ крестьянствомъ (1783 годъ).

Наряду съ политическимъ обезличеніемъ Украины, шло уничтоженіе ея національныхъ особенностей. Уже въ 1720 году Петръ Великій запретилъ печатаніе книгъ въ предѣлахъ Украины, кромѣ церковныхъ, при чемъ послѣднія должны были печататься на великорусскомъ нарѣчіи. И даже скромныя попытки одного кіевскаго игумена напечатать на украинскомъ языкѣ акафистъ, написанный митрополитомъ, — встрѣтило требованіе, чтобы акафистъ былъ переведенъ на великорусское нарѣчіе. Въ 1769 году Кіевская Лавра просила Синодъ разрѣшить напечатать на украинскомъ языкѣ букварь, въ виду того, что русскіе буквари не покупаются населеніемъ, но и въ этомъ ей было отказано.

6. *Національное возрожденіе Украины.*

Харьковскій періодъ.

Установленіе крѣпостного права въ Украинѣ рѣзко раздѣлило украинскій народъ на верхній и низшій слои. Высшіе классы, раньше употреблявшіе польскій языкъ, теперь естественно перешли къ языку русскому, совершая «двойное дезертирство» отъ своего народа, какъ назвалъ это явленіе М. Грушевскій. Украинскій же языкъ становится языкомъ только простого народа. Но, конечно, масса интеллигенціи, получавшая первоначальное воспитаніе дома, въ деревнѣ, среди украинской стихіи, не могла остаться чуждой этому языку и не чувствовать его роднымъ. Украинская словесность поэтому не окончательно замираетъ, но низводится на степень полународнаго анонимнаго творчества, распространяется въ рукописяхъ, въ большинствѣ случаевъ юмористическаго содержанія. Плодомъ такого творчества явилось и произведеніе, открывшее новый періодъ украинской словесности — «Энеида» Котляревскаго, сразу же завоевавшая громадныя симпатіи и получившая широкое распространеніе какъ среди украинской, такъ и среди русской интеллигенціи. Кромѣ «Энеиды», перу Котляревскаго принадлежатъ «Москаль-чаровникъ» и «Наталка-Полтавка», до сихъ поръ не сходящія съ классическаго репертуара украинскаго театра.

Распространеніе просвѣщенія, проникновеніе западныхъ идей, созданіе на Украинѣ новыхъ центровъ культуры, какъ, напримѣръ, Харьковскій университетъ, создали подъемъ и настроенія, благопріятствующія возрожденію украинской идеи. Тенденціи зарождающагося демократизма заставляли идти къ народу и, конечно, изучать его, говорить съ нимъ на его языкѣ. Новыя политическія идеи съ запада приносили и будили воспоминанія объ автономизмѣ, о новыхъ формахъ государственнаго устройства. Въ первой четверти прошлаго вѣка такія настроенія

исходили отъ кружка украинской интеллигенціи Харьковскаго университета (Гулякъ-Артемовскій, Квитка-Основьяненко, Метлиньскій), выпустившаго рядъ произведеній на украинскомъ языкѣ и посвятившаго украинскому вопросу рядъ изданій и журналовъ («Украинскій журналъ», «Украинскій Вѣстникъ») на русскомъ языкѣ. Большое вліяніе въ ту пору получила «Исторія Руси» Полетики, составленная въ рѣзко анти-московскомъ духѣ и распространяемая въ рукописномъ видѣ. Имѣются слѣды даже украинскихъ политическихъ организацій, такъ какъ, въ связи съ дѣломъ декабристовъ, производилось слѣдствіе по поводу «Общества освобожденія Украины». Однако, насколько національное сознаніе было слабо выражено, можно судить по тому обстоятельству, что авторъ первой грамматики украинскаго языка, Павловскій (1818), доказываетъ въ предисловіи, что необходимо увѣковѣчить фонетику малороссійскаго нарѣчія въ виду того, что оно вскорѣ исчезнетъ совсѣмъ, естественно вытѣсненное русскимъ языкомъ.

Сороковые годы. Шевченко. «Кирилло-Меѳодіевское братство».

Въ серединѣ сороковыхъ годовъ центръ украинской мысли переносится къ Петербургу, а позже — къ Кіеву. Подъ вліяніемъ творчества Гоголя, среди украинцевъ-интеллигентовъ въ Петербургѣ проснулся интересъ къ родному народу и родной странѣ, и ими издается нѣсколько книжекъ на украинскомъ языкѣ. Главное же — въ Петербургѣ развивалось творчество Тараса Шевченко, благодаря которому украинской литературѣ суждено было на первыхъ же порахъ блеснуть яркимъ свѣтомъ. Несмотря на чрезвычайно тягостныя внѣшнія условія жизни — сперва крѣпостной, а потомъ политическій ссыльный, Шевченко своими произведеніями (первый сборникъ «Кобзарь» вышелъ въ 1840 г.) окончательно укрѣпилъ самобытность украинской литературы. Замѣчательно, что восторженно принятый украинской интеллигенціей Шевченко встрѣ-

тилъ, однако, весьма сухой пріемъ со стороны русской критики — даже Бѣлинскій отнесся къ нему враждебно за мужичью некультурность и тѣсноту умственнаго круговора.

Съ конца сороковыхъ годовъ украинская общественная жизнь переносится въ Кіевъ, гдѣ начали работать такіе представители украинской идеи, какъ Костомаровъ и Кулишъ. Особенно интересна и характерна фигура Кулиша, установившаго украинское правописаніе, принятое какъ въ Россіи, такъ впослѣдствіи и въ Галиціи. Украинофилъ, но сперва сочетавшій, въ качествѣ русскаго чиновника, украинофильство съ руссификаторской дѣятельностью противъ поляковъ въ Холмщинѣ, потомъ ставшій въ Галиціи сторонникомъ польско-русинской угоды и подъ конецъ жизни проявившій чрезвычайныя симпатіи къ Турціи ... Начиная свою дѣятельность въ Кіевѣ, Кулишъ, вмѣстѣ съ Костомаровымъ и нѣсколькими другими представителями украинской интеллигенціи, образовали «Братство Кирилла и Меѳодія», первую политическую организацію, поставившую своимъ лозунгомъ самостоятельность Украины. Въ составъ братства вошли всѣ интеллигентныя силы тогдашней Украины. «Братчики» представляли себѣ Украину, какъ самостоятельное государство, входящее въ составъ великой и свободной «Славянской Федераціи» подъ главенствомъ Россіи. Принципами братства были свобода и равенство, уничтоженіе крѣпостного права и всѣхъ сословныхъ различій, просвѣщеніе народа. Каждый славянскій народъ долженъ былъ создать свою отдѣльную республику, а внѣшними дѣлами долженъ былъ завѣдывать Общій Всеславянскій Соборъ, куда всѣ славянскія республики высылали бы своихъ депутатовъ.

Первоначально братство стояло на принципѣ гегемоніи и главенства Россіи. Но впослѣдствіи тонъ отношенія къ Москвѣ сталъ все болѣе заостряться. Въ творчествѣ Шевченко, стоявшаго съ самаго начала весьма

близко къ братству, начинаютъ сперва проскальзывать опредѣленныя и твердыя нотки оппозиціи Москвѣ, претворяющіяся съ теченіемъ времени въ законченныя произведенія, дышащія ненавистью къ «москалямъ». Но, тѣмъ не менѣе, дѣятельность братства оставалась чисто идейной: члены его собирались тѣснымъ кружкомъ, читая украинскія произведенія, въ особенности Шевченко, и никакихъ конкретныхъ политическихъ плановъ и задачъ не имѣли. Но братство просуществовало не долго. Въ 1847 году, по доносу студента, случайно подслушавшаго разговоръ двухъ братчиковъ, члены братства были арестованы и сосланы, при чемъ болѣе всего пострадалъ Шевченко — онъ былъ сосланъ въ Оренбургскій край, въ то время какъ иниціаторы и основатели братства — Кулишъ и Костомаровъ — получили возможность возобновить свою дѣятельность въ Петербургѣ и даже открыть свой журналъ «Основа».

50—70-ые годы. Дѣятельность «Громадъ».

Эпоха общественной подготовки освобожденія крестьянъ отмѣчена въ украинской литературѣ творчествомъ Марка Вовчка (Марія Марковичъ), давшаго въ яркихъ образахъ картину крѣпостного быта украинскаго крестьянина. По силѣ впечатлѣнія, произведеннаго писательницей, Тургеневъ сравнивалъ ее съ Бичеръ Стоу. Позднѣе появились первыя произведенія Нечуй-Левицкаго и Панаса Мирнаго.

Публицистическая и научная сторона украинскаго движенія по-прежнему развивается Костомаровымъ и Кулишомъ въ ихъ журналѣ «Основа». Изъ работъ Кулиша слѣдуетъ отмѣтить его попытку критическаго изученія украинскаго прошлаго. Находясь подъ вліяніемъ польскихъ ученыхъ во время своей дѣятельности въ Польшѣ, онъ изучаетъ рядъ документовъ, сравниваетъ ихъ, возстановливаетъ подлинную картину казачьихъ войнъ съ ихъ звѣрствами и ужасами и въ своихъ «Матеріалахъ по исторіи возсоединенія Руси» пытается бороться съ тра-

диціонными прикрасами украинскихъ ученыхъ и публицистовъ, идеализирующихъ казачество и его кровавыхъ атамановъ.

Печальный конецъ «Кирилло-Меѳодіевскаго братства» не остановилъ роста украинской организованности, которая приняла лишь иныя формы. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Россіи стали расти украинскія общественныя организаціи, подъ общимъ названіемъ «Громадъ». Первая украинская «Громада» организовалась въ Кіевѣ въ видѣ студенческаго кружка, имѣвшаго чисто культурныя задачи. Вскорѣ подобныя организаціи или кружки возникли въ другихъ университетскихъ городахъ. Освобожденіе крестьянъ ставило украинскую интеллигенцію передъ лицомъ новыхъ общественныхъ задачъ, передъ сознаніемъ необходимости усиленной работы надъ просвѣщеніемъ народа и подъемомъ его матеріальнаго благосостоянія. Необходимость какой-либо организованности была такъ велика, что члены студенческихъ громадъ по окончаніи университета не теряли связи между собой и даже вводили въ свой кругъ новыхъ членовъ. Такимъ образомъ, наряду съ кружками молодежи, образовались кружки зрѣлыхъ людей, которые, въ отличіе отъ первыхъ, называли себя «Стара Громада». По аналогіи съ Кіевской «Громадой», въ другихъ культурныхъ центрахъ Украины — въ Одессѣ и Харьковѣ — образовались украинскія организаціи, принявшія то же названіе. Кромѣ того, каждая громада имѣла своихъ членовъ въ провинціи, такъ какъ, переселяясь изъ университетскаго города въ меньшій культурный центръ, «громадянинъ» не порывалъ связей со своей громадой. Часто такой «громадянинъ, живя въ провинціи, находилъ въ ней интеллигентныхъ украинцевъ, любившихъ свой народъ и стремившихся работать на его пользу, и тогда создавалась новая громада. Точно такимъ же образомъ эта организаціонная идея перебрасывалась и въ другіе университетскіе города, даже внѣ Украины. Благодаря ихъ распространенности и относительной прочности су-

ществовавшихъ внутри ихъ связей, а также установленію сношеній между ними — организаціи эти представляли довольно внушительную общественную силу. Во всякомъ случаѣ, весь цвѣтъ южно-русской интеллигенціи, такъ или иначе, былъ втянутъ въ кругъ этихъ организацій.

Наряду съ ростомъ количественнымъ, стала углубляться идейная платформа «Громадъ». Если раньше это были только студенческіе товарищескіе кружки, объединявшіе поклонниковъ Шевченко; если освобожденіе крестьянства придало имъ уклонъ просвѣтительныхъ обществъ, то развитіе русской общественной мысли отразилось и на украинскихъ «Громадахъ», и онѣ начинаютъ мало-по-малу пріобрѣтать характеръ ярко выраженнаго соціальнаго и политическаго радикализма. Особенно сильное вліяніе въ этомъ направленіи было со стороны М. Драгоманова.

Помимо «Громадъ», украинская мысль въ началѣ 70-хъ годовъ пріобрѣла и другіе организаціонные центры. Однимъ изъ важнѣйшихъ былъ «Юго-Западный Отдѣлъ Русскаго Географическаго Общества», вокругъ котораго группировались всѣ дѣятели «Кіевской Старой Громады» во главѣ съ Драгомановымъ.

Преслѣдованіе украинства въ Россіи.

Украинофильство въ Россіи было движеніемъ въ средѣ общерусской интеллигенціи, т. е. всѣ дѣятели украинства считали себя прежде всего русскими интеллигентами и даже на языкъ украинскій смотрѣли лишь какъ на народный, пригодный для домашняго обихода, а научнымъ языкомъ и орудіемъ культурнаго прогресса считали языкъ русскій. Въ ихъ стремленіяхъ можно видѣть только желаніе культурной работы на нивѣ народнаго просвѣщенія, а политическіе идеалы развивались въ рамкахъ плановъ о необходимости общаго переустройства россійскаго государства, т. е. не какъ противопоставленіе Россіи, а какъ русская политическая программа... Тѣмъ

не менѣе, украинофилы встрѣтили все возрастающую подозрительность со стороны правящихъ сферъ. Въ 1863 году министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ издалъ распоряженіе о воспрещеніи печатать на украинскомъ языкѣ популярныя, научныя и педагогическія книги, такъ какъ, по словамъ этого распоряженія, «никакого особеннаго малорусскаго языка не было, нѣтъ и быть не можетъ». Въ томъ же году св. Синодъ воспретилъ печатать не только украинскій переводъ Евангелія, но и вообще всѣ книги духовнаго содержанія. Изъ Украины былъ высланъ рядъ дѣятелей — Конисскій, Чубинскій, Ефименко...

Два момента неустранимо вліяли на такое отношеніе власти. Покамѣстъ въ Россіи вопросъ о демократическихъ формахъ правленія былъ чистой теоріей — противоположности между украинствомъ и русской идеей прекрасно сглаживались. Но уже въ то время можно было видѣть по примѣру русинско-польскихъ отношеній въ Галиціи, къ чему это приведетъ, какъ только принципы демократіи и самоуправленія начнутъ воплощаться въ жизнь. Практика и развитіе украинофильства въ Галиціи стояли въ разительномъ противорѣчіи съ общерусской теоріей. Далѣе, украинская просвѣтительная работа должна была, въ силу вещей, опускаться къ низамъ украинскаго народа, къ украинскому крестьянину. И тутъ не могли не проявиться соціальные мотивы, не могли не сказаться извѣстныя симпатіи къ соціализму и другимъ крайнимъ идеямъ: украинское движеніе, если бы въ него превратилось украинофильство, не могло не быть массовымъ, народнымъ, ярко демократическимъ, ибо для другихъ тенденцій въ немъ не было почвы.

Все это вызывало подозрительность властей, и дѣло кончилось рѣшительнымъ ударомъ, возстанавливающимъ мѣропріятія Петра. 18 мая 1876 года были запрещены какъ привозъ малороссійскихъ книгъ и брошюръ изъ-за границы, такъ и изданіе ихъ въ Россіи (кромѣ историческихъ памятниковъ и произведеній письменной литературы); вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, были запрещены театральныя представленія, доклады, лекціи и даже исполненіе пѣсенъ на малороссійскомъ языкѣ. Эти запреты оставались въ силѣ почти 50 лѣтъ. Лишь запрещеніе театральныхъ представленій было отмѣнено въ 1881 году; но и оно было черезъ два года возстановлено для губерній кіевскаго генералъ-губернаторства, такъ что украинскіе спектали могли имѣть мѣсто только внѣ предѣловъ Украины, что дало неблагопріятный уклонъ развитію украинскаго театра, который сталъ слишкомъ бить на внѣшнюю сторону, на танцы, изображеніе пресловутыхъ попоекъ и пр. Такимъ образомъ, украинству въ Россіи былъ нанесенъ сокрушительный ударъ, и созданы были трудности, почти непреодолимыя. Изъ жизни украинской общественности были вычеркнуты почти полъ вѣка — какъ разъ тѣ полъ вѣка, которые, какъ увидимъ, въ исторіи общественности всѣхъ другихъ народовъ — финновъ, эстовъ, латышей, поляковъ — составили эпоху необычнаго углубленія и расширенія національной работы.

Украинская эмиграція. Мих. Драгомановъ.

Если указомъ 1876 года была уничтожена въ Россіи возможность оказательства украинскаго движенія, то само движеніе все же не заглохло, но было перенесено за рубежъ, и вскорѣ нашло себѣ новую почву — въ Галиціи.

Среди украинскихъ эмигрантовъ наиболѣе крупнымъ дѣятелемъ является Мих. Драгомановъ, имя котораго очень мало знакомо русскому читателю, несмотря на то, что его общественная позиція вообще, а по украинско-русскому вопросу въ особенности, достойна самаго глубокаго и вдумчиваго вниманія.

Родомъ изъ мелкопомѣстной дворянской семьи изъ казацкаго выборно-служилаго общественнаго слоя, Драгомановъ былъ одновременно и русскимъ и украинскимъ интеллигентомъ, оставившимъ значительный слѣдъ въ

исторіи общественности обоихъ народовъ. Его научная карьера была прервана обычнымъ для многихъ русскихъ ученыхъ способомъ — увольненіемъ по третьему пункту за неблагонадежность, выразившуюся въ сотрудничествѣ въ оппозиціонныхъ изданіяхъ. Съ 1875 года Драгомановъ превратился въ эмигранта, дѣйствуя вначалѣ въ Женевѣ, а впослѣдствіи въ Софіи, оказывая вліяніе какъ на русскую, такъ и на украинскую общественную мысль.

На почвѣ развитія русской политической мысли Драгомановъ являлся сравнительно умѣренно настроеннымъ радикаломъ. Менѣе останавливаясь на соціальныхъ вопросахъ, онъ зато первый поставилъ во весь ростъ вопросъ о значеніи личныхъ свободъ и первый сталъ говорить о необходимости измѣнить не только учрежденія, но и отношеніе между личностью и государствомъ, при чемъ права государства должны быть сужены, а права гражданина — значительно расширены. Драгомановъ былъ однимъ изъ первыхъ работниковъ по внѣдренію въ сознаніе русскихъ людей началъ европейскаго конституціонализма. Его главной заслугой была критика современнаго ему русскаго централизма и указаніе, что Россія неминуемо должна перестроиться на началахъ федерализма. Отъ лѣвыхъ русскихъ политическихъ теченій Драгоманова рѣзко отдѣляло отрицательное отношеніе къ террору, который, по мнѣнію Драгоманова, только подкапывалъ тѣ моральные и правовые устои, которые должны были дать побѣду освободительнымъ силамъ Россіи.

Украинецъ по происхожденію и демократъ по убѣжденіямъ, Драгомановъ съ юношескихъ лѣтъ понялъ, что работа среди народа на Украинѣ невозможна безъ родного украинскаго языка. Сперва, впрочемъ, онъ считалъ, что украинскій языкъ долженъ служить только языкомъ подсобнымъ, такъ сказать, съ педагогическими цѣлями, для домашняго обихода, при чемъ языкомъ культурной работы долженъ оставаться единый русскій языкъ.

Но въ процессѣ общественной дѣятельности, вдумываясь въ соотношеніе высшихъ формъ культуры и практической работы надъ просвѣщеніемъ массъ, Драгомановъ пришелъ къ противоположной точкѣ зрѣнія, выставилъ постулатъ полнаго и всесторонняго развитія украинской культуры и сталъ рѣшительнымъ противникомъ теоріи «домашняго обихода». И самъ первый онъ подавалъ примѣръ научнаго углубленія украинознанія, разработки украинскаго языка, первый произвелъ истинно научную работу надъ твореніями украинскаго народнаго духа и къ концу жизни считался непререкаемымъ авторитетомъ среди европейскихъ ученыхъ.

Но любовь къ родному языку, убѣжденіе въ необходимости его всесторонняго развитія, вѣра въ неизбѣжность созданія самостоятельной украинской культуры никогда не доходила до узкой исключительности, до національнаго шовинизма. Онъ считалъ, что Украинство должно прежде всего руководствоваться общечеловѣческими идеалами, а не національнымъ эгоизмомъ. И это не было теоріей, но практикой, даже методомъ общественной работы Драгоманова. Такъ, когда Драгомановъ началъ дѣйствовать въ Галиціи, онъ тамъ прежде всего обратилъ вниманіе на закоснѣлость, реакціонность всей общественной среды, приводящія къ вырожденію какъ украинскихъ націоналистовъ, такъ и москалефиловъ. Поэтому свою украинскую работу въ Галиціи Драгомановъ началъ съ распространенія русскихъ книгъ, съ устройства русскихъ библіотекъ, въ увѣренности, что духъ русскаго демократизма будетъ лучше всего способствовать процессу украинизаціи Галиціи. Самъ Драгомановъ говорилъ о себѣ по этому поводу: «Смѣло могу сказать, ни одинъ московскій славянофилъ не распространилъ въ Австріи столько «московскихъ» (русскихъ) книгъ, какъ я — «украинскій сепаратистъ»»...

Тотъ же духъ проникалъ политическія требованія Драгоманова въ отношеніи Украины. Рѣзко и безогово-

рочно настаивая на всей полнотѣ культурно-національнаго самоопредѣленія Украины, онъ не видѣлъ необходимости административнаго національно-территоріальнаго выдѣленія ея. Ему казалось достаточнымъ — во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ — уничтожить централизмъ московской государственности, перестроить Россію на основѣ самоуправленія областей, при чемъ Украина могла быть превращена не въ одну, а въ нѣсколько такихъ областей.

Если требованіе федераціи отдаляло Драгоманова отъ чисто русскихъ политическихъ теченій, всегда окрашенныхъ въ тона централизма или, во всякомъ случаѣ, относящихся безучастно къ вопросу объ областной жизни въ Россіи, то равнодушіе Драгоманова къ стремленіямъ выдѣлить Украину въ качествѣ одной территоріально-національной самоуправляющейся области — отдаляло его отъ украинской націоналистической молодежи. Поэтому послѣдніе годы эмигрантской жизни были полны для Драгоманова тяжелыхъ душевныхъ переживаній и испытаній. Русскіе лѣвые круги упрекали его въ націонализмѣ, русская офиціальная мысль именовала его не иначе, какъ «сепаратистомъ», польскіе круги тонко догадывались о томъ, что онъ никто иной, какъ московскій агентъ (въ Галиціи), украинцы-земцы — обвиняли его въ «обрусительствѣ». Вначалѣ Драгомановъ считался заграничнымъ представителемъ русскихъ «Громадъ», но впослѣдствіи ему пришлось разорвать съ ними. Точно такъ же изданіе въ Женевѣ журнала «Вольное Слово», начатое по соглашенію съ русскими земскими конституціонными кругами, пришлось прекратить изъ-за внутреннихъ разногласій. Атмосфера подпольно-эмигрантской жизни не была подходящей для всего характера дѣятельности Драгоманова. И только въ Галиціи, гдѣ идеи его могли получать непосредственную провѣрку и примѣненіе въ конкретныхъ условіяхъ открытой политической борьбы, его вліяніе все росло и крѣпло.

Уже въ дѣятельности Кулиша можно было видѣть, какъ украинское національное движеніе перекидывало мостъ черезъ государственную границу; движеніе галиційскихъ русинъ и русскихъ украинофиловъ все болѣе сближается и стремится слиться въ одно русло.

До сороковыхъ годовъ въ Галиціи украинскаго движенія не было вовсе. Украинскій или русинскій языкъ офиціально считался лишь польскимъ нарѣчіемъ — комиссія, которая въ 1816 году при общей школьной реформѣ, начатой правительствомъ, должна была обсудить вопросъ о введеніи въ школьное преподаваніе украинскаго языка, признала, что этотъ языкъ является только мѣстнымъ говоромъ, видоизмѣненіемъ языка польскаго, негоднымъ для употребленія въ школахъ, гдѣ должно подготавливать образованныхъ людей. Полной заброшенности украинскаго языка въ Галиціи способствовало и то обстоятельство, что книги печатались тамъ не на народномъ языкѣ, а на особой смѣси народнаго языка съ церковно-славянскимъ, въ то время, какъ въ Россіи уже распространялась «Энеида» Котляревскаго, и цѣлый рядъ писателей употреблялъ живой народный языкъ.

Лишь въ сороковыхъ годахъ началось соотвѣтствующее движеніе въ Галиціи. Въ ряду русинскихъ дѣятелей національнаго возрожденія первымъ слѣдуетъ поставить Шашкевича, сыгравшаго въ Галиціи выдающуюся роль. Знакомство съ закордонной литературой, съ «Энеидой» Котляревскаго, съ грамматикой Павловскаго и изученіе общественныхъ движеній и возрожденія чеховъ — создали въ немъ убѣжденіе, что украинцы тоже должны будутъ неминуемо возродиться національно. А такъ какъ носителемъ украинства было только крестьянство, то Шашкевичъ обратился къ работѣ въ его средѣ. Въ товариществѣ съ нѣсколькими единомышленниками, имъ, въ 1834 году, былъ составленъ литературный сборникъ «Зоря», который, послѣ нѣкоторыхъ придирокъ со сто-

роны цензуры, появился въ свѣтъ. Въ 1837 году появилось оригинальное произведеніе Шашкевича — «Русалка Днистровая», которое для Червонной Руси имѣетъ то же самое значеніе, какъ «Энеида» для Украины наддѣпровской.

Начатки работы надъ украинскимъ возрожденіемъ встрѣтили поддержку въ политическихъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Австріи. Въ 1848 году, по иниціативѣ австрійскихъ властей, искавшихъ въ Галиціи опоры въ борьбѣ противъ поляковъ, была создана «Головна Рада Руска», которая должна была, по мысли Вѣны, явиться орудіемъ антипольской борьбы. Эта Рада выработала первую политическую программу русинъ, при чемъ подчеркнула принадлежность ихъ къ 15-ти милліонному малороссійскому племени. Но, по своему составу, Рада была полна антидемократическихъ и клерикальныхъ настроеній и, не думая о соціальныхъ нуждахъ крестьянства, стремилась главнымъ образомъ лишь къ равноправію русинскаго языка и къ выдѣленію Восточной Галиціи съ Угорской Русью, играя на опасеніахъ Австріи передъ стремленіями поляковъ къ независимости. Рада имѣла своимъ органомъ «Зорю Галицкую» и основала украинскій народный домъ во Львовѣ — съ библіотекой, типографіей, музеемъ, театромъ, ставшій центромъ украинскаго движенія. Въ это же время началось преподаваніе украинскаго языка во Львовскомъ университетѣ; оживилась издательская дѣятельность, явился рядъ украинскихъ писателей, появилась пресса... Но польско-австрійское соглашеніе въ корнѣ мѣняетъ положеніе дѣлъ. Австрійскія власти перестаютъ поддерживать украинцевъ, и въ 1851 году Рада распалась. Учрежденіе особаго Сейма для Восточной Галиціи, дававшее громадныя политическія возможности въ руки украинцевъ, было упразднено, и единство Галиціи возстановлено въ угоду полякамъ. Русинскіе общественные дѣятели, лишенные поддержки правительства, оказались недостаточно стойкими и умѣлыми

— даже въ австрійскомъ Рейхсратѣ весьма многочисленная фракція русинъ не играла замѣтной роли, предпочитая добиваться своихъ цѣлей не политической борьбой, а ходатайствомъ передъ министерствами.

Но, въ связи съ безплодностью и неудачливостью работы на политическомъ поприщѣ, гдѣ поляки повсюду и всегда торжествуютъ, зародилось среди галичанъ новое движеніе. Уже раньше ихъ взоры неоднократно обращались на востокъ, къ Россіи. Блескъ николаевской монархіи, впечатлѣніе отъ прохода русскихъ войскъ черезъ Галицію для усмиренія венгровъ, впечатлѣніе отъ громадной чисто славянской державы, раскинувшейся по огромнымъ пространствамъ, наконецъ, вліяніе русскихъ дѣятелей (Мих. Погодинъ и др.) — все это, въ связи съ неудачей русинской политики, создало основу для широкаго и упорнаго движенія, которое обычно называютъ москалефильскимъ. Начало его открытаго политическаго выявленія надо относить къ 1866 году, когда въ украинскомъ журналѣ «Слово» появилась статья о томъ, что русины и русскіе составляютъ одинъ народъ, что между украинцами и великороссами нѣтъ никакой разницы, что вся Русь должна употреблять единый литературный русскій языкъ. Вслѣдъ за тѣмъ В. Дзедзицкій выпускаетъ брошюру о томъ, «Какъ малороссу въ одинъ часъ научиться говорить по-великороссійски», — и такимъ образомъ зародилось старорусское или москалефильское движеніе, направленное какъ противъ поляковъ и австрійцевъ, такъ и противъ украинофильства. Выдающуюся роль въ этомъ движеніи сыгралъ Наумовичъ, бывшій сперва польскимъ патріотомъ, потомъ украинскимъ народникомъ и, наконецъ, вставшій на сторону москалефиловъ. Хотя въ москалефильскомъ движеніи было много наивнаго — начиная съ того, что многіе изъ его представителей сами не знали русскаго языка, — все же, оно упорно держалось, вызывая ожесточенные споры и чрезвычайно напряженную внутреннюю борьбу въ средѣ са-

мого украинства. Тѣмъ болѣе, что среди украинофиловъ тоже шелъ споръ между двумя нарѣчіями: такъ называемымъ «язычьемъ», съ очень значительными примѣсями польскаго языка, и болѣе чистымъ кіевскимъ нарѣчіемъ. Въ виду всего этого, украинскому движенію въ Галиціи грозилъ полный развалъ.

Однако, какъ разъ къ этому времени галиційскіе украинофилы получили значительную поддержку въ видѣ гонимыхъ украинофиловъ Россіи, вынужденныхъ перенести свою дѣятельность за-границу. Галиція становится центромъ и убѣжищемъ для украинской мысли обѣихъ частей Украины, національная работа расширяется, количество украинскихъ дѣятелей растетъ. Во Львовѣ печатаютъ свои произведенія Левицкій (Нечуй), Рудченко (Панасъ Мирный), Кропивницкій, Старицкій, къ которымъ присоединяются и мѣстныя первоклассныя силы — Иванъ Франко и Павликъ. Оживляется мѣстный журналъ «Зоря», и начинаетъ оказывать широкое и глубокое политическое вліяніе руководимая изъ Женевы Драгомановымъ «Правда».

Получивъ отъ притока изъ-за кордона новыя силы, украинство на галиційской почвѣ стало лицомъ къ лицу передъ новыми мѣстными задачами. Если въ Россіи до запрещенія письменности украинство не вышло еще изъ рамокъ просвѣтительнаго движенія, то въ Галиціи оно уже давно соприкасалось съ повседневными политическими вопросами, неизбѣжными въ правовомъ государствѣ, и рано или поздно должно было оформиться въ политическое движеніе съ опредѣленными программными теченіями.

Начиная съ 1848 года, въ Галиціи существовало теченіе «народниковъ». Но оно не имѣло ни отчетливой программы, ни твердой организаціи, и ея политическая дѣятельность ограничивалась выставленіемъ кандидатовъ въ Сеймъ. Лишь подъ непосредственнымъ вліяніемъ общественныхъ идей Драгоманова изъ этой политически аморф-

ной среды выдѣлилась первая настоящая, въ европейскомъ смыслѣ, украинская партія «радикаловъ», основанная въ 1878 году и имѣвшая соціалистическую аграрную программу. Но рядомъ съ ней по-прежнему дѣйствуютъ аморфныя народническія группы.

Значительный разбродъ мысли былъ внесенъ въ украинскую среду соглашеніемъ части сеймовыхъ украинскихъ депутатовъ съ поляками, или польско-украинской угодой. За рядъ культурныхъ и экономическихъ уступокъ, за помощь на выборахъ противъ москалефиловъ часть галиційскихъ народниковъ въ Сеймѣ, возглавляемая Барвинскимъ, обѣщала полякамъ отказъ отъ соціальнаго радикализма, поддержку въ консервативно-охранительной политикѣ поляковъ и, вообще, вѣрность и лойяльность русинъ по отношенію къ Австріи и Польшѣ. Это соглашеніе внесло крайнюю смуту и разладъ во всѣ теченія украинской общественности въ Галиціи. Часть народниковъ, предводимая Романчукомъ, стала склоняться къ радикаламъ, часть — къ москалефиламъ, которые, въ свою очередь, раздѣлились на два теченія... Радикалы тоже раскололись: на радикальныхъ демократовъ, типа Драгоманова, и соціалистовъ. Въ этомъ хаосѣ выдѣлялась отчетливостью и планомѣрностью лишь дѣятельность Грушевскаго, который съ 1894 года переѣхалъ изъ Кіева въ Галицію и началъ тамъ вести разностороннюю и широкую работу. Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на прозябавшее во Львовѣ общество имени Шевченко и превратилъ его въ центръ духовной жизни всего украинства. Затѣмъ онъ основываетъ «Литературно-Науковій Вістнік», вокругъ котораго группируются лучшія литературныя силы обѣихъ частей Украины. Наконецъ, послѣ страшной разрухи и разброда украинства во время выборовъ въ Рейхсратъ въ 1897 году, Грушевскій началъ активную работу въ основанной группой Романчука и правымъ крыломъ радикаловъ «народно-демократической» партіи, съ ярко выраженной національной программой

(выдѣленіе всѣхъ украинскихъ земель Австріи и Венгріи въ автономную область съ отдѣльнымъ Сеймомъ) и демократически-радикальной (всеобщее избирательное право, выкупъ земли отъ помѣщиковъ въ пользу крестьянъ). Партія эта объединила въ себѣ значительное количество интеллигентныхъ работниковъ, пустила глубокіе корни въ крестьянствѣ и явилась, по своей сплоченности и силѣ, достойнымъ соперникомъ польской народовой демократіи въ борьбѣ поляковъ и украинцевъ изъ-за Восточной Галиціи, вспыхнувшей съ ожесточеніемъ, начиная съ первыхъ годовъ новаго вѣка. Грушевскій, однако, не долго оставался въ рядахъ этой партіи. Съ одной стороны, научная дѣятельность не давала ему возможности удѣлять достаточно времени политической работѣ, съ другой стороны, — онъ не хотѣлъ слишкомъ углубляться въ мѣстныя, галиційскія дѣла, такъ какъ ему приходилось служить живымъ звеномъ между Галиціей и русской Украиной, тѣмъ болѣе, что къ этому времени центръ тяжести украинской народной жизни качнулся опять въ сторону Россіи.

Возобновленіе украинскаго движенія въ Россіи. 1905 годъ.

Несмотря на преслѣдованія со стороны правительства, украинское движеніе въ Россіи, въ сущности, не прекращалось, но было лишь придушено. Кадры прежнихъ «Громадъ» оставались на мѣстахъ, личная связь между громадянами продолжалась. Съ девяностыхъ годовъ появилась возможность и внѣшняго проявленія украинской жизни, въ виду нѣкоторыхъ облегченій украинскому языку. Въ Петербургѣ основывается «Благотворительное Общество» для изданія дешевыхъ и общеполезныхъ книгъ, выпустившее рядъ брошюръ и книжекъ на украинскомъ языкѣ. На Украинѣ работаетъ Борисъ Гринченко, развившій энергичную популяризаторскую и издательскую дѣятельность. Большое значеніе имѣло празднованіе столѣтія выхода въ свѣтъ «Энеиды» Котляревскаго. Появляются на русской почвѣ и новые русскіе

писатели — Леся Украинка, Коцюбинскій, Винниченко и др.

Въ связи съ этимъ началось и организаціонное оживленіе. Уже въ 80-хъ годахъ создается въ Петербургѣ кружокъ «украинскихъ соціалистовъ-федералистовъ», стремившійся, въ отличіе отъ Драгоманова, не къ областной, а къ національно-территоріальной автономіи. Въ началѣ 90-хъ годовъ въ Кіевѣ образуется «Тарасовъ Кружокъ», имѣвшій культурно-просвѣтительныя задачи. Въ 1897 году уже организуется цѣлая федерація украинскихъ громадъ (провинціальныхъ), избирающихъ кіевскую центральную громаду, получившую названіе «Рады» (Совѣта). Въ 1900 году создалась первая политическая партія на Украинѣ «Украинская революціонная партія», изъ рядовъ которой вышли кадры всѣхъ остальныхъ украинскихъ партій. Основана партія была молодежью студенческихъ громадъ, которая стала тяготиться исключительно культурно-просвѣтительной работой и стремилась къ болѣе широкой политической борьбѣ подъ знаменемъ національнаго освобожденія Украины. Партія имѣла центральный комитетъ въ Кіевѣ, но главная работа сосредоточивалась въ заграничномъ комитетѣ партіи во Львовѣ. Партія вскорѣ стала замѣтной не только въ рамкахъ подпольной жизни, но проявилась во внѣ, такъ какъ съ ея именемъ были связаны аграрные безпорядки 1901—02 годовъ. Къ концу 1904 года началось разслоеніе среди партіи. Умѣренные круги вышли изъ ея состава и образовали «Товариство Украіньскихъ Поступовців» (прогрессистовъ, въ сокращеніи «туп»), которое съ теченіемъ времени преобразовалось во вліятельную партію «соціалистовъ-федералистовъ» («есефы»); основное требованіе партіи было: федерація народовъ Россіи и національно-территоріальная автономія Украины, какъ части россійской державы. Лѣвое крыло революціонной партіи образовало украинскую соціалъ-демократическую партію, которая вскорѣ присоединилась въ качествѣ автономной груп-

ны къ русскимъ соціалъ-демократамъ (такъ называемая «Украинская Спілка»).

Въ стадію лихорадочнаго оживленія вступаетъ украинская жизнь съ начала всероссійскаго освободительнаго движенія. Въ 1905 году отмѣняется запрещеніе украинской печати, и сразу начинаетъ выходить множество журналовъ, подчасъ, впрочемъ, весьма эфемерныхъ (первый журналъ «Хліборобъ» вышелъ въ Лубнахъ). При выборахъ въ Государственную Думу украинцы развили весьма интенсивную дѣятельность и въ блокѣ съ кадетами провели 4-хъ депутатовъ по своимъ спискамъ. По иниціативѣ этихъ депутатовъ, въ Государственной Думѣ былъ организованъ Украинскій Клубъ, къ которому примкнуло еще около 40 депутатовъ (въ томъ числѣ М. Ковалевскій, бар. Штейнгель, Свѣчинъ и пр.). Точно такъ же во 2-ой Гос. Думѣ образовалась «Украинская Громада», которая вначалѣ входила въ составъ трудовой фракціи, но впослѣдствіи, по техническимъ и принципіальнымъ соображеніямъ, вышла изъ нея. Въ думской громадѣ числилось 47 депутатовъ — преимущественно молодежи. Наряду съ этимъ, въ странѣ начали расти «Просвиты» и «Клубы» для объединенія всѣхъ національныхъ культурныхъ силъ, и они очень быстро множатся какъ въ Украинѣ, такъ и въ самой Россіи. Научная же мысль украинцевъ получила центръ въ видѣ научнаго общества въ Кіевѣ, аналогичнаго обществу имени Шевченко въ Галиціи. Были сдѣланы попытки преподаванія въ русскихъ университетахъ на украинскомъ языкѣ, но онѣ разбились о противодѣйствіе администраціи, а въ Кіевѣ сопротивленіе этому «новшеству» было оказано и профессорской средой.

И хотя въ дальнѣйшемъ, съ наступленіемъ реакціи, украинское движеніе наталкивалось на немалыя препятствія со стороны власти (закрытіе «Просвитъ», запрещеніе праздновать столѣтній юбилей Шевченко), несмотря на то, что третья Дума встала на узко-націоналистическую точку зрѣнія и высказалась противъ украинскаго языка

въ украинской школѣ, тѣмъ не менѣе, украинское народное движеніе пріобрѣло уже неустранимую почву для работы и развитія. О размѣрахъ издательской дѣятельности можно судить по тому, что въ 1907 году было издано свыше ста названій, а въ послѣдующіе годы по 200 — 250, въ количествѣ свыше 500 т. экземпляровъ, при чемъ образовался цѣлый рядъ украинскихъ издательствъ. Въ общемъ, украинская издательская дѣятельность, будучи меньше русской, польской, еврейской, нѣмецкой, эстонской и латышской, все же сразу оказалась выше армянской, литовской, грузинской. Но надо помнить, что, кромѣ того, получила въ Россію доступъ украинская книга изъ Галиціи, массой хлынувшая на русскій голодный рынокъ. Такимъ образомъ украинскій языкъ твердо завоевывалъ всѣ права гражданства. Вопреки заявленіямъ министра вн. дѣлъ Валуева, что украинскаго языка не было, нѣтъ и не будетъ, украинская литература заняла третье мѣсто въ ряду славянскихъ литературъ, сразу вслѣдъ за Россіей и Польшей; при чемъ языкъ вышелъ изъ сферы народно-популяризаторской и беллетристической и получилъ такое развитіе и углубленіе, что могъ служить орудіемъ научной работы.

Это вызвало даже тревогу въ русскихъ національныхъ сферахъ, выразившуюся въ призывахъ Струве къ безпощадной общественной борьбѣ съ украинствомъ. Однако, эти призывы еще не имѣли почвы для политической реализаціи. Въ виду совершенно особыхъ условій, украинское движеніе въ Россіи значительно отличалось по самому существу своему отъ характера галиційскаго движенія, и украинско-русскій вопросъ не пріобрѣталъ еще даже отдаленнаго сходства съ польско-украинской распрей. Вотъ свидѣтельство посторонняго внимательнаго наблюдателя, если и пристрастнаго, то не въ пользу русско-украинскаго сближенія:

«Украинскій интеллигентъ всегда остается русскимъ. Онъ воспитанъ въ русской школѣ, на русской литературѣ. Въ обще-

ственной жизни, какъ чиновникъ, адвокатъ, учитель, врачъ, ученый, употребляетъ всегда русскій языкъ. Даже когда онъ пишетъ на украинскомъ языкѣ, онъ думаетъ чаще всего по-русски, и украинская печать переполнена русскими выраженіями и терминами въ кавычкахъ, подвертывающимися украинскому публицисту легче, чѣмъ соотвѣтствующія выраженія украинскія, употребляемыя его товарищемъ за Збручемъ. Эта общая жизнь съ россійской средой создаетъ въ украинской интеллигенціи сознаніе народнаго единства съ Россіей, чувство, проходящее красной нитью черезъ всю дѣятельность наиболѣе выдающихся представителей украинскаго возрожденія — отъ Костомарова, Кулиша до Драгоманова и украинскихъ соціалистовъ. Какъ говоритъ «Діло», сознаніе племенного родства украинскаго народа съ русскимъ является составнымъ элементомъ народнаго самосознанія русскихъ украинцевъ. Сознаніе принадлежности къ русской народной государственности объясняетъ тотъ фактъ, что украинское движеніе въ Россіи, выдѣлившееся весьма рѣзко въ сферѣ культурной дѣятельности, въ области политической тонуло въ русскомъ морѣ. И этимъ объясняется обстоятельство, что украинское движеніе въ Россіи, въ противоположность Галиціи, послѣ незначительныхъ усилій созданія собственнаго автономистическаго движенія въ 1906 году, въ сущности говоря, не существуетъ не только какъ опредѣленная сила, но даже какъ политическое движеніе, съ которымъ надо было бы серьезно считаться[1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя отрицать, что въ культурной области украинство сдѣлало громадные успѣхи и завоеванія, значительно видоизмѣнившіе соотношеніе между украинствомъ и русской образованностью. Лучше всего существо этого измѣненія характеризуется словами Драгоманова: «Во времена Гоголя еще можно было написать «Вечера на Хуторѣ» и «Тараса Бульбу» не по-малорусски, теперь нельзя». Нельзя, потому что нынѣ писатель или интеллигентъ, соприкасающійся такъ близко съ народной массой, какъ Гоголь, не можетъ быть только «паничемъ», но долженъ быть народнымъ работникомъ, творчество котораго не можетъ развиваться на иномъ языкѣ, кромѣ народнаго.

7. *Война и революція.*

Ожесточенная борьба украинцевъ съ поляками въ Галиціи и начало широкой культурной работы въ Россіи были прерваны начавшейся войной. И если по отношенію

[1]) L. Wasilewski: «Ukraina i sprawa ukraińska», стр. 194.

къ другимъ народамъ русское правительство пыталось съ первыхъ дней войны идти на уступки, на примиреніе и найти платформу для соглашенія, то по отношенію къ украинству имъ была занята рѣзко отрицательная позиція. Украинская печать опять была воспрещена въ Россіи, остатки украинскихъ организацій стали подвергаться систематическимъ преслѣдованіямъ, украинцамъ было запрещено праздновать столѣтіе со дня рожденія Шевченки, на могилѣ котораго въ день юбилея дежурилъ лишь сильный нарядъ полиціи. Съ занятіемъ русскими войсками Львова преслѣдованіе украинства подъ руководствомъ гр. Бобринскаго перенесено было и въ Галицію. Совершенно иную позицію занялъ по отношенію къ украинству противникъ, тщательно пользовавшійся тѣмъ недовольствомъ, которое русская власть создавала противъ себя. «Союз Визволенья Украіни» началъ развивать усиленную антирусскую работу какъ среди галичанъ, такъ и среди русскихъ плѣнныхъ-украинцевъ.

Однако, съ началомъ революціи украинская духовная жизнь опять переносится въ Россію. Но то обстоятельство, что украинство въ Россіи могло выйти изъ подполья только въ эти дни катастрофы, отразилось крайне тягостно на характерѣ его дальнѣйшаго развитія. Естественная подозрительность и недовѣрчивость къ центральной власти со стороны украинцевъ встрѣтила недоумѣніе и изумленіе со стороны русскихъ общественныхъ круговъ: украинская и русская общественность совершенно не знали другъ друга и не могли найти ни общихъ словъ ни общаго пути въ строительствѣ.

Въ первыхъ дняхъ апрѣля былъ созванъ въ Кіевѣ торжественный Всеукраинскій національный съѣздъ, на которомъ присутствовало болѣе 1.000 делагатовъ съ Украины и со всѣхъ концовъ Россіи и всѣ мало-мальски выдающіеся украинскіе общественные дѣятели. Предсѣдателемъ съѣзда былъ избранъ С. Петлюра. Политическая резолюція съѣзда выставила слѣдующія требованія: 1. Націо-

нально-территоріальная автономія Украины. 2. Перестройка Россіи на федеративныхъ началахъ. 3. Установленіе республиканскаго строя. 4. Обезпеченіе правъ національныхъ меньшинствъ. Требованія эти должны были служить платформой для работъ Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Какія-либо сепаратистскія настроенія отсутствовали вовсе, и Грушевскій подчеркивалъ, что упреки въ томъ, что украинцы руководятся лозунгомъ «Украина для украинцевъ», являются ложными, такъ какъ такой лозунгъ не имѣетъ за собой сторонниковъ среди сознательныхъ украинскихъ дѣятелей. Работы съѣзда закончились избраніемъ Центральной Рады, въ составѣ 150 человѣкъ, въ которую вошли представители всѣхъ культурныхъ, просвѣтительныхъ и политическихъ организацій Украины, а также національныхъ меньшинствъ (10%). Предсѣдателемъ Рады былъ избранъ Грушевскій, товарищами предсѣдателя — Ефремовъ и Винниченко. Въ подавляющемъ большинствѣ Рада была составлена изъ соціалистическихъ элементовъ (украинскихъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ); партія соціалистовъ-федералистовъ, во главѣ съ Ефремовымъ, составляла оппозицію, вмѣстѣ съ представителями національныхъ меньшинствъ.

Несмотря на случайный характеръ состава Рады — впрочемъ, не болѣе случайный, чѣмъ составъ петербургскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и другихъ революціонныхъ организацій той эпохи, — она явилась дѣйствительнымъ центромъ общественной жизни на Украинѣ, наиболѣе крѣпкой и вліятельной организаціей, имѣющей значительные корни въ самомъ населеніи Украны, при чемъ эти связи съ каждымъ днемъ замѣтно росли. Во всякомъ случаѣ, русскіе элементы оказались на Украинѣ значительно пассивнѣе и распыленнѣе и были вынуждены занять позицію «меньшинства».

Центральная Рада, въ свою очередь, выдѣлила изъ своей среды своего рода первое министерство автономной

Украины въ видѣ генеральнаго секретаріата, возглавляемаго Винниченко, и начала борьбу съ центромъ изъ-за фактическаго введенія на Украинѣ автономіи. Первымъ вопросомъ явилось назначеніе должностныхъ лицъ на Украинѣ. Центральная Рада предоставила предсѣдателю Совѣта Министровъ Львову списокъ лицъ, которыхъ она желала бы видѣть на высшихъ административныхъ постахъ въ Украинѣ. Но делегація, представляшая списокъ, получила весьма сдержанный отвѣтъ, что списокъ будетъ принятъ во вниманіе наряду съ заявленіями и пожеланіями другихъ общественныхъ группъ на Украинѣ. Далѣе начался длительный конфликтъ изъ-за вопроса объ украинскихъ формированіяхъ. Въ то время какъ Рада и группирующіяся вокругъ нея войсковыя украинскія организаціи настаивали на немедленномъ установленіи территоріальнаго принципа комплектованія, центральныя военныя власти, Временное Правительство и даже Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ указывали на полную невозможность измѣненія во время войны мобилизаціонныхъ плановъ и соглашались лишь на комплектованіе отдѣльныхъ украинскихъ частей на всѣхъ фронтахъ равномѣрно.

Въ рѣшительную стадію конфликтъ между Кіевомъ и Петербургомъ вошелъ послѣ предъявленія Центральной Радой записки Временному Правительству съ такими требованіями:

1. Выявленіе благопріятнаго отношенія Временнаго Правительства къ автономіи Украины.

2. Принципіальное признаніе права Украины участвовать въ будущей мирной конференціи въ виду вопроса о Галиціи.

3. Учрежденіе при Временномъ Правительствѣ особой должности комиссара по украинскимъ дѣламъ.

4. Учрежденіе въ Украинѣ особаго комиссаріата съ состоящей при немъ областной Радой.

5. Выдѣленіе украинцевъ въ тылу и на фронтѣ въ отдѣльныя части.

6. Украинизація средней и высшей школы, вслѣдъ за признанной Правительствомъ украинизаціей низшей школы.

7. Замѣщеніе отвѣтственныхъ гражданскихъ и духовныхъ административныхъ постовъ въ предѣлахъ Украины лицами, знающими мѣстный языкъ и пользующимися довѣріемъ мѣстнаго населенія.

8. Ассигнованіе средствъ въ распоряженіе Рады на національныя потребности.

9. Разрѣшеніе возвращенія закордоннымъ украинцамъ и облегченіе участи украинцевъ-военноплѣнныхъ.

Требованія эти были Временнымъ Правительствомъ отклонены по мотивамъ, что Правительство не увѣрено, насколько правильно Рада выражаетъ мнѣніе украинскаго населенія, и что Правительство не вправѣ само рѣшать вопросы, связанные съ расчлененіемъ Россіи, власть надъ которой Правительство обязано сохранить до Учредительнаго Собранія цѣликомъ.

Такой отвѣтъ вызвалъ взрывъ негодованія со стороны украинцевъ. М. Грушевскій заявилъ, что «праздникъ революціи кончился, начался грозный часъ». И 13 іюня (ст. стиля) Рада на Софійской площади въ Кіевѣ обнародовала свой первый «Универсалъ», излагающій сущность конфликта съ Правительствомъ, прокламирующій автономію Украины, при сохраненіи, однако, неразрывной связи съ Россіей, требующій, чтобы земельная реформа на Украинѣ была проведена Украинскимъ Учредительнымъ Собраніемъ и кончающійся двусмысленнымъ призывомъ къ населенію добровольно уплачивать налоги въ пользу Рады. Въ виду роста украинскихъ военныхъ организацій, можно сказать, что Украина подходила къ національной военной революціи.

Это заставило Временное Правительство попытаться найти соглашеніе съ Радой. Въ Кіевъ пріѣхали Некра-

совъ, Церетелли, Терещенко, а впослѣдствіи и Керенскій. Въ результатѣ долгихъ переговоровъ было достигнуто соглашеніе, существо котораго нашло выраженіе въ декларації Временнаго Правительства отъ 3 іюля. Въ декларації объявлялось, что высшимъ правительственнымъ органомъ для Украйны явится Генеральный Секретаріатъ, составляемый по соглашенію съ Центральной Радой, пополненной представителями другихъ народностей; что Центральная Рада получаетъ право разработать для представленія Учредительному Собранію проектъ украинской автономіи и земельнаго закона для Украины; въ отношеніи же военныхъ формированій — указывалось на возможность во время войны комплектованія отдѣльныхъ украинскихъ частей только въ тылу, и то, если это не связано съ измѣненіемъ мобилизаціонныхъ плановъ.

Декларація правительства была принята украинскими кругами съ энтузіазмомъ, какъ выраженіе побѣды украинской идеи. Въ изданномъ по этому поводу 2-омъ «Универсалѣ» Рада опять подчеркивала единство Россіи, принимала призывъ Временнаго Правительства къ единенію, оттѣняла, что высшимъ краевымъ органомъ является Рада и отвѣтственный передъ нею Секретаріатъ, но отвергала мысль о самочинномъ введеніи автономіи Украины. И опять политическій лозунгъ, характеризующій эту стадію развитія украинской идеи, далъ Грушевскій словами, что украинская общественность отъ власти моральной перешла къ власти правовой.

Иначе воспринято было соглашеніе въ Петербургѣ, гдѣ оно явилось однимъ изъ поводовъ для выхода кадетской партіи изъ состава правительства. И когда представители Рады пріѣхали въ Петербургъ для выработки распорядка дѣятельности Секретаріата и соотношенія между центральными властями и украинскими, они встрѣтили весьма холодный и неуступчивый пріемъ, такъ что должны были ни съ чѣмъ вернуться въ Кіевъ, гдѣ нашли текстъ инструкціи Секретаріату, принятый Временнымъ Правитель-

ствомъ и посланный въ догонку по телеграфу. Инструкція правительства далеко разнилась отъ требованій украинцевъ, особенно въ отношеніи компетенціи Генеральнаго Секретаріата и опредѣленія территоріи Украины. Въ первомъ пунктѣ, правительство учреждало девять должностей секретарей для завѣдыванія внутренними дѣлами, финансами, земледѣліемъ, просвѣщеніемъ, торговлей и промышленностью и дѣлами труда, и тѣмъ самымъ изымало изъ вѣдѣнія Секретаріата дѣла министерствъ народнаго продовольствія, военной юстиціи, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ. Въ качествѣ территоріи Украины правительство упоминало лишь Кіевскую, Волынскую, Подольскую и Полтавскую губерніи и четыре уѣзда Черниговской губерніи, обѣщая въ другихъ спорныхъ мѣстностяхъ произвести плебисцитъ.

Въ отвѣтъ на эту инструкцію Секретаріатъ подалъ въ отставку, Винниченко меланхолически сталъ говорить о возможности гражданской войны, а украинскіе публицисты стали напоминать о временахъ Переяславской Рады, когда московскіе дьяки перехитрили наивныхъ «хохловъ». Но въ засѣданіи Центральной Рады, послѣ протестующихъ рѣчей, была принята осторожная резолюція, указывающая, что Рада представитъ на утвержденіе правительства 9 секретарей (изъ бывшихъ 14-ти), т. е. фактически признающая инструкцію.

Несомнѣнно, положеніе правительства было крайне трудное. Если со стороны Украины приходилось постоянно опасаться самочинныхъ выступленій и даже примѣнять такія средства, какъ разоруженіе непокорныхъ украинскихъ частей (полкъ Богдана Хмѣльницкаго), то въ русскихъ кругахъ правительство встрѣчалось съ нападками за уступчивость «сепаратизму» — отмѣтимъ, что та же инструкція, вызвавшая столько негодованія со стороны украинцевъ за «централизмъ» правительства, не была опубликована Сенатомъ, какъ противорѣчащая единству Россіи.

Съ паденіемъ Временнаго Правительства и переходомъ на сѣверѣ власти въ руки большевиковъ, въ Кіевѣ тоже разыгралось возстаніе, начатое кіевскими большевиками, но законченное и использованное украинцами. Генеральный Секретаріатъ пополнился недостающими для правительственной полноты секретарями и заявилъ, что его власть распространяется, кромѣ прежней территоріи, еще на всю Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи. Рада опубликовала 3-ій «Универсалъ» объ установленіи Украинской Народной Республики, не разрывая связи съ Россіей, объ отмѣнѣ смертной казни, о назначеніи на 27 декабря выборовъ въ Украинское Учредительное Собраніе и предоставленіи національнымъ меньшинствамъ національно-персональной автономіи. Въ общемъ, характеръ развивающихся событій дѣлалъ такое рѣшеніе неизбѣжнымъ, такъ что штабы юго-западнаго и румынскаго фронтовъ тоже признали правительственный авторитетъ Рады. Но развалъ этихъ фронтовъ, переполненіе Украины и, въ особенности, городовъ солдатчиной, отсутствіе достаточнаго количества общественныхъ силъ для управленія страной привели къ тому, что большевики, подъ начальствомъ Муравьева, заняли Кіевъ, а Рада вынуждена была бѣжать въ Житоміръ.

8. Германская оккупація. Директорія. Анархія.

Если, какъ мы уже неоднократно отмѣчали, въ средѣ самого украинства не только не было сепаратизма по отношенію къ Россіи, но даже не было до войны ярко выраженнаго автономизма, то за рубежомъ, въ Германіи и въ Австріи, давно уже идеологически разрабатывался планъ и обсуждалась возможность отпаденія Украины отъ Россіи. Особенно широко и подробно эта тема была разработана и популяризирована Рорбахомъ, доказывавшимъ, что такое отдѣленіе не только выгодно для Германіи, но и вполнѣ возможно. Во время войны идея

эта получила офиціальное значеніе: украинцы-военноплѣнные, какъ въ Австріи, такъ и въ Германіи, были отдѣлены отъ остальныхъ русскихъ военноплѣнныхъ, содержались въ особыхъ лагерахъ, съ особымъ режимомъ, среди нихъ агитировали украинскіе дѣятели изъ Галиціи, оріентировавшіеся, особенно послѣ режима Бобринскаго, на срединныя державы. Кромѣ того, въ австрійской арміи появились спеціальныя украинскія формированія.

Теперь, въ моментъ заключенія Брестскаго мира, насталъ часъ пустить всѣ эти сили въ ходъ. Нѣмецкое командованіе заключило соглашеніе съ Радой, и въ Украину были двинуты нѣмецко-австрійскіе отряды подъ общей командой ген. Линсингена. Кіевъ былъ очищенъ отъ большевиковъ и вся Украина оккупирована войсками центральныхъ державъ. Такимъ образомъ, вся фактическая власть въ Кіевѣ оказалась въ рукахъ нѣмцевъ, Рада же имѣла только формальныя полномочія, только служила прикрытіемъ для нѣмецкой оккупаціи. Однако, радикализмъ Рады въ соціальномъ отношеніи, ея соціалистическая аграрная программа, революціонизировавшая крестьянство и мѣшавшая нѣмцамъ привести въ исполненіе планъ использованія Украины въ качествѣ источника продовольствія, заставляли нѣмцевъ тяготиться даже такимъ сожительствомъ съ Радой. Въ маѣ мѣсяцѣ былъ произведенъ переворотъ, и Раду смѣнилъ гетманъ Скоропадскій, выдвинутый партіей земельныхъ собственниковъ. Но и Скоропадскій имѣлъ только фиктивныя полномочія: его армія, въ составѣ якобы восьми корпусовъ, числилась только на бумагѣ и имѣла налицо только штабы. Поэтому, когда Германія была разгромлена на западномъ фронтѣ и вынуждена была начать эвакуацію Украины, гетманъ оказался совершенно безсильнымъ и безпомощнымъ передъ лицомъ крестьянства, озлобленнаго реквизиціями и суровымъ режимомъ помѣщичьей реставраціи. Въ поискахъ опоры гетманъ, подъ давленіемъ окру-

жающихъ его представителей высшихъ классовъ, ориентирующихся на Россію, попытался измѣнить направленіе политики и выставить начало единенія съ Россіей. Но тогда «Національный Союзъ», объединявшій всѣ украинскія партіи, въ томъ числѣ и элементы распущенной Рады, и до тѣхъ поръ соблюдавшій по отношенію къ гетману нейтралитетъ, поднялъ знамя возстанія, начавшагося въ Бѣлой Церкви и быстро распространившагося по всей Украинѣ. Послѣ недолгой борьбы власть гетмана была сметена, и въ Кіевъ вошли войска украинской Директоріи, организовавшейся во главѣ съ Винниченко и Петлюрой.

Этотъ моментъ, несомнѣнно, представляетъ собой высшую точку проявленія украинской идеи. Внѣшне возстаніе прошло чрезвычайно импозантно. По зову организованныхъ украинскихъ силъ, крестьянство Украины повсюду дружно вышло изъ своихъ деревень, встало въ стройные ряды украинскихъ повстанческихъ дружинъ, проявило выдержку во время осады Кіева, — и на гребнѣ подлиннаго широкаго народнаго движенія, какъ дѣйствительные вожди и руководители, украинскіе общественные дѣятели вошли хозяевами въ столицу края. При этомъ сказался высокій подъемъ и полное единодушіе украинскихъ общественныхъ теченій, которыя въ дни борьбы и въ первые дни побѣды всѣмъ фронтомъ поддерживали Директорію. Это было моментомъ высшаго подъема, но въ то же время и серьезнѣйшаго испытанія: положеніе было труднымъ, но не безнадежнымъ. Красная армія въ то время не составляла еще значительной силы, и Москва проявляла готовность къ мирному сожительству съ демократической Украиной, а Ленинъ увѣрялъ, что совѣтская власть не повторитъ ошибокъ прошлаго года и не начнетъ воевать съ Украиной. Напомнимъ, что не только поляки, но и находящіеся въ значительно худшихъ условіяхъ литовцы, латыши, эсты и грузины отстояли свою независимость и сумѣли не только выдер-

жать борьбу, но и организовать устойчивую демократическую власть въ своихъ странахъ. Украинское движеніе этого испытанія не выдержало. Съ одной стороны, Директоріей съ первыхъ же дней была проявлена самая безудержная національная нетерпимость: русскія газеты были закрыты, университетъ Св. Владиміра занятъ украинскими войсками, а, вмѣсто него, начата организація «Державнаго» университета чисто украинскаго характера. Словомъ, подъ національнымъ украинскимъ флагомъ начался культурный разгромъ Украины, ибо вся ея культура исторически была создана на русской почвѣ, и умерщвленіе русской общественной жизни значило до извѣстной степени разрушеніе жизни городовъ. И не только русскій элементъ явился объектомъ проявленія національной нетерпимости. Въ первые же дни занятія Кіева, украинскимъ штабомъ были выпущены прокламаціи съ явно погромными угрозами по адресу еврейства. Все это суживало базу новой власти, создавало повсюду оппозицію, отталкивало отъ украинскаго движенія значительныя интеллигентныя силы, почти все среднее городское населеніе. И если только дружная работа всей интеллигенціи Украины могла спасти ее отъ большевизма, то украинцы сдѣлали все возможное для того, чтобы въ эти силы внести разладъ и разбродъ.

Опасенія передъ большевизмомъ и національная борьба съ городами заставляли Директорію искать опору только въ крестьянскомъ населеніи, только въ деревнѣ: максимализмъ національный дѣлалъ неизбѣжнымъ максимализмъ соціальный. Демократическій принципъ власти былъ замѣненъ «трудовымъ», нашедшимъ себѣ организаціонное выраженіе въ созывѣ трудового конгресса, гдѣ въ подавляющемъ числѣ было представлено лишь крестьянство. И всѣ мѣропріятія Директоріи соотвѣтствовали программѣ Винниченко: «Мы должны дѣйствовать такъ, чтобы большевикамъ нечего было дѣлать на Украинѣ», что, въ концѣ концовъ, привело къ тому, что на-

селеніе на Украинѣ вскорѣ потеряло ощущеніе различія между большевизмомъ и украинствомъ въ его новомъ видѣ.

Соціальный радикализмъ не только создалъ противниковъ Директоріи въ средѣ украинскаго населенія, но и внесъ расколъ въ ряды украинскихъ общественныхъ теченій. Болѣе умѣренныя группы («соціалисты-федералисты») встали въ оппозицію по отношенію къ Директоріи. И, занятая проведеніемъ разрушительной соціальной и національной программы, Директорія не нашла силъ для организаціи края. Крестьянская стихія, послушно вышедшая на борьбу съ помѣщиками, не могла одна служить основой для организаціи власти. Старательно затушевываемое самими украинцами различіе соціальной программы Директоріи и большевизма привело къ тому, что крестьяне не могли понять, почему нужно защищать Директорію отъ большевиковъ, если тѣ тоже идутъ противъ помѣщиковъ, отдаютъ землю крестьянамъ и строятъ власть по «трудовому» принципу. И когда съ сѣвера началось продвиженіе якобы повстанческихъ войскъ, на самомъ же дѣлѣ частей красной арміи, то они не встрѣтили почти никакого сопротивленія. Къ началу февраля 1919 года большевики заняли Харьковъ и подошли къ Кіеву. Директорія бѣжала въ Винницу и въ Каменецъ-Подольскъ.

Но и большевики не оказались прочными на Украинѣ. Крестьянство, не сопротивлявшееся ихъ приходу, начало рѣшительную борьбу, какъ только совѣтская власть, съ Раковскимъ во главѣ, приступила къ проведенію коммунистической программы. Тѣ же самыя повстанческія банды, которыя раньше вышли по зову украинства и которыя потомъ помогли большевикамъ овладѣть страной, не разсѣялись, а стали крѣпнуть, расти, получили организованность. Имена Махно, Зеленаго, Соколовскаго и другихъ атамановъ стали громче именъ совѣтскихъ комиссаровъ. И, неспособные наладить упра-

вленіе, большевики были сметены добровольческой арміей Деникина. Но и съ добровольцами повторилась та же исторія. Не имѣя опоры въ краѣ, вынужденные вести борьбу одновременно съ большевиками, съ украинцами и съ крестьянскими атаманами, силы русской реакціи оказались слишкомъ слабыми, и Кіевъ опять былъ занятъ большевиками, вслѣдъ за которыми пришли поляки, потомъ опять большевики... Въ общемъ, въ теченіе трехъ лѣтъ гражданской войны Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки разъ 20.

Въ сущности, нынѣ на Украинѣ нѣтъ мѣстныхъ элементовъ, изъ которыхъ можно было бы создать власть. Горожане, въ большинствѣ случаевъ русскіе или евреи, пострадали отъ анархіи настолько, что о какой-либо организованности не приходится и говорить. Украинское движеніе, выступавшее сперва единымъ строемъ, все болѣе распыляется въ калейдоскопической смѣнѣ оріентацій. Въ то время, какъ Петлюра оказался въ лагерѣ поляковъ, Винниченко отправился въ Москву искать сближенія съ большевиками, въ Галиціи дѣйствуетъ западноукраинское правительство, отрицающее обоихъ, — въ станѣ Врангеля появились украинцы россійской оріентаціи, повидимому, вступающіе въ борьбу со всѣми теченіями и оттѣнками самостійности[1]). Но все это выну-

[1]) Въ украинскомъ движеніи въ настоящее время должно различать слѣдующія организаціи:

1. Остатки прежней Директоріи, во главѣ съ Петлюрой, который въ то же время является главнокомандующимъ украинской арміей. Два другіе члена Директоріи — Швецъ и Макаренко — выѣхали за-границу и, несмотря на требованія Петлюры, не вернулись, такъ что послѣдній принялъ на себя мандаты всѣхъ членовъ Директоріи. При этой единоличной Директоріи имѣется правительство, въ которое вошли представители большинства украинскихъ партій; президентъ совѣта министровъ — А. Левицкій.

2. «Боротьбисты», большевиствующая группа украинскихъ коммунистовъ, лидеромъ и вдохновителемъ которой является В. Винниченко. Центръ группы — въ Вѣнѣ. Группа имѣетъ два органа — «Боротьба» и «Нова Доба». Бывшіе члены Директоріи проф. Швецъ и Макаренко, повидимому, сочувствуютъ этой группѣ, но активно не выступаютъ.

3. Группа «Хліборобов-Демократов» со стоящимъ негласно

ждено оставаться внѣ края, который фактически находится въ рукахъ многочисленныхъ крестьянскихъ атамановъ, представляющихъ собой наиболѣе полное выраженіе крайняго и безудержнаго развитія анархіи. Если такое состояніе было невыносимымъ даже въ примитивныхъ условіяхъ XV и XVI вѣка, то нынѣ, при современномъ развитіи культуры, слѣдуетъ сказать, что Украина переживаетъ бѣдствія, ни съ чѣмъ не сравнимыя и гораздо болѣе тяжкія даже, чѣмъ центръ Россіи.

9. Выводы и перспективы.

Подводя итоги исторіи Украины за послѣдніе три года, надо выдвинуть слѣдующія положенія.

1. Украина представляетъ собой самобытный край, не похожій на остальную Россію. Если въ Великороссіи по тѣмъ или инымъ причинамъ, несмотря на чрезвычайныя внѣшнія и внутреннія трудности, крѣпко и долго держится большевизмъ, то украинское крестьянство нашло въ себѣ достаточно энергіи и организованности для того, чтобы сдѣлать всякую власть, не отвѣчающую его настроеніямъ, немыслимой въ странѣ. Но такъ какъ само крестьянство не въ состояніи создать своей власти, то

во главѣ ея гетманомъ Скоропадскимъ. Состоитъ изъ крупныхъ помѣщиковъ украинскаго образа мыслей. Дѣятели: Шеметъ, Скоропись-Іолтуховскій, Дорошенко, Эрцгерцогъ Вильгельмъ Габсбургскій (Василь Вышываный) и др.

4. «Украинскій Національный Комитетъ», образовавшійся недавно въ Парижѣ по иниціативѣ Моркотуна. Представляетъ русскую оріентацію. Отъ его имени было заключено соглашеніе съ генераломъ Врангелемъ.

5. Галиційское Правительство подъ главенствомъ диктатора Галиціи д-ра Евг. Петрушевича. Возникло на почвѣ принципіальныхъ политическихъ разногласій съ правительствомъ Директоріи; сперва дѣйствовало, какъ автономное правительство, въ связи съ Директоріей, но послѣ договора Петлюры съ поляками откололось. Опирается на массы галиційскаго крестьянства. Центръ — Вѣна. Основныя тенденціи — федерація съ Чехо-Словакіей. Въ правительствѣ принимаютъ участіе крупнѣйшія интеллектуальныя силы Галиціи. (Свѣдѣнія относятся къ концу 1920 г.).

на поверхности украинской жизни происходитъ калейдоскопическая смѣна властей.

2. Изъ политическихъ партій наиболѣе крѣпко связаны съ украинскимъ населеніемъ національныя украинскія организаціи, въ пользу которыхъ говорятъ результаты двукратнаго примѣненія всеобщаго избирательнаго права. Во всякомъ случаѣ, управленіе краемъ на демократической основѣ немыслимо помимо соглашенія съ украинцами. Всякая власть, идущая инымъ путемъ, должна готовиться къ военной оккупаціи, безъ надежды установить нормальный режимъ.

3. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, опытъ показалъ, что украинское движеніе, развитіе котораго было замедлено репрессіями стараго строя, недостаточно сильно сорганизовано, чтобы создать обособленную украинскую государственность и разрѣшить всѣ связанныя съ этимъ внѣшнія и внутреннія трудности. Оно, во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ, будетъ нуждаться въ опорѣ извнѣ. Этимъ объясняется пестрота смѣняющихся политическихъ оріентацій, которыя такъ характерны для украинскаго движенія въ послѣднее время.

Если же отъ выводовъ перейти къ прогнозамъ, то первымъ встаетъ вопросъ, какая изъ оріентацій украинства имѣетъ болѣе всего шансовъ на успѣхъ.

Прежніе австро-германскіе планы теперь, послѣ версальскаго договора, образованія Чехо-Славіи и независимой Польши, должны быть сданы въ архивъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Украина слишкомъ велика и своеобразна для того, чтобы ею можно было управлять и руководить изъ-за моря, напримѣръ, французамъ или англичанамъ. Какъ ни велики рессурсы побѣдителей, ихъ все же недостаточно, чтобы издали оказывать замѣтное вліяніе на судьбы такой большой страны и съ такимъ бунтарскимъ населеніемъ. Возможность длительнаго сотрудничества съ поляками исключена потому, что украинское движеніе не можетъ не опираться на крестьянъ, между тѣмъ какъ

польскій элéментъ въ правобережной Украинѣ представленъ почти исключительно помѣщиками. Поэтому польскія и укра́инскія задачи на Украинѣ совершенно противоположны, и соглашеніе будетъ такъ же непрочно, какъ непрочно было бы соглашеніе между бѣлоруссами и поляками, и какъ оказалось недлительнымъ соглашеніе между румынами и поляками въ Восточной Галиціи.

Такимъ образомъ, остается возможность только соглашенія съ Россіей. Соглашеніе съ русскимъ элементомъ въ Украинѣ нужно независимо отъ внѣшней оріентаціи, въ силу чисто мѣстныхъ условій и многочисленности русскаго населенія въ самой этнографической Украинѣ. Кромѣ того, русскія вліянія будутъ всегда сильны въ Украинѣ хотя бы потому, что русскій языкъ тамъ будетъ неизбѣженъ для сношенія со всѣми сосѣдями Украины. Русская культура, во всякомъ случаѣ первое время, должна остаться основой для культуры украинской; безъ нея, напримѣръ, совершенно немыслима будетъ организація высшаго преподаванія. Какъ ни оказались разрозненными русскіе элементы въ Украинѣ во время послѣднихъ событій, не дооцѣнивать ихъ нельзя, и если русскіе элементы сами неспособны управлять краемъ помимо украинцевъ, то и украинцы, вооружая противъ себя русскій элементъ, встрѣтятъ на каждомъ шагу слишкомъ много препятствій въ своей работѣ. Наличіе громадныхъ вліяній изъ великорусскаго центра будетъ дѣлать эти препятствія совершенно непреодолимыми: вспомнимъ о москалефильствѣ въ Восточной Галиціи!

Только широкое и прочное соглашеніе украинскихъ общественныхъ теченій съ русской государственностью является естественнымъ и единственнымъ организующимъ принципомъ для Украины.

Конечно, при господствующихъ нынѣ психологическихъ настроеніяхъ трудно говорить о соглашеніи. Еще болѣе затруднено оно наличіемъ анархіи въ самой Россіи. Точно такъ же соглашеніе окажется очень труд-

нымъ, если въ Россіи воцарится реакція, по тѣмъ же соображеніямъ, по которымъ трудно вѣрить въ возможность совмѣстной работы поляковъ и украинцевъ. Но соглашеніе съ русской демократіей — вполнѣ мыслимо, и оно должно подготавливаться обѣими сторонами уже теперь.

Быть можетъ, рано еще говорить о формѣ такого соглашенія. Но, конечно, нужно разъ навсегда отказаться отъ ничего не говорящихъ формулъ, въ родѣ деникинскаго «права на широкое самоуправленіе»... Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, едва ли соглашеніе можетъ быть достигнуто на той основѣ, которую предлагаютъ украинскіе націоналисты: полное отдѣленіе Украины съ тѣмъ, что впослѣдствіи можетъ быть заключенъ союзъ. Значительно болѣе вѣроятной представляется федеративная связь обѣихъ странъ, съ признаніемъ общаго гражданства, общей хозяйственной политики, общаго международнаго представительства (что не лишаетъ Украины возможности имѣть своего отдѣльнаго представителя въ Лигѣ Націй). Мѣстное же внутреннее законодательство, финансы и даже армія — могли бы быть совершенно обособленными.

Такое рѣшеніе, объединяющее на основѣ равенства и свободы два родственные народа, вносящее устойчивость во внутреннія отношенія въ Украинѣ, дающее формы для самаго широкаго развитія украинства, а вмѣстѣ съ тѣмъ оставляющее за русской культурой возможность мирнаго существованія и даже расширенія — является единственно органическимъ и устойчивымъ рѣшеніемъ украинскаго вопроса. Остальныя рѣшенія могутъ имѣть только временный, эфемерный характеръ, не разрѣшая по существу вопроса, а лишь откладывая его.

ЛИТВА

1. Территорія и населеніе. 2. Границы. 3. Историческія судьбы Литвы. 4. Возрожденіе литовскаго народа. 5. 1905 годъ. 1-ый Литовскій Съѣздъ. 6. Культурная работа литовцевъ. 7. Война и революція. 8. Борьба за независимость. 9. Литва и Польша. 10. Экономическое положеніе Литвы.

Литовскій народъ имѣетъ въ прошломъ не мало замѣчательныхъ страницъ. Судя по тому, что литовцы сохранили самый старый въ индо-европейской группѣ языкъ, наиболѣе похожій на санскритскій, со многими старинными формами и оборотами, слѣдуетъ считать, что они не одно тысячелѣтіе живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и, упорно защищаясь отъ всѣхъ опасностей, сумѣли уцѣлѣть даже подъ потопами и обвалами великаго переселенія народовъ. Болѣе того, была эпоха, когда, окруженная со всѣхъ сторонъ гораздо болѣе могущественными по численности и культурѣ племенами, вынужденная одновременно бороться и съ тевтонами съ запада и съ татарами съ востока, Литва не только отстояла себя, но сумѣла дать свое имя и своихъ правителей громадной державѣ, простиравшейся на востокъ до Смоленска и на югъ до пороговъ Днѣпра. Она сумѣла найти мирный способъ для длительнаго разрѣшенія распрей съ Польшей. И въ результатѣ, подмываемая со всѣхъ сторонъ громадными народными стихіями — нѣмецкой, польской и русской — сохранила языкъ, культурное своеобразіе и ярко выраженную духовную самобытность.

1. *Территорія и населеніе.*

Но, все же, стихіи подмыли Литву очень сильно, и не менѣе двухъ третей прежней литовской территоріи теперь населено или чужероднымъ или безслѣдно денаціонализированнымъ элементомъ. Нынѣ этнографическая

Крестиками обозначена граница Литвы по миру съ совѣтской Россіей.

Литва занимаетъ всю Ковенскую губернію (кромѣ восточной части Ново-Александровскаго уѣзда), южную часть Иллукстскаго уѣзда Курляндской губ., Трокскій уѣздъ, сѣверную часть Свѣнцянскаго, западную часть Виленскаго, сѣверную часть Лидскаго и нѣсколько этнографическихъ острововъ въ Ошмянскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, сѣ-

верную часть Гродненскаго уѣзда, Владиславовскій, Вилковышскій, Кальварійскій, Маріампольскій, Сейненскій (кромѣ южной части) и сѣверную часть Сувалкскаго уѣзда Сувалкской губ. Кромѣ того, въ Восточной Пруссіи литовцы составляютъ большинство въ Гейдекругскомъ уѣздѣ, а если исключить населеніе городовъ, то также въ Мемельскомъ и Тильзитскомъ.

Еще недавно границы литовскаго племени были значительно шире. Такъ, по изслѣдованіямъ въ 50-ыхъ годахъ прошлаго вѣка, литовцы занимали почти всю Виленскую губернію, слѣды чего остались въ обычаяхъ, именахъ и во всемъ укладѣ мѣстнаго населенія, поддавшагося польскимъ или русскимъ (бѣлорусскимъ) вліяніямъ.

Количество литовцевъ, по переписи 1897 года, было:

Въ Ковенской губерніи	1.019.772
,, Сувалкской ,, ...	304.548
,, Виленской ,, ...	279.720
,, Курляндской ,, ...	16.531
,, Гродненской ,, ...	3.366
Во всей Россіи	1.658.532

Для настоящаго времени цифру литовцевъ въ Россіи считаютъ около двухъ съ половиной милліоновъ. Такъ какъ, кромѣ того, около 500.000 литовцевъ находится въ Америкѣ, то цифра въ три милліона литовцевъ во всемъ мірѣ не явится преувеличенной.

На территоріи уѣздовъ, гдѣ литовцы составляли большинство населенія, соотношеніе національностей выражалось въ 1897 г. слѣдующими цифрами:

Всего жителей	2.158.630
Литовцевъ	1.434.428
Поляковъ	195.480
Евреевъ	270.920
Русскихъ	96.916
Нѣмцевъ	48.407

Такимъ образомъ, литовцевъ было всего 66% мѣстнаго населенія. При выводѣ русскихъ войскъ, значительномъ отплывѣ нѣмецкаго и польскаго элемента и при

усиленномъ притокѣ литовцевъ изъ Россіи, надо считать, что нынѣ процентъ литовцевъ несомнѣнно выше.

Въ Восточной Пруссіи количество литовцевъ (по даннымъ 1902 г.) около 120.000.

2. *Границы.*

При размежеваніи литовцевъ отъ другихъ народовъ, въ общемъ, большихъ трудностей не представилось бы, если бы не осложненія съ городомъ Вильной.

Исторически, политически и экономически Вильна является непререкаемой столицей Литвы. И литовская общественность издавна привыкла къ традиціонной формулѣ, выражающей основное національное требованіе: «автономія Литвы съ литовскимъ Сеймомъ въ Вильнѣ». Тѣмъ не менѣе, судьба Вильны значительно осложняется этнографическимъ составомъ какъ самого города, такъ уѣзда и губерніи.

По переписи 1897 года, было (въ тысячахъ) жителей:

	Всего населенія	Великороссовъ	Бѣлоруссовъ	Поляковъ	Литовцевъ	Евреевъ
Виленская губернія	1.591	79	892	130	280	202
Вильна (городъ)	155	31	6	48	3	62
Виленскій уѣздъ (безъ города) .	208	7	88	25	73	15

Изъ остальныхъ уѣздовъ Виленской губерніи литовцы составляли абсолютное большинство въ Трокскомъ уѣздѣ (изъ 203.000 жителей 118.000 литовцевъ и 32.000 бѣлоруссовъ) и довольно значительное меньшинство въ Вилейскомъ и Свѣнцянскомъ.

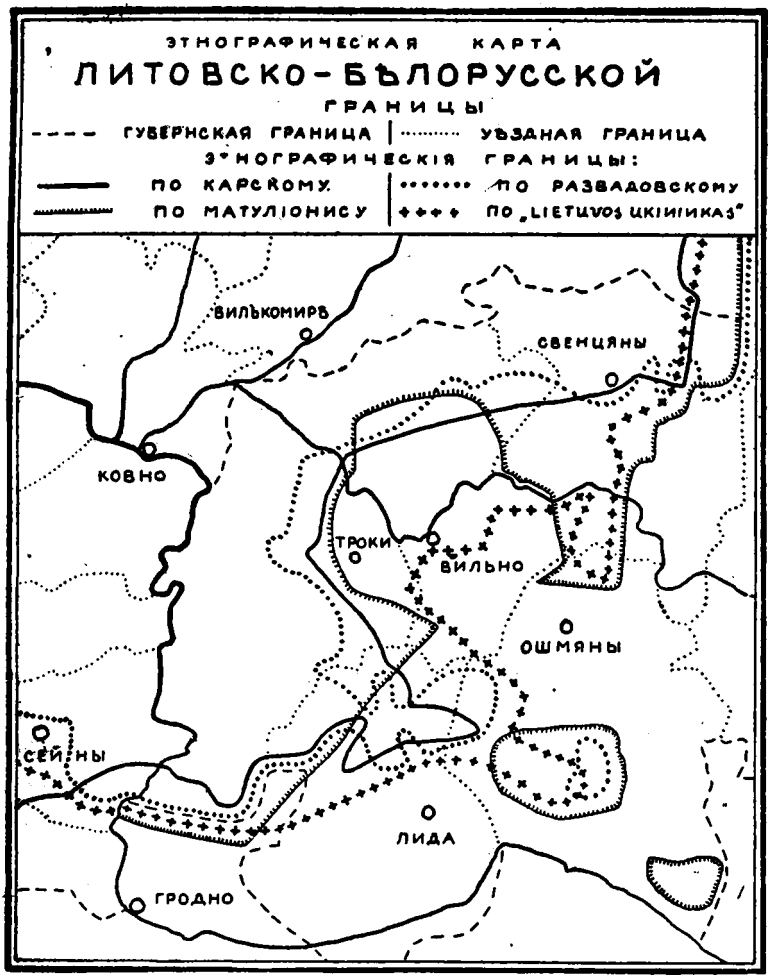
По даннымъ 1909 года, число литовцевъ въ Вильнѣ относительно уменьшилось — съ 2% до 1,2%. По переписи, устроенной нѣмцами въ 1917 году, въ Вильнѣ было изъ общаго количества 138.767 жит. 53,6% поляковъ, 41% евреевъ, 2,1% литовцевъ и 0,44% бѣлоруссовъ.

Такимъ образомъ, столица Литвы оказывается расположенной на бѣлорусской территоріи и населенной наполовину евреями, наполовину же поляками! Изъ главы о польско-литовскихъ отношеніяхъ мы увидимъ, къ какимъ конфликтамъ это приводитъ.

3. *Историческія судьбы Литвы.*

Изъ историческихъ фактовъ наибольшее значеніе для Литвы имѣютъ: ея успѣшная борьба съ германскимъ напоромъ съ запада, унія съ Польшей и, наконецъ, присоединеніе къ Россіи по третьему раздѣлу Польши.

При движеніи германскихъ силъ на востокъ вдоль побережья Балтійскаго моря только Литвѣ удалось отстоять свою независимость: прежніе пруссы, латыши, эсты оказались подъ игомъ крестоносцевъ. Успѣшность борьбы Литвы объясняется общностью дѣйствій ея съ Польшей. Именно, опасность со стороны крестоносцевъ впервые толкнула Польшу на сближеніе съ Литвой. Одновременно съ бракомъ Ягеллы съ Ядвигой Литва, на основаніи акта 1385 года (Кревскаго), была инкорпорирована въ Польшу, и для обѣихъ странъ была установлена общая государственность. Но на первыхъ порахъ это инкорпорированіе осталось только на бумагѣ, чистой теоріей. Въ Литвѣ подобное рѣшеніе вызвало сильное противодѣйствіе, и она фактически управлялась совершенно самостоятельно, своими собственными великими князьями, стоявшими въ чисто фиктивной зависимости отъ польскаго короля и ведшими свою самостоятельную политику не только во внутреннихъ, но и въ международныхъ дѣлахъ. Первымъ такимъ великимъ княземъ Литвы былъ братъ Ягеллы — Витовтъ, достигшій чрезвычайнаго могущества Литвы: имѣя западныя границы обезпеченными союзомъ съ Польшей, Витовтъ направилъ свои усилія на востокъ и югъ, покорилъ Смоленскъ, дошелъ до Кіева и даже совершалъ походы на Крымъ. Необычный ростъ

литовскаго княжества дѣлалъ связь съ Польшей все фиктивнѣе, и лишь неудачная битва подъ Ворсклой, гдѣ цвѣтъ литовскаго войска былъ уничтоженъ татарами, заставилъ Витовта опять искать сближенія съ Польшей. Ту же политику продолжали и преемники Витовта. Но Польша съ чрезвычайной выдержкой и тактомъ смотрѣла на колеблющіяся настроенія литовскихъ князей и

высшей знати и, пользуясь ихъ раздорами и междоусобіемъ, старалась найти себѣ опору въ среднемъ дворянствѣ, распространяя цѣлымъ рядомъ статутовъ привилегіи польской шляхты на соотвѣтствующіе классы сперва католической, а впослѣдствіи православной Литвы. Тѣмъ не менѣе, тяга Литвы къ Польшѣ все время колебалась. По мѣрѣ появленія внѣшней опасности отъ крестоносцевъ, отъ татаръ или отъ растущей Москвы — Литва прижималась къ Польшѣ. Но какъ только опасность проходила — начиналось отдаленіе отъ Польши. Такимъ образомъ, весь процессъ мирнаго объединенія Литвы съ Польшей продолжался около 200 лѣтъ, и даже послѣдній актъ — послѣдніе переговоры тянулись цѣлыхъ шесть лѣтъ, пока, наконецъ, на Люблинскомъ Сеймѣ въ 1569 году, подъ вліяніемъ грозной опасности со стороны Москвы, унія не была принята. Весь процессъ созданія этой уніи, особенно послѣдніе моменты, показываетъ высокую степень политическаго искусства польскихъ дипломатовъ и государственныхъ дѣятелей, сумѣвшихъ мирнымъ путемъ, пользуясь благопріятными моментами и вліяніемъ высокаго уровня своей политической культуры, присоединить Литву къ Польшѣ и открыть передъ польскимъ элементомъ широкій просторъ для экономической экспансіи. Акты Люблинскаго Сейма представляютъ не только любопытныя, но даже поучительныя страницы до нашихъ дней. Согласно уніи, престолъ великаго князя литовскаго окончательно слился съ престоломъ польскаго короля. Для всего государства былъ установленъ общій Сеймъ, въ которомъ, наряду съ поляками, получили мѣсто и литовцы. При значительной автономіи въ мѣстныхъ дѣлахъ и управленіи, все же Литва ничѣмъ не отличалась отъ другихъ частей Польши; ея войско входило въ составъ польскаго войска, международныя сношенія шли только черезъ Варшаву.

Но эти перемѣны въ судьбѣ политическаго устройства Литвы, въ сущности, мало отразились на судьбѣ са-

мого литовскаго народа. Новыя польскія вѣянія и вліянія вытѣсняли не литовскія народныя, а русскія традиціи: подъ вліяніемъ экспансіи на востокъ и завоеванія значительныхъ территорій съ русскимъ населеніемъ, князья, дворъ и высшее дворянство Литвы давно уже переняли русскую (бѣлорусскую) рѣчь, которая со значительными примѣсями книжнаго церковно-славянскаго языка составила и языкъ законодательства, актовую рѣчь, которой написанъ и Литовскій Статутъ.

Вставъ на путь ожесточеннаго сопротивленія своимъ противникамъ, найдя въ своей средѣ талантливыхъ организаторовъ и мужественныхъ вождей, Литва отстояла свою политическую независимость и право свободнаго распоряженія своей судьбой. Но цѣной этой борьбы было то, что народъ потерялъ свою культурную индивидуальность — сперва въ пользу русской, затѣмъ, со времени Люблинской уніи, — въ пользу польской. Цѣною народной культуры была куплена видимость внѣшней независимости, которая вскорѣ превратилась лишь въ привилегіи ополяченной литовской шляхты. Особенно отчетливъ и ясенъ будетъ этотъ результатъ, если его сравнить съ судьбами сосѣдняго латышскаго или эстонскаго народовъ, покоренныхъ крестоносцами. Оказывается, что для низовъ народа, хранителей духовной самобытности и народнаго языка, различіе между нѣмецкимъ барономъ въ Прибалтикѣ и ополяченнымъ помѣщикомъ въ Литвѣ не такъ велико. Если же вспомнить, что нѣмецкія вліянія и протестантство подняли культуру латышей и эстовъ значительно выше, чѣмъ стояла культура литовцевъ, то итогъ можетъ получиться даже не въ пользу литовцевъ. И нынѣ мы видимъ, что возрожденіе народовъ, прошедшихъ совершенно различную историческую судьбу, происходитъ почти одинаково — только у латышей и эстовъ нѣсколько интенсивнѣе и скорѣе, благодаря высшему состоянію ихъ культуры и образованія. И литовскій народъ, повидимому, безъ всякаго ущерба

могъ отказаться отъ своего «литовскаго» Статута, написаннаго на порченомъ бѣлорусскомъ нарѣчіи и устанавливающаго крѣпостную зависимость отъ ополяченныхъ и обрусѣвшихъ магнатовъ...

4. Возрожденіе литовскаго народа.

Народное творчество.

Всѣ силы народа ушли на внутреннюю борьбу, на созданіе призрачнаго внѣшняго могущества, на походы на Смоленскъ, на Кіевъ, на Крымъ. Для культурной работы силъ не оставалось. И, несмотря на пышный расцвѣтъ государства, литовская культура оказалась загнанной подъ соломенную крышу литовскаго крестьянина и проявлялась лишь въ видѣ пѣсенъ «Дайнъ», «Гесмесъ» и пр. Но тутъ своеобразіе и творческая сила народа сказались въ разительной степени. Количество народныхъ пѣсенъ, когда ихъ стали записывать, оказалось громаднымъ. Первыя пѣсни были записаны еще въ концѣ XVIII вѣка; затѣмъ онѣ маленькими сборниками неоднократно издавались то нѣмецкими, то польскими учеными, пока, наконецъ, въ 1880 году не вышли сборники Юшкевича, собравшаго много тысячъ разныхъ пѣсенъ. Богатство народнаго творчества таково, что даже въ одной мѣстности можно было собрать тысячи пѣсенъ, хранимыхъ памятью народной. Притомъ народное творчество оказалось не угасшимъ, а живымъ до нашихъ дней, и до сихъ поръ создаются и идутъ по Литвѣ новыя пѣсни неизвѣстныхъ авторовъ. Характерно, что государственный расцвѣтъ остался чуждъ народному творчеству: великіе подвиги литовскихъ воиновъ почти не воспѣваются въ немъ, и эпоса, подобно финнамъ или эстамъ, литовскій народъ не создалъ. Но зато въ народномъ творчествѣ сохранилось все богатство языка, дающаго возможность простыми оттѣнками выражать самыя разнообразныя ощущенія и

описывать очень тонко самыя простыя явленія и движенія. Въ этомъ отношеніи многія пѣсенки совершенно не переводимы на иностранные языки: то, что литовецъ выражаетъ маленькой приставкой, на иностранный языкъ приходится переводить длиннымъ оборотомъ.

Начало литовской письменности.

Въ сравненіи съ чрезвычайной плодовитостью народнаго творчества полнымъ контрастомъ стоитъ убожество творчества въ области письменной литературы, при чемъ замѣчательно, что первыя литовскія книжки появились не въ Литвѣ, сохранившей свою государственность, а въ Литвѣ, потерявшей ее: первая книжка на литовскомъ языкѣ (на прусскомъ нарѣчіи) — катехизисъ — была издана въ Кенигсбергѣ въ 1545 году. За ней послѣдовалъ катехизисъ уже въ верхне-литовскомъ нарѣчіи, изданный тамъ же въ 1547 году. Въ общемъ издано въ XVI вѣкѣ 26 произведеній, въ XVII — 33, въ XVIII — 113, въ XIX до 1865 года — 624 произведенія.

Наряду съ книгами религіознаго содержанія, чисто космополитическаго характера, въ концѣ XVIII вѣка стали выходить первыя свѣтскія произведенія. Въ прусской Литвѣ появился первый свѣтскій поэтъ Донелайтисъ (1714—1780), написавшій замѣчательную поэму о четырехъ временахъ года, гдѣ эпически изображается во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ жизнь крестьянина, а также рядъ другихъ произведеній.

Но собственно началу литовскаго возрожденія, какъ массоваго народнаго явленія, надо отнести только ко второй половинѣ XIX вѣка. Правда, и въ первой половинѣ минувшаго столѣтія появляются лица, любящія Литву, собирающія и изучающія ея древности, записывающія обычаи, бытъ, какъ собиратель древностей Пошка, переводчикъ Новаго Завѣта — кн. Гедройцъ, поэтъ кс. Стразделисъ. Но это еще разрозненныя проявленія интереса къ родной старинѣ, не имѣющія ха-

рактера коллективнаго движенія, не находящія отзвук въ массахъ. Только начиная съ дѣятельности популяризатора и издателя Довконта и стоящаго подъ его вліяніемъ епископа Волонческаго началась настоящая работа на нивѣ народной. Къ этимъ именамъ надо добавить еще имя Куршатиса, перваго литовца, обработавшаго научно грамматику литовскаго языка. Но особенное значеніе имѣла дѣятельность Ивинскаго, частнаго учителя на Жмуди, начавшаго выпускать литовскіе народные календари (съ 1846 по 1862 годъ). Календари эти были очень распространены по деревнямъ и читались всякимъ грамотнымъ крестьяниномъ. Небольшія книжки выходили съ очень тщательно подобраннымъ матеріаломъ. Наряду съ народными пѣсенками и сказками, въ нихъ появился цѣлый рядъ произведеній новыхъ авторовъ, являющихся прямыми продолжателями народнаго творчества. Къ этой эпохѣ относится и оживленная дѣятельность по собиранію литовскихъ народныхъ пѣсенъ (Юшкевича). Тогда же появились первыя періодическія изданія на литовскомъ языкѣ — правда, опять таки въ Восточной Пруссіи... Первымъ изданіемъ былъ миссіонерскій листокъ, чисто религіознаго, пропагандистскаго характера. Въ пятидесятыхъ годахъ, однако, появляется тамъ же два свѣтскихъ литовскихъ періодическихъ изданія. Въ общемъ, въ эпоху отъ 1840 по 1865 годъ, вышло произведеній больше, чѣмъ за все время отъ появленія первой литовской книги до 1840 года.

Значеніе этой литературы стало совершенно инымъ, чѣмъ первыхъ книжекъ, издаваемыхъ съ чисто утилитарными цѣлями, ничего общаго съ народной жизнью не имѣющими. И собираніе произведеній народнаго творчества уже не имѣло характера изученія народа, обреченнаго на вымираніе. На строѣ литовской жизни начинали отражаться расширеніе просвѣщенія и общая демократизація, свойственная XIX вѣку. Расширеніе просвѣщенія массъ требовало, чтобы къ нимъ обращались на

понятномъ, родномъ для нихъ языкѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нарождалась новая интеллигенція: если раньше круги литовской интеллигенціи ограничивались польской помѣщичьей средой, то теперь стали подниматься все бо́льшей массой люди съ народныхъ низовъ, которые, и получивъ образованіе, не теряли духовной связи со своимъ народомъ. Не малое значеніе имѣлъ виленскій университетъ, который, наряду съ широкими польскими вліяніями, уже просто своимъ существованіемъ въ краѣ способствовалъ пробужденію народной мысли: ученые и изслѣдователи, заинтересовавшись народными пѣснями съ научной цѣлью, заражались народнымъ творчествомъ и, вслѣдъ за записываніемъ народныхъ произведеній, стали сами писать на литовскомъ языкѣ.

Запрещеніе литовской печати.

Первымъ росткамъ литовскаго національнаго возрожденія пришлось столкнуться съ чрезвычайными внѣшними препятствіями, задержавшими развитіе ихъ почти на полъ вѣка.

Послѣ польскаго возстанія, нашедшаго отраженіе и въ Литвѣ, русская власть поставила своей задачей полное искорененіе польскихъ вліяній въ краѣ и замѣну ихъ русскими вліяніями. Для достиженія первой цѣли былъ изданъ рядъ ограничительныхъ мѣропріятій въ смыслѣ пріобрѣтенія земли поляками, уничтожены были польскія школы, вплоть до виленскаго университета, который просто былъ упраздненъ. Для руссификаціи въ школахъ былъ установленъ русскій языкъ, при чемъ мѣстные уроженцы не могли быть преподавателями. Насажденіе русскихъ вліяній казалось дѣломъ не труднымъ: своей собственной культуры литовцы еще не имѣли. Поэтому замѣна одной внѣшней культуры другой представлялась задачей вполнѣ достижимой.

Правда, отъ взгляда администраціи не укрылось начало литовскаго національнаго возрожденія, тѣмъ болѣе,

что даже изъ мѣстныхъ людей нашлись карьеристы, которые для того, чтобы выслужиться въ глазахъ начальства, не останавливались даже передъ доносами на своихъ соотечественниковъ: такъ, вслѣдствіе доноса литовца Петкевича, была прекращена издательская дѣятельность епископа Волончевскаго. Но какъ разъ въ этой плоскости подвернулась чисто кабинетная программа, выдвинутая Гильфердингомъ, который, во имя славянскаго единства, предложилъ установить единое правописаніе для всѣхъ славянскихъ языковъ. Эта идея подхватывается въ виленскихъ кругахъ, которые, не заботясь даже о томъ, что литовцы вовсе не славяне, рѣшили испробовать эту теорію на литовской зарождающейся литературѣ. Замѣна латинскаго шрифта русскимъ въ литовскомъ книгопечатаніи представлялась выгодной въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны, это отдаляло бы внѣшнимъ образомъ литовцевъ отъ польскихъ вліяній, съ другой же, дѣлало бы ихъ болѣе воспріимчивыми и подготовленными къ принятію русской письменности. Вначалѣ, однако, рѣшено было печатаніе литовскихъ книгъ гражданкой вести параллельно съ печатаніемъ латинскимъ шрифтомъ, въ расчетѣ на то, что гражданка побѣдитъ въ порядкѣ естественнаго соревнованія. Съ этой цѣлью былъ созданъ издательскій комитетъ, въ составъ котораго вошли два литовца (въ томъ числѣ и Ивинскій), и вскорѣ въ свѣтъ появилась первая книжка на литовскомъ языкѣ, напечатанная гражданкой: «Абецеле жемайтишкай-лѣтувишка». Однако, путь свободнаго соревнованія двухъ правописаній показался слишкомъ медленнымъ и невѣрнымъ, и въ 1865 году преемникомъ Муравьева, генералъ-губернаторомъ Кауфманомъ, былъ изданъ циркуляръ, запрещавшій въ предѣлахъ Виленской губерніи изданіе литовскихъ книгъ латинскимъ шрифтомъ. Въ томъ же году циркуляръ былъ подтвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и получилъ силу для всей Имперіи.

Для литовской литературы это явилось смертель-

нымъ ударомъ. Насильственно проводимая мѣра встрѣтила всеобщее народное недовѣріе и подозрительность, какъ угроза католичеству, символомъ котораго, подъ вліяніемъ духовенства, сдѣлалось латинское правописаніе. Гражданка поэтому была встрѣчена молчаливымъ, но дружнымъ повсемѣстнымъ бойкотомъ, и въ результатѣ насильственная мѣра привела къ полному параличу литовской литературы. Объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: съ 1864 по 1869 годъ было напечатано гражданкой 20 литовскихъ книгъ, въ 1870-74 — 3 книжки, въ 1875-79 — опять таки 3 книжки, а въ 1880-1884 — всего одна книжка въ цѣлое пятилѣтіе! Для избѣжанія русскаго шрифта были сдѣланы попытки печатать литовскія книги готикой, которая не была формально запрещена. Но, не говоря о трудности для населенія усвоенія новаго, чуждаго начертанія, готическій шрифтъ для литовскихъ книгъ тоже былъ вскорѣ воспрещенъ. Такимъ образомъ, въ корнѣ была задушена литовская печать въ Россіи. Только пользуясь привилегіями научныхъ учрежденій удалось выпустить въ свѣтъ нѣсколько изданій: сперва Казанскій университетъ, а затѣмъ и Академія Наукъ выпустили нѣсколько книжекъ на литовскомъ языкѣ латинскими буквами. Но широкаго значенія это имѣть не могло, такъ какъ каждый разъ приходилось преодолѣвать большія трудности, да и книги, которыя такимъ образомъ выходили, должны были по необходимости имѣть строго научный, академическій характеръ и не были приспособлены для широкаго распространенія.

Въ теченіе двадцати лѣтъ ростки литовскаго національнаго пробужденія оказались занесенными вьюгами бюрократическаго самодурства. Все литовское національное творчество остановилось. Поверхностному наблюдателю могло уже казаться, что, дѣйствительно, литовцы превратились въ «кандидатовъ въ русскихъ». Но это было лишь видимостью, на самомъ же дѣлѣ народъ въ

своихъ глубинахъ продолжалъ работу. Не только литовскій языкъ, но даже письменность хранились населеніемъ — послѣдняя въ видѣ молитвенниковъ. Правда, кое-гдѣ дѣлались попытки отнимать и молитвенники, оцѣпляя для этого костелы и обыскивая выходящихъ прихожанъ. Но такъ какъ въ 1865 году было запрещено лишь печатать новыя книги, но не было запрещенія хранить старыя, то такіе случаи были уже прямымъ насиліемъ, безъ всякой тѣни законности. Кромѣ того, право храненія старыхъ книгъ стало служить покровомъ для возможности распространенія новыхъ изданій. На новыхъ книгахъ, издаваемыхъ преимущественно въ Восточной Пруссіи и контрабандой доставляемыхъ въ Россію, временемъ изданія обозначался годъ, предшествующій 1865-ому, а мѣстомъ изданія — Вильна. Если это не всегда спасало книгу, то все же служило достаточной оговоркой для владѣльца ея. Все это лишь удерживало значеніе литовской книги на томъ уровнѣ, какого оно достигло до 1865 года, но на первыхъ порахъ не могло быть рѣчи о дальнѣйшемъ развитіи — до тѣхъ поръ, пока не выработались достаточные навыки и общественная сплоченность, дѣлающіе возможнымъ распространеніе нелегальной книги въ прямомъ значеніи этого слова.

Заграничныя изданія.

Національныя стѣсненія не останавливали общаго культурнаго роста страны. Отнимая и давя одной рукой, власть другой рукой вынуждена была сама создавать средства, дающія возможность сопротивляться ея гнету. Литовская молодежь во все возрастающей численности училась въ русскихъ гимназіяхъ, поступала въ русскіе университеты. Въ землячествахъ, въ частныхъ кружкахъ сходились литовцы, дѣлились мыслями о своей странѣ и своемъ народѣ, примѣняли къ нуждамъ страны общіе масштабы новыхъ демократическихъ идей. Создавались новыя настроенія, накоплялась и сосредоточива-

лась общественная энергія. И къ концу 70-хъ годовъ ростъ національнаго самосознанія претворился въ дѣйствіе, въ начинаніе, которому суждено было положить начало литовскому національному движенію, непрерывно развивающемуся и ширящемуся до нашихъ дней.

Накипающія національныя настроенія искали себѣ выхода и выраженія. Не находя возможности для этого въ Россіи, они пробились за рубежомъ, въ Восточной Пруссіи. Такъ какъ въ то время въ Восточной Пруссіи издавалась на литовскомъ языкѣ мѣстная газета «Lietuviška Ceitunga», то были сдѣланы попытки использовать ее для національныхъ цѣлей. Редакторъ газеты пошелъ навстрѣчу кружку литовскихъ патріотовъ и открылъ для нихъ столбцы газеты. Но послѣ появленія первыхъ статей о возрожденіи Литвы читатели газеты, литовцы-нѣмцы, лютеране, уже поддавшіеся духу германизаціи и чувствовавшіе себя вѣрными пруссаками, стали протестовать противъ этого, и оказалось, что такія темы слишкомъ сумбурны и фантастичны и не совмѣстимы съ уровнемъ и горизонтомъ добропорядочнаго нѣмецкаго патріота. Въ виду этого пришлось отказаться отъ мысли использовать изданія, выходящія для германскихъ литовцевъ, и обратиться къ плану самостоятельнаго изданія. При технической помощи того же издателя и энергіи «патріарха» литовскаго движенія Базановича, планъ этотъ удалось осуществить, и въ 1883 году появился въ свѣтъ первый номеръ журнала «Aušra» («Заря»). Въ первомъ номерѣ въ качествѣ издателя былъ обозначенъ д-ръ Базановичъ, во второмъ и послѣдующихъ кружокъ издателей именуетъ себя «любителями Литвы» («Lietuvos miletojai»).

Направленіе журнала можно опредѣлить словами: національный романтизмъ. Изученіе литовской старины, литовскихъ древностей и исторіи; изслѣдованіе богатствъ и своеобразія литовскаго языка; призывы къ работѣ надъ національнымъ возрожденіемъ и народнымъ просвѣщеніемъ — вотъ главныя темы и задачи журнала. Наряду

съ этимъ затрагивались и соціально-экономическія темы, но уже на второстепенномъ планѣ, и журналъ въ этой плоскости не высказывалъ какихъ-либо ярко опредѣленныхъ взглядовъ или требованій. Для характеристики журнала ближе всего можетъ служить то обстоятельство, что журналъ старался твердо и неуклонно выдерживать аполитичную линію, утопично вѣря, что культурное возрожденіе націи возможно внѣ плоскости политическихъ проблемъ. Были, конечно, нѣкоторыя отступленія. Такъ, уже въ первомъ году изданія, въ соединенномъ 8-9-10 номерѣ была помѣщена довольно рѣзкая статья по адресу Россіи. Но въ этомъ же номерѣ появляются стихи въ честь коронаціи императора Александра III, гдѣ давались увѣренія, что у царя нѣтъ вѣрноподданныхъ, болѣе преданныхъ, чѣмъ литовцы, которые готовы броситься въ огонь за своего монарха, при чемъ, наряду съ похвальбой, что литовцы не дали себя обмануть соціалистамъ, приводилась скромная просьба о возвращеніи литовцамъ права печатать книги на родномъ языкѣ... Но вообще эти политическіе мотивы были скорѣе отступленіями отъ основной темы, разрабатываемой журналомъ, — пробужденія національнаго самосознанія.

Впечатлѣніе отъ журнала, нелегальнымъ образомъ распространяемаго въ Россіи, было громадное... Поляки, чувствуя, что литовское возрожденіе можетъ грозить ихъ господству въ Литвѣ, открыли сразу походъ противъ «Aušra», высказывая подозрѣніе, что и журналъ и связанныя съ нимъ тенденціи являются ничѣмъ инымъ, какъ новымъ проявленіемъ обрусительной интриги (sic!). Правда, наряду съ подозрительностью и недовѣріемъ, была попытка и столковаться. Такая попытка, напримѣръ, была сдѣлана путемъ обмѣна письмами между позднѣйшимъ редакторомъ «Aušra» Шлюпасомъ и редакторомъ польской «Познанской Газеты». Но уже въ этомъ обмѣнѣ, несмотря на его общій примирительный тонъ, рѣзко обозначилась принципіальная разница позиціи литовской ин-

теллигенціи, еще стоящей внѣ политическихъ программъ и лозунговъ, и польской: польскій редакторъ, несмотря на высказываемое сочувствіе возрожденію Литвы, подчеркивалъ политическую принадлежность Литвы къ Польшѣ, между тѣмъ какъ литовецъ-редакторъ сразу оттѣняетъ полную самостоятельность литовскаго народа, впервые послѣ Люблинской уніи возобновляя во всей принципіальной широтѣ вопросъ о польско-литовскихъ взаимоотношеніяхъ.

Если поляки склонны были объяснять возникновеніе литовскаго національнаго теченія мысли русской интригой, то русскія власти, столкнувшись съ этимъ новымъ явленіемъ, тоже стали искать интригу и заподозрили виновность нѣмцевъ. Но и это подозрѣніе было вскорѣ на дѣлѣ опровергнуто: прусскія власти стали придираться къ редакторамъ журнала, и два редактора были послѣдовательно высланы изъ предѣловъ Германіи.

Въ самой Литвѣ неодобрительно отнеслись къ журналу прежде всего помѣщики, въ силу своихъ польскихъ симпатій и, главное, въ силу опасеній передъ демократической струей, пробивавшейся, несмотря на весь аполитизмъ, на всѣхъ страницахъ журнала. Литовское движеніе представлялось немыслимымъ внѣ формы крестьянскаго движенія, къ которому помѣщичій элементъ не склоненъ былъ питать слишкомъ горячія симпатіи. Далѣе, литовское духовенство тоже отнеслось сухо и даже непріязненно къ новому общественному явленію: оно осталось недовольно общимъ тономъ статей, въ особенности же любовью журнала къ языческой старинѣ Литвы.

Но эти голоса недовольныхъ лишь подчеркивали большое впечатлѣніе, произведенное журналомъ на массу литовской интеллигенціи, молодежь и сознательные элементы крестьянства. Прежняя работа, прежнія издательскія начинанія, прежнія попытки создать литовскую литературу — все это были разрозненныя усилія, не имѣвшія опредѣленной, ясной, оформленной цѣли, не

освѣщенныя сознательнымъ стремленіемъ къ возрожденію литовскаго народа. Теперь же журналомъ создавался идеологическій базисъ для всей работы, объединявшій отдѣльные ручейки въ общій потокъ національнаго строительства. Національное сознаніе, тлѣющее неясной искоркой, вдругъ оформилось и стало неизгладимымъ фактомъ, направляющимъ съ той поры дѣятельность всей народной литовской интеллигенціи.

Вліяніе «Aušra» сказалось и въ организаціонномъ отношеніи. Вокругъ журнала стали собираться всѣ живыя силы литовскаго народа. Была даже рѣчь объ организаціи научнаго общества, и если планъ этотъ въ широкомъ масштабѣ не былъ выполненъ, то все же образовался небольшой кружокъ подъ названіемъ «Бирута», ставящій своей цѣлью изученіе литовскаго народа, его исторіи и его языка. При этомъ опять таки рѣзко отмѣтилась разница между настроеніями литовцевъ въ Пруссіи и въ Россіи. Въ Пруссіи тоже было литовское научное общество, но оно изучало литовскій языкъ, какъ политически и культурно мертвое явленіе, исключительно по космополитическимъ научнымъ соображеніямъ. Литовцы же изъ Россіи изучали свой языкъ, какъ орудіе народнаго развитія, глядя впередъ, вѣря въ свою будущность. И, дѣйствительно, начиная съ этой эпохи языкъ литовскій дѣлаетъ большіе успѣхи. До сихъ поръ онъ, какъ всякій иной живой языкъ, а въ особенности языкъ, не имѣющій своей литературы, имѣлъ много говоровъ и нарѣчій и былъ пропитанъ разными чужеродными вліяніями. Теперь же онъ очищается, мужаетъ, крѣпнетъ, получаетъ законченныя формы. Богатство корней даетъ возможность легко вводить въ употребленіе слова для выраженія новыхъ понятій, чуждыхъ крестьянской средѣ, хранившей литовскій языкъ, но сдѣлавшихся теперь необходимыми при превращеніи языка въ литературный.

Несмотря на всѣ техническія трудности и полицейскія препятствія, журналъ прекрасно расходился, осо-

бенно въ Сувалкской губерніи, гдѣ литовцы жили въ сравнительно лучшихъ правовыхъ условіяхъ. Главнымъ центромъ вліянія «Aušra» тамъ была Маріампольская гимназія. Однако, финансовая сторона дѣла, чрезвычайно затруднительная при нелегальности распространенія журнала, все время хромала. Послѣ трехъ лѣтъ существованія, въ 1886 году, въ виду финансоваго краха типографіи, гдѣ печатался журналъ, «Aušra» прекратила свое существованіе. И на нѣкоторое время опять стало казаться, что на поверхности литовской жизни нѣтъ никакихъ проявленій. Но брошенныя сѣмена не могли пропасть, и впечатлѣніе, произведенное журналомъ, духовный толчокъ, данный имъ, проявился скоро въ новыхъ формахъ, еще болѣе удачныхъ и соотвѣтствующихъ потребностямъ жизни.

А жизнь требовала иныхъ, болѣе широкихъ и дѣйственныхъ формъ, чѣмъ романтизмъ «любителей Литвы». Не только любовь къ своей странѣ, но и борьба за нее нужны были, и дѣло возрожденія или, точнѣе, «нарожденія» Литвы не могло продолжаться въ томъ же аполитичномъ духѣ. Нужны стали не литвофильскія настроенія, но программа общественной работы и тактическій планъ активной національной борьбы. Поэтому гибель журнала, обусловленная въ первую голову техническими причинами, явилась, въ сущности, ликвидаціей всего направленія, на смѣну которому пришли новыя теченія, болѣе опредѣленныя и законченныя.

Преемникомъ «Aušra» и продолжателемъ работы литовской національной мысли явился журналъ «Varpas» («Колоколъ»). Историкъ литовскаго національнаго движенія Ремеръ характеризуетъ новое направленіе уже какъ «прademократическое». Въ отличіе отъ «Зари», которая была полна энтузіазма, воодушевленія и молодой вѣры въ идеалистическую силу идей, позиція «Колокола» значительно болѣе возмужалая, политически опредѣленная.

Прежде всего ясно стала звучать нота убѣжденности, что никто и ничто не поможетъ литовцамъ, кромѣ ихъ собственной національной коллективной работы. Никакихъ иллюзій, соглашеній, упрашиваній или петицій!.. Даже вступленіе на тронъ Николая II, вызвавшее иллюзіи у поляковъ, финновъ и другихъ народовъ, не встрѣчаетъ слишкомъ большого отзвука въ «Колоколѣ», и съ внѣшними перемѣнами на тронѣ не связывается никакихъ преувеличенныхъ надеждъ. Трезвость политики ясна и по слѣдующему примѣру. Въ правительственныхъ сферахъ былъ поднятъ вопросъ о выдѣленіи Сувалкской губерніи изъ состава Царства Польскаго. Хотя это выдѣленіе внѣшнимъ образомъ объединяло всѣхъ литовцевъ Россіи, тѣмъ не менѣе, «Колоколъ» занялъ отрицательную позицію, указывая, что, благодаря особому устройству управленія Царства Польскаго, положеніе въ немъ литовцевъ лучше, чѣмъ въ остальной Россіи. Питая острую враждебность къ правительству, «Колоколъ» умѣлъ твердо различать русское правительство отъ русскаго народа, подчеркивалъ уже въ ту пору общность освободительныхъ цѣлей народовъ Россіи и настаивалъ на координаціи силъ. Точно такъ же сдержанна и политически расчетлива была позиція по отношенію къ Польшѣ, съ которой Литва, по мнѣнію «Колокола», должна была сохранять оборонительный союзъ. Политическое устройство Литвы «Колоколъ» видитъ въ ея автономіи по образцу устройства Финляндіи.

Однако, и въ этихъ рамкахъ, значительно расширенныхъ по сравненію съ прежней позиціей «любителей Литвы», уже не вмѣщалось все разнообразіе политическихъ стремленій и тенденцій нарождающейся литовской общественности, и въ средѣ самого кружка, группирующагося около «Колокола», начинается дифференціація двухъ направленій: радикальнаго и демократическаго, не приводящая, впрочемъ, сразу къ открытому разрыву. Кромѣ того, и внѣ «Колокола» появились значительныя общественныя теченія. Такъ, годомъ позже появился кле-

рикальный журналъ «Aрšvalga» («Просвѣщеніе»), рѣзко отмежевывающійся отъ радикальной свѣтской интеллигенціи, придерживающійся консервативнаго міровоззрѣнія и положившій идейную основу самой сильной въ настоящее время клерикальной партіи въ Литвѣ. По своему содержанію «Просвѣщеніе» было далеко отъ прежнихъ литовскихъ миссіонерскихъ журналовъ, издававшихся въ христіанско-космополитическомъ духѣ. Это въ полномъ смыслѣ слова органъ національнаго движенія, отражавшій одно изъ теченій нарождавшейся Литвы. Въ основу своей идеологіи журналъ ставитъ убѣжденіе, что костелъ и народъ — одно и то же, и что поэтому ихъ процвѣтаніе взаимно обусловлено. И какъ ни странно на первый взглядъ, но органъ духовенства впервые внесъ въ литовскую публицистику тона крайней страстности и безоглядности: наряду съ національнымъ, этотъ органъ характеризуется упрямымъ антисемитизмомъ, несдержанной борьбой съ радикализмомъ, демагогическими выходками противъ интеллигенціи. Въ ближайшей связи съ дѣятельностью этого теченія стоитъ возникновеніе ожесточенной борьбы за языкъ въ костелѣ, составившей столько печальныхъ страницъ въ исторіи польско-литовскихъ отношеній.

Для полноты характеристики зарубежнаго издательства на литовскомъ языкѣ въ эту эпоху упомянемъ, что въ Америкѣ началъ выходить журналъ соціалистическаго направленія, а въ Пруссіи, кромѣ періодическихъ изданій, организовалось издательство литовскихъ книгъ.

Національное движеніе въ Литвѣ.

Вырастающія политическія направленія не были только заграничной, эмигрантской кружковщиной. Теченія эти отражали дѣйствительныя настроенія народа и въ свою очередь встрѣчали отзвукъ въ подлинной литовской жизни. Наряду съ интенсивностью издательскаго дѣла,

растетъ и совершенствуется техника доставки книгъ въ Литву: контрабанда книгъ дѣлается національнымъ дѣломъ Литвы. О размѣрахъ контрабанды можно судить уже по количеству конфискованныхъ книгъ. Такъ, въ пограничныхъ таможняхъ въ 1891-93 годы было конфисковано 37.000 экземпляровъ, въ 1894-96 — 40.000 экземпляровъ, въ 1897-99 — 39.000 экземпляровъ и въ 1900-1902 — 56.000 экземпляровъ! Данныя же, получаемыя при обыскахъ въ самой Россіи, неопровержимо свидѣтельствовали, что заграничная книга — брошюры, молитвенники, журналы, книги — циркулировала въ милліонахъ экземпляровъ!

Нельзя сказать, чтобы этотъ «успѣхъ» легко давался литовцамъ. Кромѣ бдительности русской власти, приходилось преодолѣвать препятствія, чинимыя прусскими властями, которыя стали открыто помогать русскимъ жандармамъ. Вначалѣ дѣло ограничивалось тѣмъ, что о каждомъ транспортѣ книгъ заранѣе предупредительно извѣщались русскія власти, а впослѣдствіи дошло до ареста и выдачи русскимъ властямъ контрабандистовъ: такимъ образомъ, былъ выданъ и герой литовскаго книгоношества Белекасъ. Придирки прусскихъ властей привели къ прекращенію и клерикальное «Просвѣщеніе». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, заграничная издательская дѣятельность встрѣчаетъ уже не одиночнаго индивидуальнаго читателя, но организованные кружки сочувствующихъ лицъ, возникающіе самобытно и оригинально.

Для характеристики такихъ кружковъ приведемъ уставъ одного изъ нихъ — кружка молодежи для самообразованія, называвшагося «Возрожденіе». Кружокъ ставитъ себѣ задачей борьбу съ главнымъ народнымъ зломъ — матеріальной и духовной нищетой, — противъ котораго имѣется одно средство — саморазвитіе. Правила кружка:

«§ 1. Каждый изъ друзей долженъ написать еженедѣльно по страничкѣ въ одну восьмую листа различнаго содержанія: а) услышанные изъ народныхъ устъ сентенціи, присказки, разсказы, пѣсни, старинныя преданія, поговорки; б) съ кѣмъ и о чемъ раз-

говаривалъ — серьезно или шутливо; в) что видѣлъ или замѣтилъ около себя — въ воздухѣ или на землѣ; г) гдѣ былъ — далеко или близко, что дѣлалъ; д) что-нибудь собственной выдумки.

§ 2. Еженедѣльники эти нужно приносить или присылать въ одно мѣсто и выслушивать другъ друга взаимно о работахъ сотоварищей.

§ 3. Еженедѣльно каждый изъ товарищей даетъ по 1 копѣйкѣ для покупки книжекъ для чтенія кружка.

§ 4. Деньги съ вѣдома всѣхъ хранятся у одного изъ членовъ. Въ концѣ года онѣ употребляются на покупку книгъ или журналовъ.

§ 5. Начальства въ кружкѣ не нужно, такъ какъ мы всѣ равные товарищи, работаемъ содружно на основаніи общаго соглашенія, кто какъ можетъ.

§ 6. Не выполняющихъ статута удаляемъ отъ насъ. Достаточно съ насъ 2, 3 или 10 членовъ» . . .

Подъ внѣшне наивной формой устава чувствуется непреодолимая младенческая жажда знанія, когда съ любопытствомъ, съ ожиданіемъ откровеній человѣкъ озирается вокругъ себя и пытливо смотритъ на все «въ воздухѣ и на землѣ», прислушивается къ каждому слову, ловитъ всякую мысль — и какъ можно здѣсь обойтись безъ родного языка, которымъ наполнена вся окружающая жизнь, который самъ по себѣ ведетъ въ таинственную историческую даль младенчества націи... Но и такія общества преслѣдуются администраціей, и члены одного изъ нихъ «Sietynas» («Созвѣздіе Плеядъ») были арестованы и сосланы на поселеніе въ Сибирь.

Что такая работа, совершаемая въ различныхъ формахъ, не была безплодной, можно судить по тому обстоятельству, что, несмотря на запрещеніе книгъ, грамотность среди литовцевъ была распространена весьма сильно и стояла значительно выше грамотности великоруссовъ, при томъ грамотность не русская, а литовская. Между тѣмъ, обучать литовской грамотѣ въ школахъ можно было только въ Сувалкской губерніи, конечно, по книгамъ, изданнымъ гражданкой. Въ остальныхъ же губерніяхъ во всѣхъ школахъ, начиная съ низшей, слышался только русскій языкъ, литовскій же былъ безоговорочно устраненъ. И, тѣмъ не менѣе, обученіе происходило повсюду, только тайное: старушки, старики, собирая

дѣтей по нѣсколько человѣкъ, обучали ихъ грамотѣ по молитвенникамъ, обтрепаннымъ старымъ книжкамъ...

Стремленіе къ свободѣ, національное чувство и религіозныя настроенія — все сливалось вмѣстѣ, создавая стойкость въ сопротивленіи. Неосторожныя дѣйствія русской власти только подливали масло въ огонь. Такъ, громадное впечатлѣніе на всю Литву произвело такъ называемое Крожанское дѣло. Намѣреніе властей отнять у католическаго населенія костелъ, раньше принадлежавшій уніатамъ, вызвало значительное движеніе среди мѣстнаго населенія, которое съ портретомъ государя вышло навстрѣчу губернатору съ просьбой не трогать костела, пока придетъ отвѣтъ на всеподданнѣйшую телеграмму. Когда въ отвѣтъ на это началось избіеніе, то народъ двинулся массой на полицію, смялъ ее и заставилъ самого губернатора укрыться въ костелѣ. Зная о скоромъ приходѣ казаковъ, губернаторъ для виду началъ переговоры съ осаждавшими его крестьянами. Но, когда пришли казаки, былъ данъ сразу приказъ безпощадной расправы, и началось кровавое избіеніе виновныхъ и невинныхъ. Впечатлѣніе этого дѣла на литовское крестьянство историки литовской общественности сравниваютъ съ 9 января для русскихъ рабочихъ.

На верхахъ общественности въ серединѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка стало тоже замѣчаться значительное оживленіе. Стало проявлять энергію затихшее было общество «Бирута». Въ особенности глубокій слѣдъ оставило въ общественной памяти празднованіе десятилѣтія общества, устроенное на территоріи русской Литвы, съ рѣчами, декламаціей и первымъ театральнымъ представленіемъ на литовскомъ языкѣ. Развитіе кооперативнаго дѣла, созданіе сельско-хозяйственныхъ обществъ тоже начало дѣлать замѣтные успѣхи, способствуя интенсивности и разносторонности національнаго возрожденія.

До этого времени развитіе литовскаго народнаго движенія шло, въ сущности говоря, въ рамкахъ одного класса: литовскаго крестьянина, мелкаго собственника, стремленіе котораго къ просвѣщенію и поднятію матеріальнаго благосостоянія нуждалось въ культурной основѣ, которую могъ дать только родной языкъ и національное коллективное творчество. Но дѣло культурнаго возрожденія, начатое среди крестьянства и кровно связанной съ нимъ интеллигенціи, не могло не находить отзвуковъ, съ одной стороны, въ литовскомъ городскомъ и сельскомъ пролетаріатѣ, съ другой же стороны — въ мѣщанствѣ, среди мелкихъ помѣщиковъ, среди интеллигентскихъ профессій. И поскольку литовское движеніе начинало пріобрѣтать политическій характеръ, то каждое изъ этихъ теченій являлось со своими специфическими тенденціями и стремленіями. Этотъ процессъ дифференціаціи, конечно, въ значительной степени ускорялся вліяніемъ другихъ, болѣе развитыхъ и уже дифференцированныхъ, культуръ, какъ западно-европейскихъ, такъ русской и польской. Это видно и по тому, что первой опредѣленной политической организаціей въ Литвѣ явилась соціалистическая партія, имѣвшая своихъ первыхъ адептовъ въ кружкахъ литовской интеллигенціи, вышедшей изъ польскихъ и русскихъ соціалистическихъ партій.

Впервые соціалистическая нота стала звучать въ дѣятельности Шлюпаса въ Америкѣ, когда, на почвѣ ожесточенной и непримиримой борьбы съ клерикализмомъ, онъ сталъ искать идеологической опоры въ соціалистическихъ доктринахъ, и въ этомъ духѣ сталъ издаваться его органъ въ Америкѣ «Литовскій Голосъ». Въ 1892 году появляется литовскій соціалистическій органъ въ Тильзитѣ, но вскорѣ прекращается. Нѣкоторыя группы и читатели «Колокола» («Varpas») тоже начинаютъ опредѣленно склоняться къ соціализму. Наконецъ, изъ кружка соціалистовъ, начавшихъ работать среди литов-

скихъ рабочихъ въ Вильнѣ, образовалась литовская соціалъ-демократическая партія (LSDP). Въ 1896 году была опубликована программа партіи, въ общемъ аналогичная программамъ всѣхъ соціалистическихъ партій того времени. Относительно Литвы программа выставляла слѣдующія требованія:

«Самостоятельная демократическая республика, состоящая изъ Литвы, Польши и другихъ странъ, основанная на началахъ свободной федераціи». Въ мотивировкѣ и комментаріяхъ, опубликованныхъ вмѣстѣ съ программой, пунктъ этотъ въ раздѣлѣ, озаглавленномъ «Вопросы Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Руси (Украины)», получалъ слѣдующее развитіе:

«Принимая во вниманіе, что интересы пролетаріата этихъ странъ въ политической области совершенно солидарны съ интересами литовскаго пролетаріата, и принимая во вниманіе, что только координированное политическое дѣйствіе рабочаго класса всѣхъ вышеупомянутыхъ странъ обезпечитъ удовлетвореніе классовыхъ нуждъ, литовская соціалъ-демократія ставитъ себѣ слѣдующія задачи:

1. Войти въ сношенія съ соціалистическими организаціями Польши, Латвіи, Бѣлоруссіи и Украины, чтобы вмѣстѣ приступить къ борьбѣ съ насиліемъ, гнетущимъ всѣхъ.

2. Выяснить пролетаріату названныхъ странъ необходимость внесенія въ программу-минимумъ требованія свободной, демократической федеративной республики».

Въ примѣчаніи указывается, что польскій пролетаріатъ уже высказалъ это требованіе. Дальше имѣется интересное упоминаніе о возможности участія въ общерусской борьбѣ: «Что же касается конституціи вообще, то LSDP заявляетъ, что если бы таковая была возможна передъ пробитіемъ часа борьбы за свободную республику, то LSDP приметъ участіе въ борьбѣ за нее, хотя послѣ полученія конституціи будетъ бороться дальше во имя высшихъ цѣлей».

Такимъ образомъ, уже по программѣ отчетливо видно, что партія зародилась подъ значительными вліяніями польской соціалистической мысли, которая въ то время стояла на точкѣ зрѣнія полной независимости отъ Россіи. Влія-

нія эти сказывались и во время работы. При бѣдности литовской литературы и при необходимости дѣйствовать въ городахъ, гдѣ польскій языкъ имѣлъ всѣ права гражданства, партія не только пользовалась польскими изданіями, но даже употребляла польскій языкъ какъ во внутреннихъ сношеніяхъ, такъ и въ своей литературѣ.

Дѣятельность партіи развивалась главнымъ образомъ въ городахъ и проявлялась въ видѣ изданія прокламацій, созданія кружковъ, руководства забастовками. Вскорѣ, однако, дѣятельность вышла за предѣлы городовъ, и стали появляться отдѣльные кружки въ мѣстечкахъ, деревняхъ, имѣніяхъ, въ особенности въ Сувалкской губерніи. Было устроено два съѣзда партіи. Одно время репрессіи значительно ослабили партію, а къ 1899 году даже задержали развитіе ея. Но вскорѣ, по иниціативѣ петербургскихъ студентовъ, началась работа по возстановленію партіи. Образуются кружки литовскихъ рабочихъ въ Ригѣ, Либавѣ, Шавляхъ, Митавѣ, Маріамполѣ. Печатается рядъ новыхъ брошюръ. И, наконецъ, въ 1901 году, въ Лондонѣ начинаетъ выходить журналъ «Голосъ Рабочихъ» («Darbininku Balsas»).

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ развитія партіи, въ ней все опредѣленнѣе проявляется тенденція отойти отъ первоначальнаго территоріальнаго принципа къ началамъ культурно-народнымъ, что было связано съ эмансипаціей отъ вліяній польской общественности. На почвѣ этого процесса началось соперничество съ другими національными партіями, въ томъ числѣ съ PPS. Лишь къ моменту первой революціи началось обратное теченіе, и партія окончательно сдѣлалась организаціей не литовцевъ, а Литвы и стала строиться не по національному, а по территоріальному принципу.

Значительно позже, стали складываться партійныя организаціи литовскихъ д е м о к р а т о в ъ. Послѣ присоединенія лѣваго крыла «Колокола» («Varpas») къ соціалистамъ, среди оставшихся дѣятелей уже не царила пол-

ная солидарность, а начало намѣчаться новое раздѣленіе на радикально-демократическое теченіе, съ одной стороны, и націоналистическое, склоняющееся къ соглашенію и дипломатіи съ консервативнымъ характеромъ — съ другой.

Первое теченіе лучше всего назвать народническимъ, такъ какъ оно понятіе класса замѣняетъ понятіемъ трудящагося народа и на немъ пытается строить свою дѣятельность. Главнымъ пунктомъ расхожденія народниковъ съ консерваторами былъ вопросъ о возможности соглашенія съ правительственными кругами и возможности ожидать отъ нихъ улучшенія положенія. Радикальныя теченія рѣшительно отрицали это и указывали, что только борьбой и организаціей можно принудить власть къ уступкамъ, но никакъ не путемъ просьбъ, петицій и проявленій лойяльности... Но эти различія пока не приводили къ разрыву, и въ 1902 году на съѣздѣ варпасовцевъ было рѣшено образовать общую литовскую демократическую партію. Проектъ программы этой партіи былъ опубликованъ въ томъ же году. Въ немъ выставляются слѣдующія требованія:

«Пока Литва остается подъ русскимъ ярмомъ, нашъ народъ не можетъ получить принадлежащихъ ему правъ. Обращенія и просьбы о помилованіи къ правительству, которое рѣшило омосковить нашу страну, не помогутъ. Свободная и независимая по отношенію къ инымъ народамъ и государствамъ Литва — вотъ отдаленная цѣль нашей литовско-демократической партіи. Ближайшая же цѣль — непосредственное народоправство въ современныхъ государственныхъ границахъ и низверженіе полицейскаго и бюрократическаго строя въ Россіи. Для этого мы должны дѣйствовать совмѣстно съ партіями, возстающими въ Россіи противъ современнаго правительства... Но завоеваніе политической свободы не исчерпываетъ задачъ ЛДП. Говоря «Литва для литовцевъ», мы желаемъ добиться для нашего народа такого правительственнаго устройства, въ которомъ литовцы могли бы сами собой управлять, независимо отъ чужихъ, и ихъ культурное развитіе не задерживалось бы иноземцами. Это можетъ осуществиться только по завоеваніи полной автономіи Литвы въ этнографическихъ границахъ. Не углубляясь въ принципы будущей автономной Литвы, ЛДП. считаетъ наиболѣе важнымъ дѣломъ вліять на общественность въ духѣ партіи и пріучать ее къ защитѣ своихъ нуждъ отъ правительства и чужихъ народностей, которыя задерживали бы реализацію нашихъ цѣлей».

Далѣе, въ программѣ требовалось уничтоженіе всѣхъ ограниченій для литовскаго языка, признаніе его равноправнымъ въ публичномъ употребленіи и основнымъ во внутреннемъ управленіи и въ церкви. Въ области просвѣщенія, наряду съ общими требованіями расширенія просвѣтительной дѣятельности государства, выставлялись сравнительно умѣренныя требованія о преподаваніи на литовскомъ языкѣ въ низшей школѣ и о преподаваніи на литовскомъ языкѣ закона Божія и литовскаго языка въ средней школѣ, возстановленія виленскаго университета съ каѳедрой литовскаго языка, литовской литературы и литовской исторіи. Весьма отчетливо и радикально была намѣчена соціальная программа по отношенію къ крестьянству, гдѣ, наряду съ прекращеніемъ руссификаторской колонизаціи Литвы, требовалось возвращеніе наслѣдникамъ прежнихъ собственниковъ земель, конфискованныхъ послѣ возстанія, раздѣлъ казенныхъ земель между безземельными.

Хотя эта программа и не оказалась принятой на второмъ съѣздѣ партіи, тѣмъ не менѣе, она остается крайне интереснымъ документомъ, характеризующимъ настроенія литовской интеллигенціи того времени. Принятые на съѣздѣ три основныхъ пункта, въ общемъ, передавали духъ программы.

Наряду съ соціалистическимъ и демократическимъ, начинаетъ все яснѣе вырисовываться теченіе клерикальное. Послѣ прекращенія «Просвѣщенія» сталъ вскорѣ выходить журналъ «Tevines Sargas» («Стражъ Отечества»). Въ политическомъ отношеніи въ этомъ теченіи сразу намѣтилась извѣстная двойственность. Какъ теченіе народное, оно не могло не быть въ оппозиціи къ правительству, но, какъ теченіе консервативное, оно не могло призвать къ дѣятельной борьбѣ съ властью, къ тому же, какъ всякая другая, установленной «Отъ Бога»... Въ борьбѣ съ другими теченіями, даже антиклерикальными — замѣчается большая сдержанность. Глав-

ное вниманіе органа и группъ, стоящихъ около него, было направлено на борьбу со школьной политикой правительства.

Отмѣна стѣсненій литовской печати.

1904 годъ является поворотнымъ въ исторіи литовскаго національнаго движенія: подъ напоромъ литовской общественной борьбы пало главное препятствіе, главная плотина, стоявшая передъ движеніемъ — запретъ печати, просуществовавшій около 40 лѣтъ.

Правительство уже давно убѣдилось, что, несмотря на всѣ усилія, несмотря на мобилизацію жандармовъ и полиціи, литовское возрожденіе идетъ своимъ путемъ. Литовское издательское дѣло настолько расширилось и окрѣпло, что въ 1900 году на Парижской Выставкѣ былъ организованъ спеціальный литовскій отдѣлъ, гдѣ демонстрировалось 23 литовскихъ періодическихъ изданія и множество книгъ, изданныхъ въ Америкѣ, Лондонѣ, Восточной Пруссіи. Литовская мысль, изгнанная изъ Россіи, въ изгнаніи окрѣпла и теперь властно пробивала себѣ путь назадъ къ своему народу. Литва наполнилась литовскими заграничными изданіями, и нелегальная книжка, за неимѣніемъ другой, стала привычной духовной пищей не только литовскаго интеллигента, но и литовскаго крестьянина. Уже въ 1899 году министръ народнаго просвѣщенія обратился къ попечителямъ литовскихъ округовъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ — къ варшавскому и виленскому генералъ-губернаторамъ съ вопросомъ о результатахъ введенія литовской печати русскимъ шрифтомъ. Отвѣты были даны далеко не утѣшительные, констатирующіе полный неуспѣхъ гражданки и наполненіе Литвы нелегальной книгой. При этомъ нѣкоторые отвѣты — князя Имеретинскаго и Святополкъ-Мирскаго — указывали на необходимость возвращенія свободы литовской печати просто для того, чтобы возстановить контроль надъ нею. Несмотря на колебаніе правительственныхъ сферъ,

несмотря на предложенія частичныхъ свободъ (напримѣръ, разрѣшить печать въ Сувалкской губерніи, оставивъ запретъ въ другихъ частяхъ Литвы), все же побѣдило мнѣніе о необходимости полнаго уничтоженія запрета. Это было въ принципѣ рѣшено уже въ 1903 году, и ожидался лишь благопріятный поводъ. Такимъ поводомъ явилась война съ Японіей: для успѣшнаго проведенія мобилизаціи и борьбы съ заграничной агитаціей въ Литвѣ и для привлеченія симпатій литовцевъ запрещеніе литовской печати латинскимъ шрифтомъ было отмѣнено, указъ о чемъ былъ подписанъ еще при Плеве.

О томъ, насколько литовская общественность привыкла къ нелегальной работѣ и умѣла справляться съ ней, свидѣтельствуетъ то, что, при обсужденіи слуховъ о готовящейся отмѣнѣ ограниченій, въ литовской заграничной печати высказывались опасенія, что это можетъ имѣть и нежелательныя послѣдствія, такъ какъ свободная заграничная печать окажется убитой внутренней, подцензурной. И, когда указъ былъ опубликованъ, вся литовская печать приняла это отнюдь не какъ даръ или милость, а какъ завоеванное собственными силами право. Впрочемъ, въ самой Литвѣ, въ особенности въ средѣ умѣренныхъ круговъ, къ этому отнеслись иначе, и группа виленскихъ литовцевъ даже обратилась съ благодарственнымъ актомъ къ монарху: опасенія заграничныхъ радикальныхъ элементовъ оправдались —разрѣшеніе печати въ Россіи создало условія для выявленія такъ называемыхъ соглашательскихъ, умѣренныхъ элементовъ.

Тотчасъ послѣ освобожденія печати былъ возбужденъ рядъ ходатайствъ относительно выхода періодическихъ изданій. Но было дано всего два разрѣшенія: на еженедѣльникъ въ Петербургѣ и на газету въ Вильнѣ. Несмотря на весьма сдержанный и даже лойяльный тонъ этихъ изданій, они все же не давали себя увлечь въ русло безусловнаго уничиженія передъ Россіей, и такія

выступленія, какъ статья въ газетѣ „Lietus» о томъ, что Литва только и мечтаетъ о спокойной работѣ подъ крыльями русскаго двуглаваго орла, вызывали рѣзкій протестъ и негодованіе всей литовской прессы, какъ заграничной, такъ и легальной.

5. 1905 годъ. Первый Литовскій Съѣздъ.

Революціонное освободительное движеніе въ Россіи, начавшееся послѣ января 1905 года, вызвало широкій отзвукъ въ Литвѣ. Кромѣ общихъ всѣмъ революціоннымъ силамъ въ Россіи требованій, литовцы выдвигаютъ свои специфическія нужды. При этомъ политическія требованія становятся отчетливѣе, реалистичнѣе. Если въ прежней программѣ LSDP связь съ Россіей фигурировала лишь какъ печальная необходимость, то теперь рѣчь идетъ только о созданіи новыхъ основаній для этой связи. Такъ, въ воззваніи соціалъ-демократовъ говорится:

«Въ отношеніяхъ къ Россіи требуемъ, чтобы тѣ народы, которые хотятъ управлять собой (имѣть автономію), какъ Литва, Польша, Финляндія, Украина и иные, могли объединиться съ Россіей, какъ равные съ равными, чтобы союзъ этотъ былъ свободнымъ и непринудительнымъ . . . Отношенія между объединенными въ союзѣ народами, а также ихъ права опредѣлитъ созванное для этого собраніе, составленное изъ представителей объединенныхъ странъ. Въ этомъ союзѣ Литва будетъ отдѣльнымъ государствомъ, при чемъ ея политическая организація будетъ установлена и введена Сеймомъ въ Вильнѣ, составленнымъ изъ представителей всего литовскаго населенія, выбранныхъ въ порядкѣ всеобщаго, равнаго, тайнаго и прямого избирательнаго права.»

Въ мотивахъ къ этой программѣ и требованіямъ «Голосъ Рабочихъ» указываетъ, что, при сохраненіи административной нераздѣльности съ Россіей, литовскій рабочій и крестьянинъ станутъ предметомъ эксплуатаціи для русской буржуазіи. И что можно будетъ этому противопоставить? Нѣсколько депутатовъ въ общемъ парламентѣ или бумажные протесты русскихъ соціалистовъ?

Наряду съ широкой нелегальной дѣятельностью, проявилась дѣятельность открытая — сперва въ видѣ мелкихъ ходатайствъ и петицій и, наконецъ, въ видѣ петиціи

болѣе общаго и принципіальнаго характера, врученной 21 января 1905 года предсѣдателю комитета министровъ Витте петербургскими литовцами. Въ петиціи этой формулированъ рядъ требованій, въ общемъ совпадающихъ съ программой литовскихъ демократовъ. Въ началѣ марта была подана приблизительно такого же характера петиція рижскихъ литовцевъ.

Наряду съ подобными публичными оказательствами, продолжается работа по организаціи и консолидаціи силъ. По иниціативѣ виленскаго кружка автономистовъ, въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ состоялись два съѣзда литовцевъ, поляковъ, бѣлоруссовъ и евреевъ. Но соглашенія не удалось достигнуть, такъ какъ литовцы стремились къ автономіи въ этнографическихъ границахъ, другія же народности тяготѣли къ политическому выдѣленію исторической Литвы, обнимающей, кромѣ этнографически литовской территоріи, еще и Бѣлорусь.

Значительно бо́льшее практическое значеніе получило движеніе въ деревнѣ. Оно приняло интересную и характерную форму постановленій волостныхъ сходовъ и гминъ. Выходя изъ-подъ опеки земскихъ начальниковъ, волостные сходы одинъ за другимъ стали принимать радикальныя постановленія о своихъ нуждахъ, при чемъ касались главнымъ образомъ политическихъ вопросовъ. Большое значеніе имѣло также созданіе литовскаго учительскаго союза, опубликовавшаго свою программу.

Наконецъ, вѣнцомъ и завершеніемъ всего этого освободительнаго движенія и высшимъ его выраженіемъ явился Литовскій Съѣздъ въ Вильнѣ. Вдохновителемъ его мы опять встрѣчаемъ уже убѣленнаго сѣдинами иниціатора журнала «Заря» д-ра Базановича. По его иниціативѣ, создался комитетъ по созыву съѣзда. 22 октября комитетомъ было опубликовано воззваніе къ литовскому народу съ предложеніемъ каждому приходу и волости, а также всѣмъ партіямъ и профессіямъ прислать своихъ представителей.

Нельзя сказать, чтобы выборы на съѣздъ были произведены съ соблюденіемъ всѣхъ строгихъ формальностей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выбирали волости, въ нѣкоторыхъ — приходы, въ иныхъ — просто деревни. Нѣкоторыя мѣстности были представлены вдвойнѣ, нѣкоторыя не были представлены вовсе. Но такъ какъ дѣло шло не о формальныхъ постановленіяхъ и рѣшеніяхъ, а только объ общественномъ выявленіи воли, сложившейся въ результатѣ долголѣтней коллективной народной работы, то слѣдуетъ признать, что съѣздъ отражалъ широко всѣ теченія литовской общественной мысли и дѣйствительно соотвѣтствовалъ настроенію народа. Участвовало въ съѣздѣ всего около 2.000 лицъ, при чемъ были представлены всѣ партіи и политическія направленія Литвы: уже раньше сорганизовавшіеся демократы и соціалъ-демократы, учительскій союзъ, образовавшійся на съѣздѣ крестьянскій союзъ, партія христіанскихъ демократовъ и, наконецъ, націоналисты. Въ виду особаго значенія, какое съѣздъ занимаетъ въ исторіи литовскаго общественнаго движенія, а также въ виду того, что онъ зафиксировалъ настроенія очень важной эпохи государственнаго кризиса въ Россіи, привожу его резолюціи цѣликомъ:

«Резолюціи перваго съѣзда представителей Литовскаго Народа, принятыя въ Вильнѣ на пленарныхъ засѣданіяхъ 4 и 5 декабря 1905 года.

1. Современное положеніе въ Россіи и въ Литвѣ. Признавая, что современное царское правительство является нашимъ злѣйшимъ врагомъ; что противъ этого правительства въ настоящее время возстали всѣ страны россійскаго государства; что только въ борьбѣ со старымъ строемъ мы можемъ улучшить наше положеніе, — мы, литовцы, принимающіе участіе въ собраніи, рѣшаемъ: просвѣщаться, объединяться и вставать на борьбу совмѣстно съ возстающими народами всѣхъ націй въ Россіи.

2. Литовская автономія. Принимая во вниманіе, что нужды жителей Литвы могутъ быть вполнѣ удовлетворены только при дѣйствительной автономіи (самоуправленіи) нашей страны, и что желательно, чтобы другіе народы, жительствующіе въ Литвѣ, могли пользоваться совершенною свободой, «Литовскій Съѣздъ» постановляетъ:

Требовать автономіи для Литвы съ Сеймомъ въ Вильнѣ, избраннымъ на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія безъ различія пола, національности и вѣроисповѣданія. —

Эта автономная Литва должна состоять изъ современной этнографической Литвы, какъ центра, и изъ тѣхъ примыкающихъ частей, которыя тяготятъ къ ней по соображеніямъ экономическимъ, культурнымъ, національнымъ или инымъ, и жители которыхъ выразятъ на это свою волю при посредствѣ плебисцита. — Принимая во вниманіе, что литовцы Сувалкской губерніи, собранные въ Вильнѣ на съѣздѣ, единогласно признали необходимость общей борьбы вмѣстѣ съ литовцами другихъ губерній за автономію Литвы, Съѣздъ постановилъ, что литовцы Сувалкской губерніи должны быть включены въ автономную Литву. — Отношенія Литвы къ сосѣднимъ странамъ государства Россійскаго должны быть основаны на началахъ федераціи.

3. Способъ борьбы за автономію. Чтобы получить автономію, необходимо прежде всего окончательно свергнуть современную систему насилія. Для этого необходимо объединять усилія всѣхъ политическихъ партій Литвы, а также отдѣльныхъ лицъ. Послѣ объединенія между собой необходимо намъ объединяться со всѣми народами Россіи, которые принимаютъ участіе въ низверженіи этой системы. Покамѣстъ же необходимо: не платить податей, закрывать монополіи, не посылать дѣтей въ русскія начальныя школы, не обращаться въ предѣлахъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерній въ волостные суды, ни въ иныя административныя учрежденія современнаго правительства, не пускать своихъ братьевъ въ армію и, въ случаѣ необходимости, бастовать всѣмъ трудящимся людямъ въ городахъ и въ деревнѣ.

4. Волостное управленіе, школы и костелы. Во всѣхъ волостяхъ Литвы при веденіи всѣхъ дѣлъ долженъ употребляться родной языкъ народа. — Такъ какъ современная школа является только орудіемъ денаціонализаціи и деморализаціи, то всѣ школы должны быть сдѣланы всецѣло народными съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ, учителя же должны быть выбираемы мѣстнымъ населеніемъ. — Такъ какъ въ литовскихъ церквахъ виленской епархіи по соображеніямъ политическимъ употребляется польскій языкъ, то Литовскій Съѣздъ единогласно рѣшилъ выразить литовцамъ, живущимъ и борющимся въ виленской епархіи, лучшія пожеланія успѣха въ борьбѣ съ полонофильскимъ духовенствомъ за права литовскаго языка въ костелахъ Литвы, а также осудить современную церковную систему въ виленской епархіи».

Надо отмѣтить, что практически съѣздъ не явился вполнѣ безрезультатнымъ. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній между военнымъ положеніемъ и уступками, генералъ-губернаторъ Фрезе 6-го октября издалъ постановленіе, санкціонирующее въ извѣстныхъ предѣлахъ пожеланія литовцевъ относительно языка въ начальной школѣ и о расширеніи правъ волостного самоуправленія. Такъ, было признано, что дѣти могутъ обучаться въ школахъ литовскому языку, и что учителями могутъ быть назначаемы литовцы, знающіе русскій языкъ. Точно такъ же

былъ допущенъ литовскій языкъ во внутренней перепискѣ волости (параллельно съ русскимъ). Для урегулированія школьнаго вопроса администраціей былъ созданъ Комитетъ, въ который входило 3 представителя администраціи и 3 литовца. Въ виду недостатка литовскихъ учителей, просвѣтительному обществу «Saule» («Солнце») было разрѣшено устроить въ Ковно педагогическіе курсы и учительскую семинарію. Такая же семинарія была открыта въ Вильнѣ обществомъ «Rytas» («Утро»).

6. Культурная работа литовцевъ.

Вмѣстѣ съ освободительнымъ движеніемъ всей Россіи пало общественное движеніе Литвы. Но слѣды его остались на поверхности жизни. Во всѣхъ государственныхъ думахъ литовцы имѣютъ своихъ представителей, которые, входя въ различныя русскія фракціи, вели въ составѣ своей литовской фракціи сообща литовское дѣло, въ тѣхъ, правда, узкихъ предѣлахъ, какіе были возможны при «куцей» россійской конституціи.

Если широкимъ политическимъ чаяніямъ на этотъ разъ не удалось осуществиться, то все же революція завоевала громадныя возможности культурной работы на широкой демократической основѣ. Этой возможностью пользуются литовскіе дѣятели. Прежде всего, широко развивалось издательство. О размѣрахъ его можно судить по тому, что къ 1914 году въ Россіи было 25 литовскихъ періодическихъ изданій, нѣкоторыя изъ которыхъ имѣли тиражъ до 50.000. Однако, это составляло меньше половины всѣхъ литовскихъ изданій, такъ какъ свыше 30 выходило въ разныхъ странахъ за-границей (въ Америкѣ, въ Лондонѣ, въ Шотландіи). Наряду съ этимъ развивалось книжное дѣло. Съ 1904 по 1914 годъ было издано всего свыше 2.000 книгъ въ 5 милліонахъ экземпляровъ. — Если партіи и другія политическія организаціи не имѣли

поприща для развитія, то создался цѣлый рядъ культурныхъ организацій: научное общество въ Вильнѣ, издававшее ежегодно по сборнику научныхъ трудовъ, художественное общество, цѣлый рядъ просвѣтительныхъ обществъ, сельскохозяйственныя, кооперативныя, и пр.

Мирное развитіе литовскаго народа омрачалось, однако, двумя заботами. Прежде всего, несмотря на рядъ завоеваній, литовцы видѣли, что общій характеръ политики правительства остался прежнимъ. Только убѣдившись, что литовцы нѣчто болѣе сложное, чѣмъ «кандидаты въ русскіе», правительство стало путемъ колонизаціи насаждать въ Литвѣ русское крестьянство, продавая систематически участки на выгодныхъ условіяхъ.

Но если колонизаціонная политика правительства грозила опасностями и осложненіями въ будущемъ, то настоящее было полно польско-литовской распрей. Вышеприведенныя резолюціи съѣзда въ послѣдней своей части касаются этого вопроса въ предѣлахъ Виленской губерніи, гдѣ особенно остро стоялъ вопросъ о языкѣ дополнительнаго богослуженія въ костелахъ, особенно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ. На этой почвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ доходило до острыхъ конфликтовъ и кровавыхъ столкновеній какъ въ Литвѣ (напримѣръ, въ Кальваріи), такъ и за предѣлами ея (напримѣръ, въ Одессѣ). Костельная распря отражала общій тонъ полемики въ печати. Всѣ попытки найти какое-либо примиреніе — были неудачны, всякія теоріи, въ родѣ ново-изобрѣтеннаго «поляко-литовца» — отбрасывались литовцами безъ колебаній. Полная духовная, культурная и политическая независимость Литвы отъ Польши; усиленіе литовскаго элемента въ предѣлахъ этнографической Литвы и вытѣсненіе изъ этихъ предѣловъ польскихъ вліяній — все это были основные постулаты литовской національной работы, подчеркиваемые съ рѣзкостью, быть можетъ, не оправдываемою ни реальными нуждами ни трезвой политической тактикой. Но для

литовцевъ вся прежняя исторія отношеній къ Польшѣ начинала казаться лишь сплошной обидой и несправедливостью со стороны Польши. Между тѣмъ, польская общественность не могла отказаться отъ традиціоннаго взгляда на Литву, какъ на часть Польши, и на литовское движеніе — какъ на болѣзненную «литвоманію», не имѣющую почвы подъ ногами. Поэтому со стороны поляковъ тоже проявлялась нетерпимость и воинственность въ отстаиваніи своего права въ Литвѣ и даже на Литву.

7. Война и революція.

Война захватила литовцевъ врасплохъ. Въ первые дни литовцы присоединились ко всѣмъ инымъ народамъ въ готовности нести жертвы для войны. Но жертвы оказались значительно бо́льшими, чѣмъ можно было ожидать: въ первый же годъ войны вся Литва оказалась оккупированной нѣмцами, при чемъ значительная масса населенія была вынуждена въ качествѣ бѣженцевъ уйти въ глубь Россіи. Въ организаціи помощи бѣженцамъ, въ поискахъ средствъ, въ собираніи пожертвованій во всемъ мірѣ проходитъ для литовскихъ дѣятелей первая часть войны.

Съ небывалой широтой вопросъ о литовско-русскихъ отношеніяхъ былъ поставленъ русской революціей. Провозглашеніе принципа самоопредѣленія народовъ вызвало расколъ среди литовскаго съѣзда въ Петербу́ргѣ: лѣвое крыло съѣзда стояло за федеративный строй и считало, что только литовское учредительное собраніе вправѣ разрѣшить общій вопросъ о связи съ Россіей, между тѣмъ какъ націоналистическое меньшинство съѣзда стояло за немедленное провозглашеніе принципа полной самостоятельности Литвы.

Практически вопросъ этотъ получилъ значеніе лишь послѣ большевистскаго возстанія и Брестскаго мира, когда

литовскіе общественные дѣятели, бывшіе въ Россіи, стали перебираться въ Литву. Здѣсь, наряду съ правовой и общественно-экономической разрухой, вызванными оккупаціей и суровымъ режимомъ нѣмецкихъ военныхъ властей, все же оказались нѣкоторыя условія для политической работы. Еще передъ Брестскимъ миромъ властями была разрѣшена литовская конференція, которая встала на точку зрѣнія самостоятельности Литвы. Конференціей былъ выдѣленъ Ландтагъ, или «Тариба» (Совѣтъ) Литвы, получившая формальное признаніе нѣмецкихъ властей, какъ законное представительство Литвы. Послѣ Брестскаго мира германцами была торжественно провозглашена независимость Литвы, и литовская Тариба, со своей стороны, признала готовность идти на военный, таможенный и монетный союзъ съ Германской Имперіей. Но, по мысли и планамъ германскихъ имперіалистовъ, все это должно было лишь прикрывать полную инкорпорацію Литвы къ Германіи. Одна изъ докладныхъ записокъ въ этомъ духѣ, составленная, повидимому, саксонскими правительственными кругами и настаивающая на постепенномъ включеніи Литвы въ Саксонію, какъ страну католическую и болѣе всего перенаселенную, какимъ-то образомъ попала въ руки литовцевъ. Въ стремленіи парализовать закулисные ходы германскихъ имперіалистовъ и для того, чтобы подчеркнуть свое стремленіе къ полной независимости, литовская Тариба рѣшила выбрать королемъ Литвы ставленника германскаго «центра» католическаго принца Ураха, подъ именемъ Миндовга II. Выборы эти, произведшіе міровую сенсацію, конечно, остались на бумагѣ и практическимъ послѣдствіемъ имѣли, кажется, только то, что принцъ Урахъ началъ изучать литовскій языкъ. Въ самомъ населеніи Литвы, болѣе прислушивавшемся къ раскатамъ россійской революціонной бури, чѣмъ къ кабинетнымъ планамъ германскихъ политиковъ, рѣшеніе это тоже не могло произвести благопріятнаго впечатлѣнія.

8. Борьба за независимость.

Съ разгромомъ нѣмецкихъ войскъ въ Литвѣ повѣяло инымъ духомъ. Вопросъ объ организаціи своей національной власти изъ пожеланій превратился въ чрезвычайную необходимость, такъ какъ съ уходомъ нѣмецкихъ войскъ въ странѣ не оставалось никакого аппарата власти. А, между тѣмъ, съ востока и сѣвера надвигалась большевистская опасность. Кромѣ того, затрудняли работу обостренныя польско-литовскія отношенія. Правительство, организовавшееся подъ предсѣдательствомъ Сляжевича въ Вильнѣ, должно было бѣжать изъ столицы, такъ какъ тамъ вспыхнуло польское вооруженное возстаніе. Вильна, впрочемъ, вскорѣ была занята большевиками, а литовское правительство перебралось въ Ковно, откуда, борясь съ чрезвычайными трудностями, ему удалось организовать страну. Благодаря исключительной энергіи правительства, сталъ налаживаться аппаратъ власти. Населеніе же встало на путь активнаго сопротивленія большевикамъ: путемъ полурегулярной, полупартизанской борьбы большевики были, къ серединѣ лѣта 1919 года, мало-помалу вытѣснены изъ этнографической Литвы. Весною 1920 года положеніе настолько окрѣпло, что представилось возможнымъ выбрать Учредительное Собраніе Литвы, на основѣ всеобщаго избирательнаго права, безъ различія пола. Участіе населенія въ выборахъ было исключительно велико: къ урнамъ явилось до 92 % всѣхъ избирателей, т. е. всего взрослаго населенія. Результаты выборовъ оказались въ пользу клерикальныхъ группировокъ:

христіанскіе демократы	36	клерикальный блокъ . 59
союзъ сельскихъ хозяевъ	8	
федерація труда	15	
народники	9	народническій блокъ . 29
крестьянскій союзъ	20	
соціалъ-демократы	14	
евреи	6	
поляки	3	
нѣмцы	1	

Предсѣдателемъ Сейма избранъ Стульгинскій, ко-

торый несетъ обязанности также президента республики. Несмотря на абсолютное преобладаніе клерикальнаго элемента, во главѣ коалиціоннаго правительства всталъ докторъ Гринюсъ, народникъ. Вообще выборы показали извѣстное несоотвѣтствіе между народными настроеніями и элементами, вынесшими на своихъ плечахъ работу по организаціи государственности. Партіи интеллигентскія, прогрессистовъ и націоналистовъ потерпѣли полный провалъ на выборахъ. Даже прежній премьеръ Галвановскій, въ новомъ министерствѣ сохранившій въ своихъ рукахъ портфель финансовъ, торговли и промышленности и путей сообщенія, не прошелъ на выборахъ. Партія же клерикаловъ, получившая большинство, чрезвычайно бѣдна силами.

Несмотря на это внутренняя организація страны дѣлала большіе успѣхи. Въ виду того, что Литвѣ удавалось сводить концы съ концами безъ выпусковъ своей собственной валюты, она была экономически въ лучшемъ положеніи, чѣмъ Латвія, Эстонія или Польша. И могло казаться, что, когда въ іюлѣ 1920 года былъ подписанъ весьма выгодный миръ съ большевиками, отдающій въ руки Литвы Вильну и Гродно, ближайшее будущее молодого государства стало совсѣмъ обезпеченнымъ. Но какъ разъ этотъ миръ или, вѣрнѣе, тѣ территоріальныя уступки, которыя сдѣлали большевики, создали чрезвычайныя осложненія, поставивъ на очередь во всей серьезности польскій вопросъ.

9. Литва и Польша.

Необычайную остроту польско-литовскихъ отношеній вызываютъ двѣ причины.

Прежде всего, вся польская общественность воспитана на традиціонномъ убѣжденіи въ органическомъ значеніи Люблинской уніи и нерасторжимости создавшихся на ея основѣ взаимоотношеній. При полномъ равноправіи литовскаго населенія съ польскимъ, при самой широкой

автономіи во внутреннемъ управленіи, Литва — все же только часть Польши, какъ частью ея являются Малопольска и Велькопольска, при чемъ рѣчь идетъ не только о политической связи, но и объ единствѣ культуры для всѣхъ частей исторической Польши, каковой должна являться культура польская, основанная на польскомъ языкѣ. Поэтому уже первыя попытки «любителей Литвы» начать работу по возрожденію литовскаго языка, встрѣтили крайнюю подозрительность со стороны польскаго общественнаго мнѣнія, усматривавшаго въ этомъ интригу русской политики, которая, вслѣдъ за административнымъ отдѣленіемъ Литвы отъ Польши, теперь старалась углубить обособленіе развитіемъ новаго національнаго литовскаго духа, который въ глазахъ недовѣрчивыхъ поляковъ казался лишь переходной стадіей къ полной руссификаціи. Если польская мысль подходила съ такими сложными политическими мѣрками къ мирнымъ патріотамъ-романтикамъ, то какъ прямое преступленіе воспринятъ былъ литовскій націонализмъ на политической почвѣ, получившій со стороны поляковъ названіе «литвоманіи». Тутъ уже вопросъ о причинахъ и источникахъ движенія блѣднѣлъ по сравненію съ непосредственной опасностью для польскаго дѣла въ Литвѣ. Ожесточенная борьба, которую начали вести агрессивные литовскіе націоналисты за права языка въ церкви и въ общественномъ употребленіи въ Литвѣ — была оцѣнена поляками, какъ проявленіе некультурности и дикости крестьянства и демагогіи полуобразованныхъ интеллигентовъ, ополчившихся на самые святые устои культуры. И чѣмъ больше росло литовское движеніе, тѣмъ болѣе тревогъ и опасеній вызывало оно въ полякахъ. Развитіе литовскаго движенія въ современной формѣ, съ созданіемъ собственной государственности, вскрыло всю основательность этихъ опасеній, показало отчетливо, что литовская государственность несовмѣстима съ господствомъ польскихъ вліяній въ Литвѣ, что, въ случаѣ закрѣпленія литовской

независимости, поляки окажутся въ Литвѣ чужестранцами... А главное, не только культурные, но и чисто экономическіе интересы оказались въ опасности. Крестьянская литовская демократія совершенно отчетливо поставила своей задачей проведеніе радикальной аграрной реформы съ передачей земли въ руки литовскихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, польскіе помѣщики теряли бы всю опору въ краѣ, и ведущееся въ теченіе пятисотъ лѣтъ національное польское дѣло оказалось бы въ корнѣ разрушеннымъ. Поэтому Польша съ чрезвычайной неохотой говоритъ о примѣненіи принципа самоопредѣленія народовъ по отношенію къ Литвѣ. И, не признавая литовскаго правительства, Польша ведетъ упорную стратегическую и дипломатическую работу по окруженію и изоляціи Литвы для того, чтобы принудить ее къ установленію федеративной связи съ Польшей, при чемъ Литва, быть можетъ, наряду съ Бѣлоруссіей, стала бы лишь однимъ изъ штатовъ польскаго государства, пользующимся автономіей во внутреннихъ отношеніяхъ, но стоящимъ въ зависимости отъ Варшавы.

Литовцамъ, вѣроятно, было бы легко разорвать эту паутину историческихъ пережитковъ и современной безоглядности польскихъ политиковъ, если бы не злосчастный вопросъ о Вильнѣ, отъ которой литовцы, быть можетъ, даже съ нѣкоторой близорукостью — въ виду соотношенія реальныхъ силъ — ни за что не хотятъ отказаться. Въ началѣ настоящей главы уже указывалось на ненормальное положеніе исторической, политической и экономической столицы края, находящейся формально внѣ этнографической черты литовскаго народа и населенной наполовину евреями, наполовину поляками. Но на эти этнографическія сомнѣнія литовцы отвѣчаютъ цѣлымъ рядомъ доводовъ въ свою пользу. Вильна всегда была столицей Литвы и польскимъ городомъ стала лишь потому, что польская культура воцарилась во всей Литвѣ. Теперь польскія вліянія повсюду исчезаютъ, и нѣтъ

сомнѣнія, что они осуждены на исчезновеніе и въ Вильнѣ. Что это не только возможно, но и неизбѣжно, можно убѣдиться по исторіи Риги, Ревеля, Гельсингфорса и другихъ прибалтійскихъ городовъ. 20—30 лѣтъ тому назадъ эти города имѣли чисто нѣмецкій или шведскій характеръ. И все же латыши, эсты и финны вытѣснили нѣмецкія и шведскія вліянія, заняли муниципалитеты, и нынѣ никто не станетъ оспаривать, что латыши вправѣ разсматривать Ригу, какъ свою столицу, эсты — Ревель, а финны — Гельсингфорсъ. То обстоятельство, что ближайшія мѣстности вокругъ Вильны населены бѣлоруссами и поляками, не имѣетъ большого значенія уже потому, что не болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ этнографическая литовская граница проходила значительно восточнѣе Вильны, и теперь по всему складу жизни, по обычаямъ, по нравамъ и именамъ видно, что деревни въ этихъ мѣстахъ еще недавно были литовскими. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, когда Литва получила возможность развитія своей культуры, эти недавно отпавшіе элементы вернутся на лоно своей народности. Кромѣ того, нынѣшняя литовская этнографическая граница охватываетъ Вильну съ трехъ сторонъ, подходя съ запада вплотную къ городу и имѣя на востокѣ этнографическіе литовскіе острова. Кромѣ того, еврейское населеніе Вильны при свободѣ выбора едва ли будетъ возражать противъ присоединенія города къ Литвѣ. Такимъ образомъ, во имя неизбѣжной эволюціи, во имя географическаго удобства и безъ всякаго нарушенія воли населенія, Вильна можетъ быть присоединена къ Литвѣ. Во всякомъ случаѣ, она не можетъ быть присоединена къ Польшѣ, такъ какъ польское населеніе города является островомъ среди чужеродныхъ для Польши территорій, оторваннымъ отъ главнаго материка польской народности. Словомъ, какія бы неудобства ни представляло присоединеніе Вильны къ Литвѣ, все же это наиболѣе правильное и органическое рѣшеніе вопроса.

На эти аргументы находятъ отвѣты и поляки. На соображенія о томъ, что литовцы только теперь получили возможность культурнаго развитія, поляки отвѣчаютъ, что они тоже въ теченіе пятидесяти лѣтъ представляли преслѣдуемый элементъ въ краѣ, и ихъ культурная работа встрѣчала непреодолимыя препятствія. И, тѣмъ не менѣе, польскія вліянія немногимъ уступали литовскимъ — достаточно сказать, что, на 25 періодическихъ литовскихъ изданій во всей Россіи, поляки имѣли 14 періодическихъ изданій въ одной Вильнѣ. Что же касается оторванности Вильны отъ Польши, то это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія: вѣдь Восточная Пруссія, оторванная нынѣ отъ Германіи, не перестаетъ отъ этого быть частью нѣмецкаго государства. Кромѣ того, только послѣ окончательнаго выясненія воли гродненскаго населенія можно будетъ судить о степени оторванности Вильны отъ всей Польши.

Но страстность спора дошла до такой степени, что нынѣ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только фактическимъ соотношеніемъ силъ или постороннимъ вмѣшательствомъ. И нужно сказать, что для Литвы едва ли нынѣ соотвѣтствующій моментъ для разрѣшенія спора. Литва сама, конечно, слишкомъ слаба для вооруженнаго выступленія противъ поляковъ, которые даже путемъ болѣе или менѣе инсценированныхъ вооруженныхъ возстаній сумѣютъ добиться своего господства въ Вильнѣ. Литва могла бы разсчитывать на Вильну только при содѣйствіи Россіи. Но для этого теперь не настало еще время. То фактическое единеніе, которое на почвѣ виленскаго вопроса создалось между Литвой и совѣтской Россіей, не обезпечиваетъ Литвѣ реальнаго обладанія столицей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ставитъ Литву передъ міромъ въ одіозномъ свѣтѣ большевистской союзницы, чѣмъ широко пользуется польская дипломатія. Кромѣ того, господство поляковъ въ Вильнѣ отрѣзываетъ Литву отъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзываетъ Россію отъ Германіи, что крайне

выгодно съ точки зрѣнія Франціи. Только связь съ возстановленной Россіей можетъ обезпечить Литвѣ обладаніе ея столицей. И, быть можетъ, въ этой плоскости лучше всего обезпечены также интересы польской культуры и возможность свободнаго развитія польскихъ силъ внѣ предѣловъ этнографической Польши. Остальныя рѣшенія будутъ имѣть, несомнѣнно, чисто временный характеръ, особенно если припомнить, что на Вильну, кромѣ поляковъ и литовцевъ, быть можетъ, съ наибольшимъ правомъ могутъ еще претендовать бѣлоруссы.

Во всякомъ случаѣ, безъ оздоровленія литовско-польскихъ отношеній миръ въ сѣверо-западномъ краѣ не можетъ установиться. И было бы чрезвычайно благодарной и выгодной задачей для русской общественности, не играя на противоположности интересовъ, явиться въ роли посредника и примирителя, что наиболѣе соотвѣтствовало бы историческому призванію Россіи на востокѣ.

10. Экономическое положеніе Литвы.

Если политически Литва не представляется вполнѣ устойчивымъ организмомъ, такъ какъ ей придется все время сталкиваться съ освободившимися культурными силами и вліяніями Польши, то въ экономической своей структурѣ, въ силу ея примитивности, страна представляется значительно болѣе устойчивой.

Прежде всего, это чисто аграрная страна, съ самыми незначительными зачатками промышленности: населеніе городовъ составляетъ въ ней всего около 14%.

Изъ общаго количества около 7 милліоновъ десятинъ Литвы (считая приблизительно въ границахъ договора съ большевиками) 50% принадлежало крестьянамъ, 36% — помѣщикамъ. При этомъ за послѣднее время наблюдался процессъ перехода земли изъ рукъ помѣщиковъ въ руки крестьянъ. Такъ, съ 1905 по 1914 годъ помѣщичья земля въ Литвѣ уменьшилась на 287,6 тыс. десятинъ,

а крестьянская увеличилась на 66,1 тыс. десятинъ. Тѣмъ не менѣе, аграрный вопросъ достигъ въ Литвѣ значительной остроты. Количество безземельныхъ (имѣющихъ менѣе 3 десятинъ земли) и малоземельныхъ въ Литвѣ весьма велико:

	безземельныхъ	малоземельныхъ
Въ Ковенской губерніи	14,2%	16%
Въ Виленской губ.	10,5%	—
Въ Сувалкской губ.	22,9%	24%

Разрѣшеніе аграрнаго вопроса въ Литвѣ облегчается благодаря національному моменту: борьба съ помѣщиками является вмѣстѣ съ тѣмъ и борьбой съ польскимъ элементомъ (или русскимъ). Поэтому проведеніе аграрнаго вопроса можетъ наткнуться на осложненія международнаго (въ нынѣшнихъ масштабахъ) характера, но не встрѣтитъ трудностей внутри. О значеніи инороднаго элемента въ крупной собственности можно судить по слѣдующей таблицѣ, показывающей, какой процентъ крупной собственности принадлежитъ полякамъ и русскимъ:

	полякамъ	русскимъ
Ковенская губ. . . .	75	14
Виленская губ. . . .	73	20

Въ общемъ, главныя перспективы экономическаго развитія въ Литвѣ открываются въ области сельскаго хозяйства. Въ виду низкой селькохозяйственной культуры, соотвѣтствующей степени общаго культурнаго и экономическаго развитія страны, урожайность Литвы является ниже не только Восточной Пруссіи, но даже Польши. При достиженіи того уровня урожайности Восточной Пруссіи, что̀ ни по климатическимъ ни по почвеннымъ условіямъ не представляется труднымъ, урожайность Литвы, при сохраненіи той же площади, должна увеличиться болѣе, чѣмъ вдвое.

Вслѣдъ за сельскимъ, главное значеніе въ Литвѣ имѣетъ лѣсное хозяйство. Всего въ Литвѣ (въ тѣхъ же границахъ) около полутора милліоновъ десятинъ лѣсовъ,

и, такимъ образомъ, при правильномъ хозяйствѣ эти лѣса могутъ не только покрывать всѣ нужды мѣстнаго населенія, но давать еще такое же количество на вывозъ. Къ ущербу для литовскаго народнаго хозяйства лѣсъ изъ Литвы вывозится въ необработанномъ видѣ.

Промышленность въ Литвѣ стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ. Въ виду полнаго отсутствія ископаемыхъ и угля, въ ней можетъ развиваться только незначительная индустрія, связанная съ сельскимъ хозяйствомъ (мукомольное дѣло, нѣкоторыя отрасли химической промышленности, кожевенное дѣло). Общее состояніе промышленности до войны представлялось въ такомъ видѣ:

	Число предпріятій	Производство (въ тысяч. р.)	Число рабочихъ
Ковенская г. (1912) .	2.351	20.018	11.226
Виленская г. (1911) .	1.852	26.782	14.511
Сувалкская г. (1910).	556	6.939	3.688

Распредѣленіе общаго числа предпріятій по категоріямъ было слѣдующее (въ процентахъ):

Пищевые продукты	34,4
Обработка продуктовъ животноводства	12,3
Обработка дерева	10,0
Переработка ископаемыхъ	24,9
Выдѣлка шерсти и пряжи	3,1
Химическая промышленность	4,5
Разныя ремесленныя заведенія и мастерскія	10,8

Перспективы развитія имѣетъ промышленность, или связанная съ земледѣліемъ (заводы земледѣльческихъ орудій, гвоздильные), или представляющая дальнѣйшій этапъ сельскохозяйственной продукціи, или, наконецъ, по обработкѣ дерева.

Для правильной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ въ Литвѣ необходимъ, кромѣ существующихъ желѣзныхъ дорогъ, приноровленныхъ къ нуждамъ всего государственнаго хозяйства Россіи, еще рядъ мелкихъ, своихъ дорогъ. Количество литовскихъ желѣзныхъ дорогъ слѣдующее:

Либаво-Роменская ж. д.	632	версты.
Сѣверо-западная ж. д.	720	,,
Полѣсскія.	377	,,
Свѣнцянская узкоколейная.	201	,,

По своимъ естественнымъ особенностямъ Литва должна стремиться къ принципу свободныхъ дверей, такъ какъ протекціонизмъ ей не подъ силу. Вопросъ о торговомъ балансѣ Литвы не достаточно освѣщенъ. Согласно работѣ Битнера, Ковенская губернія имѣла положительный балансъ, въ виду значительнаго вывоза лѣса. Замѣчательно, что даже статья хлѣба не вполнѣ благопріятна: для Ковенской губерніи вывозъ сталъ превышать ввозъ только съ 1910 года, а въ Виленской губерніи онъ оставался пассивнымъ до послѣдняго времени, какъ видно изъ таблицы (—превышеніе ввоза надъ вывозомъ, + наоборотъ, въ тысяч. рублей):

	1909 г.	1910 г.	1911 г.
Ковенская губ.	— 1.681	+ 2.311	+ 3.199
Виленская губ.	— 6.648	— 4.229	— 5.216

Естественныя экономическія условія предопредѣляютъ тяготѣніе Литвы къ западнымъ промышленнымъ странамъ, съ которыми она естественно должна находиться въ обмѣнѣ мануфактуры, сахара и соли, искусственныхъ удобреній — на лѣсъ и продукты сельскаго хозяйства. Экономическая политика, отрѣзывающая Литву отъ запада, очень трудно поддается мотивировкѣ.

Общій характеръ хозяйства Литвы даетъ ему быструю возможность оправиться послѣ разрушеній войны: кромѣ мира и спокойствія, оно не нуждается почти ни въ чемъ отъ внѣшняго міра, продукты же его таковы, что всегда находятъ легкій сбытъ. И въ настоящее время экономическое положеніе Литвы почти достигло предвоенной нормы.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, при современномъ уровнѣ сельско-хозяйственной культуры Литва должна быть признана все же крайне бѣдной страной. И правительство, стоя-

щее на стражѣ интересовъ этой крестьянской страны, должно быть поневолѣ до скупости бережливымъ. О финансовыхъ рессурсахъ страны можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Общій балансъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій Литвы (сюда включается и балансъ виленскихъ учрежденій, дѣйствіе которыхъ распространялось не только на Литву въ этнографическомъ смыслѣ) равнялся 262 милліонамъ рублей. Общее количество доходовъ, собираемыхъ казною въ Литвѣ, было около 56 милліоновъ рублей, въ то время какъ расходы (считая съ расходами на содержаніе арміи) — около 63 милліоновъ. Очевидно, что доходы не могутъ быть увеличены безъ особаго переобремененія населенія или расхищенія естественныхъ богатствъ страны. Такъ какъ при русской власти на военное дѣло уходило около 30% доходовъ, то сокращеніе по этой статьѣ могло бы служить естественнымъ средствомъ для оздоровленія бюджета. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ политическая обстановка приводила къ тому, что военные расходы занимали значительно бо́льшее мѣсто въ бюджетѣ, достигая 65% всѣхъ расходовъ! На этомъ пути не мыслимо не придти къ разоренію страны. Поэтому всякое правительство, глубоко понимающее положеніе страны, должно вести примирительную политику и не только само поддерживать добрыя отношенія со всѣми сосѣдями, но и стараться вліять на мирныя отношенія между ними. Служа соединительнымъ звеномъ между Россіей, Германіей, Польшей и Латвіей (второй выходъ въ море для Польши), Литва могла бы служить естественнымъ мостомъ для политической солидарности между ними. Въ психологическомъ складѣ литовскаго народа, синтезирующаго настроенія востока и запада, заложены всѣ необходимыя духовныя данныя для выполненія этой исторической задачи.

ЛАТВІЯ

1. Территорія и населеніе. 2. Границы. 3. Историческія судьбы латышскаго народа. 4. Національное возрожденіе латышей. 5. Экономическій расцвѣтъ края. 6. Латыши и прибалтійскіе нѣмцы. 7. Латгалія. 8. Война и революція. 9. Борьба за независимость. 10. Экономическій упадокъ Латвіи.

Впервые въ русскомъ общественномъ сознаніи вопросъ объ обособленности и самобытности Латвіи всталъ въ 1905—06 гг., когда въ ней произошли крупные и систематическіе аграрные безпорядки, вылившіеся почти въ форму партизанской войны латышей съ нѣмцами. Аграрное движеніе было, однако, вскорѣ подавлено карательными экспедиціями бар. Меллеръ-Закомельскаго. И такъ какъ въ то время подобныя экспедиціи разсылались властью по всѣмъ частямъ Россіи, то вопросъ о латышскомъ народѣ, какъ таковомъ, былъ опять снятъ съ очереди и заслоненъ общимъ вопросомъ о характерѣ внутренняго управленія въ Россіи.

Въ новой формѣ латвійскій вопросъ всталъ во время войны съ Германіей, когда латышскіе батальоны, образованные не безъ препятствій со стороны русской военной власти, оказались, по единодушному отзыву командного состава, исключительными по своей доблести, составляя ударныя группы, благодаря которымъ въ значительной степени и удалось удержать Ригу въ 1915 году.

Наконецъ, послѣ революціи и большевистскаго переворота, слово «латышскій стрѣлокъ» стало синонимомъ большевизма, почти такъ же, какъ слово «матросъ», и

дѣятельность стрѣлковъ памятна во всѣхъ краяхъ Россіи, куда только доходили большевики, въ особенности же въ Москвѣ, которая одно время охранялась исключительно латышами.

Вотъ, въ сущности, почти все, что составляетъ твердый запасъ свѣдѣній русскаго читателя. А, между тѣмъ, Латвія представляетъ собой своеобразную и даже поучительную страну, знаніе которой необходимо независимо даже отъ ея политической и экономической связи съ Россіей.

1. Территорія и населеніе.

Латышскій народъ, принадлежащій къ индо-европейской семьѣ, составляетъ въ ней вмѣстѣ съ литовскимъ и древнимъ прусскимъ племенемъ литовскую группу народовъ. Латыши населяютъ нынѣ сплошной массой всю Курляндскую губ., Рижскій, Валкскій, Венденскій и Вольмарскій уѣзды Лифляндской губ. и, такъ называемую, Латгалію (или польскіе Инфлянты) — Люцинскій, Рѣжицкій и Двинскій уѣзды Витебской губ., т. е. территорію, не считая внутреннихъ водныхъ пространствъ, въ 63.299 кв. километровъ, съ общей границей въ 1.777 клм., изъ коихъ 519 морской.

Въ предѣлахъ этой территоріи имѣются не-латышскіе клочки: 1) эстонцы на сѣверо-востокѣ Валкскаго уѣзда и на сѣверѣ Вольмарскаго; 2) литовцы и бѣлоруссы въ юго-западной части Илукстскаго уѣзда; 3) великоросы и бѣлоруссы въ Латгаліи.

За предѣлами этой территоріи населены латышами: 1) клочокъ берега моря на сѣверъ отъ Гайнаша; 2) малый клочокъ въ Верроскомъ уѣздѣ; 3) клочокъ территоріи между Корсовкой и Пыталовымъ; 4) Окнишская волость въ Ковенской губ. и т. д.

По переписи 1897 года, все населеніе этнографической Латвіи было около 2-хъ милліоновъ. По національ-

ностямъ населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

	Число	%
Латышей	1.316.169	68,2
Русскихъ	233.667	12,2
Нѣмцевъ	136.552	7,1
Евреевъ	119.569	6,2
Литовцевъ	25.315	1,3
Поляковъ	62.700	3,3
Эстовъ	17.700	0,9

Общее же число латышей во всей Имперіи достигало полутора милліоновъ. Къ 1914 году во всей Латвіи числилось около двухъ съ половиной милліоновъ населенія, при чемъ ростъ латышскаго населенія былъ быстрѣе роста другихъ національностей, въ виду рѣзкаго процесса дегерманизаціи латышей.

Слѣдуетъ отмѣтить, что латыши раздѣляются на собственно латышей и латгальцевъ. Послѣдніе употребляютъ нѣсколько иное нарѣчіе и во многихъ отношеніяхъ представляютъ собой отличіе отъ латышей Лифляндской и Курляндской губ. Латгалія долгое время была во власти Польши (Инфлянты Польскіе), и это отразилось въ томъ обстоятельствѣ, что латгальцы — католики, въ то время какъ вся остальная масса латышей — лютеране. Латгальцы употребляютъ латинскій шрифтъ, въ то время какъ латыши пишутъ готикой.

2. *Границы.*

Установленіе точныхъ границъ Латвіи наталкивается на значительныя трудности вслѣдствіе того, что населеніе пограничныхъ областей весьма смѣшанное.

Особенно сложно размежеваніе на востокѣ, въ *Латгаліи*, между великорусскимъ, бѣлорусскимъ и латышскимъ населеніемъ. По переписи 1897 года, въ трехъ уѣздахъ Латгаліи жители по національности распредѣлялись такъ (въ тысячахъ):

	Двинскій у.	Люцинскій у.	Рѣжицкій у.
Всего жителей	237	128	136
Латышей	92	82	79
Великороссовъ	36	9	32
Бѣлоруссовъ	32	26	7
Евреевъ	47	6	10
Поляковъ	22	—	7

Приблизительно то же соотношеніе даютъ намъ данныя переписи, устроенной въ послѣднее время латышскими властями. Особенно невыгодно положеніе латышскаго элемента въ городахъ Латгаліи. По даннымъ новой переписи, населеніе трехъ главныхъ городовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ):

	Двинскъ	Люцинъ	Рѣжица
Всего жителей	28,9	5,0	9,9
Латышей	1,5	0,6	1,9
Бѣлоруссовъ	2,1	1,5	—
Великороссовъ	4,5	0,5	2,4
Евреевъ	11,8	2,0	4,1
Поляковъ	8,1	—	1,2

Такъ какъ великорусскія и бѣлорусскія поселенія вкраплены повсюду между латышскими, то провести отчетливую этнографическую границу совершенно невозможно. Поэтому, какъ только присоединеніе къ Россіи перестанетъ быть пугаломъ для мѣстнаго населенія, внутри Латгаліи могутъ начаться сильнѣйшія тренія.

Точно такъ же не легко провести границу между эстами и латышами, гдѣ *городъ Валкъ* составляетъ предметъ упорнаго соперничества и одно время даже вооруженной борьбы между обоими народами.

Доводы въ пользу предоставленія Валка латышамъ слѣдующіе:

1. Большинство населенія нынѣ латышское: перепись 1897 года показала, что латышей въ Валкѣ 4.453, а эстовъ 3.594, и въ 1917 году латыши оказались въ большинствѣ во время выборовъ въ городское самоуправленіе. — Однако, эти доводы оспариваются эстами, которые указываютъ, что до войны въ Валкѣ уже создалось боль-

ос. РУНО
ГАЙНАШЪ
ВАЛКЪ
ВИНДАВА
ВЕНДЕНЪ
ПЫТАЛ.
ТУКУМЪ
РИГА
МИТАВА
ЛИБАВА
РЪЖИЦА
ЯКОБШТАТЪ
МОЖЕЙКИ
ДВИНСКЪ
ПОЛАНГ.
МЕМЕЛЬ
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ЛАТВІИ
ЖЕЛЬЗНАЯ ДОРОГА
ГУБЕРНСКАЯ ГРАНИЦА
ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ГРАН.
0
50
100

шинство эстовъ, и лишь во время войны въ городъ наѣха-
ло множество бѣженцевъ изъ Курляндіи, которые и созда-
ли временное и искусственное преобладаніе латышскаго
элемента.

2. Валкъ — главный городъ уѣзда, населеннаго ла-
тышами. — На это эсты указываютъ, что административ-
ныя уѣздныя и губернскія границы проводились старой
властью внѣ всякаго соотвѣтствія съ этнографіей.

3. Изъ 5 желѣзнодорожныхъ вѣтвей, подходящихъ
къ Валку, три проходятъ по территоріи Латвіи.

4. Временное Правительство, раздѣляя Лифляндскую
губернію между латышами и эстами, отнесло Валкъ къ
латышской части губерніи.

Такъ какъ между эстами и латышами соглашенія
установить не удалось, то вопросъ былъ переданъ на
разрѣшеніе союзнической комиссіи, которая раздѣлила
городъ на двѣ части: бо́льшая осталась за эстами, мень-
шая — у латышей, что, въ общемъ, чрезвычайно тягостно
отразилось на жизни самого города.

Кромѣ того, латыши заявляли свои права еще на
слѣдующіе пункты: 1. *Можейки* — какъ соединитель-
ный пунктъ между Ригой и Либавой, хотя территорія на-
селена литовцами. Покамѣстъ вопросъ получилъ раз-
рѣшеніе въ томъ смыслѣ, что Можейки остаются во вла-
сти Литвы, но латышскіе поѣзда проходятъ по терри-
торіи безпрепятственно. 2. Станица *Пыталово* — какъ
соединительный пунктъ между Ливоніей и Латгаліей. Мир-
ный договоръ съ совѣтской властью отдалъ Пыталово лат-
тышамъ. 3. Островъ *Руно*, населенный шведами, какъ
лежащій въ латышскихъ территоріальныхъ водахъ. 4. Вся
территорія *Маріенбургъ-Валкской жел. дороги*, хотя она
частями идетъ по эстонской территоріи.

Такимъ образомъ, видимъ, что латышская граница,
въ сущности, еще одна изъ самыхъ простыхъ, обслѣдован-
ныхъ и легко проводимыхъ, совпадающая часто не толь-
ко съ уѣздными, но даже съ губернскими границами, —

все же выдвигаетъ цѣлую массу спорныхъ вопросовъ, грозящихъ осложненіями и конфликтами между сосѣдними народами.

3. Историческія судьбы латышскаго народа.

Трудно установить, когда именно латыши впервые появились на занимаемой нынѣ территоріи. Во всякомъ случаѣ, первыя достовѣрныя историческія свѣдѣнія о краѣ при устьѣ Двины указываютъ на присутствіе латышскаго народа. Но исторія народа полна мрачныхъ страницъ неволи и угнетенія. Латышскому народу не удалось создать своей государственности подобно литовцамъ, но пришлось покориться германцамъ. Однако, то обстоятельство, что Литва, совмѣстно съ Бѣлоруссіей и Польшей, отстояла свою самостоятельность и отдѣлила прибалтійскія области отъ непосредственнаго воздѣйствія германской колонизаціи, дало возможность латышамъ, находясь подъ экономическимъ и политическимъ игомъ завоевателей, избѣгнуть судьбы пруссовъ и сохранить свою національную самобытность. Германскіе крестоносцы, покоривъ край, сумѣли составить слой высшаго правящаго класса, земельной знати, которой на правахъ собственности принадлежала вся земля и все туземное населеніе страны. Въ періодъ частыхъ войнъ и передѣловъ латышскій народъ подвергся раздробленію: Латгалія осталась въ рукахъ поляковъ, Ливонія переходила неоднократно изъ рукъ въ руки отъ нѣмцевъ къ шведамъ, отъ шведовъ къ русскимъ, потомъ обратно, пока, наконецъ, не была окончательно завоевана Петромъ Великимъ. Курляндія же нѣкоторое время существовала въ видѣ самостоятельнаго герцогства, находящагося въ вассальной зависимости отъ Польши, а впослѣдствіи отъ Россіи, при чемъ имѣла даже свои колоніи въ Африкѣ и Америкѣ. Въ 1795 году всѣ части Латвіи были объединены подъ властью Россіи. Но слѣдъ прежняго историческаго разобщенія

остался въ видѣ административнаго раздѣленія латышей въ трехъ различныхъ губерніяхъ.

Всѣ эти историческія перемѣны мало отражались на судьбѣ латышскаго народа, который составлялъ преимущественно крестьянское населеніе, задавленное и закабаленное въ рукахъ нѣмецкихъ помѣщиковъ. Лишь владычество Швеціи, боровшейся съ нѣмецкими вліяніями и намѣревавшейся провести освобожденіе крестьянъ, открывало перспективы улучшенія въ судьбѣ. Но войны съ Петромъ I, который встрѣтилъ поддержку въ мѣстномъ дворянствѣ (Паткуль), напуганномъ за свои привилегіи, остановили реформу. О ней вспомнили только черезъ сто лѣтъ. Вліяніе французской революціи и походовъ Наполеона, дуновеніе новыхъ идей вмѣстѣ съ тревогой правящихъ классовъ за свои привилегіи и пониманіе невозможности сохраненія феодальнаго строя — заставило самихъ нѣмецкихъ бароновъ просить объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Особенное значеніе имѣла дѣятельность балтійскаго нѣмца Меркеля, который еще въ 1796 году выпустилъ книжку «Латыши», произведшую большое впечатлѣніе въ Европѣ и переведенную на датскій и французскій языки. Въ книжкѣ этой Меркель яркими чертами изображаетъ бѣдственное положеніе угнетеннаго латышскаго народа. Впослѣдствіи тотъ же Меркель обращался и непосредственно къ Александру I. Подъ вліяніемъ новыхъ идей, рядъ бароновъ сталъ вводить значительныя улучшенія въ жизнь своихъ подданныхъ. Наконецъ, въ 1820 году, крестьяне были освобождены, но безъ земли, на очень тяжелыхъ условіяхъ и экономически остались въ прежней зависимости отъ помѣщиковъ. Поэтому все протяженіе XIX столѣтія, въ сущности, наполнено дальнѣйшимъ процессомъ эмансипаціи крестьянъ и борьбой съ привилегіями нѣмецкихъ бароновъ. Въ борьбѣ этой, кромѣ латышской интеллигенціи (наиболѣе замѣтна была дѣятельность Кристьяниса Вальдемарса), приняли участіе

и русскіе публицисты (въ особенности Самаринъ), настаивавшіе на вмѣшательствѣ русской власти въ пользу латышскаго населенія. Послѣ нѣкоторыхъ половинчатыхъ мѣръ, лишь къ 1870 году крѣпостное право было окончательно уничтожено въ Латвіи. Но и тутъ въ конечномъ счетѣ реформа получила такой характеръ, что латышское населеніе было раздѣлено на двѣ неравныя части: сравнительно зажиточныхъ крестьянъ, имѣвшихъ по 50—100 десятинъ, и безземельную массу, которая вынуждена была работать на чужой землѣ, и численность которой достигала 1 милліона! Къ 1897 году изъ пяти милліоновъ десятинъ земли въ Курляндской и Лифляндской (цѣликомъ) губерніяхъ около $2^1/_2$ милліоновъ принадлежало дворянамъ, и лишь 2 милліона находилось во владѣніи крестьянъ. При этомъ все сельское земледѣльческое населеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ (Курляндская и Лифляндская губ. цѣликомъ, въ тысячахъ):

Земледѣльческое населеніе	1.436,7
Дворянъ-собственниковъ	1,4
Крестьянъ-собственниковъ	288,3
Безземельный пролетаріатъ	1.127,0

Въ послѣднее время значительная часть безземельнаго пролетаріата была поглощена широкимъ развитіемъ городской промышленности. Но все же значительныя массы оставались на землѣ, работая въ качествѣ батраковъ въ дворянскихъ мызахъ и имѣніяхъ зажиточныхъ латышскихъ крестьянъ и составляя тотъ горючій элементъ, который обусловилъ остроту аграрнаго вопроса въ Латвіи.

4. Національное возрожденіе латышей.

Несмотря на тяжкое историческое прошлое латышскаго народа и нездоровое соціальное устройство страны, она твердо двигалась по пути прогресса. Элементами развитія явились національное возрожденіе латышскаго

народа, высокая степень культуры, достигнутая имъ, и экономическое процвѣтаніе края.

До начала XIX вѣка культурная связь, объединявшая латышскій народъ, существовала лишь въ видѣ богатой устной словесности, народныхъ пѣсенъ и сказокъ, въ ощущеніи общей экономической недоли. Но сознаніе этого единства не было настолько сильно, чтобы получить какое-либо общественное и политическое выраженіе, тѣмъ болѣе, что латышское населеніе было представлено почти исключительно безправнымъ и забитымъ крестьянствомъ. Лишь послѣ уничтоженія крѣпостной зависимости латыши могли начать свою общественную жизнь.

Но и послѣ освобожденія крестьянъ первыя проявленія ихъ самодѣятельности получали извращенныя формы въ видѣ голодныхъ бунтовъ, попытокъ массоваго бѣгства въ «теплую страну» (въ Россію), имѣвшихъ мѣсто въ 20-хъ годахъ, и въ видѣ массоваго перехода въ православную вѣру. Послѣдній эпизодъ особенно интересенъ. Въ 40-хъ годахъ, благодаря слухамъ, пущеннымъ, вѣроятно, правительственными агентами, что переходъ въ православіе дастъ латышскимъ безземельнымъ крестьянамъ землю и хлѣбъ, около 140.000 латышей приняло господствующее исповѣданіе.

Но къ серединѣ столѣтія происходитъ процессъ разслоенія въ средѣ самого латышскаго крестьянства. Части латышскаго крестьянства, благодаря чрезвычайному трудолюбію и бережливости, удается купить землю у помѣщиковъ и удержаться на ней. Часть, воспользовавшись личной свободой, перешла въ города и заложила основы латышской буржуазіи. И въ средѣ болѣе зажиточныхъ крестьянъ и горожанъ начинаетъ пускать ростки національная латышская идея. Въ 1848 году уже встрѣчаются кружки молодежи, занимающіеся латышскимъ языкомъ и исторіей, работающіе надъ просвѣщеніемъ народа и изучающіе произведенія Меркеля, не потерявшія еще злободневности. Нѣмецкое дворянство отнеслось

подозрительно и къ этимъ кружкамъ и пыталось ставить ихъ въ связь съ общими вѣяніями бурной революціонной эпохи. Но эти подозрѣнія были преждевременными: латышская національная идея воплощала въ то время не революціонныя требованія, даже вообще была чужда политики, и латышскіе націоналисты-романтики мечтали лишь о нѣкоторомъ просторѣ для культурнаго развитія крестьянства и объ употребленіи латышскаго языка, какъ средства для достиженія этой цѣли.

Вскорѣ настроенія отдѣльныхъ кружковъ оформились въ настоящее общественное движеніе, извѣстное подъ именемъ младо-латышскаго. Наряду съ задачей поднятія общей культуры крестьянства и всего края, младо-латыши формулировали такія задачи, какъ распространеніе техническихъ сельскохозяйственныхъ знаній, пропаганда усовершенствованныхъ плуговъ, машинъ и искусственнаго удобренія; глава младо-латышскаго движенія Вальдемарсъ, секретарь московскаго мореходнаго общества, рекомендуетъ латышамъ заняться мореплаваніемъ, и съ этой цѣлью было основано спеціальное общество. Латышскій языкъ младо-латыши разсматривали, только какъ орудіе просвѣщенія. Но для того, чтобы онъ могъ сыграть роль такого орудія, его надо было развить; отсюда филологическіе труды, работа надъ фольклоромъ и литературой.

Формы проявленія латышской національной идеи были на первыхъ порахъ чрезвычайно ограничены: кружки, чтенія, брошюры и одна газета въ Петербургѣ (черезъ годъ закрытая по проискамъ нѣмецкихъ дворянъ). Первой дозволенной общественной организаціей былъ рижскій «Комитетъ для помощи голодающимъ въ Эстляндіи» (1868), которому были разрѣшены впервые въ Ригѣ 5 лекцій на латышскомъ языкѣ и одинъ спектакль. Въ томъ же году было разрѣшено существующее понынѣ «Латышское Общество», ставившее себѣ научно-просвѣтительныя задачи и сдѣлавшееся центромъ латышскаго

національнаго движенія. Въ 1871 году собирается первый «съѣздъ латышскихъ сельскихъ хозяевъ», привлекшій 514 участниковъ. Въ 1873 году устраивается первый латышскій народный пѣвческій праздникъ, первый конгрессъ латышскихъ учителей (520 участниковъ), второй конгрессъ сельскихъ хозяевъ. Каждый изъ этихъ съѣздовъ явился этапомъ въ развитіи національнаго сознанія латышскаго народа. Особенно большое значеніе имѣли пѣвческія празднества, которыя были повторены въ 1880, 1888 и 1895 годахъ, и которыя являлись крупнѣйшимъ событіемъ для всѣхъ слоевъ латышскаго народа. Лишь въ послѣдніе годы, въ связи съ обостреніемъ политической распри между латышской буржуазіей и пролетаріатомъ, общенародный характеръ празднествъ нѣсколько потускнѣлъ, и они потеряли свое первоначальное значеніе.

Организованность страны возрастала съ каждымъ годомъ, и къ моменту начала войны весь латышскій народъ былъ покрытъ узорчатой сѣтью всевозможныхъ обществъ и союзовъ. 140 сельскохозяйственныхъ обществъ, 20 обществъ пчеловодства, 100 кооперативныхъ обществъ для поднятія животноводства и раціональнаго использованія его продуктовъ, двѣ сельскохозяйственныя школы, множество опытныхъ станцій... Около — 60.000 коровъ были всегда на учетѣ и подъ наблюденіемъ опытныхъ спеціалистовъ, оплачиваемыхъ 270-ью спеціальными контрольными союзами. Сельскохозяйственные журналы, выставки, передвижныя лекціи дополняли средства поднятія сельскохозяйственной культуры: такъ, въ 1913 году было организовано до 90 краткосрочныхъ сельскохозяйственныхъ курсовъ, которые посѣщались 9.000 лицами, и около 350 докладовъ, съ 38.500 посѣтителями.

На тѣхъ же самыхъ основаніяхъ самопомощи и кооперативной работы создано было около 300 обществъ взаимнаго страхованія и около 60 потребительныхъ обществъ. Общее количество латышскихъ обществъ и

союзовъ къ 1913 году достигало 2.200, изъ коихъ 670 работало надъ народнымъ воспитаніемъ.

Въ послѣднемъ отношеніи латышскій народъ достигъ тоже изумительныхъ результатовъ: латыши были почти поголовно грамотны. Отчасти это объясняется вліяніемъ нѣмецкихъ лютеранскихъ пасторовъ, уже издавна ставящихъ своей задачей, чтобы всѣ конфирмующіеся умѣли читать св. Писаніе. Но законченную организацію дѣло низшаго обученія получило со времени введенія волостного самоуправленія и передачи ему школьнаго дѣла. Среднихъ учебныхъ заведеній въ Латвіи было 98 съ 22.600 учениками, т. е. по среднему учебному заведенію на каждые 20.000 жителей, въ то время какъ, напримѣръ, въ Германіи одно средне-учебное заведеніе приходится всего на 54.000 жителей. Число студентовъ-латышей, обучающихся въ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, было не менѣе 2.000 (въ Даніи — 1.500).

Результатомъ организованности латышскаго народа и высокой стадіи его культуры явилось значительное развитіе латышской литературы. Всего передъ войной издавалось на латышскомъ языкѣ около 50 періодическихъ изданій, изъ коихъ нѣкоторыя имѣли тиражъ свыше 100.000 экземпляровъ. Кромѣ того, создалась богатая переводная и оригинальная литература: въ 1912 году въ Россіи было издано всего 827 латышскихъ книгъ въ 2,7 милліона экземпляровъ, т. е. по 138 экземпляровъ на каждые сто жителей.

5. *Экономическій расцвѣтъ края.*

Наряду съ культурнымъ подъемомъ, шелъ подъемъ экономическій. О быстротѣ развитія его можно судить по развитію торговли и промышленности. Такъ, напримѣръ, торговый годовой оборотъ Риги (въ тысячахъ рублей) представляетъ собой слѣдующій ростъ:

Годы	Ввозъ	Вывозъ	Оборотъ
1866—1870	14.419	31.024	45.443
1881—1885	27.442	56.692	84.134
1901—1905	85.089	110.716	195.805
1906—1910	113.954	157.534	271.488
1911	147.288	186.818	334.106
1912	145.871	224.837	370.708
1913	178.643	226.250	404.893

Всего же по всѣмъ портамъ Латвіи въ 1912 году было ввезено на 206 милліоновъ рублей, а вывезено на 392 милліона рублей. Конечно, это не является торговлей одной только Латвіи и не даетъ картины хозяйственнаго положенія страны. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ распоряженіи имѣются данныя только относительно одной Курляндской губ. (работа Битнера), согласно которымъ вывозъ превышалъ ввозъ на сумму около 4 милліоновъ рублей. Но оживленное движеніе товаровъ изъ всей Россіи и во всю Россію черезъ латвійскіе порты способствовало развитію и процвѣтанію латвійскихъ городовъ и косвенно отражалось на всемъ строѣ экономической жизни края.

Точно такъ же промышленность Латвіи достигла высокаго развитія благодаря тому, что иностранный капиталъ основывалъ въ ней предпріятія, работающія для всей Россіи. Въ 1910 году Латвія имѣла 782 промышленныхъ предпріятія съ общимъ числомъ 93.343 рабочихъ, съ производствомъ въ 199.411 рублей. По отдѣльнымъ отраслямъ производства эта промышленность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

	Число предпріятій	Производство (въ тысячахъ рублей)
Текстильная промышленн.	52	22 681
Бумажная.	79	9 585
Обработка дерева	99	18 485
Механическая	115	38 818
Минеральная	150	8 365
Переработка орган. веществъ . .	46	8 990
Пищевая и табачная	175	84 795
Химическая	39	43 025
Остальныя отрасли	27	14 663
Всего	782	199 407

Цифры эти выигрываютъ въ наглядности, если указать, что въ Латвіи, составляющей всего одну сотую часть Европейской Россіи, имѣлась одна восьмидесятая часть всѣхъ русскихъ фабрикъ и заводовъ съ одной двадцать шестой частью всего производства Россіи; если на каждаго жителя всей Россіи производилось товаровъ всего на 30 рублей, то въ Латвіи на каждаго жителя приходилось по 110 рублей годового промышленнаго производства.

Такое развитіе промышленности, дававшее примѣненіе рабочимъ силамъ Латвіи, оживляло ея экономическую жизнь и способствовало быстрому росту латвійскихъ городовъ и созданію многочисленной латышской буржуазіи.

6. Латыши и прибалтійскіе нѣмцы.

Несмотря на громадные успѣхи латышской организованности и культуры; несмотря на то, что латышамъ принадлежало численное преобладаніе во всей Латвіи какъ въ сельскихъ мѣстностяхъ, такъ и въ городахъ, управленіе краемъ до послѣдняго времени фактически находилось въ рукахъ прибалтійскихъ нѣмцевъ.

Объясняется это не только экономическимъ преобладаніемъ нѣмецкаго дворянства, которому принадлежало свыше половины всей земли, не только силой и сплоченностью нѣмецкой городской буржуазіи, но также особыми привилегіями, пережитками феодальной эпохи. Все это приводило къ тому, что нѣмецкій элементъ являлся хозяиномъ мѣстной администраціи и налагалъ руку на всю общественную жизнь. Въ его рукахъ находились земскія установленія, какъ то ландтаги, всякаго рода конвенты и коллегіи. Уѣздная полиція и въ значительной степени губернская вся была заполнена баронами; въ сильной зависимости отъ нихъ находился и судъ. Дворянамъ принадлежало право назначать пасторовъ въ приходахъ (пра-

во патроната), пользуясь которымъ они оказывали громадное вліяніе на всю приходскую жизнь. До послѣдняго времени имъ принадлежала монополія винокуренія и корчмарства, отъ какового права они отказались лишь за многомилліонное вознагражденіе со стороны правительства. Совмѣстно съ городскими муниципалитетами и биржевымъ рижскимъ комитетомъ, они распоряжались учебными заведеніями (рижскимъ политехникумомъ, юрьевскимъ университетомъ, средними учебными заведеніями, а отчасти и низшими). Въ ихъ распоряженіи находились кредитныя поземельныя общества. И вся эта власть и вліянія находились даже въ рукахъ не всѣхъ нѣмцевъ, и даже не всѣхъ нѣмецкихъ дворянъ, но въ рукахъ немногочисленной самой знатной и богатой кучки нѣмецкихъ прибалтійскихъ бароновъ.

До 60-хъ годовъ, до первыхъ проявленій латышской національной жизни, власть нѣмцевъ въ краѣ не имѣла соперниковъ. Антагонизмъ крестьянства не имѣлъ ни оформленности ни организованности и не представлялся самъ по себѣ опаснымъ. Болѣе тревожнымъ для нѣмецкаго элемента явился притокъ латышскаго бюргерства въ города. Но съ явнымъ недовѣріемъ и подозрительностью было встрѣчено явленіе младо-латышества, какъ несущее идеологію, грозящую подорвать значеніе господствующаго элемента въ краѣ. Эти подозрѣнія еще болѣе усилились, когда молодая культурническая латышская національная мысль въ поискахъ опоры своимъ требованіямъ обратила вниманіе на русскую общественность и попыталась заинтересовать ее своей судьбой. Въ дѣятельности первыхъ младо-латышей ощущеніе неразрывности связей съ Россіей и надеждъ на Россію, сказывавшееся уже въ 20-хъ и 40-хъ годахъ, впервые оформилось, какъ одна изъ основъ латышской національной политики: въ борьбѣ съ нѣмецкимъ элементомъ въ краѣ латышская буржуазія традиціонно возлагала надежды на русское правительство, а латышскій пролетаріатъ — на русскія освободительныя

силы. Но надежды на помощь извнѣ оказались преувеличенными. Вниманіе русскаго правительства къ дѣламъ края пошло отнюдь не по линіи поддержки большинства населенія, а по линіи руссификаціи края. Борьба же съ нѣмцами должна была продолжаться собственными силами латышскаго народа. Своего апогея національная вражда въ Латвіи достигла въ 70-хъ и 80-хъ годахъ. Но къ моменту освободительнаго движенія началось ослабленіе національныхъ распрей. Отчасти этому способствовало то обстоятельство, что латышская буржуазія была напугана латышскимъ пролетарскимъ движеніемъ не менѣе, чѣмъ буржуазія нѣмецкая, и мы видимъ, что на выборахъ въ третью государственную Думу латышскіе и нѣмецкіе консерваторы выступаютъ совмѣстно противъ латышскаго пролетаріата. Съ другой стороны, нѣмецкій элементъ понялъ необходимость уступокъ и призналъ домогательства латышскаго языка, и среди нѣмцевъ зародились теченія, проповѣдующія полное соглашеніе съ мѣстнымъ латышскимъ населеніемъ. Экономическія соображенія, борьба изъ-за должностей, изъ-за подрядовъ, изъ-за муниципалитетовъ — еще оживляла потухающее пламя національной борьбы. Но вѣсы успѣха рѣшительно начинали клониться въ сторону латышей, особенно послѣ того, какъ въ ихъ руки перешли муниципалитеты главнѣйшихъ городовъ Латвіи. Во всякомъ случаѣ, было ясно, что, въ связи съ неизбѣжной демократизаціей всей Россіи, должна была демократизироваться и Латвія, а, значитъ, къ латышскому элементу должно было перейти преобладаніе въ дѣлахъ внутренняго управленія краемъ.

Сознаніе такой зависимости края отъ Россіи опредѣлило судьбу идеи автономіи въ латышскомъ національномъ движеніи: идея эта никогда не пользовалась среди нихъ популярностью. Объясняется это тѣмъ, что именно нѣмцы мечтали и говорили объ автономіи Прибалтійскаго края, понимая подъ автономіей возстановленіе во

всей полнотѣ своихъ феодальныхъ привилегій, расширеніе правъ ландтага и пр. Опасаясь этого, латышская буржуазія постоянно подчеркивала неразрывность связей и административной общности съ Россіей и настаивала только на расширеніи мѣстнаго самоуправленія и на перекройкѣ губерній такъ, чтобы была объединена вся латышская территорія. Латышская соціалъ-демократія выставляла въ программѣ требованіе автономіи, но только въ порядкѣ переустройства всей Россіи на началахъ децентрализаціи; но и соціалъ-демократы подчеркивали, что фабричное и соціальное законодательство должно находиться въ рукахъ центральныхъ законодательныхъ органовъ, отъ которыхъ скорѣе можно добиться прогрессивнаго законодательства, чѣмъ отъ мѣстныхъ провинціальныхъ установленій (примѣръ Германіи). По этимъ причинамъ идея автономіи не играла почти никакой роли въ латышскомъ движеніи, и нормальному развитію латышско-русскихъ отношеній, повидимому, не грозило никакихъ осложненій, если бы оно не было прервано громами и обвалами великой войны.

7. *Латгалія*

Обособленно отъ главной массы латышскаго племени шло историческое и культурное развитіе латгальцевъ, т. е. латышей трехъ уѣздовъ Витебской губерніи. Съ 1660 года эта часть латышей входитъ въ составъ польскаго государства, и въ то время, какъ латыши Лифляндіи и Курляндіи приняли протестантство и находились подъ сильными культурными вліяніями шведовъ и нѣмцевъ, латгальцы остались вѣрными католицизму и представляли поле для культурнаго воздѣйствія Польши.

Въ XVII вѣкѣ іезуиты, въ борьбѣ съ протестантизмомъ, начали употреблять мѣстное латышское нарѣчіе и издали на немъ нѣсколько духовныхъ книжекъ. Съ теченіемъ времени латвійскій языкъ остался только въ

добавочномъ богослуженіи и совершенно исчезъ изъ литературы. Лишь въ серединѣ XIX вѣка началось нѣкоторое оживленіе, и было издано нѣсколько книжекъ на латышскомъ языкѣ, въ томъ числѣ и грамматика. Но запрещеніе латинскаго шрифта въ 1863 году поставило предѣлъ этому движенію, и опять безраздѣльное господство получила польская книга. Правда, дѣлались попытки организовать изданіе хотя бы молитвенниковъ за-границей (въ Голландіи) и доставки ихъ контрабандой, но, въ виду ограниченнаго рынка сбыта, это издательство широкихъ размѣровъ принять не могло. Лишь съ 1905 года начинается новая стадія оживленія національнаго духа среди латышей Латгаліи. Начали появляться календари, брошюры, книжки. Начало выходить нѣсколько періодическихъ изданій. Въ Государственной Думѣ кс. Трасунъ представлялъ интересы латгальцевъ. Но значительнымъ препятствіемъ для развитія среди латгальцевъ сознанія принадлежности въ латышамъ явилось то, что изъ 100 священниковъ въ Латгаліи всего около 10 — латыши, остальные же — литовцы или поляки. Поэтому духовенство не могло играть той роли, какъ въ Литвѣ.

Однако, несмотря на различіе въ нарѣчіи, въ вѣроисповѣданіи, въ шрифтѣ, естественныя связи со всѣмъ латышскимъ народомъ давали себя чувствовать все болѣе, и нѣтъ сомнѣнія, что и независимо отъ разыгравшихся событій культурная жизнь латгальцевъ слилась бы съ культурной жизнью остальной Латвіи. Для ускоренія этого сліянія, отчасти же для оказательства эмансипаціи отъ нѣмецкихъ вліяній, среди протестантской части латышей неоднократно возникала мысль о переходѣ отъ готики къ латинскому шрифту.

8. Война и революція.

Война отразилась крайне тяжело на судьбѣ латышскаго народа. Прежде всего, начиная съ лѣта 1915 года

Латвія оказалась раздѣленной на двѣ части: Курляндію, занятую нѣмцами, и Лифляндію, находящуюся въ русскихъ рукахъ, при чемъ фронтъ проходилъ посреди нѣ страны. Въ связи съ угрозой Ригѣ были эвакуированы всѣ важнѣйшіе фабрики и заводы, и на улицу выброшены массы безработныхъ. Главное же — успѣхи нѣмецкаго оружія, тогда еще находившагося въ рукахъ германскаго юнкерства, создали въ латышахъ тревогу за будущность народа, все политическое возрожденіе и развитіе котораго шло подъ знаменемъ искорененія германскаго феодализма въ Прибалтикѣ. Теперь же передъ латышами возникла угроза усиленной германской колонизаціи, планы которой безъ стѣсненія развивались нѣмецкими имперіалистическими писателями. Поэтому, быть можетъ, изъ всѣхъ народовъ Россіи одна только Латвія ощущала необходимость войны всѣми струнами народной души. И это сказалось на образованіи латышскихъ стрѣлковыхъ частей, составленныхъ изъ латышскихъ добровольцевъ подъ командой латышскихъ офицеровъ. Русское верховное командованіе первоначально отнеслось отрицательно къ этой идеѣ, особенно горячо проповѣдуемой депутатомъ Гольдманомъ. Но въ 1915 году, послѣ тяжкихъ неудачъ на фронтѣ, разрѣшеніе было дано. Наплывъ волонтеровъ оказался весьма значительнымъ, и латышскіе стрѣлки упорно боролись, отстаивая Ригу, потерявъ при этомъ около 30.000 человѣкъ.

Революція внесла значительныя измѣненія въ положеніе латвійскаго вопроса. Вслѣдствіе общаго признанія принципа самоопредѣленія народовъ, искренней политики децентрализаціи и предоставленія автономіи отдѣльнымъ областямъ, Латвія впервые увидѣла администрацію, составленную изъ латвійскихъ общественныхъ дѣятелей: первымъ рижскимъ комиссаромъ былъ латышскій соціалъ-демократъ Предкальнъ. Но вопросъ объ автономіи Латвіи не могъ быть разрѣшенъ въ виду того, что половина страны находилась въ рукахъ против-

ника; были лишь приняты мѣры къ разработкѣ этого вопроса, но и тутъ встрѣтились значительныя разнорѣчія съ представителями латышей изъ-за Латгаліи, на присоединеніе которой къ Латвіи центральная власть не склонна была соглашаться.

Развалъ арміи нанесъ новые удары судьбѣ латышскаго народа. Въ августѣ 1917 года пала Рига, и значительная часть Лифляндіи оказалась въ германской власти, а неустройство прифронтовой полосы захватило всю страну. Въ октябрѣ, въ связи съ переворотомъ въ Петербургѣ, началась всеобщая смута, которая въ началѣ 1918 года окончилась германской оккупаціей всей Прибалтики.

Въ связи съ полной увѣренностью въ прочности Брестскаго мира, германскими властями стали подготавливаться основы владычества въ прибалтійскихъ странахъ. Были сдѣланы попытки привлечь мѣстное населеніе къ выполненію этихъ замысловъ, однако безрезультатно, такъ какъ среди латышскихъ общественныхъ теченій не было ни одного, которое соглашалось бы на работу съ нѣмцами: въ 1918 году, когда въ Ригѣ торжественно справлялась годовщина занятія нѣмцами города, на празднованіи не было ни одного латыша, и только германскіе элементы да нѣкоторое количество русской мѣстной знати поддерживали аннексіонистскіе замыслы Германіи.

Латышскія же силы готовились не къ соглашенію, а къ борьбѣ. Въ Ригѣ образовался блокъ латышскихъ политическихъ теченій, въ которомъ были представлены всѣ мѣстныя направленія, кромѣ большевистскихъ и германофильскихъ. Главной задачей блока была борьба съ аннексіонистскими стремленіями Германіи. Организація была тайная и распространяла свою дѣятельность на всю оккупированную Латвію. Что же касается той части Латвіи, которая оставалась въ русскихъ рукахъ, то для дѣятельности въ ней, съ тѣми же цѣлями, былъ организованъ латышскій Національный Совѣтъ.

9. Борьба за независимость.

Пораженіе нѣмцевъ на западномъ фронтѣ измѣнило положеніе латышей, и, какъ только явилась возможность работы, изъ сліянія «Національнаго Совѣта» и «Блока» образовался латышскій «Государственный Совѣтъ» изъ 100 членовъ — 78 латышей, 8 нѣмцевъ, 7 евреевъ, 5 русскихъ, 1 литовецъ и 1 полякъ. Треть латышскихъ мѣстъ принадлежала крестьянскому союзу. Задачей Государственнаго Совѣта и поддерживающихъ теченій была организація страны и созывъ Учредительнаго Собранія.

Но въ рукахъ Государственнаго Совѣта не было ни реальной силы ни готовой организаціи, и, вскорѣ послѣ ухода нѣмцевъ, сѣверная часть Латвіи съ Ригой были заняты большевистскими отрядами. Однако, успѣшная борьба съ большевиками эстовъ и внутреннія возстанія освободили страну отъ большевиковъ. Походъ Бермондта явился послѣдней попыткой германскихъ аграріевъ отыграться на русской контръ-революціи и отстоять свои имѣнія. Но, послѣ дикой бомбардировки Риги, отъ которой городъ пострадалъ болѣе, чѣмъ за все время войны, Бермондтъ вынужденъ былъ отступить, и Латвія, все еще формально находясь въ состояніи войны съ совѣтской Россіей, получила возможность начать возстановленіе нормальной жизни. 1-го мая 1920 года въ ней было созвано Учредительное Собраніе, въ выборахъ въ которое участвовало 87% всего взрослаго населенія страны. Результаты выборовъ, совершенныхъ наспѣхъ, не дали возможности консолидаціи общественныхъ силъ, и составъ Учредительнаго Собранія, по распредѣленію голосовъ по партіямъ, оказался весьма неустойчивымъ: 57 соціалъ-демократовъ, 6 трудовиковъ и 9 членовъ разныхъ мелкихъ лѣвыхъ партій составили лѣвую часть Собранія; 26 членовъ крестьянскаго союза и около 15 членовъ мелкихъ партій — образовали правое крыло; въ центрѣ же оказались 23 латтальскихъ депутата, держащихся особнякомъ отъ остальныхъ латышскихъ партій, и представители націо-

нальныхъ меньшинствъ (6 нѣмцевъ, 4 русскихъ и 6 евреевъ). Правительство, возглавляемое Ульманисомъ и Мейеровицемъ (оба — члены крестьянскаго союза), опирается на правую часть Учредительнаго Собранія и не имѣетъ устойчиваго большинства, которое, вообще, при данномъ составѣ депутатовъ образоваться и не можетъ. Слѣдуетъ отмѣтить высокій образовательный уровень членовъ Учредительнаго Собранія: 57% получило высшее образованіе, 25% — среднее.

Если до войны мечтанія латвійской общественности не простирались далѣе автономіи края, то нынѣ какъ Учредительное Собраніе, такъ и всѣ политическія партіи выставляютъ требованіе полной самостоятельности и независимости Латвіи.

11-го августа 1920 года въ Ригѣ былъ подписанъ миръ съ Россіей, признавшій суверенность Латвіи и установившій весьма выгодную государственную границу, по которой Люцинскій, Двинскій и Рѣжицкій уѣзды цѣликомъ оказались въ рукахъ Латвіи. Мирный договоръ заключенъ и съ Германіей, при чемъ Германія обязалась юридически признать независимость Латвіи, какъ только ее признаетъ хотя бы одна изъ союзныхъ державъ. Съ Литвой и Эстоніей тоже заключены соглашенія и установлены государственныя границы. Въ концѣ же января настоящаго года — независимость Латвіи юридически признана союзниками.

10. Экономическій упадокъ Латвіи.

Переходя къ оцѣнкѣ нынѣшняго состоянія страны, надо припомнить, что она носила всегда особый характеръ: вся жизнь Латвіи представлялась отблескомъ грандіозныхъ внѣшнихъ вліяній. Не говоря уже о значеніи вліянія германскихъ элементовъ, не дооцѣнивать которое нельзя уже потому, что вся латвійская культура носитъ слѣды культуры нѣмецкой, несамостоятельность Латвіи особенно замѣтна въ экономическомъ отношеніи.

Если возьмемъ желѣзныя дороги — то мы увидимъ, что страна пересѣкается Риго-Орловской, Либаво-Роменской, Виндаво-Рыбинской желѣзными дорогами, т. е. путями, конечные пункты которыхъ — далеко за предѣлами страны, и цѣль постройки которыхъ отнюдь не только обслуживаніе мѣстныхъ нуждъ края. Ростъ городовъ Латвіи тоже явился отблескомъ экономическаго развитія цѣлаго континента, лежащаго за ними: Виндавскіе холодильники построены для сибирскаго масла, Либава служила портомъ эмиграціи чуть ли не изъ всей Россіи, рижская промышленность создалась на основѣ обстановки, обусловленной таможенной политикой всей Имперіи... И, дѣйствительно, стоило только оборваться связи съ Россіей, какъ вся жизнь въ странѣ завяла, сократилась — достаточно указать, что, въ то время какъ во всѣхъ городахъ Европы страшное переполненіе, населеніе Риги уменьшилось на 58%!

Этотъ упадокъ края, который ничѣмъ не можетъ быть устраненъ, кромѣ возобновленія оживленныхъ сношеній съ Россіей, грозитъ гибельно отразиться на положеніи финансовъ. Въ 1913 году доходы государственнаго казначейства на территоріи Латвіи составляли:

Прямые налоги	8,3	милл. р.
Косвенные налоги	43,4	,, ,,
Таможенные сборы	9,2	,, ,,
Гос. монополіи	25,4	,, ,,
Другіе доходы	1,7	,, ,,
Всего	88,0	милл. р.

Расходы же за это время составляли:

М-ва внутр. дѣлъ	3,6	милл. р.
,, юстиціи	1,9	,, ,,
,, финансовъ	8,5	,, ,,
,, нар. просв.	2,9	,, ,,
,, путей сообщ.	20,6	,, ,,
,, торг. и пром.	2,0	,, ,,
,, земледѣлія	1,5	,, ,,
,, военнаго	7,5	,, ,,
,, морского	3,7	,, ,,
Государственн. Контр.	0,4	,, ,,
Синодъ	0,5	,, ,,
Чрезвычайные расходы	1,2	,, ,,
Всего	54,3	милл. р.

Сопоставленіе этихъ цифръ дало основаніе латышской публицистикѣ утверждать о блестящихъ перспективахъ латышскихъ финансовъ, если излишекъ въ 33 милліона не будетъ уходить изъ страны въ Россію. Однако, раньше, чѣмъ принять этотъ оптимистическій выводъ, нужно сдѣлать рядъ оговорокъ. Прежде всего, изъ смѣты доходовъ приходится исключить таможенныя поступленія. Все латвійское общественное мнѣніе въ принципѣ стоитъ за установленіе свободы торговли, указывая, помимо политическихъ и экономическихъ соображеній, на техническую невозможность надежно охранить границу въ 1.700 километровъ. Это уже сразу сокращаетъ превышеніе доходовъ надъ расходами на цѣлую треть. Далѣе, въ бюджетѣ расходовъ не указанъ цѣлый рядъ статей общегосударственнаго характера: содержаніе центральныхъ учрежденій (законодательныхъ палатъ, министерствъ), содержаніе министерства иностранныхъ дѣлъ и пр. Между тѣмъ, какъ разъ эти расходы такого свойства, что ихъ сокращеніе не можетъ идти пропорціонально сокращенію населенія государства: населеніе Латвіи почти въ сто разъ меньше населенія всей Россіи, а Учредительное Собраніе имѣетъ членовъ лишь въ 6 разъ меньше, чѣмъ русское; содержаніе иностранныхъ миссій тоже будетъ не въ сто разъ дешевле, чѣмъ содержаніе общероссійскаго представительства... Кромѣ того, и военные расходы займутъ въ новомъ бюджетѣ значительно бо́льшее процентно мѣсто, чѣмъ въ старомъ, особенно если Латвіи придется съ тревогой посматривать и на западъ, и на востокъ, и даже на югъ и сѣверъ. Но важнѣе всего то, что цифры дохода относятся ко времени, когда Латвія отражала въ себѣ блескъ всей экономически развивающейся Россіи, когда въ Ригѣ было 500.000 жителей, ведущихъ широкую торговлю, развивающихъ разностороннюю промышленную дѣятельность. Теперь доходы Латвіи, превращающейся въ чисто аграрную страну, будутъ значительно ниже.

Въ этомъ отношеніи весьма поучительно ознакомиться съ состояніемъ финансовъ въ первые мѣсяцы существованія Латвіи. Съ 18 ноября 1918 года по 1 апрѣля 1920 года доходы Латвіи выражались въ милліонахъ латвійскихъ рублей слѣдующими цифрами:

Прямые налоги	20,4
Косвенные налоги	25,3
Таможни	4,3
Гос. имущ. и моноп.	177,3
Госуд. займы	4,7
Кредитные выпуски	232,8
Остальные дох.	15,4
Всего	480,2

Расходы же за это время выразились въ такомъ видѣ:

Національный Совѣтъ	1,5
Кабинетъ министровъ	2,5
Минист. иностр. дѣлъ	4,4
,, внутр. дѣлъ	16,9
,, юстиціи	5,5
,, народн. просв	10,6
,, финансовъ	25,7
,, земледѣлія	18,1
,, торг. и промышл.	11,7
,, снабженія	97,4
,, сообщенія	56,8
,, обороны	146,8
Государств. Контроль	0,6
Разные	0,6
Всего	399,1

Если исключить выпуски кредитныхъ билетовъ, а также статью доходовъ отъ государственныхъ имуществъ (въ значительной части полученной отъ распродажи лѣсовъ), то фактическій доходный бюджетъ за полтора года выразится совершенно ничтожной цифрой около 100 милліоновъ латвійскихъ рублей, что по курсу равно не болѣе 15 милл. франковъ, противъ прежнихъ 235 милліоновъ франковъ въ годъ, между тѣмъ какъ расходы, даже за полнымъ исключеніемъ статьи на оборону, превышаютъ доходы почти въ два съ половиной раза! Точно такъ же бюджетъ на апрѣль 1920 — мартъ 1921 г. исчисленъ въ 4,5 милліарда латвійскихъ рублей. Третъ его покрывается

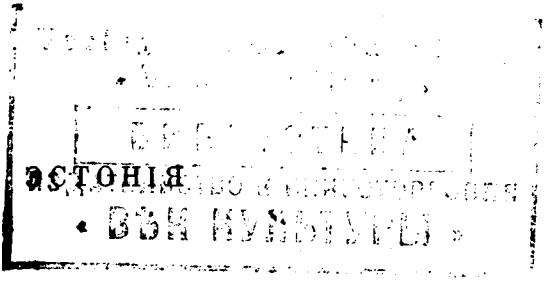
кредитными операціями и бумажными деньгами, треть — доходами съ монополій и лишь 200 милліоновъ, т. е. 4,5% всего бюджета — налогами и пошлинами.

Яркій свѣтъ на экономическое положеніе Латвіи бросаетъ сравнительно мелкая деталь. За время войны и революціи порты Риги, Либавы и Виндавы потеряли въ своей глубинѣ отъ 3 до 5 футовъ и теперь недоступны для большихъ океанскихъ пароходовъ съ осадкой свыше 20 футовъ. Для приведенія портовъ въ прежній видъ необходимо вычерпать около 4 милл. куб. мтр. песку — работа, которая для самой Латвіи непосильна и не рентабельна.

Странымъ образомъ, всегда дальнозоркая латышская пресса въ настоящее время высказываетъ соображенія совершенно необоснованнаго оптимизма. Когда возникала опасность германской аннексіи, то латышскіе публицисты подчеркивали, что для Латвіи это означало бы гибель ея современнаго экономическаго развитія, и изъ передовой страны въ Россіи она вынуждена была бы превратиться въ задворки Германіи. Теперь же, когда экономическія перспективы самостоятельной и обособившейся отъ Россіи Латвіи, въ сущности, тѣ же, что и аннексированной Германіи, — латышская пресса единодушно приходитъ къ заключенію, что промышленность въ Латвіи была искусственнымъ насажденіемъ, и что поэтому надо привѣтствовать хотя и болѣзненный, но неизбѣжный возвратъ къ естественному устойчивому развитію въ видѣ чисто аграрной страны, съ самостоятельнымъ, независимымъ хозяйствомъ по примѣру Даніи.

Конечно, въ длительномъ процессѣ страна вновь достигнетъ извѣстнаго экономическаго равновѣсія. Но нынѣ, при разрушенной промышленности и при осуществленіи широкой аграрной реформы, которая немыслима безъ потрясенія сельскаго хозяйства, Латвія, несомнѣнно, переживаетъ весьма тяжелый переходный періодъ, который и омрачитъ и осложнитъ использованіе культурной и правовой свободы.

Нѣтъ сомнѣнія, что экономическіе рессурсы страны весьма велики. Достаточно упомянуть о планахъ использованія водныхъ силъ Двины, которая по расчетамъ можетъ дать около 1 милліона лошадиныхъ силъ энергіи (?), при чемъ часть этой энергіи можетъ быть получена около самой Риги. Но производство такихъ работъ требуетъ значительнаго капитала. Такой капиталъ можетъ быть найденъ лишь при существованіи устойчиваго политическаго положенія и твердыхъ отношеній къ сосѣдямъ. Такимъ сосѣдомъ является, прежде всего, Россія, для которой Латвія служитъ естественныхъ выходомъ въ море и связью со всѣмъ міромъ. Поэтому, какія бы испытанія ни переживала Россія, все же безъ установленія органическаго соотношенія съ нею — политическое положеніе Латвіи будетъ эфемернымъ, и работа по организаціи и управленію государствомъ — незаконченной.

1. Территорія и населеніе. 2. Историческія судьбы эстонскаго народа. 3. Начало національнаго возрожденія. 4. Ростъ организованности народа. 5. Автономія Эстоніи. 6. Германская оккупація и борьба за независимость. 7. Хозяйственное положеніе Эстоніи. 8. Эстонія и Россія.

...Весною 1858 года крестьяне прихода Марра, около Ревеля, возстали противъ своихъ бароновъ, такъ какъ, хотя крѣпостная зависимость была отмѣнена уже съ начала XIX вѣка, но практически крестьяне находились въ тягчайшей экономической кабалѣ у своихъ прежнихъ господъ. Возстаніе было подавлено военной силой. Виновные были подвергнуты тѣлесному наказанію въ Ревелѣ на городской площади, при чемъ главные виновные получили до 1800 палочныхъ ударовъ. Нѣкоторые умерли, нѣкоторые остались калѣками, нѣкоторые были сосланы въ Сибирь.

... Въ 1912 году на той же самой площади, гдѣ учинена была нѣкогда экзекуція, происходило торжество: открытіе эстонскаго народнаго дома и національнаго театра «Эстонія», постройка котораго стоила много милліоновъ рублей. На торжествѣ присутствовали губернскія власти и даже, волей-неволей, представители тѣхъ же баронскихъ фамилій, которыя полъ вѣка тому назадъ держали въ полукрѣпостной зависимости почти весь эстонскій народъ. Потомки же забитыхъ, закабаленныхъ крестьянъ были теперь уже фактическими хозяевами страны. Театръ, созданный на общественныя средства эстонскихъ національныхъ организацій, былъ лишь выраженіемъ мощи національнаго движенія эстонскаго народа.

Отъ забитаго, безправнаго положенія эстонскій народъ къ моменту начала войны, благодаря упорной работѣ и всесторонней организованности, сумѣлъ встать въ ряду другихъ культурныхъ народовъ, создать въ себѣ внутреннюю силу, способную не только оказывать сопротивленіе, но даже вытѣснять могущественныя нѣмецкія вліянія въ краѣ. Исторія его представляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ страничекъ въ области общественныхъ движеній въ предѣлахъ Россіи. И можно только пожалѣть, что до сихъ поръ читающая русская публика не имѣетъ почти никакихъ свѣдѣній ни объ Эстоніи ни объ ея обитателяхъ.

1. Территорія и населеніе.

Эстонскій народъ принадлежитъ къ финно-угорской группѣ, и языкъ его ближе всего къ языку сосѣдняго финскаго народа, съ которымъ эсты нѣкогда составляли одно племя. Въ настоящее время эсты занимаютъ территорію всей Эстляндской губерніи и Перновскій, Юрьевскій, Феллинскій, Верроскій и Эзельскій уѣзды Лифляндской губ. Кромѣ того, внѣ названной территоріи, эстонскія поселенія захватываютъ сѣверо-западный уголъ Псковскаго уѣзда (Печерскій край, или Сетукезія). Общая территорія этнографической Эстоніи составляетъ 47.500 кв. километровъ съ морскимъ берегомъ въ 1.000 килом. — Слѣдуетъ отмѣтить, что прежнее русское правительство, повидимому, сознательно оставило раздѣленіе эстовъ по двумъ губерніямъ — Эстляндской и Лифляндской, какъ это сдѣлано и съ латышами, грузинами, армянами, для того, чтобы административное дѣленіе не могло явиться формой или рамками для національнаго движенія.

По даннымъ переписи 1897 года, на территоріи Эстляндской и эстонскихъ уѣздовъ Лифляндской губерніи изъ общаго числа жителей въ 958.351 чел. было 907.136 эстовъ, 37.577 русскихъ и 33.724 русскихъ. По исчисле-

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА
ЭСТОНІИ
ГУБЕРНСКАЯ ГРАН.
ЭТНОГРАФИЧ. ГРАН.
ЖЕЛѢЗН. ДОР.
0
50
100
ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
ОС. РОСЛАНДЪ
С.П.Б.
ГАТЧИНА
РЕВЕЛЬ
БАЛТ. ПОРТЪ
ВЕЗЕНБЕРГЪ
НАРВА
ГАПСАЛЬ
ВЕЙСЕНШТЕЙНЪ
ДАГО
ЭЗЕЛЬ
ГДОВЪ
ЛУГА
ПЕРНОВЪ
ФЕЛЛИНЪ
ЮРЬЕВЪ
ГАЙНАШЪ
ОС. РУНО
ПСКОВЪ
ВАЛКЪ
РИГА

ніямъ эстонскихъ дѣятелей, общее число эстовъ на всемъ свѣтѣ въ настоящее время около 2.000.000, изъ коихъ около 1.500.000 живетъ въ предѣлахъ этнографической Эстоніи. Цифры эти, принимая во вниманіе приростъ, въ общемъ соотвѣтствуютъ даннымъ переписи, особенно если присоединить 30 т. эстовъ въ Сетукезіи и около 100 т. эстовъ въ Петербургской губерніи.

По однородности національнаго состава Эстонія одна изъ самыхъ чистыхъ странъ. По переписи 1897 года, на эстонской территоріи было:

	%	
эстовъ	89,00	
русскихъ	5,07	(съ войскомъ)
нѣмцевъ	3,90	
другихъ народностей. . . .	2,03	

Притомъ эсты имѣютъ большинство не только въ сельскихъ мѣстностяхъ, какъ литовцы или украинцы, но и въ городахъ, гдѣ они составляютъ:

	%
въ Ревелѣ	87,76
,, Юрьевѣ	68,64
,, Феллинѣ . . .	82,36
,, Перновѣ. . . .	70,64

По соотношенію между сельскимъ и городскимъ населеніемъ, Эстонія близка къ положенію Россіи, имѣя 20% городского населенія противъ 80% сельскаго (въ Германіи это соотношеніе выражается цифрами 56 противъ 44, а въ Россіи — 15 противъ 85). По вѣроисповѣданію громадное большинство эстовъ (82%) лютеране, остальные — православные.

2. Историческія судьбы эстонскаго народа.

До прихода нѣмецкихъ крестоносцевъ эсты вели такую же жизнь, какъ всѣ остальные народы. Историки характеризуютъ ихъ, какъ племя воинственное, любящее мореплаваніе, въ которомъ они отличались, въ особенно-

сти въ качествѣ пиратовъ нападая на берега Скандинавіи. Въ общемъ, состояніе культуры въ области земледѣлія, скотоводства, рыбной ловли и пчеловодства было на достаточно высокомъ уровнѣ. Жили эсты въ деревняхъ, но объ ихъ внутренней организаціи и политическомъ устройствѣ не сохранилось почти никакихъ свѣдѣній.

Во второй половинѣ XII вѣка въ странѣ эстовъ появились первые ганзейскіе купцы. За ними послѣдовали миссіонеры. Въ 1200 году въ Ригѣ высадился Альбертъ Буксгевденъ, который вскорѣ заключилъ союзъ съ латышами и ливами и совмѣстно съ ними началъ борьбу противъ эстонцевъ. Въ 1217 году на рѣкѣ Пале произошла кровопролитная битва, окончившаяся пораженіемъ эстонцевъ и смертью ихъ вождя Леоле Лембиту. Въ 1224 году, послѣ ожесточеннаго сопротивленія, были покорены Феллинъ и Юрьевъ, въ 1227 году подчинился островъ Эзель, и съ этого момента надо считать завоеваніе Эстоніи законченнымъ. Правда, на всемъ протяженіи послѣдующей исторіи происходятъ то тутъ, то тамъ частичныя вспышки порабощеннаго народа. Иногда вспышки эти принимаютъ характеръ и формы широкихъ народныхъ возстаній — особенно памятно возстаніе на островѣ Эзелѣ. Но, тѣмъ не менѣе, возстанія обычно кончались кровавыми подавленіями, и господство нѣмцевъ оставалось въ силѣ. Весь эстонскій народъ попалъ въ крѣпостную зависимость къ своимъ завоевателямъ. Нѣкоторое облегченіе принесло эстамъ владычество шведовъ, при которыхъ крѣпостное право было значительно смягчено путемъ «редукціи» имѣній, регламентаціи повинностей и пр. Но завоеваніе края Петромъ Великимъ возстановило бароновъ въ ихъ прежнихъ неограниченныхъ правахъ. Только съ момента французской революціи въ средѣ самого прибалтійскаго дворянства начинаетъ расти мысль о необходимости облегчить положеніе крестьянства. 23 мая 1816 года нѣмецкое дворянство подаетъ Александру I петицію объ отмѣнѣ крѣпостного

права, и, въ соотвѣтствіи съ ихъ желаніемъ, указомъ 1819 года крестьяне были освобождены.

Но освобожденіе крестьянъ вначалѣ было чисто формальнымъ: они получили лишь личную свободу и право переходить отъ одного помѣщика къ другому, но не получили земли. Вся земля осталась полной собственностью прежнихъ господъ, и крестьяне для того, чтобы получить средства пропитанія и возможность трудиться, должны были эти земли снимать въ аренду обычно на весьма тяжкихъ условіяхъ. О тяжести этихъ условій можетъ дать понятіе статья 127 Положенія 1857 года, согласно которой арендаторъ двора средней руки долженъ былъ дать собственнику земли: 250 рабочихъ дней съ лошадью, 250 рабочихъ дней пѣшихъ, натурой — 1 пудъ льна, 1 пудъ конопли, 1 фунтъ пряжи, мѣшокъ съ $1^1/_5$ пуда ржи, 15 пудовъ сѣна, 1 пудъ соломы, старую овцу, молодую овцу, гуся, курицу, сто яицъ, 1 фунтъ масла или сала... Лишь въ 1868 году уплата натурой была запрещена и замѣнена исключительно денежной платой. Несмотря на такія тяжкія условія, многимъ крестьянамъ, благодаря бережливости и крайнему трудолюбію, удавалось не только сводить концы съ концами, но даже выкупить арендную землю въ полную собственность. Однако, вплоть до послѣдняго времени дворянству въ Эстоніи принадлежало еще 60% всей земли, а крестьянству — 40%, при чемъ крестьянская земля была еще весьма задолжена или прежнимъ собственникамъ или банкамъ, и, по вычисленіямъ г. Мартна, крестьяне ежегодно выплачивали 250-ти баронскимъ фамиліямъ около 8 милліоновъ рублей.

Тѣмъ не менѣе, въ послѣднее время эстонское крестьянство достигло сравнительнаго благосостоянія. Это произошло благодаря замѣчательной народной организаціи, которая, въ свою очередь, создалась на почвѣ національной работы; при чемъ досталось все это не безъ борьбы, такъ какъ вначалѣ эстонцы составляли въ

странѣ всего одинъ классъ — крестьянство; вся же интеллигенція, буржуазія, чиновничество, духовенство — все были нѣмцы, связанные общностью своихъ интересовъ и стоящіе въ болѣе или менѣе непосредственной зависимости отъ 250-ти баронскихъ семей.

3. Начало національнаго возрожденія.

Началось возрожденіе эстонской народности, какъ и въ другихъ странахъ, съ интереса къ мѣстному языку, къ народнымъ пѣснямъ и сказаніямъ. Появились собиратели пѣсенъ. Сперва ими были нѣмцы. Такъ, Герберъ и Шлегель собирали народныя эстонскія пѣсни и издали ихъ еще въ концѣ XVIII вѣка. Потомъ появились и эстонскіе изслѣдователи. Яковъ Гуртъ собралъ одинъ около 45.000 пѣсенъ, 10.000 легендъ, 40.000 загадокъ, 60.000 различныхъ отрывковъ. Уже эти цифры, относящіяся къ маленькому народу, свидѣтельствуютъ о силѣ эстонскаго народнаго творчества, которое, не находя себѣ выхода наружу, загнанное подъ соломенную крышу крестьянина, создало тамъ не только отдѣльныя пѣсни, но даже цѣлый эпосъ: д-ру Крейцвальду удалось изъ разрозненныхъ отрывковъ создать цѣлую связную поэму — національный героическій эпосъ, извѣстный подъ именемъ «Калевипоегъ» и соотвѣтствующій финской «Калевалѣ».

Громадное значеніе для возрожденія эстонскаго народа имѣла дѣятельность Іоганна Янсена. Происходившій изъ бѣдной семьи, бывшій въ дѣтствѣ пастухомъ, Янсенъ выбился въ жизни своими силами и сталъ пасторомъ. Въ 1845 году онъ опубликовываетъ первый томъ религіозныхъ пѣсенъ на чистомъ эстонскомъ языкѣ. Вслѣдъ за этимъ онъ занимается исправленіемъ ряда эстонскихъ церковныхъ пѣсенъ и псалмовъ. Дѣятельность его вызвала всеобщее сочувствіе. При всѣхъ отрицательныхъ сторонахъ экономическаго господства нѣ-

мецкихъ бароновъ, нѣмецкая культура имѣла и положительныя стороны. Такъ, прежде всего протестантизмъ всегда обращалъ большое вниманіе на народное просвѣщеніе, и пасторы въ Эстоніи, несмотря на то, что формально всеобщее обученіе не было установлено, все же отказывали въ вѣнчаніи, если женихъ и невѣста не знали грамоты. Такимъ образомъ, со времени освобожденія крестьянъ въ Эстоніи фактически практиковалось всеобщее обученіе. Кромѣ того, раньше сами нѣмецкіе пасторы для богослуженія, которое должно было совершаться на языкѣ мѣстнаго населенія, составляли пѣсни и переводили псалмы. Но такъ какъ они плохо знали эстонскій языкъ, то въ ихъ работахъ заключалось много неточностей и ошибокъ. Поэтому дѣятельность Янсена надъ очисткой духовной литературы была встрѣчена всеобщей поддержкой.

Не ограничиваясь духовной литературой, Янсенъ выпустилъ въ 1848 году сборникъ разсказовъ изъ эстонской жизни. Этимъ былъ данъ первый толчокъ для самостоятельнаго творчества и развитія эстонской литературы.

Эпоху въ развитіи эстонскаго движенія составляетъ появленіе періодической печати на эстонскомъ языкѣ. Въ 1857 году стали выходить сразу двѣ газеты: одна въ Перновѣ «Pärnu Postimees» («Перновская газета»), другая въ Юрьевѣ «Talurahwa Postimees» («Газета крестьянскаго народа»). Въ направленіи обѣихъ газетъ сразу намѣтилось значительное и принципіальное различіе въ тонѣ, и выявилось значеніе твердой національной линіи Янсена, редактировавшаго первую изъ названныхъ газетъ. Въ то время, какъ юрьевское изданіе именуетъ себя газетой «крестьянскаго народа» и этотъ терминъ употребляетъ всюду въ текстѣ, когда говоритъ объ эстонцахъ, Янсенъ впервые употребляетъ терминъ «Eesti Rahwa» («Эстонскій народъ») и тѣмъ подчеркиваетъ, что рѣчь идетъ не о классѣ, не о просвѣщеніи низшихъ массъ, а о націо-

нальномъ развитіи эстонскаго народа. Впослѣдствіи и названіе газеты было измѣнено въ «Eesti Postimees».

Въ связи съ выходомъ въ свѣтъ періодическихъ изданій, въ Эстоніи появился цѣлый рядъ литературныхъ работниковъ, нашедшихъ себѣ объединеніе въ Эстонскомъ Литературномъ Обществѣ въ Юрьевѣ. Это общество одно время являлось центромъ всей духовной жизни Эстоніи, вліяя на прессу, на молодыхъ авторовъ, давая тонъ и направленіе умственной жизни всей націи. Но оно было закрыто администраціей вслѣдствіе неблагонадежности — очевидно, не безъ вліянія мѣстныхъ бароновъ.

4. Ростъ организованности народа.

Оригинальная, увѣренная и плодотворная работа Янсена не ограничивалась литературнымъ поприщемъ. По его иниціативѣ и въ Эстоніи стали образовываться общества для пѣнія, народные хоры. Передъ 1869 годомъ, когда исполнялось пятидесятилѣтіе со дня освобожденія отъ крѣпостной зависимости, были сдѣланы громадныя приготовленія для празднованія этой годовщины. Въ Юрьевѣ было организовано внушительное пѣвческое празднество, привлекшее массу народа, продолжавшееся три дня и служившее для эстонцевъ этапомъ, когда они впервые произвели себѣ смотръ и почувствовали себя коллективомъ, живущимъ единой жизнью. Въ пѣвческомъ празднествѣ принимало участіе 40 народныхъ хоровъ, съ 762 пѣвцами, и 3 оркестра, съ 48 музыкантами. Такія празднества устраивались потомъ неоднократно, каждый разъ вызывая бо́льшій наплывъ публики и бо́льшее количество участниковъ. Такъ, въ 1894 году принимало участіе уже 500 хоровъ и оркестровъ, съ 6.000 участниковъ, а въ 1911 году — около 12.000 пѣвцовъ и музыкантовъ, составлявшихъ 800 хоровъ.

Несмотря на совершенно мирный и лойяльный характеръ этихъ пѣвческихъ національныхъ празднествъ, они

вызвали подозрительность администраціи. Съ 1880 года было запрещено исполненіе національнаго эстонскаго гимна. Но въ 1911 году, несмотря на запрещеніе, гимнъ былъ спѣтъ въ присутствіи губернатора и другихъ представителей администраціи, которые могли только ограничиться тѣмъ, что остались сидѣть и не сняли фуражекъ.

Устройство такихъ празднествъ имѣло громадное значеніе для развитія народнаго эстонскаго творчества. Подготовка празднествъ, установленіе программы, исполненіе ея, критика, соревнованіе хоровъ — все это составляло предметъ коллективнаго вниманія и заботы; не забудемъ при этомъ, что эстонцевъ было всего около 1 милліона! Поэтому неудивительно, что уже съ 80-хъ годовъ въ Юрьевѣ образовалась первая эстонская постоянная театральная труппа, вслѣдъ за которой создались постоянныя труппы въ Ревелѣ и другихъ городахъ.

Помимо такой оригинальной, красивой и психологически глубоко задуманной формы проявленія національнаго духа, какъ пѣвческія празднества, по иниціативѣ опять таки того же Янсена, возникли и другія формы коллективной работы эстовъ. Такъ, подъ его предсѣдательствомъ, въ 1870 году возникло первое сельскохозяйственное общество. Въ настоящее время такихъ обществъ въ Эстоніи насчитывается до 90. Почти каждый приходъ имѣетъ по своему обществу, иные же приходы имѣютъ даже по два. Въ соотвѣтствіи съ административнымъ раздѣленіемъ Эстоніи на двѣ части, сельскохозяйственныя общества были организованы и объединены въ два большихъ союза съ центрами въ Юрьевѣ и Ревелѣ, которые, въ сущности, имѣли подъ своимъ контролемъ все сельское хозяйство страны. Усиліями этихъ союзовъ координируется работа по улучшенію сельскаго хозяйства; они содержатъ платныхъ инструкторовъ-агрономовъ, которые даютъ сельскимъ хозяевамъ совѣты и указанія. Ихъ же усиліями въ Эстоніи еже-

годно устраиваются сельскохозяйственныя выставки, иногда по отдѣльнымъ отраслямъ хозяйства, но чаще всего по всѣмъ отраслямъ. Число экспонатовъ на выставкахъ достигало до 6.000, а число посѣтителей — до 60.000 человѣкъ. При незначительныхъ размѣрахъ страны такія объединенія привели къ полному сплоченію и чуть ли не личному знакомству всей интеллигенціи, связывая народъ въ единое, неразрывное цѣлое.

Наконецъ, громадное значеніе имѣютъ въ жизни Эстоніи кооперативы. Къ началу войны въ ней было 115 потребительныхъ обществъ, покрывавшихъ всю страну. Рядомъ съ ними организовалось 17 экономическихъ обществъ, имѣвшихъ цѣлью общую покупку и продажу сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Для полнаго развитія кооперативнаго движенія недоставало только законодательной опоры, такъ какъ система централизаціи заставляла Эстонію приноравливаться къ развитію кооперативнаго движенія во всей Россіи. Экономическая и хозяйственная организація завершалась 90 ссудо-сберегательными товариществами, съ общимъ числомъ членовъ въ 40.000 и съ капиталомъ въ 11.000.000 рублей, и 15-ью банками взаимнаго кредита, съ ежегоднымъ балансомъ въ 170 милл. рублей. Къ этому надо добавить еще 165 молочныхъ обществъ, ведшихъ оживленную торговлю молокомъ съ Петроградомъ и объединенныхъ въ два центральныя молочныя общества, 400 обществъ для покупки и совмѣстной эксплуатаціи локомобилей, 20 обществъ для эксплуатаціи торфяниковъ. Такимъ образомъ, общественная организованность густой сѣтью покрыла всю страну, втянула въ себя всѣ народныя силы и обусловила значительное процвѣтаніе населенія.

Тѣсная связь и обусловленность національнаго возрожденія во всѣхъ формахъ организаціи наглядно проявилась въ созданіи эстонскихъ народныхъ домовъ, сооруженіе которыхъ, стоющее подчасъ многихъ милліо-

новъ рублей, оказалось возможнымъ только благодаря помощи эстонскихъ финансовыхъ учрежденій — обществъ взаимнаго кредита. Наиболѣе значительные изъ такихъ домовъ, составляющіе справедливую гордость эстонцевъ — «Эстонія» въ Ревелѣ, «Вайнемуйне» въ Юрьевѣ, «Эндла» въ Перновѣ, «Койтъ» въ Феллинѣ. Этими же учрежденіями поддерживается цѣлый рядъ другихъ культурно-просвѣтительныхъ организацій и учрежденій: школы, театры, музеи, литературное общество и пр.

Къ началу XX вѣка Эстонія, такимъ образомъ, была уже вполнѣ достаточно вооружена для политической борьбы. Рядъ газетъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли тиражъ въ 200.000 экземпляровъ, прекрасная организованность, сознаніе своихъ народныхъ цѣлей — все это давало возможность открыть борьбу съ нѣмецкими вліяніями въ странѣ. Нѣмцы сами давно уже видѣли, что подъ сѣнью ихъ культуры возникаетъ сила, опасная для нихъ. Не обходилось дѣло безъ отчаянныхъ попытокъ затормозить движеніе, и эстонской интеллигенціи пришлось выдержать очень упорную борьбу за возможность оставаться въ родной странѣ: нѣмцы, въ рукахъ которыхъ были всѣ свободныя профессіи, вся экономическая организація и все самоуправленіе, давно уже стали относиться подозрительно и даже враждебно къ младоэстонскому движенію. Съ другой стороны, согласно общимъ принципамъ русской власти, мѣстная интеллигенція не могла въ своей странѣ занимать никакихъ правительственныхъ должностей, и, если желала поступить на казенную службу, то должна была ѣхать въ глубь Россіи. Но собственныя эстонскія организаціи дали широкую возможность работы эстонской интеллигенціи на родинѣ. И, какъ только силъ накопилось достаточно, началась борьба съ нѣмецкимъ преобладаніемъ. Несмотря на неблагопріятный избирательный законъ въ мѣстныя городскія самоуправленія, эстонцамъ удалось

вытѣснить нѣмцевъ во всѣхъ городахъ: въ 1904 году перешло въ эстонскія руки самоуправленіе Ревеля, за этимъ послѣдовалъ Валкъ, Феллинъ, Юрьевъ и другіе города.

По распространенію образованія Эстонія (вмѣстѣ съ Латвіей и Финляндіей) является исключительной страной въ Россіи — въ ней поголовная грамотность. Слѣдуетъ отмѣтить, что даже въ предѣлахъ Эстоніи процентъ грамотныхъ русскихъ значительно ниже, чѣмъ у эстовъ. Количество лицъ съ высшимъ образованіемъ тоже очень значительно — около 1.500 эстонцевъ посѣщаютъ высшія учебныя заведенія, при чемъ 16% изъ нихъ — женщины.

5. *Автономія Эстоніи.*

Ближайшее прошлое Эстоніи тоже представляетъ весьма замѣчательныя страницы.

Хотя, занятая внутренней организаціей, экономическимъ развитіемъ и конкретными задачами борьбы съ нѣмецкими вліяніями, Эстонія не выставляла безплоднаго для прежнихъ условій лозунга автономіи, тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ не вызывалъ ни малѣйшихъ сомнѣній послѣ революціи 1917 года. Первымъ эстонскимъ комиссаромъ былъ назначенъ ревельскій городской голова Поска, вся эстонская территорія была выдѣлена въ одну административную единицу, и эсты получили впервые широкое самоуправленіе, которое должно было служить подготовкой къ національно-территоріальной автономіи: 12-го апрѣля 1917 года Временное Правительство опубликовало положеніе о самоуправленіи Эстляндской губерніи и назначило выборы въ «губернскій совѣтъ», который впослѣдствіи назывался «Эстонскимъ Національнымъ Совѣтомъ». Существеннѣйшія положенія закона 12 апрѣля заключались въ слѣдующемъ:

1. Юрьевскій, Верроскій, Феллинскій, Перновскій

и Эзельскій уѣзды Лифляндской губерніи присоединялись къ Эстляндской.

2. Принадлежность пограничныхъ волостей къ эстонской или латышской національности должна была опредѣлиться особой комиссіей, состоящей изъ 10 членовъ, назначенныхъ въ равномъ числѣ эстонскимъ и лифляндскимъ губернскими комиссарами; комиссіи было предоставлено право разрѣшать вопросъ народнымъ голосованіемъ въ спорныхъ волостяхъ.

3. Управленіе губерніей возлагалось на губернскаго комиссара, при коемъ создавался губернскій совѣтъ изъ представителей, избираемыхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права, по одному на каждые 20.000 жителей. Кромѣ обычныхъ широкихъ правъ по завѣдыванію всѣми мѣстными дѣлами, въ полномочія совѣта входила разработка законопроекта о самоуправленіи края.

4. Разрѣшеніе вопроса объ административномъ языкѣ предоставлено было губернскому и уѣзднымъ совѣтамъ, но за всякимъ гражданиномъ было сохранено право обращаться во всѣ учрежденія на русскомъ или одномъ изъ мѣстныхъ языковъ и получать на этомъ же языкѣ отвѣты. Сношенія съ высшими учрежденіями и мѣстными органами центральной власти должны были производиться на русскомъ языкѣ.

Законъ 12-го апрѣля, выработанный эстонскими политическими дѣятелями, былъ принятъ съ полнымъ удовлетвореніемъ, и можно было ожидать, что отношенія между эстонцами и Россіей наладятся самымъ дружественнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что эстонская общественность отличалась исключительнымъ реализмомъ и, сумѣвшая въ уже существовавшихъ правовыхъ рамкахъ совершить громадную и самобытную организаціонную работу, никогда не старалась недостатки національнаго развитія возмѣщать радикализмомъ и шумихой политическихъ требованій.

Большевистскій переворотъ, показавшій, что передъ

Россіей наступаетъ періодъ тяжелой внутренней смуты, и что страна можетъ попасть въ фактическое распоряженіе нѣмецкихъ силъ, заставилъ эстонцевъ искать себѣ пути и выхода изъ создавшагося положенія. Такъ какъ совѣтская власть была явно готова идти на самыя далекія уступки и предать малые народы за «передышку», то «Національный Совѣтъ» Эстоніи, 28 ноября 1917 года, единогласно принялъ три резолюціи: о признаніи себя единственной суверенной властью въ Эстоніи до созыва эстонскаго Учредительнаго Собранія, о созывѣ Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права и, наконецъ, о передачѣ временно всей власти спеціально избранному Національному Комитету.

Однако, большевики, опирающіеся на мѣстные солдатскіе и матросскіе совѣты, составленные изъ чужероднаго для эстонцевъ элемента, попробовали утвердиться въ Эстоніи. Такъ какъ выборы во Всероссійское Учредительное Собраніе дали въ Эстоніи большевикамъ около трети голосовъ, то большевики стали надѣяться, что они могутъ разсчитывать при новыхъ выборахъ на полную побѣду, и не возражали противъ выборовъ въ эстонское Учредительное Собраніе, которые были декретированы Національнымъ Совѣтомъ. Несмотря на давленіе на выборахъ, производимое солдатскими совѣтами, большевики получили не болѣе 25% голосовъ. Какъ только результаты выборовъ опредѣлились, большевики стали готовиться къ такой же расправѣ съ эстонскимъ Учредительнымъ Собраніемъ, какъ съ русскимъ. Но національныя организаціи Эстоніи рѣшили предупредить нападеніе, и послѣ тайныхъ совѣщаній эстонскія національныя формированія открыли сами вооруженныя дѣйствія противъ большевиковъ, разоружая совѣты и вытѣсняя большевистскія части съ территоріи Эстоніи. Борьба шла уже подъ лозунгомъ независимости Эстонской республики.

Борьба съ большевистскими войсками началась въ

серединѣ февраля 1918 года; въ теченіе 20—23 февраля большевистскія силы были сломлены, и почти по всей Эстоніи установилась эстонская національная власть. 24 февраля въ Ревелѣ и въ другихъ городахъ была торжественно провозглашена Эстонская республика. Было организовано временное правительство для поддержанія порядка и созыва Учредительнаго Собранія, такъ какъ происходившіе выборы не могли быть закончены изъ-за начавшейся войны.

6. Германская оккупація и борьба за независимость.

Событія на русско-нѣмецкомъ фронтѣ прервали работу эстонцевъ. Послѣ декларація Троцкаго «ни мира ни войны» нѣмецкія силы двинулись впередъ и уничтожили ту жиденькую и гнилую завѣсу изъ разлагающихся русскихъ войскъ, которая еще оставалась передъ ними. По Брестскому миру нѣмцы выговорили себѣ право на посылку своихъ войскъ съ полицейскими цѣлями для поддержанія порядка въ Эстоніи, отъ суверенныхъ правъ на которую Россія отказывалась. Несмотря на то, что эстонскія организаціи и войска поддерживали полный порядокъ въ странѣ, — нѣмецкіе отряды оккупировали Эстонію, временное правительство было лишено власти, эстонскіе отряды обезоружены и распущены по домамъ, и всюду была установлена военная германская диктатура. Въ организованныхъ Совѣтахъ (Ландтагахъ) изъ мѣстныхъ людей были представлены исключительно нѣмцы; эстонская печать была задавлена, политическія организаціи загнаны въ подполье.

Не обошлось безъ неуклюжихъ попытокъ германскихъ имперіалистовъ склонить эстонцевъ на согласіе, чтобы Германія аннексировала Эстонію. Но эти попытки встрѣтили единодушное недовѣріе и отпоръ. Наоборотъ, тотчасъ послѣ нѣмецкой оккупаціи, въ Лондонѣ, Парижѣ и Римѣ появились эстонскія делегаціи, заявляю-

щія передъ міровымъ общественнымъ мнѣніемъ протестъ противъ германцевъ. Делегаціи эти были дружественно встрѣчены союзниками, и Національный Комитетъ былъ признанъ правительствомъ Эстоніи de facto.

Пораженіе германской арміи на западномъ фронтѣ въ корнѣ измѣнило положеніе въ Эстоніи. Германскія войска получили приказъ объ эвакуаціи Эстоніи, и 20 ноября 1918 года въ Ревелѣ опять собрался Національный Совѣтъ, и временное правительство стало снова управлять страной.

Однако, состояніе Эстоніи было почти безвыходно тяжелымъ. Оккупація и борьба съ большевиками, затѣмъ оккупація нѣмцами, вывезшими все, что только возможно, истощили страну въ конецъ. Правительство не имѣло никакихъ силъ не только для защиты страны отъ внѣшнихъ опасностей, но даже для поддержанія въ ней порядка, такъ какъ національныя формированія были нѣмцами распущены. Не было ни денегъ въ кассѣ, ни людей, ни организаціи. А, между тѣмъ, надвигалась новая опасность со стороны большевиковъ, которые послѣ заявленій въ печати, что совѣтская Россія не можетъ допустить, чтобы окраинныя государства отрѣзали ее отъ всего міра, начала походъ на Эстонію подъ предлогомъ, что возставшіе эстонскіе рабочіе просятъ у большевиковъ помощи. Кромѣ того, указывалось, что въ рядахъ совѣтскихъ войскъ идутъ эстонскія войска, хотя изъ общаго числа 25 полковъ, дѣйствовавшихъ противъ Эстоніи, было всего только четыре эстонскихъ коммунистическихъ полка. Продвиженіе большевиковъ вначалѣ шло очень быстро, и къ концу декабря ими были заняты Нарва, Везенбергъ, Тапсъ, Юрьевъ, Верро, и красныя войска находились всего въ 35 верстахъ отъ столицы Эстоніи, Ревеля. Не находя поддержки въ мѣстномъ населеніи, большевики повсюду вводили военную диктатуру. И могло казаться, что полное завоеваніе Эстоніи представляется дѣломъ

нѣсколькихъ недѣль, если не дней, тѣмъ болѣе, что въ незанятой части Эстоніи, въ томъ числѣ въ Ревелѣ, дѣйствительно, вспыхнули возстанія коммунистовъ.

Правительство Эстоніи проявило изумительную силу и энергію. Попытки внутреннихъ возстаній были рѣшительно задавлены. Къ Финляндіи и Швеціи были сдѣланы обращенія за помощью. Было найдено кое-какое оружіе (частью затопленное), которое нѣмцы не успѣли вывезти при эвакуаціи. Кромѣ того, значительную помощь оказали англичане, направившіе къ берегамъ Эстоніи одну изъ своихъ эскадръ и давшіе значительное количество амуниціи и снаряженія. Первые кадры эстовъ-добровольцевъ обросли призванными по мобилизаціи, появились партизаны изъ Финляндіи и Швеціи; путемъ внутренняго и внѣшнихъ займовъ были получены средства... Наступленіе большевиковъ было задержано, въ началѣ января они были уже отброшены отъ Ревеля, черезъ двѣ недѣли оттѣснены за восточную границу, а черезъ мѣсяцъ — за южную границу. Отступленіе происходило въ величайшей паникѣ потому, что мѣстное населеніе при первой возможности возставало противъ большевиковъ. О размѣрахъ паники можно судить по тому, что до 18.000 большевистскихъ солдатъ были вытѣснены изъ Нарвы отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, несмотря на то, что красные комиссары открыли заградительный пулеметный огонь по своимъ войскамъ.

Но съ очищеніемъ Эстоніи борьба еще не была закончена. Троцкій заявилъ, что позоръ красной арміи долженъ быть смытъ. И въ концѣ февраля красная армія силами, которыя эстонскіе источники оцѣниваютъ въ 60.000, начала новое наступленіе по всему фронту, которое продолжалось около полутора мѣсяцевъ. Сперва атаки велись противъ Нарвскаго фронта, но были съ большими потерями отражены. Тогда большевики перебросили свои силы на югъ, заняли Маріенбургъ и стали

со стороны Пскова давить на Верро, а со стороны Маріенбурга — на желѣзнодорожную линію Верро—Валкъ, такъ что эстонскія войска вынуждены были отойти къ Валку. Но, благодаря помощи финскихъ добровольцевъ, опять удалось отбросить большевиковъ къ Маріенбургу. Кромѣ финновъ, эстамъ помогали латышскіе отряды, сформированные въ той части Латвіи, которая была уже освобождена отъ большевиковъ. Наибольшее же и рѣшающее вліяніе на судьбы борьбы имѣли русскія добровольческія войска, которыя 13 мая начали наступленіе на Ямбургъ. Ударъ добровольцевъ былъ такъ силенъ, что большевики вынуждены были въ паникѣ отступить. Съ тѣхъ поръ сѣверный секторъ, въ виду угрозы Петрограду, пріобрѣтаетъ особое значеніе для большевиковъ, и они вынуждены удѣлять южному сектору мѣньшее вниманіе. И когда эстонцы сами начали въ серединѣ мая наступленіе — силы большевиковъ были сразу разсѣяны, эсты дошли до окрестностей Риги, а 22 мая Рига была занята латышско-нѣмецкими войсками, организовавшими борьбу съ большевиками изъ Курляндіи. 25 мая эстонскія войска заняли Псковъ, а въ послѣднихъ числахъ мая заняли Маріенбургъ, Альтъ-Шванебургъ, Якобштадтъ и Крейцбургъ, отвоевывая для латышей всю территорію отъ большевиковъ.

Но уже подъ Ригой эстонцы встрѣтили новаго противника — опять тѣхъ же нѣмцевъ. Послѣ авакуаціи Эстоніи нѣмецкія войска собрались въ Курляндіи, гдѣ они, согласно договора о перемиріи, должны были поддерживать порядокъ. Воспользовавшись этимъ, подъ вліяніемъ прибалтійскихъ бароновъ, они низложили демократическое правительство Ульманиса и замѣнили его консервативнымъ правительствомъ пастора Недра. Послѣ занятія Риги они стали настаивать на томъ, чтобы эстонцы очистили всю Латвію. Но латыши встали на сторону эстовъ, и ген. Лайдонеръ отвѣтилъ на ультиматумъ, что эсты останутся до тѣхъ поръ, пока латыши не органи-

зуются сами настолько, чтобы удерживать свой фронтъ отъ большевиковъ. 20 іюня, въ день, когда были назначены окончательные переговоры между германскими и эстонскими военными властями, германскія войска неожиданно начали походъ противъ эстовъ. Но борьба съ нѣмцами оказалась успѣшной для эстовъ, которые опять дошли до Риги какъ съ сѣвера, такъ и со стороны залива. 6 іюля нѣмцы очистили Ригу, и тамъ смогло водвориться правительство Ульманиса.

Борьба на всѣхъ фронтахъ не останавливала внутренней организаціи страны. 5—7 апрѣля 1919 года въ Эстоніи были произведены выборы въ Учредительное Собраніе, въ которыхъ принимало участіе до 80% всѣхъ избирателей. Результаты выборовъ дали партіямъ слѣдующее количество депутатовъ:

Эстонскихъ соц.-дем.	41
Трудовиковъ	30
Демократовъ	25
Аграрный союзъ	8
Соціалистовъ-револ.	7
Христіанскій союзъ	5
Нѣмцевъ	3
Русскихъ	1

Съ созывомъ Учредительнаго Собранія вся правительственная организація Эстоніи получила устойчивый характеръ. Во главѣ коалиціоннаго правительства всталъ Штрандманъ. Установлены были органы мѣстнаго самоуправленія, открылся Юрьевскій университетъ, стали завязываться сношенія съ сосѣдними странами. Возникшій конфликтъ съ латышами изъ-за Валка — былъ ликвидированъ третейскимъ разбирательствомъ союзной комиссіи, вынесшей «соломоново» рѣшеніе о раздѣлѣ города на двѣ части.

Въ концѣ 1920 года Учредительное Собраніе, выработавъ конституцію, признало свои полномочія исчерпанными. Выборы въ Эстонское Государственное Собраніе («Rigikohu») дали слѣдующіе результаты:

	Число голосовъ	Число депутатовъ
Трудовики	81.539	22
Аграрный союзъ	75.983	21
Соціалъ-демократы	58.882	18
Соц.-рев. («независимые»)	44.799	11
Демократы	37.551	10
Христіанскій союзъ	30.520	7
Группа коммунистовъ	23.291	5
Нѣмцы	16.555	4
Русская партія	3.390	1
Хозяйственная группа	3.642	1

Въ началѣ нынѣшняго года державы Антанты окончательно признали независимость эстонскаго государства.

7. Хозяйственное положеніе Эстоніи.

Эстонія является страной по преимуществу земледѣльческой. Поэтому естественно, что существеннѣйшимъ вопросомъ въ ней выдвигается аграрный, въ особенности, если припомнимъ, что 60% всей земли находилось въ рукахъ крупныхъ собственниковъ. Учредительное собраніе занялось земельной реформой, и 10 октября 1919 года былъ уже изданъ земельный законъ: вся земля, кромѣ выкупной крестьянской, объявлена собственностью государства и предназначена для отдачи въ наслѣдственное арендное пользованіе мелкими участками. Однако, въ послѣднее время правыя политическія партіи выдвигаютъ принципъ отдачи земли въ частную собственность мелкихъ держателей, и вопросъ этотъ, очевидно, встанетъ на очередь въ новомъ Государственномъ Собраніи Эстоніи. Фактическій раздѣлъ имѣній начался даже раньше проведенія закона, но проводится планомѣрно и постепенно: въ теченіе 1919 года было раздѣлено 105.000 десятинъ земли, весною 1920 года — назначено къ раздѣлу еще 200.000 десятинъ, проведеніе же всей реформы разсчитано на 4 года. Реформа проводится сравнительно медленнымъ темпомъ, чтобы не нарушить системы сельскаго хозяйства и не создать рѣзкаго пониженія производительности, которое неизбѣжно въ переход-

ное время. Надо имѣть въ виду, что хотя эстонское хозяйство давало въ среднемъ по 18 пудовъ хлѣба на жителя, тѣмъ не менѣе, около 2 милліоновъ пудовъ ржи, пшеницы и ячменя привозилось ежегодно изъ Россіи и столько же фуража. Урожайность Эстоніи превосходитъ на 25-50% урожайность Россіи, но настолько же стоитъ ниже урожайности Германіи.

Главное значеніе для вывоза изъ Эстоніи имѣетъ скотоводство, въ особенности же молочное хозяйство: Эстонія снабжала Петербургъ какъ свѣжимъ молокомъ, такъ и сырами (фабрика въ Аренсбургѣ). Скотъ разводился преимущественно мелкими собственниками, такъ какъ, несмотря на то, что у крупныхъ владѣльцевъ значительно больше земли, скота они держатъ разъ въ 5—10 меньше, чѣмъ крестьяне. Рыболовство давало Эстоніи общій уловъ на сумму около 5.000.000 рублей.

Значительную опору для хозяйства имѣетъ Эстонія въ своихъ лѣсахъ, которые даютъ возможность создать мѣстную промышленность по обработкѣ дерева, а также вывозить дерево за-границу.

Экономическое значеніе Эстоніи опредѣляется ея портами. Въ 1913 году общее количество вывоза и ввоза выразилось въ слѣдующемъ видѣ (въ тысячахъ рублей):

	Вывозъ	Ввозъ	Таможенные сборы
Ревель	21.928	78.255	18.794
Перновъ	3.874	2.289	229
Нарва	2.479	5.256	2.434
Балтійскій Портъ . .	439	63	—
Другіе порты	175	704	—
Всего	28.895	86.567	21.457

Слѣдуетъ отмѣтить, что цифры вывоза за послѣднее десятилѣтіе не давали картины значительнаго роста оборотовъ: съ 26 милліоновъ въ 1903—1907 году вывозъ возросъ лишь до 29 милліоновъ въ 1913 году: зато ввозъ за это же время выросъ съ 65 милл. до 86. По роду товаровъ, ввозились преимущественно каменный уголь, коксъ, хлопокъ, искусственныя удобренія, и весь ввозъ раздѣ-

лялся по категоріямъ слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ рублей):

пищевые продукты на	4.786
сырье	66.550
мануфактура	14.991

Въ общемъ, таможенные сборы составляли весьма значительную сумму, покрывая собой дефицитъ по управленію Эстоніи. До войны, со всей территоріи Эстоніи всѣ доходы казны отъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, регалій, монополій и пр. составляли всего около 30 милліоновъ рублей въ годъ, между тѣмъ какъ расходы на той же территоріи достигали 50 милліоновъ. Такимъ образомъ получался дефицитъ на сумму въ 20 милліоновъ, т. е. равный таможеннымъ сборамъ.

Современное финансовое положеніе Эстоніи стоитъ внѣ всякаго соотвѣтствія съ указанными цифрами. Нормальные расходы за первый годъ независимости составили 300 милл. эстонскихъ марокъ, а чрезвычайные (военные) около одного милліарда, т. е. всего около 400 милліоновъ рублей, если брать по номинальному курсу. Покамѣстъ эти чудовищные для маленькой страны расходы покрываются усиліями печатнаго станка, что вызываетъ неуклонное паденіе эстонской валюты. Сокращеніе военныхъ расходовъ и развитіе производительныхъ силъ можетъ, однако, значительно смягчить остроту финансоваго кризиса, особенно если иностранный денежный рынокъ придетъ на помощь молодой государственности. Но для этого нужна, конечно, политическая устойчивость.

8. Эстонія и Россія.

Въ общемъ, политическое положеніе Эстоніи можно было бы считать устойчивымъ, если бы не значительная неопредѣленность ея отношеній къ Россіи.

Нынѣшняя офиціальная точка зрѣнія Эстоніи по русскому вопросу выражена была въ декларації Учредительна-

го Собранія, принятой единогласно 19 мая 1919 года. Въ виду характерности этого документа, отражающаго настроенія не только одной Эстоніи, но и другихъ молодыхъ государствъ, образовавшихся на территоріи Россіи, приводимъ декларацію цѣликомъ:

«Отъ самыхъ отдаленныхъ временъ эстонцы живутъ на берегахъ Балтійскаго моря, гдѣ они жили, какъ свободный и независимый народъ. 700 лѣтъ тому назадъ они были покорены нѣмцами. Но они сохранили надежду отвоевать свою свободу. Право самоопредѣленія народовъ, торжественно провозглашенное во время міровой войны, даетъ въ настоящее время эстонцамъ возможность осуществить эту надежду. Въ теченіе шести мѣсяцевъ нашъ народъ сражается за свою независимость противъ совѣтской Россіи и проситъ себѣ мѣста въ Лигѣ Народовъ. Онъ рѣшительно порываетъ узы, которыя связывали его съ Россіей. Отъ соединенія съ Россіей въ душѣ эстонскаго народа осталось только чувство горечи и воспоминанія о многочисленныхъ обидахъ; русскіе цари только подтверждали привилегіи нѣмецкой знати въ нашей странѣ относительно владѣнія землей и господства надъ населеніемъ и совершенно не заботились объ организаціи нашей жизни; они отказывали нашей странѣ въ благодѣяніяхъ самоуправленія; они присылали въ нашу страну русскихъ чиновниковъ и вводили руссификацію въ администрацію, въ школу и въ суды.

Русская революція не принесла никакого измѣненія. Чиновники ставили препятствія освобожденію эстонскаго народа въ администраціи и школѣ. Русскіе матросскіе и солдатскіе совѣты силой разогнали эстонское народное представительство и помѣшали организоваться арміи для защиты страны. Брестъ-Литовскимъ договоромъ они отдали Эстонію Германіи. Когда же подъ ударами союзныхъ державъ Германія должна была эвакуировать эту страну, совѣтскія русскія арміи напали на нее, причиняя эстонскому народу новыя страданія и бѣдствія. Эстонія не можетъ имѣть (признать) никакихъ обязательствъ по отношенію къ Россіи и не можетъ желать сохранить связи, которыя ее связывали съ ней.

Эстонскій народъ не хочетъ жить во враждѣ и несогласіи съ русскимъ народомъ, но, наоборотъ, свободно подчеркиваетъ добрососѣдскія отношенія при условіи, что русскій народъ рѣшитъ предоставить ему возможность пользоваться свободой. Мысль о распространеніи своей власти за предѣлы территоріи, которую онъ населяетъ, была всегда чужда эстонскому народу; онъ желаетъ лишь возможности пользоваться у себя своимъ естественнымъ правомъ на свободу и организовывать самому свое собственное бытіе. Прошлое эстонскаго народа служитъ залогомъ, что онъ сумѣетъ править и создать независимое государство. Тяжелыя условія, которыя ему пришлось перенести, не уничтожили его. Этотъ народъ умѣлъ пользоваться всѣми возможностями для того, чтобы увеличить свою моральную и умственную силу. Народное просвѣщеніе распространено всюду въ странѣ, частная иниціатива весьма развита, органы центральной и мѣстной власти уже созданы.

Эстонскій народъ проявилъ высокое сознаніе и большую зрѣлость во время борьбы, которая ему была навязана, и которую,

вслѣдствіе дѣйствія германскихъ оккупаціонныхъ властей, онъ долженъ былъ начать безъ организованной арміи, съ совершенно пустыми руками, противъ войскъ, превосходящихъ численностью, организованностью и значительно лучше вооруженныхъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ продолжается борьба противъ врага, силы котораго растутъ съ каждымъ днемъ. Сражаясь съ неутомимой энергіей, до сего дня эстонскій народъ сумѣлъ изгнать непріятеля и, удерживая его внѣ своихъ границъ, организовать регулярную армію, установить администрацію, создать Учредительное Собраніе, признанное всѣми. Эстонскій народъ уже положилъ основы своей независимости рѣшеніями своихъ полномочныхъ предшественниковъ. Эстонское Учредительное Собраніе, выбранное на демократической основѣ, выражаетъ суверенную волю эстонскаго народа, торжественно объявляя передъ лицомъ всего міра, что акты его предшественниковъ выявляютъ неизмѣнную волю видѣть Эстонію на всемъ протяженіи территоріи, населяемой эстами, жить свободно, безъ всякаго обязательства по отношенію къ Россіи. 24 февраля 1918 года связь, объединяющая Россію съ Эстоніей, разорвана. Эстонія въ настоящее время является независимой демократической республикой. Эстонскій народъ защищаетъ свое право на жизнь противъ нападенія большевистской Россіи и твердо рѣшилъ защищаться до послѣдней капли крови.»

Та часть декларації, которая относится къ борьбѣ съ совѣтской властью, въ настоящее время является уже устарѣлой и лишенной практическаго значенія — война съ совѣтской властью уже закончена. Вопросъ о мирѣ съ большевиками возникъ тотчасъ послѣ разгрома арміи Юденича, послѣ ея похода на Петроградъ, противъ чего, кстати сказать, усиленно предостерегалъ эстонскій главнокомандующій ген. Лайдонеръ. Предоставленная своимъ силамъ Эстонія увидѣла, что дальнѣйшая война для нея невозможна. Поэтому, когда большевики предложили мирные переговоры, правительство Эстоніи поставило союзникамъ вопросъ объ ихъ отношеніи къ возможности заключенія Эстоніей мира съ совѣтской Россіей. Первоначально англичане дали отвѣтъ, что миръ съ совѣтской Россіей не желателенъ, и что въ этомъ отношеніи Эстонія должна согласовать свои дѣйствія съ политикой союзниковъ. Но на вторичную ноту эстонцевъ съ подробными соображеніями о необходимости мира англичане послѣ новаго обсужденія вопроса отвѣтили, что предоставляютъ свободу рѣшенія эстонскому правительству, и что, даже въ случаѣ, если Эстонія рѣшитъ

вести войну, дальнѣйшая помощь со стороны Англіи оказана быть не можетъ. Поэтому Эстонія начала переговоры, пытаясь даже вначалѣ расширить ихъ: по предложенію эстонскихъ делегатовъ, совѣтское правительство сдѣлало предложеніе мира Литвѣ, Латвіи и Финляндіи. Однако, походъ Бермондта въ Латвіи и Литвѣ, внутреннія тренія между прибалтійскими государствами, наконецъ, даже чисто техническія трудности переѣзда (литовскіе делегаты не поспѣли пріѣхать въ Юрьевъ) привели къ тому, что общіе переговоры не состоялись, и Эстонія начала вести переговоры сама. 2 февраля 1920 года въ Юрьевѣ мирный договоръ былъ подписанъ и вскорѣ ратифицированъ. Условія мирнаго договора, перваго, заключеннаго совѣтской Россіей, — оказались весьма выгодными для Эстоніи, такъ какъ къ ней была присоединена значительная часть Псковскаго и Нарвскаго уѣздовъ.

Если, несмотря на предсказанія пессимистовъ, мирный договоръ обезпечилъ Эстонію со стороны совѣтской опасности, то русско-эстонскій вопросъ имъ не разрѣшенъ еще окончательно, а только отложенъ и разрѣшеніе можетъ получить лишь при нормальномъ состояніи Россіи.

Географически Эстонія расположена на слишкомъ важныхъ и выгодныхъ пунктахъ, чтобы судьба ея не могла не интересовать Россію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Эстонія слишкомъ несоразмѣрна не только бывшей Россіи, но даже одной Великороссіи для того, чтобы односторонне опредѣлить формы и основы взаимоотношеній. Въ сознаніи этого эстонская политическая мысль заранѣе ищетъ опоры и содѣйствія во внѣшнемъ мірѣ. Такъ какъ Франція и Соединенные Штаты склоняются къ идеѣ единой Россіи, то взгляды эстонцевъ обращены къ Англіи, которая до сихъ поръ выказывала наибольшій интересъ къ прибалтійскимъ государственнымъ образованіямъ. Поэтому въ Эстоніи весьма популярны рѣчи о необходимости оріентаціи на Англію и упроченіи связей съ

«владычицей морей». Полное и даже, быть можетъ, чрезмѣрное отраженіе этихъ тенденцій мы находимъ въ издаваемомъ эстонскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ журналѣ «Estonian Review». Въ 4-омъ номерѣ этого журнала помѣщена статья, указывающая, что наиболѣе естественной для Эстоніи является оріентація на Англію. Политическая связь между обѣими морскими странами будетъ полезной не только для Эстоніи, но и для Англіи, которая сможетъ пріобрѣсти этимъ путемъ такія же базы для своего владычества въ Балтійскомъ морѣ, какія она имѣетъ въ Гибралтарѣ и Аденѣ...

Нѣтъ сомнѣнія, что лишь случайностью и недоразумѣніемъ можно объяснить, какимъ образомъ такія, по меньшей мѣрѣ не дипломатическія, мысли нашли себѣ мѣсто въ офиціальномъ журналѣ. Но характернѣе всего, что эта безудержная англоманія получила достойную отповѣдь въ томъ же журналѣ со стороны американскаго публициста. Въ № 6 журнала проф. Гарвардскаго университета г. Моррисонъ указываетъ эстамъ, что Россія не можетъ на-чисто отказаться отъ Балтійскаго побережья. Хотя, быть можетъ, Россія не имѣетъ никакихъ политическихъ правъ на прибалтійскія страны, кромѣ права завоеванія, но она имѣетъ опредѣленныя экономическіе интересы, которые должны быть ей гарантированы, иначе дѣло завоеванія начнется сызнова. Рига, столица Латвіи, была въ 1914 году главнымъ портомъ Россіи, а Ревель, столица Эстоніи — четвертымъ. Балтійскій портъ и Либава были единственными незамерзающими гаванями на сѣверѣ Россіи, если не считать Мурманска. «Пользованіе этими портами и свободный доступъ къ нимъ долженъ быть обезпеченъ Россіи, если она вообще будетъ жить и дышать. Поэтому вопросъ о совершенной и полной независимости Эстоніи и Латвіи должно снять съ очереди, какъ неосуществимый при существующихъ условіяхъ международныхъ отношеній». Возражая противъ централистическихъ тенденцій рус-

скихъ націоналистовъ, г. Моррисонъ считаетъ, что лучшимъ рѣшеніемъ было бы установленіе въ прибалтійскихъ странахъ связи съ Россіей на основаніяхъ, въ родѣ финляндской автономіи до 1899 года, при чемъ автономія эта могла бы быть международно гарантирована. «Полная законодательная независимость во внутреннихъ дѣлахъ, отдѣльный языкъ, школы, юстиція, администрація, отдѣльный торговый флотъ, армія, можетъ быть, таможенный тарифъ и, по вопросу о международныхъ дѣлахъ, голосъ въ русскомъ федералистическомъ парламентѣ — это представляется рѣшеніемъ, наиболѣе соотвѣтствующимъ здравому смыслу и интересамъ обѣихъ сторонъ».

Г. Моррисонъ не скрываетъ психологическихъ трудностей такого рѣшенія вопроса, которое, въ сущности, не удовлетворяетъ вполнѣ ни одну изъ сторонъ. Но онъ призываетъ къ соглашенію на почвѣ взаимныхъ уступокъ.

Трудности сговориться проявились еще при Юденичѣ, когда, на запросъ союзныхъ державъ объ отношеніи Колчака къ новымъ политическимъ образованіямъ, былъ данъ сдержанный и уклончивый отвѣтъ о готовности признать автономію народовъ на основѣ соглашеній, устанавливаемыхъ съ каждымъ народомъ въ отдѣльности. Отвѣтъ этотъ былъ признанъ всѣми народами не соотвѣтствующимъ ихъ стремленіямъ, и такъ какъ въ то время рѣшался вопросъ объ участіи эстовъ въ походѣ на Петроградъ, то они формулировали сущность дѣлаемаго имъ предложенія такимъ образомъ: русскіе націоналисты имъ говорятъ — возьмите для насъ Петроградъ и отдайте намъ за это еще Ревель.

Тѣмъ не менѣе, раньше или позже — сговориться придется. Потому что не только прибалтійскія страны нужны Россіи, но и Россія нужна прибалтійскимъ странамъ. О политическомъ и экономическомъ значеніи Россіи для Литвы и Латвіи уже говорилось. Не мѣньшее значеніе

имѣетъ Россія и для Эстоніи, въ виду естественнаго обмѣна продуктами (хлѣбъ и фуражъ изъ Россіи въ обмѣнъ на молочные продукты и отчасти фабрикаты изъ Эстоніи). Кромѣ того, если порты Эстоніи нужны Россіи, то и Эстоніи нужно, чтобы черезъ ея порты шелъ усиленный товарообмѣнъ, такъ какъ это оживляетъ страну, даетъ работу для населенія и создаетъ условія для развитія широкой предпріимчивости. Взаимной обусловленностью интересовъ властно диктуется необходимость взаимныхъ уступокъ. И, быть можетъ, средняя линія этихъ уступокъ, дѣйствительно, лежитъ недалеко отъ тѣхъ предложеній, которыя дѣлаются американскимъ публицистомъ. Какъ ни слаба Эстонія — ея недолгая исторія показываетъ, что ею править при посредствѣ военной оккупаціи уже невозможно. Какъ ни отдаленно возстановленіе Россіи — этотъ часъ неминуемъ, и строить всѣ политическіе расчеты на содѣйствіи и покровительствѣ внѣшняго міра — было бы, по меньшей мѣрѣ, неосторожно.

ЗАКАВКАЗЬЕ

1. Территорія. 2. Населеніе. 3. Грузинская общественность. 4. Армяне и армянскій вопросъ. 5. Мусульмане Закавказья. 6. Война и революція. 7. Закавказская краевая власть. 8. Распадъ Закавказья. 9. Послѣднія событія. 10. Выводы и перспективы.

1. Территорія.

Закавказье часто представляютъ чѣмъ-то единымъ и, при всей красотѣ и своеобразіи, во всѣхъ своихъ частяхъ одинаковымъ. Административное дѣленіе края на губерніи и уѣзды, возникшее путемъ историческихъ наслоеній русскихъ вліяній и при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ нелегкаго дѣла замиренія страны — тоже не даетъ никакой опоры для органическаго раздѣленія края на самобытныя части; до послѣдняго времени это дѣленіе было скорѣе бюрократическимъ упрощеніемъ, централистическимъ обезличиваніемъ, чѣмъ выявленіемъ дѣйствительныхъ особенностей жизни и естественныхъ условій. А, между тѣмъ, контрасты между отдѣльными частями Закавказья такъ разительны и краснорѣчивы! Достаточно сравнить перемежающіяся горы и долины Кахетіи съ плоскогоріемъ Арменіи или равниной степного, а подчасъ пустыннаго характера на прикаспійскомъ побережьи. Конечно, если ко всему этому подходить съ пространственными масштабами Россіи, то все это разнообразіе можно разсматривать, какъ одинъ природой пестро обставленный уголокъ. Но если прикинуть болѣе правильный масштабъ, которымъ надо пріучиться мѣрить и въ Россіи — европейскій, то увидимъ, что Закавказье, съ общей площадью около 200 т. кв. километровъ, по своимъ географическимъ свойствамъ, устройству поверхности, климату, растительности и связанной съ этимъ

хозяйственной обстановкой распадается на три рѣзко другъ отъ друга обособленныя части: восточную часть, или Азербейджанъ, сѣверо-западную, или Грузію, и юго-западную, или Арменію.

Восточное Закавказье представляетъ собой обширную равнину между армянскимъ плоскогоріемъ и Каспійскимъ моремъ, носящую азіатски-степной и подчасъ даже пустынный характеръ. Климатъ — континентальный, количество осадковъ — незначительное, такъ что сельское хозяйство невозможно безъ искусственнаго орошенія, для чего въ полноводныхъ рѣкахъ Курѣ и Араксѣ и равнинномъ характерѣ страны даны благопріятнѣйшія условія. Уже въ настоящее время, изъ общаго количества около милліона десятинъ пашни, болѣе половины поливного характера, и, по расчетамъ изслѣдователей, до трехъ милліоновъ десятинъ ждутъ еще хозяйственной руки человѣка для того, чтобы превратиться въ богатѣйшія хлопковыя плантаціи, виноградники и фруктовые сады. По своему богатству нефтью страна представляетъ міровое значеніе. Лѣсовъ мало, и они расположены по склонамъ горъ, являющихся границей съ армянскимъ плоскогоріемъ.

Граница, отдѣляющая юго-западное Закавказье, или армянское плоскогорье, отъ восточнаго, рѣзка и опредѣленна и почти не знаетъ переходныхъ пространствъ. Периферическія горы Арменіи подымаются надъ равниной, и небольшіе переходы даютъ разительные контрасты. «Тамъ плоскогорье въ 4.000-7.000 футовъ высоты — здѣсь безконечная равнина высотою отъ 1.000 до 0 и ниже. Тамъ суровый, рѣзкій климатъ горной страны — здѣсь почти не знаютъ зимы. Тамъ плоскогорье, которое хотя и не богато осадками, но обходится безъ искусственнаго орошенія — здѣсь ни одно культурное растеніе не можетъ обойтись безъ ирригаціи. Тамъ страна покрыта мощными вулканическими слоями, и во всѣхъ частяхъ встрѣчаются безконечныя ка-

менныя поля застывшихъ изверженныхъ породъ — здѣсь обширное аллювіальное поле безъ слѣдовъ вулканической жизни и, наоборотъ, съ явными слѣдами озерной, морской жизни. Наконецъ, даже характеръ горныхъ богатствъ различенъ. На армянскомъ нагорьѣ — металлы и минералы во многихъ горныхъ кряжахъ. Въ восточномъ же Закавказьѣ, кромѣ богатствъ нефти въ приморской части, не найдено пока никакихъ мѣсторожденій ископаемыхъ богатствъ»[1]).

Общими свойствами громаднаго армянскаго плоскогорья опредѣляется характеръ его хозяйства. Изъ общаго количества 1.250 т. десятинъ пашенъ только 250 т. поливныхъ (въ долинѣ рѣки Аракса). Главное же значеніе имѣютъ тучныя пастбища, которыхъ въ Арменіи до 3 милліоновъ десятинъ, т. е. около $^1/_2$ всего пространства. Это дѣлаетъ страну очень пригодной для такъ называемаго альпійскаго хозяйства. Но въ настоящее время эти пастбища служатъ связующимъ звеномъ между хозяйствомъ Арменіи и сосѣднихъ частей Закавказья, въ виду практикуемаго еще кочевого скотоводства. Какъ въ Грузіи, такъ, въ особенности, въ восточномъ Закавказьѣ съ наступленіемъ весны огромныя стада снимаются со своихъ равнинныхъ зимовьевъ и тянутся иногда за нѣсколько сотъ верстъ въ горы и пастбища, гдѣ проводятъ всю весну и лѣто. Такимъ кочевымъ образомъ содержится около 3.000.000 головъ скота, пропитаніе котораго въ иныхъ формахъ при современной стадіи закавказской хозяйственной культуры невозможно.

Если переходъ отъ Арменіи къ с ѣ в е р о - з а п а д н о м у Закавказью не такъ рѣзокъ, какъ отъ восточнаго Закавказья, и здѣсь имѣется поясъ промежуточнаго характера, то, все же, различіе весьма существенное. Грузія вся изрѣзана горами и долинами между ними, при чемъ климатъ ея морской, влажный, количество осад-

[1]) А. Шахатунянъ. Административный передѣлъ Закавказскаго Края. 1918, стр. 24.

ковъ несравнимо больше, чѣмъ въ обѣихъ сосѣднихъ странахъ. Почвенныя и климатическія условія очень благопріятны для древесной растительности, и все, что не воздѣланное поле, — лѣсъ, которымъ покрыто до 3 милліоновъ десятинъ (42% всего пространства).

2. Населеніе.

Въ общемъ, географическій признакъ дополняется признакомъ этнографическимъ: въ сѣверо-западной части Закавказья живутъ преимущественно грузины, плоскогорье населено въ значительной части армянами, а восточное Закавказье — татарами. Но это лишь самая общая характеристика, которая крайне упрощаетъ картину вавилонскаго смѣшенія языковъ Закавказья, и значеніе которой можетъ быть понято только при болѣе детальномъ разсмотрѣніи[1]).

[1]) Для облегченія пониманія текста нами прилагается карта административнаго раздѣленія Закавказья (къ 1897 году). Номерами обозначены на картѣ слѣдующіе уѣзды:

Кутаисская губ.
1. Сухумскій у.
2. Лечхумскій у.
3. Зугдидскій у.
4. Сенакскій у.
5. Кутаисскій у.
6. Рачинскій у.
7. Шаропанскій у.
8. Озургетскій у.
9. Батумскій окр.
10. Артвинскій окр.

Тифлисская губ.
11. Горійскій у.
12. Душетскій у.
13. Тіонетскій у.
14. Ахалцыхскій у.
15. Ахалкалакскій у.
16. Борчалинскій у.
17. Тифлисскій у.
18. Телавскій у.
19. Сигнахскій у.
20. Закатальскій окр.

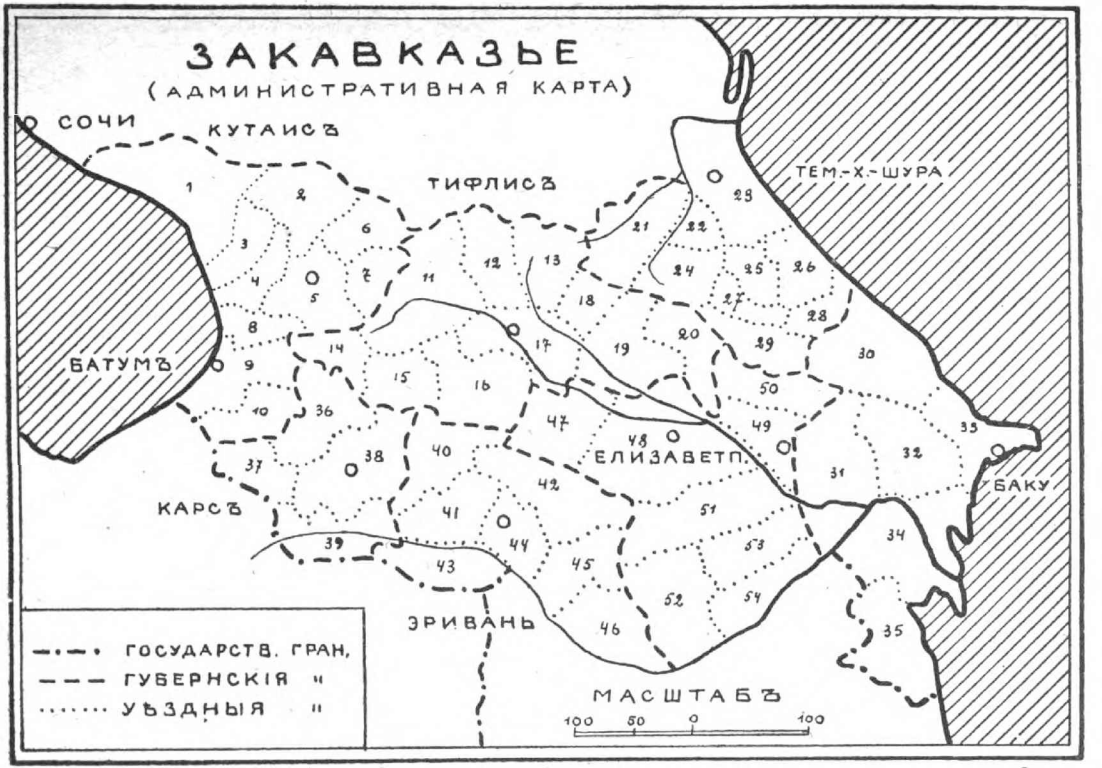
Дагестанская обл.
21. Андійскій окр.
22. Аварскій окр.
23. Темиръ-ханъ-Шуринскій окр.
24. Гунибскій окр.
25. Даргинскій окр.
26. Кайтаго-Табасаранскій окр.
27. Казыкумухскій окр.
28. Кюринскій окр.
29. Самурскій окр.

Бакинская губ.
30. Кубинскій у.
31. Геокчайскій у.
32. Шемахинскій у.
33. Бакинскій у.
34. Джеватскій у.
35. Леонкоранскій у.

Карская обл.
36. Ардаганскій окр.
37. Ольтинскій окр.
38. Карскій окр.
39. Кагызманскій окр.

Эриванская губ.
40. Александропольскій у.
41. Эчміадзинскій у.
42. Новобаязетскій у.
43. Сурмалинскій у.
44. Эриванскій у.
45. Шарурскій у.
46. Нахичеванскій у.

Елисаветпольская губ.
47. Казахскій у.
48. Елисаветпольскій у.
49. Арешскій у.
50. Нухинскій у.
51. Джеваншірскій у.
52. Зангезурскій у.
53. Шушинскій у.
54. Джебраильскій у.

ЗАКАВКАЗЬЕ
(АДМИНИСТРАТИВНАЯ КАРТА)
СОЧИ
КУТАИСЪ
ТИФЛИСЪ
ТЕМ.-Х.-ШУРА
БАТУМЪ
КАРСЪ
ЕЛИЗАВЕТП.
БАКУ
ЭРИВАНЬ
ГОСУДАРСТВ. ГРАН.
ГУБЕРНСКІЯ "
УѢЗДНЫЯ "
МАСШТАБЪ
100 50 0 100

ЗАКАВКАЗЬЕ
(ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА)
СОЧИ
ГРУЗИНЫ
КУТАИСЪ
ТИФЛИСЪ
ТЕМ-Х-ШУРА
ЛЕЗГИНЫ
БАТУМЪ
ЛАЗИСТАНЪ
КАРСЪ
ЭРИВ.
ТУРКИ
АРМЯНЕ
ЕЛИЗАВЕТПОЛЬ
ТАТАРЫ
БАКУ
ЖЕЛ. ДОРОГИ
ГРАНИЦЫ:
ЭТНОГРАФИЧЕСК.
ГОСУДАРСТВЕНН.
ГУБЕРНСКІЯ
МАСШТАБЪ
100 50 0 100

По даннымъ переписи 1897 года, во всѣхъ 11 губерніяхъ Кавказа изъ общаго числа 8.888.000 жителей было

	%
Русскихъ	33,94
Картвельскихъ племенъ (грузины, имеретинцы, мингрельцы, сванеты)	14,33
Армянъ	12,04
Иранскихъ племенъ (персы, таты, курды, осетины)	4,11
Черкесъ (кабардинцы, черкесы)	1,53
Чеченцевъ (абхазцы, чеченцы, ингуши)	3,72
Лезгинъ (аваро-андійцы, даргинцы, кюринцы, утинцы, казикумыки и пр.)	6,46
Турко-татаръ (татары, кумыки, ногайцы, турки)	19,36

Уже и такъ получается картина чрезвычайнаго смѣшенія народовъ. Но для Закавказья эта картина становится еще болѣе яркой. Дѣло въ томъ, что значительное, хотя и относительное, преобладаніе русскаго элемента относится главнымъ образомъ къ сѣверному Кавказу (Ставропольская губ., Кубанская и Терская области): изъ общаго количества русскаго населенія на Кавказѣ въ 3.154.000 въ сѣверномъ Кавказѣ жило 2.905.000, составляя тамъ подавляющее большинство населенія. Вся же пестрота народовъ относится цѣликомъ къ Закавказью. Согласно офиціальнымъ даннымъ 1915 и 1917 гг., на территоріи Закавказья было 7 милліоновъ жителей, которые по національнымъ группамъ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ (въ тысячахъ):

турко-татаръ и иранскихъ племенъ	2.403
армянъ	1.787
грузинъ	1.784
русскихъ	915
горныхъ племенъ	117

Отмѣтимъ, однако, что къ этимъ даннымъ въ настоящее время приходится относиться съ большой осторожностью, въ особенности при расчетахъ по отдѣльнымъ губерніямъ. Въ послѣдніе годы въ Закавказьѣ произошли цѣлыя переселенія народовъ: полагаютъ, что до 300 тысячъ армянъ эмигрировало изъ Турціи въ Россію, въ то

время какъ не малое количество мусульманъ переселилось въ Турцію, въ Персію или въ чисто татарскія области Закавказья. О неустойчивости статистики можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что между данными, представленными въ Парижѣ далегатами Азербейджана, и данными армянской делегаціи получилось несоотвѣтствіе ровно въ одинъ милліонъ человѣкъ! Представители Арменіи, пользующіеся данными Кавказскаго Ежегодника, уменьшаютъ число мусульманъ на 700 т. и увеличиваютъ число армянъ на 300 т. по сравненію съ данными азербейджанской делегаціи, пользующейся непосредственно цифрами переписи 1897 года съ присоединеніемъ естественнаго прироста.

Территоріально наиболѣе сосредоточенно расположены грузины, занимающіе Сигнахскій, Телавскій, Тіонетскій (Кахетія), Горійскій, Душетскій, Ахалцыхскій и Тифлисскій (Карталинія) уѣзды Тифлисской губ., Батумскій округъ и всю Кутаисскую губернію, т. е. уѣзды Кутаисскій, Рачинскій, Шаропанскій (Имеретія), Озургетскій (Гурія), Лехчумскій, Сенакскій, Зугдидскій (Мингрелія). Въ указанныхъ предѣлахъ грузинская территорія насчитывала около 1.600.000 жителей, изъ коихъ 1.266.000 было грузинъ. На этой территоріи живетъ почти все грузинское населеніе, такъ какъ внѣ ихъ остается всего около 1,3% грузинъ Закавказья [1]).

Полную противоположность разселенію грузинъ пред-

---

[1]) Кромѣ Россіи, грузины живутъ еще въ Турціи и Персіи. Въ Персію грузины попали насильственнымъ путемъ, уведенные въ плѣнъ въ концѣ XVI вѣка. Принудительно обращенные въ мусульманство, они сохранили до сихъ поръ свой родной языкъ; число персидскихъ грузинъ опредѣляется около 200 т. Грузины въ Турціи (такъ называемые лазы) населяютъ Лазистанъ и районъ рѣки Чороха. Они являются въ этихъ мѣстностяхъ аборигенами, покоренными турками и принявшими мусульманство. Языкъ ихъ сохранилъ всѣ черты сходства съ грузинскимъ. Но сознаніе какой-либо культурной или національной общности съ остальными грузинами въ нихъ совершенно отсутствуетъ. Количество грузинъ-мусульманъ въ Турціи опредѣляется въ 600 т. человѣкъ.

ставляютъ армяне[1]). Обычно территорія русской Арменіи принимается въ слѣдующихъ предѣлахъ: вся Эриванская губ., западная нагорная и предгорная часть Елисаветпольской губ., Карскій, Кагызманскій уѣзды Карской области и части Борчалинскаго и Ахалкалакскаго уѣздовъ Тифлисской губ. Но преобладаніе армянъ въ этихъ предѣлахъ весьма относительное: даже въ центрѣ Арменіи, въ Эриванской губ., армяне составляютъ всего 53% населенія, при чемъ, если брать по уѣздамъ, то большинство имѣется только въ трехъ уѣздахъ изъ семи (Александропольскомъ, Ново-Баязетскомъ и Эчміадзинскомъ); въ остальныхъ уѣздахъ абсолютное большинство принадлежитъ татарамъ; въ Карскомъ и Кагызманскомъ округахъ армяне составляютъ лишь относительное большинство населенія (35 и 37%), живя вперемежку съ турками и другими племенами. Въ общемъ, хотя отношеніе армянъ ко всему населенію Закавказья составляетъ около 25%, тѣмъ не менѣе, изъ 54 уѣздовъ Закавказья армяне составляютъ большинство только въ пяти. Правда, это въ извѣстной степени объясняется несовершенствомъ современнаго административнаго дѣленія, и армяне не уставали стремиться къ новому передѣлу Закавказья, который создалъ бы районы ихъ численнаго преобладанія. Но все же, при самомъ даже выгодномъ размежеваніи, около 500.000 армянъ, т. е. около трети, остается внѣ этнографической Арменіи. Объясняется это отчасти тѣмъ, что армяне составляютъ значительный контингентъ населенія всѣхъ городовъ Закавказья и наполняютъ собой не только Елисаветполь и Эривань, но и Тифлисъ и Баку.

Почти такъ же, какъ армяне, не имѣютъ своей закон-

---

[1]) Общее количество армянъ считается около 3 милліоновъ. Изъ нихъ въ предѣлахъ этнографической Арменіи живетъ около 1.600.000: 1.100.000 — въ Россіи, 400.000 — въ турецкой Арменіи и около 100.000 — въ персидской Арменіи. Въ Турціи считается всего 1.125.000 армянъ (400.000 въ турецкой Арменіи, 500.000 — въ азіатской Турціи и 250.000 въ европейской).

ченной территоріальной очерченности и татары. Они составляютъ большинство въ Бакинской губ., во всей Елисаветпольской губ., кромѣ Шушинскаго уѣзда, въ Эриванскомъ, Нахичеванскомъ, Сурмалинскомъ и Шаруро-Дарлинскомъ уѣздахъ Эриванской губ. При наиболѣе благопріятномъ размежеваніи, до 25% всего татарскаго закавказскаго населенія окажется все же внѣ предѣловъ своего этнографическаго большинства.

Русскихъ, по переписи, въ Закавказьѣ было всего 5,2%. Хотя съ тѣхъ поръ число русскихъ должно было значительно увеличиться, тѣмъ не менѣе, русское населеніе, разбросанное повсюду, не опредѣляетъ этнической физіономіи ни всей страны ни отдѣльныхъ ея частей.

Лезгины сосредоточены въ Дагестанской области, гдѣ они составляютъ 74% всего населенія. Турки составляютъ большинство въ Ольтинскомъ и Ардаганскомъ округахъ Карской области и въ Артвинскомъ уѣздѣ Кутаисской губ.

Три главныя группы населенія Закавказья — армяне, грузины и татары — несмотря на территоріальную ихъ перемѣшанность, отличаются между собою и по языку, и по уровню культуры, и по соціальной группировкѣ. По даннымъ переписи, процентное раздѣленіе отдѣльныхъ національныхъ группъ по роду занятій было слѣдующее:

	Армяне	Грузины	Татары
Сельское хозяйство	71,27	82,47	81,66
Промышленность	10,58	4,36	4,70
Торговля	8,48	3,77	5,60
Наемный трудъ	4,12	3,30	4,00
Свободныя профессіи и госуд. служба	2,42	2,41	2,04
Рантье и пенсіонеры	2,24	2,94	1,18
Остальныя	1,00	0,75	0,84

Наиболѣе дифференцировано населеніе армянъ, что отражается и на сопоставленіи числа городскихъ жителей. Для всего Кавказа (съ сѣвернымъ, населеннымъ преимущественно русскими) количество городскихъ жителей распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Русскихъ	45,5%
Армянъ	20,0%
Турко-татаръ	16,0%
Грузинъ	10,5%

Въ каждой народности процентъ городскихъ жителей различенъ: армянъ живетъ въ городахъ 21,4%, грузинъ — 9,3%, турко-татаръ — 10,6%. Соціальная структура отражаетъ особенности историческаго развитія каждой націи. Среди грузинъ потомственное дворянство составляетъ 5,3% населенія и среди татаръ — 2,6%, въ то время какъ въ европейской Россіи потомственныхъ дворянъ — лишь 0,95% всего населенія, а у армянъ — только 0,83%. Зато отношеніе городской буржуазіи къ общему количеству жителей совсѣмъ обратное: 3,5% грузинъ, 7,8% татаръ и 11% армянъ.

Эти различія настолько существенны, что, несмотря на то, что территоріальное переплетеніе народовъ создало общіе культурные центры (напримѣръ, Тифлисъ, который былъ не только грузинскимъ, но и армянскимъ умственнымъ центромъ и духовной столицей), несмотря на смѣшеніе нарѣчій и почти всеобщее употребленіе русскаго языка, безъ котораго въ Закавказьѣ обойтись нельзя, — все же, общественная жизнь трехъ главныхъ закавказскихъ народностей развивалась обособленно, отражая въ себѣ своеобразіе духовной жизни каждаго народа и его историческія традиціи и глубоко разнясь по заложеннымъ въ ней тенденціямъ.

3. Грузинская общественность.

Историческія судьбы Грузіи.

Наиболѣе устойчивой и очерченной въ своихъ стремленіяхъ является общественность грузинская. Съ незапамятныхъ временъ населяя тѣ же самыя кавказскія горы и долины, грузинскій народъ еще до Рождества Христова создалъ независимое государство и въ теченіе полутора тысячелѣтій отстаивалъ свою самобытность,

то какъ независимое государство, то какъ автономная часть громадныхъ политическихъ образованій, входя въ соприкосновеніе почти со всѣми великими державами древняго міра. Особеннаго расцвѣта грузинское царство достигло при царицѣ Тамарѣ (1184—1212), когда Грузія стала во главѣ всѣхъ кавказскихъ народовъ и оказывала громадное вліяніе на судьбы всей Малой Азіи. Наряду съ политической силой, развивалась грузинская культура, уже рано создавшая весьма богатую письменность, такъ что грузинскій языкъ справедливо считается однимъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ языковъ міра: золотой вѣкъ грузинской литературы относится къ періоду отъ X до XIII столѣтія! Въ этотъ періодъ жилъ и творилъ величайшій національный грузинскій поэтъ Шота Руставели. Монгольское нашествіе, опустошившее Грузію и превратившее ея царей въ данниковъ Золотой Орды, нанесло непоправимый ударъ политической роли Грузіи. Тѣмъ не менѣе, уже черезъ сто лѣтъ Грузія опять пріобрѣтаетъ политическую самобытность, хотя уже не въ состояніи вернуть прежняго вліянія, особенно въ виду того, что съ паденіемъ Византіи она оказывается со всѣхъ сторонъ окруженной враждебнымъ мусульманскимъ міромъ, на борьбу съ которымъ уходили всѣ силы грузинскаго народа, то объединявшагося въ одно цѣлое, то распадавшагося на мелкія княжества. Лишь въ XVII и XVIII вѣкѣ силы Грузіи возстанавливаются, и, послѣ объединенія царства Кахетинскаго и Карталинскаго при царѣ Ираклій II, Грузія сама переходитъ въ наступленіе какъ противъ персовъ, такъ и противъ турокъ. Въ борьбѣ съ персами Ираклій II покоряетъ значительную часть прежнихъ грузинскихъ земель, ставя въ свою зависимость хановъ Эривани и Нахичевани. Вслѣдъ за этимъ Ираклій II пытается отвоевать историческое наслѣдіе Грузіи и отъ Турціи и ведетъ борьбу за присоединеніе бассейна рѣки Чорохи. Но, сознавая слабость своихъ силъ и непрочность до-

стигнутыхъ успѣховъ, онъ ищетъ союзниковъ сперва въ Персіи, потомъ въ Австріи и даже Пруссіи, побуждая ихъ начать борьбу съ Турціей. Въ поискахъ опоры и союзниковъ Ираклій II обратился къ Россіи, и въ 1783 году между Екатериной II и царемъ грузинскимъ былъ заключенъ трактатъ, въ силу котораго Грузія встала въ вассальное отношеніе къ Россіи. Признавъ за себя и своихъ потомковъ протекторатъ и суверенитетъ Россіи, отказавшись отъ международныхъ сношеній безъ предварительнаго согласія Россіи, обязавшись оказывать Россіи помощь во всѣхъ войнахъ своими войсками, которыя дѣлались составною частью русскаго войска, царь Ираклій выговорилъ рядъ обязательствъ и со стороны Россіи: сохраненіе за грузинской династіей престола Карталиніи и Кахетіи; невмѣшательство русскихъ властей въ дѣла внутренняго управленія страной, въ отправленіе исполнительной и судебной власти; сохраненіе полной автономіи финансоваго управленія. Всѣ эти начала полной внутренней автономіи были выговорены и обусловлены не только по отношенію къ территоріи, уже бывшей во власти грузинскаго царя, но и къ тѣмъ территоріямъ, которыя въ будущемъ могли быть присоединены къ Грузіи — отзвукъ надеждъ царя Ираклія при помощи Россіи отвоевать прежнія провинціи у Турціи.

Однако, отношенія Грузіи къ Россіи развивались не въ плоскости этой широко намѣченной автономіи. Съ одной стороны, опека Россіи не охранила Грузію отъ нашествія персовъ, которые еще при Иракліи опустошили всю страну и взяли даже Тифлисъ. Послѣ смерти сына Ираклія, Георга XIII, Александръ I, манифестомъ отъ 12 сентября 1801 года, присоединилъ Грузію на вѣчныя времена къ Имперіи. Объ автономіи въ манифестѣ не говорилось, но грузинамъ гарантировалось: «всѣ подати съ земли вашей повелѣли мы обратить въ пользу вашу и, что за содержаніемъ управленія оставаться будетъ, употреблять на возстановленіе разоренныхъ городовъ и

селеній. Каждый пребудетъ при преимуществахъ состоянія своего, при свободномъ отправленіи своей вѣры и при собственности своей неприкосновенно».

Грузинскій народъ, утомленный вѣчными войнами, неурядицами внутренняго управленія и вѣчными междоусобіями, безъ всякаго сожалѣнія разстался со своей прежней династіей и, несомнѣнно, вполнѣ добровольно принялъ власть Россіи. И въ теченіе цѣлаго вѣка совмѣстной жизни сепаратизмъ не имѣлъ ни малѣйшей почвы въ грузинскихъ общественныхъ настроеніяхъ. Народныя возмущенія, вспыхивающія отъ времени до времени въ Грузіи, не были связаны съ какими-либо національно-политическими домогательствами и направлены были въ первую голову противъ помѣщиковъ, а не противъ русской власти. Традиціонная тоска по «великому прошлому народа», составлявшая лейтъ-мотивъ національной грузинской поэзіи, въ большинствѣ случаевъ лишена подлиннаго живого чувства и прекрасно уживалась съ выраженіями патріархальнаго вѣрноподданичества по отношенію къ русскимъ царямъ. Ни крестьянство, стонущее подъ ярмомъ крѣпостничества, сложившагося до господства Россіи, ни дворянство, живущее сверхъ средствъ и ищущее возможности работать въ качествѣ чиновниковъ, офицеровъ или представителей вольныхъ профессій, не направляли своего недовольства въ сторону Россіи. Лишь грузинское духовенство склонно было нѣсколько будировать. Если для грузинскаго дворянства русскій языкъ естественно вытѣснялъ грузинскій, то духовенство, въ силу необходимости общенія съ народомъ, явилось хранителемъ грузинскаго языка. Кромѣ того, духовенство постоянно вспоминало о лишеніи грузинской церкви автокефаліи и подчиненіи синодальной конторѣ. Но голосъ духовенства почти не пробивался въ общей массѣ грузинскихъ настроеній. Какъ ни плохо было управленіе Россіи, все же для Кавказа оно было безспорно факторомъ значительнаго прогресса. Не говоря о томъ зами-

реніи, которое создало основу гражданской жизни края, Россіей было создано европейское управленіе, были проведены дороги, какъ шоссейныя, такъ и желѣзныя. Русскій, а затѣмъ и заграничный капиталъ получилъ доступъ, поднимая экономическое положеніе края... И, когда въ 1901 году торжественно праздновалось столѣтіе присоединенія Грузіи къ Россіи, весь народъ искренне принялъ участіе въ этомъ празднествѣ.

Развитіе грузинской общественности.

Подъ общимъ покровомъ мирныхъ и дружественныхъ русско-грузинскихъ отношеній грузинская національная жизнь развивалась своимъ путемъ. Въ связи съ общимъ подъемомъ культурной и экономической жизни, въ Грузію стали широко проникать западно-европейскія и русскія общественныя вліянія, своеобразно преломляющіяся на почвѣ мѣстныхъ отношеній.

Уже въ шестидесятыхъ годахъ въ Грузіи начинаетъ пробиваться струя народническихъ настроеній, окрашенныхъ національнымъ романтизмомъ: грузинская молодежь изучаетъ бытъ народа, собираетъ свѣдѣнія о народныхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ, издаетъ сочиненія старыхъ и новыхъ писателей, создаетъ рядъ культурныхъ національныхъ учрежденій. Новая грузинская литература, обогатившаяся уже въ началѣ XIX вѣка произведеніями Николая Бараташвили, прозваннаго «Байрономъ Грузіи», Григорія Орбеліани, Александра Чавчавадзе и др., выдвигаетъ новыхъ писателей — Илью Чавчавадзе, Акакія Церетелли и др. Начали выходить газеты на грузинскомъ языкѣ (первая газета «Дрозба», то-есть «Время»).

Рядомъ съ литературой, сталъ развиваться грузинскій театръ, на поприщѣ котораго особенно прославился Георгій Эристовъ, авторъ многочисленныхъ комедій изъ грузинской жизни, изображавшій, впрочемъ, главнымъ образомъ два типа: промотавшагося грузинскаго дворянина

и захватившаго его въ свои сѣти ростовщика-армянина. Но, переживъ эпоху бурнаго расцвѣта, театръ сталъ быстро клониться къ упадку изъ-за отсутствія разумнаго меценатства.

Съ середины 90-хъ годовъ началась политическая организація грузинскаго народа. Въ 1893 году, на почвѣ сближенія грузинской интеллигенціи съ русской, въ Грузіи основалась партія соціалъ-демократовъ, которой суждено было сыграть въ исторіи народа крупнѣйшую роль.

Политическая гегемонія соціалъ-демократіи Грузіи представляется со стороны нѣсколько загадочной, въ виду крайне ничтожнаго количества промышленнаго пролетаріата и преобладанія въ Грузіи мелкаго темнаго крестьянства: здѣсь, несомнѣнно, «митлейферы» составляютъ главную массу партіи, подъ оболочкой которыхъ почти не видать ея пролетарскаго зерна. Грузія по преимуществу страна сельская, и, за рѣдкими исключеніями, въ ней нѣтъ развитой промышленности. Преобладаетъ мелкое ремесло, мелкая торговля, мелкое землевладѣніе или малоземеліе. О капиталистическомъ сельскомъ хозяйствѣ съ широкимъ примѣненіемъ наемнаго труда нѣтъ и рѣчи. Словомъ, это картина не пролетаризаціи, связанной съ расцвѣтомъ капитализма, а бѣдности и захудалости, вызываемой по преимуществу слабымъ развитіемъ производительныхъ силъ. Экономическая и культурная отсталость Грузіи, недовершеніе освобожденія крестьянъ, обостреніе аграрнаго вопроса и связанное съ этимъ недовольство и броженіе крестьянъ, появленіе нѣкотораго количества промышленныхъ рабочихъ, явившихся весьма интенсивнымъ бродиломъ (особенно въ 1905 году, когда всѣ рабочіе грузины были уволены съ желѣзныхъ дорогъ и вынуждены были разъѣхаться по деревнямъ); увеличеніе числа разночинной интеллигенціи, вербующейся въ значительной степени изъ обѣднѣвшаго дворянства и духовенства; стѣсненное матеріальное

положеніе дворянства, до-нѣльзя многочисленнаго и въ значительной степени не приспособленнаго къ экономическому соперничеству; упадокъ и униженіе грузинской православной церкви, — всѣ эти условія, при отсутствіи національныхъ учрежденій, должны были способствовать яркому обострению соціальнаго вопроса въ формѣ общаго соціальнаго недомоганія и томленія. Все это привело къ вѣрѣ въ новое ученіе, вліявшее законченностью и догматичностью своихъ утвержденій и фанатической вѣрой въ грядущее торжество тружениковъ и обездоленныхъ. Соціализмъ и проповѣдывался и воспринимался въ Грузіи, какъ религіозное ученіе[1]).

Что партія не была отраженіемъ мѣстной жизни, доказывается тѣмъ, что она была вначалѣ лишена какой-либо національной окраски и дѣйствовала даже не какъ самостоятельная партія, а какъ филіальное отдѣленіе россійской соціалъ-демократіи, не выдвигая въ своей программѣ никакихъ специфическихъ требованій для Грузіи, считая, что ея судьба связана съ торжествомъ общаго дѣла пролетаріата въ Россіи.

Это безразличіе къ національнымъ вопросамъ дало возможность создаться новому теченію, которое выдвинуло программу, сочетающую начала соціализма съ идеей автономіи Грузіи. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ образованія въ Грузіи партіи с.-д., въ Парижѣ организуется изданіе журнала «Сакартвелло» (то-есть «Грузія»), защищавшаго идею автономіи Грузіи. Изъ кружка интеллигенціи, группирующейся около «Сакартвелло», образовалась партія соціалистовъ-федералистовъ, внесшихъ въ свою программу вопросъ о національно-политическихъ правахъ грузинскаго народа и о правѣ на культурно-національное самоопредѣленіе.

Подъ вліяніемъ агитаціи этой группы мало-по-малу

---

[1]) З. Аваловъ, «Грузины», въ сборникѣ «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ».

принципъ автономіи становится программнымъ требованіемъ и для грузинской соціалъ-демократіи, которая получаетъ значительное преобладаніе надъ всѣми иными грузинскими общественными теченіями: партія эта, несмотря на вѣрность принципіальному космополитизму, пустила значительные корни въ сельскомъ населеніи и, проникнутая глубокимъ народнымъ чувствомъ, объединила весь цвѣтъ грузинской интеллигенціи. Ведя соціальную и политическую борьбу въ своей странѣ, грузинская демократія разсматривала себя, какъ мѣстное проявленіе общерусскаго дѣла освобожденія. Въ мѣстной кавказской жизни грузинская демократія играла всегда роль махового колеса, стараясь умѣрить страстность національной борьбы, давая тонъ твердой оріентаціи на демократію Россіи. Другой вопросъ, насколько вліянія партіи с.-д. прочны и длительны. Показанія лицъ, знающихъ грузинскую жизнь, противорѣчивы. Одни утверждаютъ, что партія пустила такіе прочные корни, что идейная связь между интеллигенціей и народомъ неразрывна. Другіе же наблюдатели констатируютъ, что вліяніе партіи лишь поверхностно, такъ какъ подъ него не подведенъ солидный и прочный базисъ общественныхъ и экономическихъ организацій: къ началу войны Грузія не имѣла ни сельскохозяйственныхъ союзовъ, ни кооперативныхъ учрежденій, ни научныхъ или просвѣтительныхъ обществъ. Періодическая пресса прозябала. Поэтому можно опасаться, что соціалъ-демократія Грузіи сильна лишь потому, что крестьянство еще слишкомъ темно и политически отстало, чтобы выдвинуть свои собственныя организаціи.

---

[1]) Въ Государственной Думѣ перваго созыва изъ 7 депутатовъ-грузинъ было 5 с.-д.; въ Думѣ 2-го созыва — 6 с.-д., въ третьей Думѣ, съ сокращеніемъ окраиннаго представительства по акту 3-го іюня 1907 года, было изъ 3 депутатовъ-грузинъ 2 с.-д.

4. *Армяне и армянскій вопросъ.*

Историческія судьбы Арменіи.

Значительно пестрѣе и сложнѣе вліяніе на общественную жизнь Закавказья, привносимое армянскимъ элементомъ. Для того, чтобы понять основы армянскаго движенія, слѣдуетъ припомнить, что Арменія, какъ и Грузія, полна воспоминаній о древнемъ могуществѣ и пропитана историческими традиціями, восходящими къ самой сѣдой, незапамятной древности.

Первыя историческія свѣдѣнія объ армянахъ относятся къ 521 году до Р. Х., когда армяне возстали противъ Дарія и дошли до самой Ниневіи. Повидимому, въ то время Арменія составляла автономную часть персидской державы, управляясь своими наслѣдственными царями, но вынуждена была участвовать въ походахъ Персіи, въ томъ числѣ въ походѣ противъ Греціи. Послѣ періода распаденія Арменіи на три части, она, при Тигранѣ Великомъ, опять объединяется въ одно политическое цѣлое и дѣлается могущественной державой. Въ это время армянскій народъ составлялъ на востокѣ очагъ чисто европейской (эллинской) цивилизаціи: даже христіанство было въ Арменіи принято раньше, чѣмъ оно стало господствующей церковью въ Римѣ, и армянскій царь Тиридатъ былъ первымъ христіанскимъ монархомъ. Въ первыхъ годахъ V вѣка послѣ Р. Х. въ Арменіи былъ введенъ алфавитъ и переведена на армянскій языкъ Библія. Но армянское государство опять распадается на части, однѣ изъ которыхъ находятся въ зависимости отъ персовъ, другія — отъ грековъ. Потомъ на смѣну греческимъ вліяніямъ явились вліянія арабскія.

Рѣшительное значеніе для хода развитія исторіи армянскаго народа имѣло нашествіе сельджукскихъ турокъ. Начиная съ XI вѣка, въ теченіе четырехъ столѣтій многочисленныя турецко-монгольскія племена безпрерывно наводняли страну, осѣдая въ ней и заселяя

лучшія мѣстности. Національно-политическія организаціи армянъ были упразднены; національный владѣтельный классъ (царскія династіи, феодальная аристократія) уничтожены, и, въ концѣ концовъ, отъ политической самостоятельности армянскаго народа не осталось и слѣда, Арменія становится добычей мусульманскаго владычества и окончательно входитъ въ составъ Турціи и Персіи. Народъ подвергается коренной нивеллировкѣ — въ равномъ и всеобщемъ рабствѣ; цѣликомъ, безъ различія сословій, въ качествѣ единой покоренной крѣпостной массы (райи), онъ попадаетъ подъ власть господствующей націи. Представлявшіе собой раньше націю съ сильно развитой феодальной аристократіей и вообще съ рѣзкими сословными дѣленіями, армяне превращаются въ единый, безсословный демосъ.

Нахлынувъ цѣлымъ потокомъ и внѣдрившись въ сердцевину Арменіи, татары не оказались въ состояніи ни растворить въ себѣ армянской національности ни самимъ раствориться въ ней. Органическая политическая связь тоже не могла установиться между ними; такимъ образомъ, оба народа, живя рядомъ, остались въ механическомъ сцѣпленіи, безъ внутренняго единства. Глубокій и многосторонній антагонизмъ между побѣдителями и побѣжденными осложнялся и углублялся еще цѣлымъ рядомъ контрастовъ и различій: христіане и мусульмане; представители осѣдлаго быта и кочевники-пастухи; нація, усвоившая въ теченіе ряда вѣковъ эллинскую цивилизацію, и племена, еще не имѣвшія сношенія съ культурой; нація съ развитыми навыками общественной жизни и племена, находившіяся на весьма низкомъ уровнѣ культуры [1]).

Однако, въ эту эпоху великихъ испытаній армянскій народъ выказалъ изумительное упорство и стойкость въ отстаиваніи своей вѣры, языка, культуры и быта. Съ

[1]) Статья «Армяне» въ сборникѣ «Формы національнаго движенія въ современныхъ государствахъ».

теченіемъ времени культурные навыки дали возможность армянамъ использовать свое положеніе въ качествѣ элемента, связующаго турецкія области съ внѣшнимъ міромъ въ видѣ торговли. Въ руки армянъ (наряду съ греками) попала почти вся торговля турецкой имперіи. На экономической почвѣ народъ сталъ мало-по-малу отвоевывать себѣ то, что было утрачено въ области политической. И народъ, потерявшій свою старую феодальную организованность, создалъ новую организованность, новый высшій классъ — вліятельную во всей передней Азіи, богатую, крѣпкую, сплоченную армянскую буржуазію. Вмѣстѣ съ ростомъ экономическаго вліянія все ярче вставала національная идея, тѣмъ болѣе, что армяне никогда не были лишены своей національной организаціи, которую имъ давала церковь. Какъ извѣстно, армяно-грегоріанская церковь является наиболѣе національной изъ всѣхъ церквей въ мірѣ: почти всѣ армяне принадлежатъ къ этому исповѣданію, и всѣ принадлежащіе къ этому исповѣданію — армяне. Поэтому въ эпоху безправія народа церковь являлась для него не только религіознымъ, но и политическимъ союзомъ, и глава церкви — армянскій католикосъ — былъ естественнымъ представителемъ всей націи. Все это могущественно содѣйствовало сохраненію національныхъ традицій и сознанію народнаго единства и будило надежды на лучшее будущее народа.

Поэтому не удивительно, что какъ только отоманская имперія стала клониться къ упадку, армянскій элементъ выступилъ и на политическую арену. Этому вначалѣ способствовала извѣстная децентрализація турецкаго и персидскаго государства. На территоріи Арменіи, находящейся подъ номинальной властью Константинопольской Порты и персидскаго шаха, на самомъ дѣлѣ властвовали наслѣдственные князья-мелики, которые были связаны центральной властью лишь отношеніями вассальства. Такая политическая самобытность отдѣльныхъ

частей возбуждала въ армянскихъ патріотахъ надежду на возможность разрыва связи съ Константинополемъ или Персіей и созданія національныхъ правительствъ при помощи внѣшняго міра. Этой помощи армяне не разъ дѣятельно искали: извѣстна миссія князя Ори, объѣхавшаго всѣ важнѣйшіе дворы Европы и, наконецъ, обратившагося за помощью къ Петру I. На обратномъ пути въ Арменію Ори умеръ въ Астрахани, но Петръ I, дѣйствительно, въ 1722 году выступилъ въ походъ противъ Персіи. Походъ этотъ окончился взятіемъ одного Дербента, но онъ далъ возможность карабахскимъ меликамъ объявить свою независимость и отстоять ее отъ персидскаго шаха. Вскорѣ, однако, имъ пришлось покориться снова, уже турецкому султану. Вопросъ о независимости Арменіи всплылъ опять лишь при Екатеринѣ II, но и тутъ не былъ разрѣшенъ: русскія войска, вступившія въ Арменію, были отозваны и Арменія опустошена турецкими шайками. Лишь при Александрѣ I, по Гилюстанскому трактату, Карабахское ханство было присоединено къ Россіи, и въ немъ введена русская администрація. Туркманчакскій договоръ съ Персіей передалъ Россіи Эриванское и Нахичеванское ханства, населенныя по преимуществу армянами.

Такимъ образомъ, вмѣсто полнаго освобожденія, армянскій народъ оказался раздѣленнымъ между тремя государствами: Персіей, Турціей и Россіей, и это заставило армянскихъ патріотовъ въ теченіе всего XIX вѣка бороться за довершеніе армянскаго дѣла, тѣмъ болѣе, что правовое положеніе армянъ въ Россіи своимъ контрастомъ подчеркивало безправіе армянскихъ массъ въ Турціи. Болѣе всего упованій возлагалось, конечно, на Россію, особенно когда вспыхнула война 1878 года. Однако, надежды на коренное разрѣшеніе армянскаго вопроса не оправдались. Даже Санъ-Стефанскій договоръ давалъ армянамъ лишь 16-ую статью, по которой Порта обязывалась до эвакуаціи русскихъ войскъ изъ Арменіи

ввести реформы, обезпечивающія армянское населеніе отъ курдовъ и черкесъ. Но Берлинскій Конгрессъ замѣнилъ это постановленіе знаменитой 61-ой статьей, гдѣ обязательство введенія реформъ въ Арменіи гарантировано было не наличіемъ русскихъ войскъ, но надзоромъ державъ.

Турецко-армянскій вопросъ.

61-ая статья Берлинскаго трактата явилась источникомъ неисчислимыхъ бѣдствій для турецкихъ армянъ. Разваливающееся турецкое правительство не было способно на проведеніе необходимыхъ реформъ, а державы не могли сговориться относительно образа дѣйствія. Это заставляло армянъ стремиться напомнить Европѣ о своемъ положеніи.

Кружки армянской интеллигенціи, сперва въ Парижѣ, потомъ въ Лондонѣ и другихъ европейскихъ центрахъ, вели усиленную агитацію среди европейскаго общественнаго мнѣнія о необходимости закончить дѣло обезпеченія судьбы армянскаго народа. И такъ какъ международная дипломатія, опасавшаяся, что армянскій вопросъ является лишь покровомъ для русскихъ завоевательныхъ плановъ, была слишкомъ медлительной, то началось движеніе въ самой Арменіи въ видѣ организаціи революціонныхъ партій «Арменія», «Гинчакъ», а вслѣдъ за ними «дашнакцутюнъ». Агитація этихъ организацій вылилась въ широкое движеніе, а подчасъ приводила къ открытымъ боевымъ выступленіямъ. Базой для подготовки вооруженныхъ выступленій противъ Турціи явилась русская Арменія, изъ предѣловъ которой уже въ началѣ девяностыхъ годовъ въ Турцію проникъ первый вооруженный отрядъ армянъ подъ предводительствомъ Кукуджаніана: отрядъ послѣ перестрѣлки съ турками вернулся на русскую территорію и былъ разоруженъ русскими войсками. Такія же группы стали проникать въ Турцію и черезъ Персію. Неспособные вызвать въ предѣлахъ турецкой

Арменіи рѣшительное возстаніе, отряды эти крайне испортили отношенія между мусульманскимъ населеніемъ и армянами, и въ августѣ мѣсяцѣ 1894 года курдами и турками былъ произведенъ грандіозный сасунскій погромъ мирнаго армянскаго населенія[1]). Въ отвѣтъ на дипломатическія представленія державъ о необходимости разслѣдованія дѣла и введенія обѣщанныхъ реформъ — рѣзня и погромы повторились, захвативъ уже цѣлый рядъ вилайетовъ Малой Азіи. По даннымъ иностранныхъ корреспондентовъ и консуловъ, при этихъ погромахъ было уничтожено до 40.000 домовъ, разграблено 8.000 лавокъ, убито около 30.000 армянъ. При этомъ стало ясно, что погромы направлялись сверху, что они имѣли цѣлью снять съ очереди армянскій вопросъ полнымъ истребленіемъ армянскаго населенія.

Бездѣятельность державъ толкала армянскихъ па-

[1]) Послушнымъ и удобнымъ орудіемъ турецкой политики въ Арменіи явились курды, арійское племя, жившее въ Малой Азіи съ незапамятныхъ временъ, но сохранившее всѣ особенности дикаго кочевниче-пастушески-разбойничьяго образа жизни. Сожительство съ курдами, принявшими мусульманство и поощряемыми турецкой властью, явилось истиннымъ бѣдствіемъ для армянъ. Вотъ какими словами характеризуетъ это сожительство одинъ изъ выдающихся армянскихъ публицистовъ, М. Варандіанъ: «Исторія въ теченіе долгихъ вѣковъ была свидѣтельницей развитія кроваваго антагонизма двухъ арійскихъ народовъ, живущихъ въ той же географической обстановкѣ, обладающихъ одной и той же землей, пользующихся одинаковыми климатическими условіями, въ которыхъ одинъ производилъ, другой отнималъ, одинъ — привязанный къ землѣ, къ сохѣ, къ торговому каравану, развитой, трудолюбивый, обладающій богатымъ языкомъ и многовѣковой литературой — уповалъ освободиться изъ своего азіатскаго ада и присоединиться къ западной цивилизаціи, выполняя среди безчисленныхъ препятствій свою миссію посредничества между Востокомъ и Западомъ; другой же являлся обломкомъ доисторическихъ расъ, живя неизмѣнно привычками пастушескаго вѣка, безъ слѣда культуры, не имѣя никакой письменности, презирая творческую работу, считая благороднѣйшимъ ремесломъ разбой и величайшей добродѣтелью — грабежъ, жестокій и, кромѣ всего, ободряемый и поощряемый господствующей націей, съ которой его связываетъ единство религіи. Вѣчная неспособность къ развитію, вѣчное безпокойство духа курдовъ, не лишенныхъ своихъ положительныхъ чертъ характера, является интереснѣйшей соціологической проблемой, а курдовъ дѣлаетъ похожими на цыганъ, которыхъ не можетъ приручить европейская цивилизація».

тріотовъ на отчаянныя дѣйствія: они устраиваютъ демонстрацію въ самомъ Константинополѣ, а въ августѣ 1896 года группа партіи дашнакцутюнъ захватываетъ Отоманскій Банкъ и угрозой взорвать зданіе требуетъ отъ европейскихъ пословъ энергичнаго вмѣшательства въ пользу безотлагательнаго проведенія дѣйствительныхъ реформъ для армянъ. Но это вызвало лишь армянскую рѣзню на улицахъ Константинополя, и самимъ смѣльчакамъ едва удалось спастись подъ охраной пословъ. Въ Арменіи тоже организуется сопротивленіе, которое выражается въ дѣйствіяхъ четниковъ Сероппа, Андраника и др. Но, неспособные защитить армянъ, они ограничивались только местью по отношенію къ мусульманамъ, до крайности обостряя и такъ уже чрезвычайно нездоровыя отношенія.

Съ паденіемъ стараго режима въ Турціи и переходомъ власти къ младо-туркамъ явилась надежда на улучшеніе положенія Арменіи. Комитетъ «Единеніе и Прогрессъ» неоднократно выражалъ свои симпатіи къ армянамъ и даже подчеркивалъ, что армяне были революціонными учителями турокъ. Со своей стороны, армяне искренне готовы были поддерживать конституціонный режимъ въ Турціи. Но соглашеніе длилось недолго, и при младо-туркахъ погромы надъ армянами были не менѣе жестоки, чѣмъ при Абдулъ-Гамидѣ. Причины этому надо искать въ общемъ положеніи турецкой имперіи. Тѣснимые съ запада, турки должны были считаться съ приходомъ часа, когда у нихъ не останется ни пяди земли въ Европѣ. Но — отброшенные къ Малой Азіи — они встрѣчались тамъ съ армянскимъ вопросомъ, съ армянской національной программой, осуществленіе которой грозило отрѣзать рядъ плодороднѣйшихъ областей (въ при-эфратской Арменіи, плодороднѣйшей мѣстности міра, преданіе помѣщало земной рай) и раздѣлить Турцію на двѣ не соприкасающіяся части, то-есть нанести уже смертоносный ударъ. Вотъ почему при первой неудачѣ

столковаться, при первомъ сомнѣніи въ возможности увлечь армянскій элементъ въ фарватеръ «пантюркизма» или «пантуранизма», вдохновлявшихъ младотурокъ, вся многовѣковая инерція турецкой государственности, судорожный пароксизмъ умирающаго азіатскаго политическаго организма направлялся на армянъ. Лозунгъ «вырѣзать», обычный въ турецкой офиціальной публицистикѣ и дипломатическій аргументъ во время переговоровъ, сталъ претворяться въ дѣйствіе. Полнаго же практическаго осуществленія онъ достигъ во время войны.

Такимъ образомъ, армянскій вопросъ въ Турціи явился главной осью армянскаго національнаго движенія, хотя бы потому, что онъ сталъ международнымъ вопросомъ. Духовное возрожденіе армянскаго народа, процессъ демократизаціи и созданіе новой общественности — все носитъ значительные, быть можетъ, даже слишкомъ значительные слѣды армянскихъ усилій разрѣшить вопросъ относительно своихъ собратьевъ, все по необходимости отражаетъ психологію народа, живущаго въ состояніи не прекращающагося возстанія, поставленнаго подъ угрозу ежеминутно готоваго вспыхнуть погрома. Армянскій духъ, сливающій въ себѣ традиціи древнѣйшихъ культуръ и живые остатки эллинскаго духа съ современнымъ европеизмомъ, восточную страстность съ западной разсудительностью и практичностью — былъ растраченъ на вѣчную борьбу за физическое существованіе, на защиту отъ полудикихъ кочевниковъ. Политическіе таланты націи[1]), единственно способной разрѣшить вопросъ о пріобщеніи передней Азіи къ европейской цивилизаціи, выродились въ заговорщичество, бунтарство подпольно существующихъ военно-революціонныхъ организацій.

---

[1]) Первый офиціальный проектъ русской конституціи выработанъ арманиномъ Лорисъ-Меликовымъ, точно такъ же, какъ первый проектъ турецкой конституціи составленъ арманиномъ Крикоромъ Одіаномъ.

Подъ значительнымъ вліяніемъ такихъ настроеній сложился армянскій вопросъ въ Россіи.

Съ присоединеніемъ части Арменіи къ Россіи среди армянъ начался ускоренный процессъ культурнаго развитія и возрожденія. Клерикально-мѣщанскіе идеалы бюргерства, господствовавшіе среди армянъ, стали мало-по-малу смѣняться болѣе демократическими теченіями. Въ 20-хъ годахъ была проведена школьная армянская реформа, передавшая дѣло начальнаго просвѣщенія изъ рукъ духовенства въ руки общинъ, поставившая школы на демократическій европейскій ладъ и изгнавшая изъ нихъ схоластику. Съ середины XIX вѣка въ армянскую общественность начинаютъ вливаться струи свѣжаго демократизма и боевого темперамента. Первыми общественными дѣятелями были воспитанники Юрьевскаго университета, стремившіеся перенести на почву Арменіи идеалы «Молодой Германіи». Черезъ турецкихъ армянъ, въ особенности черезъ константинопольскихъ, стала оказывать вліяніе французская культура. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ, все болѣе замѣтно сказываются русскія культурныя вліянія, которыя съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ становятся сильнѣе. Но вліяніе русской мысли на армянъ не могло быть такъ глубоко, какъ на грузинъ, такъ какъ значительная часть армянъ, живущая въ другихъ странахъ, оказывала большое вліяніе на своихъ сородичей въ Россіи. Кромѣ того, борьба съ турками, стоявшая всегда основнымъ вопросомъ для Арменіи, шла подъ знаменемъ національнаго, и уже по одному этому подъ тѣмъ же знаменемъ развивалась армянская общественность въ Россіи. И здѣсь армянское національное движеніе полно воинственности, и не даромъ Патканьянцъ, наиболѣе извѣстный изъ поэтовъ Арменіи второй половины XIX вѣка, поетъ:

Когда для жизни трудовой
Средь мукъ рождаетъ сына мать,

Ему точеный острый мечъ
Отецъ въ подарокъ долженъ дать . . .

Когда ребенокъ подрастетъ,
Къ игрушкамъ вкусъ проснется въ немъ, —
Пусть привыкаетъ онъ играть
Безстрашно гибельнымъ ружьемъ . . .

Та же самая партія «дашнакцутюнъ», дѣйствующая въ турецкой Арменіи, имѣла самое большое вліяніе среди армянъ въ Россіи[1]). Тѣ же лица, которыя спасались отъ погромовъ, чинимыхъ мусульманами въ Малой Азіи, — встрѣчали турокъ, курдовъ и татаръ своими сосѣдями въ Эриванской и Елисаветпольской губерніяхъ. Тѣ же общественные дѣятели, которые своей священной обязанностью и долгомъ передъ родиной считали возбужденіе европейскаго общественнаго мнѣнія противъ владычества турецкаго султана, дѣйствовали въ городахъ Закавказья рядомъ съ мусульманскими общественными дѣятелями, для которыхъ султанъ являлся главой всей религіозной организаціи. Словомъ, острота армяно-мусульманскихъ отношеній, создавшаяся въ Турціи, переносилась въ Россію и даже отражалась кровавыми столкновеніями, переходившими въ регулярную войну (1905—6 годъ), хотя по существу здѣсь распря не имѣла достаточной почвы.

Несмотря на традиціонную лойяльность по отношенію къ Россіи, армяне все же учитывали колебанія правительственной политики на Кавказѣ. Вначалѣ въ

---

[1]) Возникшая на Кавказѣ въ 1890 году партія «дашнакцутюнъ» вначалѣ ставила своей главной и чуть ли не единственной задачей — устройство возстанія въ Арменіи для низверженія турецкаго ига и освобожденія изъ-подъ него какъ армянъ, такъ и другихъ народовъ. Лишь на 3-емъ съѣздѣ партіи въ 1904 году значительное вниманіе удѣлено было положенію въ Россіи. При своемъ возникновеніи партія носила слѣды вліяній «Народной Воли» и имѣла соціалистическую аграрную программу. На четвертомъ съѣздѣ (въ Вѣнѣ въ 1907 году) партія приняла законченную соціалистическую программу и выставила требованіе объ установленіи на Кавказѣ союза демократическихъ республикъ, на основѣ равенства всѣхъ національностей и религіи и связаннаго федеративными узами со свободной Россіей.

правительствѣ было теченіе оказывать покровительство христіанскимъ низамъ противъ мусульманскихъ верховъ, и въ 1841 году было повелѣно «званіе агаларовъ и меликовъ для блага жителей и пользы правительства уничтожить, деревни отнять отъ нихъ безъ всякаго вознагражденія и, вмѣсто этого, каждому изъ нихъ до смерти выдавать отъ казны тѣ доходы, кои онъ получалъ отъ жителей татарскихъ, но не армянскихъ деревень». Но черезъ нѣсколько лѣтъ, при аристократическомъ по своимъ тенденціямъ намѣстничествѣ князя Воронцова, правительство разрываетъ со своей демократической политикой и встаетъ на путь покровительства дворянскимъ интересамъ: въ 1846 году былъ изданъ новый рескриптъ, которымъ, «въ ознаменованіе особой милости и благоволенія къ ханамъ, бекамъ, агаларамъ и прочимъ лицамъ высшаго мусульманскаго сословія, а также меликамъ изъ армянъ», повелѣвалось вернуть земли, отобранныя въ 1841 году. Даже освобожденіе крестьянъ, запоздавшее для Закавказья по сравненію съ остальной Россіей, было проведено наполовину и не уничтожило окончательно личной зависимости отъ помѣщиковъ. Такая политика мало способствовала сближенію съ Россіей армянской націи, лишенной помѣщичье-феодальнаго класса.

Съ другой стороны, обезличивающая и централизаторская политика правительства стала накладывать свою руку на армянскія національныя учрежденія. Въ 1874 году армянскія школы были подчинены министерству народнаго просвѣщенія, а въ 1897 году закрыты совсѣмъ. Точно такъ же были закрыты и другія армянскія общественныя учрежденія: благотворительныя, издательскія и пр., а въ 1903 году было отдано распоряженіе о передачѣ въ казенное управленіе имуществъ армянской церкви. Это привело къ значительному обостренію отношеній, и нѣкоторыя армянскія политическія организаціи, въ томъ числѣ и партія дашнакцутюнъ, превратились въ революціонныя не только для Турціи, но

и для Россіи и, какъ таковыя, подвергались систематическому преслѣдованію власти.

Но, все же, было бы глубоко неправильно подъ этимъ угломъ зрѣнія оцѣнивать русско-армянскія отношенія. Вліятельная и сплоченная армянская буржуазія чувствовала и цѣнила значеніе замиренія Кавказа, возможности развитія торговли и ремеселъ. Армяно-мусульманскія отношенія на Кавказѣ, достигшія въ послѣднее время весьма значительнаго обостренія и грозившія значительными опасностями, заставляли армянъ мириться съ русскимъ господствомъ настолько, что своимъ идеаломъ русскіе армяне ставили не территоріальную, а лишь персональную автономію. Но, главное, армянскіе націоналисты чувствовали, что только Россія можетъ разрѣшить безконечно трудный армяно-турецкій вопросъ. И это одно уже дѣлало русскую оріентацію органической и неустранимой для армянской общественности.

5. *Мусульмане Закавказья.*

Если армянское національное движеніе стремилось вывести русскую политику за предѣлы ея нынѣшней орбиты и натолкнуть на борьбу съ Турціей, то противоположнаго характера тенденціи заложены въ самой многочисленной народной группѣ Закавказья — въ татарахъ, а также туркахъ и курдахъ.

Различіе отчетливо уже въ пониманіи историческихъ событій. Для армянъ и грузинъ присоединеніе къ Россіи является безспорно положительнымъ фактомъ, и въ «замиреніи» Кавказа они видятъ дѣйствительную побѣду культуры. Мусульманскому же населенію Кавказа до послѣдняго времени господство русскихъ представлялось актомъ насилія и гнета... Послѣдніе грузинскіе цари сами отдали свою страну Россіи. Мусульмане же свято чтятъ память своихъ національныхъ героевъ, доблестно павшихъ въ борьбѣ съ Россіей. Такъ, особымъ ореоломъ

окружено имя Джавадъ-Хана, защищавшаго Ганджу (Елисаветполь) отъ русскихъ войскъ и геройски погибшаго, не желая и думать о сдачѣ. — Точно такъ же различно пониманіе современныхъ историческихъ задачъ: армянскій вопросъ представляетъ собой часть проблемы разрушенія мусульманскаго господства, борьбы съ остатками турецкой имперіи, между тѣмъ какъ татарское движеніе носитъ черты цѣпкаго отстаиванія мусульманскаго вліянія, гдѣ только возможно.

Въ національномъ движеніи татаръ надо отличать двѣ стороны. Съ одной стороны, мы видимъ религіозно-консервативный кругъ мыслей и ощущеній, основывающихся на могущественной религіозной организаціи, на власти и вліяніи муллъ которые въ константинопольскомъ халифатѣ видятъ внѣшнее выраженіе правды и силы ихъ вѣры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и на всемъ складѣ ума и культуры чувствуется дуновеніе востока: не въ западныхъ образцахъ, не въ Гомерѣ и Шекспирѣ, а въ твореніяхъ Фирдуси и Гафиза ищутъ мусульмане предметъ для подражанія. И знаніе изысканныхъ тонкостей турецкаго языка — предметъ гордости и славы татарской интеллигенціи.

Но есть и другая сторона въ современномъ общественномъ движеніи мусульманъ. Соприкасаясь многими сторонами своей жизни съ европейской культурой, живя въ условіяхъ всеобщей демократизаціи, присутствуя при чудесахъ современнаго нарожденія народовъ, мусульмане не могли не заразиться сами духомъ новаго времени. Если государственно-политическая сторона европейской культуры воспринималась только какъ враждебное, какъ несущее гибель и опасности, то духовно-творческія начала вызывали жажду подражанія и воспріятія.

Такимъ образомъ создавалась смѣсь изъ историческихъ воспоминаній, чувства политическаго угнетенія, религіознаго фанатизма, пережитковъ феодализма и началъ европейской цивилизаціи, приводящая къ духовному объ-

единенію разсѣянныхъ по всей передней и средней Азіи мусульманъ и создающая то, что называется панисламизмомъ (или отвѣтвленіе его — пантуранизмъ), оказывающее значительное воздѣйствіе и на мусульманское населеніе въ Россіи. Впрочемъ, было бы неправильно придавать преувеличенное значеніе этому движенію, какъ неправильно было бы слишкомъ теоретически воспринимать панславизмъ, и при ближайшемъ знакомствѣ съ настроеніями мусульманской общественности трудно въ ней усмотрѣть черты, препятствующія мирному сожительству азіатскихъ и европейскихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи татары Азербейджана, быть можетъ, особенно характерны и въ своемъ національномъ развитіи таятъ зародыши чрезвычайно интереснаго и поучительнаго синтеза европейскихъ и восточныхъ вліяній. Къ сожалѣнію, репрессіи и стѣсненія русской бюрократіи не дали возможности достаточно полнаго развитія татарско-турецкой культуры въ предѣлахъ Закавказья, которая дѣлалась осью всего мусульманскаго движенія въ Россіи. Газета «Каспій», издаваемая на русскомъ языкѣ, была выраженіемъ идейной гегемоніи Азербейджана надъ всѣми мусульманами въ Россіи.

Въ общемъ итогѣ, обстановка народовъ Закавказья — грузинъ, армянъ и татаръ — настолько сложна, что высказывались даже серьезныя опасенія о возможности выдѣленія Закавказья въ видѣ автономной самоуправляющейся единицы. Такъ, еще въ 1914 году въ обстоятельной работѣ, подводящей итоги переписи 1897 года, Ишханянцъ указывалъ, что въ Закавказьѣ, противъ 24,13% грузинъ, 19,54% армянъ и 5,20% русскихъ, то-есть противъ 47% народностей европейской культуры стоитъ большинство народовъ культуры азіатской, не говоря уже о томъ, что культура курдовъ и турокъ сама по себѣ очень низка. Поэтому, — предостерегалъ Ишханянцъ, — народное представительство Закавказья можетъ явиться орудіемъ не прогресса, а ре-

гресса. Позволительно спорить съ голословнымъ приниженіемъ мусульманскаго населенія Закавказья... Но, дѣйствительно, пестрота системъ общественнаго сознанія отдѣльныхъ національныхъ группъ Закавказья заставляетъ пессимистически оцѣнивать возможность ихъ безмятежнаго сожительства въ настоящемъ.

6. *Война и революція.*

Начало войны было встрѣчено отдѣльными національными группами весьма различно. Татарское населеніе проявило молчаливый лойялизмъ. Грузины были захвачены волной подъема наравнѣ со всей Россіей. Армяне же сразу проявили стремленіе толкнуть Россію на активную политику въ турецкой Арменіи. 5 августа 1914 года, то-есть еще до объявленія войны Турціей, католикосъ всѣхъ армянъ обратился черезъ намѣстника Кавказа кн. Воронцова-Дашкова къ русской власти съ просьбой обратить вниманіе на армянскій вопросъ въ Турціи и воспользоваться историческимъ моментомъ для окончательнаго разрѣшенія его. При этомъ католикосъ указывалъ на необходимость слѣдующихъ мѣръ:

«Пока турецкая Арменія состоитъ въ предѣлахъ Турціи, то для окончательнаго разрѣшенія этого мучительнаго для всего армянскаго народа вопроса мое личное и всей армянской націи мнѣніе заключается въ слѣдующемъ: а) Образовать изъ армянскихъ провинцій въ Анатоліи одну нераздѣльную область. б) Во главѣ управленія этой областью должно быть поставлено лицо христіанскаго вѣроисповѣданія, независимо отъ Порты, съ высокимъ титуломъ или чиномъ и избранное Россіей, в) Ввести въ этой области внутреннее широкое самоуправленіе на выборныхъ началахъ, съ равнымъ числомъ представителей отъ христіанъ и мусульманъ. г) Для того, чтобы армянское населеніе вѣрило въ прочность и жизнеспособность новой организаціи и порядокъ управленія, право контроля надъ введеніемъ и осуществленіемъ всей реформы предоставить исключительно одной Россіи.»

Хотя въ посланіи указывалось, что введеніе этихъ реформъ возможно лишь по окончаніи войны, тѣмъ не менѣе, выражалось пожеланіе о предъявленіи турецкому правительству энергичныхъ требованій о принятіи мѣръ

къ охранѣ жизни и имущества армянъ и скорѣйшемъ проведеніи реформы, принятой на основѣ прежняго соглашенія съ Турціей.

Въ отвѣтѣ на письмо католикоса, Воронцовъ-Дашковъ сообщилъ, что предсѣдатель совѣта министровъ Горемыкинъ увѣрилъ, что русское правительство ни въ коемъ случаѣ не пойдетъ на уступки въ армянскомъ вопросѣ, поскольку рѣчь идетъ о введеніи въ армянскихъ провинціяхъ Турціи реформъ въ соотвѣтствіи съ русской программой и подъ исключительнымъ контролемъ Россіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, намѣстникъ предостерегалъ противъ вызывающаго дѣйствія по адресу Турціи или устройства армянскаго возстанія въ Турціи, такъ какъ гораздо выгоднѣе, чтобы Турція начала войну сама. Въ случаѣ войны армяне призывались къ исполненію своего долга и выполненію миссіи, которая будетъ возложена на нихъ.

Съ началомъ войны съ Турціей въ Тифлисѣ было организовано національное армянское бюро во главѣ съ тифлисскимъ городскимъ головой Хатисовымъ, еп. Месропомъ и предсѣдателемъ армянскаго центральнаго комитета Арутюновымъ. Бюро, помимо оказанія помощи бѣженцамъ и развитія широкой вспомогательной военной работы, начало также формированіе армянскихъ дружинъ (хумбы) подъ предводительствомъ извѣстныхъ армянскихъ четниковъ. Дружины эти, входя въ составъ русской арміи, должны были дѣйствовать по тѣмъ направленіямъ, гдѣ преобладало армянское населеніе. Во главѣ одной изъ такихъ «хумбъ» всталъ членъ турецкаго парламента, и, вообще, въ рядахъ дружинъ было много бѣженцевъ-армянъ изъ Турціи, которыми вскорѣ наполнилось все Закавказье, въ виду чрезвычайныхъ звѣрствъ и погромовъ въ турецкой Арменіи. Временныя неудачи кавказской арміи не ослабляли надеждъ армянъ, и вся нація вѣрила въ слова, сказанныя императоромъ при посѣщеніи Кавказа въ концѣ 1914 года:

«Армянъ ожидаетъ блестящая будущность».

Война открывала широкія перспективы за предѣлами Россіи. Революція вернула вниманіе къ внутреннему положенію въ краѣ. Съ первыхъ же дней народной власти Временнымъ Правительствомъ былъ созданъ особый Закавказскій Комитетъ, въ который вошло по 2 представителя отъ грузинъ, татаръ и армянъ. По иниціативѣ армянъ, въ Петербургѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было созвано совѣщаніе для обсужденія вопроса о новомъ административномъ передѣлѣ Кавказа. Армянами же былъ предложенъ тщательно и детально разработанный проектъ этого передѣла. Въ общихъ чертахъ проектъ сводился къ административному отдѣленію возвышенныхъ частей армянскаго плоскогорья отъ низменныхъ частей восточнаго Закавказья. Проектъ встрѣтилъ значительныя возраженія, главнымъ образомъ со стороны татарскихъ представителей. Въ возраженіяхъ указывалось, что въ Закавказьѣ ведется въ значительныхъ размѣрахъ кочевое скотоводство, которое связываетъ въ одно хозяйственное цѣлое низменности съ горными странами. Кромѣ того, оросительная система хозяйства восточнаго Закавказья нуждается въ регулировкѣ водныхъ силъ всего края, что опять таки объединяетъ горныя области съ долинами. Авторы же защищали проектъ указаніемъ, что общая краевая власть, стоящая надъ административнымъ дѣленіемъ губерніи, сумѣетъ урегулировать всѣ эти вопросы. Въ результатѣ проектъ былъ посланъ на заключеніе Закавказскаго Комитета.

7. Закавказская краевая власть.

Событія въ Россіи сняли съ очереди такіе мелкіе вопросы, какъ перекройка губерній, и поставили передъ народами Закавказья болѣе существенныя дѣла, чѣмъ регулированіе кочевого скотоводства или воднаго хозяйства.

Какъ извѣстно, ни до, ни послѣ революціи никому изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей Закавказья и въ голову

не приходило ставить вопросъ о выдѣленіи всего края или части его изъ Россіи. Миѳическій заграничный «Комитетъ освобожденія Грузіи» былъ неоднократно разоблаченъ, какъ совершенно неуклюжая иностранная интрига, не имѣющая никакихъ связей со страной и не получившая значенія даже въ то время, когда нѣмцы явились въ Грузію. Армяне, мечтая о «Великой» Арменіи, понимали, что безъ опоры на Россію этой цѣли нельзя достигнуть, и поэтому оріентація въ сторону неразрывности связей съ Россіей была органической для всего народа. Даже мусульманское движеніе, идейно выходившее изъ рамокъ Россіи, считалось съ тѣмъ, что въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія нельзя было придумать такой политической комбинаціи, которая въ близкомъ будущемъ могла бы разрушить существовавшія государственныя связи. Поэтому вся политическая линія поведенія мусульманъ отличается полной корректностью и лойяльностью по отношенію къ Россіи.

Однако, паденіе Временнаго Правительства и водвореніе въ центрѣ Россіи совѣта народныхъ комиссаровъ поставило всѣ эти вопросы въ новомъ свѣтѣ.

Прежде всего явилась необходимость наспѣхъ создать управленіе въ Закавказьѣ. 11 ноября 1917 года состоялось совѣщаніе делегатовъ всѣхъ краевыхъ революціонныхъ организацій, на которомъ присутствовали представители военной власти и союзниковъ. Вождь грузинской соціалъ-демократіи Джорданія выступилъ съ докладомъ о необходимости, для спасенія Закавказья отъ анархіи, организаціи краевой власти. Въ виду отсутствія общепризнанной власти въ центрѣ, краевая власть должна дѣйствовать вполнѣ автономно и довести страну до того времени, пока соберется Всероссійское Учредительное Собраніе. На основаніи рѣшеній собранія, былъ созданъ Закавказскій Комиссаріатъ, во главѣ съ Гегечкори, въ составѣ котораго были представители грузинъ, армянъ и татаръ. Въ первомъ своемъ обращеніи къ народамъ За-

кавказья Комиссаріатъ ясно подчеркнулъ необычность происходящихъ событій:

«Въ продолженіе свыше ста лѣтъ народы Закавказья, шедшіе рука объ руку съ Россіей и связавшіе свою судьбу съ ней, впервые въ переживаемый историческій моментъ оказались предоставленными самимъ себѣ, и имъ приходится своими собственными силами принимать мѣры къ предотвращенію надвигающейся экономической и общественной катастрофы.

И отъ того, сумѣетъ ли закавказская революціонная демократія отстоять отъ всякихъ посягательствъ завоеванія революціи и гарантировать краю самыя необходимыя основы революціоннаго порядка, оказывая въ то же время давленіе на Центральную Россію въ духѣ ликвидаціи гражданской войны въ рядахъ демократіи и созданія однородной революціонной, всѣми признанной, власти Россійской Республики, зависитъ судьба закавказскихъ народовъ и нормальное ихъ развитіе.

Для направленія жизни края по этому пути, въ результатѣ соглашенія всѣхъ соціалистическихъ партій и демократическихъ революціонныхъ организацій создана краевая власть. Власть эта сконструирована временно, лишь до созыва Всероссійскаго Учредительнаго Собранія. Если же, по обстоятельствамъ русской дѣйствительности, своевременный созывъ послѣдняго окажется невозможнымъ, то она сохраняетъ свои полномочія до съѣзда членовъ Учредительнаго Собранія отъ Закавказья и Кавказскаго фронта».

Положеніе краевой власти съ перваго момента ея существованія было поистинѣ трагичнымъ. Финансы и хлѣбъ Кавказъ получалъ изъ Россіи — теперь же притокъ ихъ остановился, и страна шла къ голоду и финансовому краху. Но главную опасность представлялъ фронтъ, который, подъ вліяніемъ событій, началъ разваливаться, и содержать который съ каждымъ часомъ становилось затруднительнѣе, тѣмъ болѣе, что большевистскіе агенты,

сорившіе деньгами, стали вести пропаганду, расшатывающую послѣдніе остатки организованности.

При такихъ условіяхъ трудно было говорить о продолженіи военныхъ дѣйствій. Поэтому, когда отъ турецкаго командованія поступило предложеніе перемирія, то оно было принято: 5 декабря перемиріе на кавказскомъ фронтѣ было заключено. Въ условіяхъ перемирія было оговорено, что ни одна сторона не имѣетъ права производить перегруппировки: условіе это, внесенное закавказской делегаціей, имѣло въ виду интересы англійской месопотамской арміи.

Но Турція дѣлала дальнѣйшіе шаги: 1 января отъ нея поступило предложеніе заключить миръ. На это былъ данъ отвѣтъ, что безъ полномочій со стороны россійскаго Учредительнаго Собранія Закавказье, составляющее часть Россійской Республики, вести переговоры не можетъ. Даже когда Учредительное Собраніе было разогнано большевиками, закавказская власть искала себѣ опоры въ прежней Россіи, пытаясь снестись съ другими небольшевистскими странами: Украиной и образовывающимся юго-западнымъ Союзомъ. И лишь когда, несмотря на неоднократные запросы, эти новыя, неустойчивыя политическія образованія не могли даже дать отвѣта, Закавказскій сеймъ[1]) рѣшилъ принять предложеніе Турціи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что армія разваливалась, и русскія войска уходили, оставляя лишь армянскіе отряды. Подъ предлогомъ армянскихъ звѣрствъ, чинимыхъ надъ мусульманскимъ населеніемъ, турецкія войска, нарушая перемиріе, стали уже продвигаться впередъ. Въ основу переговоровъ рѣшено было положить возстановленіе старой государственной границы и требованіе самоопредѣленія восточной Анатоліи, въ частности автономіи турецкой Арменіи въ рамкахъ турецкой государственности.

[1]) Закавказскій Сеймъ былъ составленъ изъ членовъ Учредительнаго собранія отъ Закавказья и тройного количества представителей партій, пропорціонально числу депутатовъ Учредительнаго Собранія, избранныхъ отъ каждой партіи.

Но тутъ надъ Закавказьемъ грянулъ громъ извѣстія о подписаніи Брестскаго мира, по которому большевики, дѣйствующіе отъ имени россійской власти, обязались отдать Турціи Ардаганъ, Карсъ и Батумъ. Закавказское правительство тотчасъ опубликовало протестъ противъ этого рѣшенія. Однако, турецкое военное командованіе, ссылаясь на прежнія заявленія закавказской власти о томъ, что Закавказье составляетъ часть Россіи, заявило объ обязательности выполненія условія и потребовало эвакуаціи территорій, уступленныхъ Турціи по Брестскому миру. При этихъ условіяхъ мирные переговоры, начавшіеся въ Трапезундѣ, были явно безплодными. Всѣ уступки не удовлетворяли турокъ, тѣмъ болѣе, что турецкія войска неустанно подвигались впередъ и дошли уже до Батума. Все очевиднѣй становилась дилемма: или уступить или попытаться организовать собственными силами вооруженное сопротивленіе.

Закавказскій Сеймъ всталъ на путь борьбы. Но уже въ принятіи этого рѣшенія сказалась непрочность закавказскаго объединенія: мусульманскія фракціи, какъ только выяснилось настроеніе большинства за отклоненіе турецкихъ требованій, вышли изъ состава правительства. На засѣданіи Сейма 31 марта, когда рѣчи армянъ и грузинъ дышали рѣшимостью вести борьбу, представитель мусульманъ Рустамбековъ заявилъ, что религіозныя убѣжденія не позволяютъ имъ активно принять участіе въ дѣйствіяхъ противъ Турціи, но что мусульмане окажутъ возможное содѣйствіе народамъ Закавказья, принимая мѣры къ благопріятной ликвидаціи войны.

Для того, чтобы понять въ полной мѣрѣ мотивы мусульманъ, надо имѣть въ виду слѣдующее. Армяно-мусульманскія отношенія были болѣе или менѣе урегулированы лишь при наличіи сильной и твердой русской власти на Кавказѣ. Достаточно было этой власти пасть, какъ, совершенно независимо отъ доброй или злой воли руководящихъ организацій, вспыхнула примитивная борьба,

тѣмъ болѣе страшная, что русская озлобленная и дезорганизованная армія катилась съ фронта, грабя и громя, главнымъ образомъ, мусульманское населеніе (по даннымъ мусульманъ, при этомъ было разрушено до тла около 200 мусульманскихъ селеній). Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, мусульманская масса не могла не видѣть въ побѣдѣ турокъ торжества своей религіи и культуры.

Несмотря на сложность внутреннихъ отношеній, Сеймъ все же принялъ резолюцію объ отозваніи Трапезундской делегаціи и издалъ обращеніе къ народамъ Закавказья, призывая ихъ къ борьбѣ. Было послано также отчаянное воззваніе къ демократіи Россіи. Въ отвѣтъ на послѣднее, предсѣдатель брестской делегаціи сообщилъ, что въ случаѣ, если закавказская власть признаетъ совѣтъ народныхъ комиссаровъ, послѣднимъ будетъ посланъ германскому правительству протестъ противъ дѣйствія турокъ... Организація силъ самого Закавказья не давала результатовъ. Закавказская армія въ безпорядкѣ отступала, и турецкія войска безъ труда продвигались впередъ. Необходимость положить конецъ безнадежному сопротивленію становилась все яснѣе.

Во время предыдущей стадіи переговоровъ стало ясно, что стремленія закавказскаго правительства подчеркивать свою связь съ Россіей ничего реальнаго не даетъ и является лишь формальнымъ поводомъ для турокъ требовать точнаго выполненія Брестскаго мира. Поэтому 9 апрѣля Сеймомъ было принято рѣшеніе объявить Закавказье независимой федеративной республикой. Гегечкори ушелъ въ отставку, а на мѣсто него во главѣ правительства всталъ Чхенкели.

Первымъ актомъ новаго правительства было предложеніе Турціи возобновить мирные переговоры на основѣ принятія Брестъ-Литовскихъ условій.

8. *Распадъ Закавказья.*

Мирные переговоры начались въ Батумѣ. Но они еще не были закончены, какъ закавказское единство уже перестало существовать. Еще до установленія перемирія турки заняли Карсъ и всѣ районы, отходящіе къ нимъ по Брестскому миру. Однако, и послѣ заключенія перемирія и начала переговоровъ агрессивность турокъ не прекратилась, и, подъ видомъ необходимости обезпечить проходъ войскъ, они стали занимать желѣзныя дороги, оккупируя, въ сущности, всю Арменію. Въ значительной степени этому помогало мѣстное мусульманское населеніе, которое само звало турокъ въ незанятыя мѣстности. Даже въ мусульманскихъ районахъ Тифлисской губерніи стало проявляться волненіе, и въ руки грузинъ попало заявленіе мусульманскихъ делегатовъ Ахалкалакскаго и Ахалцыхскаго уѣздовъ съ просьбой присоединить ихъ къ Турціи... Такимъ образомъ опредѣлилось, что армянская часть Закавказья отпадала вслѣдствіе оккупаціи внѣшней силой, другая часть — мусульманская — скорѣе благопріятствовала противнику, чѣмъ сопротивлялась ему, и только одна Грузія могла и хотѣла продолжать борьбу. Поэтому, 26 мая, послѣ рѣчи Церетелли въ закавказскомъ Сеймѣ, былъ признанъ фактъ распаденія Закавказья, и въ тотъ же день въ Тифлисѣ была объявлена независимость грузинской республики, которая начала самостоятельные переговоры съ Турціей.

Такъ какъ и это не остановило наступленія турокъ, и передъ Грузіей вставала угроза пасть жертвой курдскихъ шаекъ и аскеровъ, то грузинское правительство обратилось за помощью къ единственной силѣ, могущей сдержать турокъ — къ Германіи. Просьба была удовлетворена въ видѣ оккупаціи Грузіи германскими войсками, благодаря чему страна спаслась отъ турецкаго нашествія.

Несравненно тяжелѣе оказалось положеніе Арменіи.

Когда, послѣ распада закавказской власти, армянское правительство водворилось въ Эривани, оно имѣло только номинальную власть. Бо́льшая часть страны была занята турецкой арміей, которая держала наготовѣ скорострѣльныя орудія въ 7 верстахъ отъ столицы Арменіи. Кромѣ того, грозила опасность съ востока, такъ какъ въ Азербейджанѣ хозяйничали татары и турки, а въ Баку водворилась большевистская власть. Внутри же Арменіи царила анархія и страшная нужда. Стянувшіеся со всѣхъ сторонъ бѣженцы не находили ни пищи ни крова. Даже населеніе деревень, пострадавшихъ отъ налетовъ и грабежей, вынуждено было во многихъ мѣстахъ употреблять въ пищу послѣднія сѣмена и рабочій скотъ. Извнѣ помощи ожидать было нельзя, потому что эриванское правительство было совершенно изолировано и отрѣзано отъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ.

Но наиболѣе кровавыя событія разыгрывались въ Азербейджанѣ. Съ начала марта городъ Баку, наполненный бѣженцами съ фронта, оказался въ рукахъ большевиковъ, которыхъ, въ силу необходимости, поддерживали попавшія въ Баку армянскія части. Согласно армянской версіи, мусульманское населеніе, ожидавшее скорой помощи отъ турокъ, устроило 18 марта, при помощи такъ называемой «дикой дивизіи», попытку совершить переворотъ для сверженія совѣтской власти. Попытка оказалась неудачной и окончилась всеобщимъ погромомъ мусульманскаго населенія, въ которомъ, согласно татарскимъ даннымъ, погибло до 12.000 мусульманъ. О роли въ этомъ погромѣ армянскихъ частей имѣются различныя показанія: по однимъ источникамъ, армяне участвовали въ погромѣ, по другимъ, наоборотъ, сами укрывали татаръ и спасли жизнь многихъ лицъ. Однако, большинство мусульманскаго населенія затаило ненависть именно противъ армянъ.

Послѣ распаденія Закавказья, въ Елисаветполѣ, или, по-турецки, въ Ганджѣ, было образовано правительство

Азербейджана, во главѣ съ Ханъ-Хойскимъ. Въ виду того, что большевики, а также находившіеся тамъ отряды армянъ (въ томъ числѣ отрядъ Андраника), начали наступленіе на ту часть страны, которая находилась во власти елисаветпольскаго правительства, то послѣднее обратилось за помощью къ туркамъ и, получивъ подкрѣпленіе, не только отразило нападеніе, но даже само перешло въ наступленіе противъ Баку.

Первое наступленіе было неудачно. При приближеніи татарско-турецкихъ отрядовъ къ городу большевики добровольно сложили власть и передали ее умѣреннымъ партіямъ, главную роль среди которыхъ игралъ армянскій «дашнакцутюнъ» съ Шаумяномъ во главѣ. Въ упорныхъ августовскихъ бояхъ новой власти удалось отстоять Баку. Но 14 сентября, съ подходомъ къ мусульманамъ новыхъ силъ, оборона была сломлена, и въ городъ ворвались отряды турокъ и татаръ, совершившіе невообразимую рѣзню армянскаго населенія, при которой погибло, по армянскимъ даннымъ, до 25.000 мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Погромъ былъ остановленъ только съ приходомъ новыхъ частей регулярныхъ турецкихъ войскъ, первымъ актомъ которыхъ былъ разстрѣлъ 50-ти погромщиковъ-мусульманъ.

9. Послѣднія событія.

Независимая Грузія.

Не успокоилась политическая жизнь Кавказа и послѣ эвакуаціи турецкихъ и германскихъ войскъ.

На положеніи Грузіи пораженіе Германіи и появленіе на Кавказѣ союзниковъ отразилось вначалѣ скорѣе отрицательно. Уже во время господства нѣмцевъ обнаружились значительныя тренія съ добровольческой арміей изъ-за Сочи. Несмотря на то, что въ Сочи имѣлось всего 21% грузинъ, тифлисское правительство по стратегическимъ соображеніямъ, основываясь на рѣшеніи нѣкото-

рыхъ общественныхъ организацій Сочи, заняло городъ. Переговоры съ добровольцами, настаивавшими на очищеніи города, не дали результата. Теперь, послѣ ухода нѣмцевъ и занятія Грузіи, противъ воли ея правительства, англійскими войсками, благопріятствовавшими добровольцамъ, положеніе грузинскаго правительства стало крайне труднымъ, тѣмъ болѣе, что англійскія власти заставили выдать значительную часть оружія, оставшагося въ Грузіи послѣ демобилизаціи русской Кавказской арміи. Тифлисское правительство попробовало искать опоры въ сплоченіи всѣхъ народовъ Закавказья и въ теченіе всего октября и ноября мѣсяца 1918 года дѣлало попытки созыва закавказской конференціи, приглашая въ Тифлисъ представителей Арменіи, Азербейджана и Союза горскихъ народовъ сѣвернаго Кавказа. Но попытки оказались тщетными, и, вмѣсто единенія, загорѣлась война между Грузіей и Арменіей.

При турецкой оккупаціи не могло возникнуть армяно-грузинскаго территоріальнаго спора просто потому, что Арменія была въ слишкомъ безпомощномъ положеніи и ея власть съ трудомъ удерживалась въ Эривани. Но при эвакуаціи турокъ вопросъ о размежеваніи всталъ во всей остротѣ. Главный споръ возникъ изъ-за этнографически армянскихъ районовъ въ предѣлахъ Ахалкалакскаго и Борчалинскаго уѣздовъ Тифлисской губерніи. Согласно переписи 1897 года, въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ изъ общаго количества 73.000 жителей было 53.000 армянъ; кромѣ того, армяне населяютъ небольшой примыкающій районъ Горійскаго уѣзда, такъ называемую Цалку, и всю южную часть Борчалинскаго уѣзда (мѣстность Лори). На требованія армянъ о присоединеніи къ Арменіи этихъ территорій грузины отвѣчали историческими соображеніями, что Тифлисская губернія всегда входила въ составъ Грузіи, и что при объявленіи грузинской независимости было указано, что территорія новой республики распространяется на всю Тифлисскую губернію, противъ чего

никто не выставилъ никакихъ возраженій. Эти соображенія, конечно, не могли убѣдить армянъ, которые послѣ побѣды союзниковъ были полны самыхъ широкихъ плановъ и надеждъ. Безъ всякаго предупрежденія въ спорные районы были двинуты армянскіе отряды, и въ серединѣ декабря началась открытая война между сосѣдними народами, въ теченіе 2.000 лѣтъ, какъ утверждаютъ историки, жившими доселѣ въ мирѣ и согласіи. Лишь вмѣшательство союзниковъ остановило военныя дѣйствія: междусоюзническая комиссія установила нейтральную зону между обѣими сторонами, которая должна была охраняться англійскими пикетами. Борчалинскій уѣздъ раздѣлили на двѣ части, Ахалкалакскій оставили въ рукахъ грузинъ подъ наблюденіемъ смѣшанной комиссіи изъ союзниковъ и представителей мѣстныхъ армянъ и мусульманъ. Весь же вопросъ для окончательнаго разрѣшенія былъ переданъ великимъ державамъ.

Послѣ этой войны Грузія перешла къ мирной организаціонной работѣ. 12 марта 1919 года, въ годовщину русской революціи, въ Грузіи собрался Учредительный Сеймъ, избранный на основѣ всеобщаго демократическаго избирательнаго права. Въ выборахъ участвовало 52% избирателей (сказался бойкотъ армянъ и русскихъ) и 72% сельскихъ жителей. Изъ 130 мѣстъ въ Собраніи 103 принадлежитъ грузинской соціалъ-демократіи. Во главѣ правительства сталъ Джорданія. Наряду съ демократическими органами мѣстнаго самоуправленія, въ Грузіи сохранили значеніе совѣты рабочихъ, какъ органы воли и дѣйствія трудовыхъ массъ. И въ этомъ отношеніи Грузія представляетъ чрезвычайно интересный примѣръ новаго демократическаго типа организаціи государства. Аграрная реформа разрѣшена въ видѣ передачи земель крестьянамъ въ частную собственность. Въ маѣ 1920 года Грузія заключила миръ съ совѣтскимъ правительствомъ, признавшимъ ея суверенитетъ.

Наряду съ политической организаціей совершалась

крупная культурная работа: создавались школы, гимназіи, грузинскій университетъ, страна покрывалась сѣтью библіотекъ и пр. Работа затруднялась недостаткомъ интеллигентныхъ силъ и слабымъ развитіемъ грузинской культуры: для школъ приходилось создавать наново учебники на грузинскомъ языкѣ, для библіотекъ не находилось достаточнаго количества книгъ.

Вся эта громадная политическая и организаціонная работа выполнена подъ руководствомъ соціалъ-демократіи, стоящей на меньшевистской платформѣ. Въ наличіи такой сплоченной и сильной партіи, конечно, сила Грузіи. Но тутъ же можетъ таиться ея слабость. Соображенія, которыя мы привели выше въ объясненіе, какимъ образомъ въ аграрной странѣ гегемономъ явилась соціалъ-демократія, менѣе всего могутъ объяснить, какимъ образомъ именно меньшевизмъ долженъ былъ восторжествовать въ ней. Къ тому же, идейная позиція грузинскихъ соціалъ-демократовъ оказалась въ послѣднее время крайне искусственной и внутренне-противорѣчивой. Партія, традиціонно гордившаяся своимъ космополитизмомъ и всегда проповѣдывавшая неразрывность связи грузинской и русской демократіи, вынуждена нынѣ усиленно подчеркивать грузинскую самобытность и играть на націоналистическихъ мотивахъ, отгораживаясь отъ большевистской Россіи... И, во всякомъ случаѣ, задача строить независимую Грузію внѣ оріентаціи на Россію, при помощи иностранцевъ, являющихся не въ видѣ учителей политической и соціальной мудрости, а въ видѣ военныхъ, атташе, коммерсантовъ, капиталистовъ и людей наживы — эта задача плохо согласуется съ тѣми идеалами, которые партія проповѣдывала грузинскому народу въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ.

Арменія.

Еще менѣе стройно развивается организаціонная работа въ Арменіи. Не добившись вполнѣ своихъ цѣлей на

сѣверѣ, армяне устремляютъ взоры на югъ и на западъ, такъ какъ нынѣ наступилъ самый благопріятный моментъ для осуществленія политическаго плана Великой Арменіи. Согласно договора союзниковъ съ Турціей, въ турецкой Арменіи должно быть установлено управленіе подъ контролемъ союзниковъ. Но исторія повторяется: несогласія союзниковъ между собой и отказъ Соединенныхъ Штатовъ отъ мандата по управленію въ турецкой Арменіи оставляетъ вопросъ недорѣшеннымъ и на этотъ разъ, открывая просторъ для самочинныхъ дѣйствій армянскихъ организацій. Наряду съ созданіемъ власти, въ русской Арменіи шла подготовка присоединенія Арменіи турецкой. Въ февралѣ 1919 года въ Эривани собрался 2-ой конгрессъ турецкихъ армянъ, который торжественно объявилъ, что онъ признаетъ объединенную и независимую Арменію. 28 мая 1919 года армянское правительство, со своей стороны, объявило независимость объединенной Арменіи, которая должна обнять какъ русскія, такъ и турецкія части. Въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ меморіалъ армянской делегаціи при мирной конференціи въ Парижѣ.

Такимъ образомъ, впервые практически былъ поставленъ на очередь вопросъ о Великой Арменіи. Географически Великая Арменія, по заявленіямъ и требованіямъ армянъ, должна была занимать слѣдующія области:

1. Въ Россіи — вся Эриванская губернія, юго-восточная часть Елисаветпольской, южная часть Тифлисской, почти вся Карская область. 2. Въ Турціи — армяне до войны добивались шести вилайетовъ (Ванскій, Битлисскій, Діарбекирскій, Харпутскій, Сивашскій, Эрзерумскій), за исключеніемъ нѣкоторыхъ санджаковъ, населенныхъ только мусульманами. Къ нимъ добавлялись еще четыре санджака Киликіи, съ городами Адана и Александреттой, дающими выходъ къ Средиземному морю. Но въ февралѣ 1914 года султаномъ былъ опубликованъ законъ о реформахъ въ Арменіи. Законъ этотъ былъ раз-

считанъ такимъ образомъ, чтобы въ реформируемыхъ областяхъ дать преобладаніе мусульманскому населенію; съ этимъ расчетомъ къ шести вилайетамъ, требуемымъ армянами, былъ присоединенъ для увеличенія мусульманскаго населенія и по географическимъ удобствамъ еще вилайетъ Трапезундскій. Съ тѣхъ поръ и армяне сами традиціонно говорятъ уже не о шести, а о семи вилайетахъ, указывая, что Эрзерумскій вилайетъ необходимъ имъ въ качествѣ выхода къ Черному морю.

О количествѣ населенія въ этихъ областяхъ и о національномъ распредѣленіи его трудно говорить что-либо опредѣленное. Согласно турецкимъ даннымъ, относящимся къ первой эпохѣ возникновенія армянскаго вопроса — къ 1880 году — во всѣхъ девяти вилайетахъ (семь упомянутыхъ съ присоединеніемъ Адана и Алепо) было:

Мусульманъ	3.619.625
Армянъ	726.750
Остальныхъ христіанъ	283.000

Рядъ европейскихъ изслѣдователей, исходя изъ этихъ цифръ, устанавливалъ для послѣдняго времени въ тѣхъ же вилайетахъ число мусульманъ въ 4,5 милліона. Что же касается количества армянъ, то показанія отдѣльныхъ изслѣдователей весьма противорѣчивы — число армянъ колеблется по разнымъ источникамъ отъ 840 до 1.130 тысячъ при 600 т. остальныхъ христіанъ. Точно такъ же русскій изслѣдователь г. Маевскій («Военно-статистическое описаніе Ванскаго и Битлисскаго вилайетовъ») даетъ весьма пессимистическія для армянъ данныя, согласно которымъ даже въ наиболѣе армянскихъ вилайетахъ — Ванскомъ и Битлисскомъ — армяне составляютъ меньшинство: въ Ванскомъ вилайетѣ всего 26% населенія при 46% курдовъ, а въ Битлисскомъ — 39% противъ 56% курдовъ, при чемъ армяне не составляютъ большинства ни въ одномъ санджакѣ! Нынѣ, послѣ великихъ потрясеній войны, безконечныхъ выселеній, бѣженства и

пр., соотношеніе едва ли измѣнилось въ пользу армянъ. И, такимъ образомъ, терминъ «Турецкая Арменія», повидимому, болѣе имѣетъ историческій и географическій характеръ, чѣмъ служитъ указаніемъ на національную принадлежность населенія.

Въ отвѣтъ на эти цифры, въ корнѣ мѣняющія весь смыслъ положенія армянскаго вопроса въ Турціи, приводящія въ отчаяніе европейскихъ изслѣдователей и дипломатовъ и заставляющія ихъ подчасъ признать армянскій вопросъ неразрѣшимымъ, армяне выдвигаютъ двоякаго рода соображенія. Прежде всего, они оспариваютъ правильность, точность и добросовѣстность турецкихъ данныхъ. Во многихъ случаяхъ оказывалось, что въ одномъ городѣ въ томъ или иномъ санджакѣ живетъ болѣе армянъ, чѣмъ турецкія данныя насчитываютъ для всего санджака. Поэтому армяне считаютъ болѣе правильными данныя, имѣющіяся въ распоряженіи армянскаго католикоса, которыя ни болѣе ни менѣе, какъ удваиваютъ число армянъ. Въ результатѣ для территоріи турецкой Арменіи (не совпадающей точно съ административнымъ дѣленіемъ, см. карту) устанавливаются слѣдующія цифры (въ тысячахъ):

Армянъ	1.403	
Грековъ	282	
Другихъ христіанъ	165	
Всего христіанъ		1.850
Турокъ	943	
Курдовъ	482	
Лазовъ, черкесъ, персовъ, арабовъ	210	
Всего мусульманъ		1.635
Остальныхъ		303
Итого		3.788

Кромѣ того, по мнѣнію армянъ, надо разсчитывать, что въ случаѣ созданія свободной Арменіи многіе армяне изъ остальныхъ частей Турціи потянутся въ свою родную страну, и такихъ реэмигрантовъ можетъ оказаться сотни тысячъ.

Эти статистическія соображенія армяне дополняютъ еще указаніями на то, что армянскій элементъ является единственно способнымъ воспринять западную культуру и построить правовую государственность. Кромѣ того, о значеніи населенія нельзя судить исключительно по численности его, но и по экономической и хозяйственной роли. А тутъ значительная часть земледѣлія, почти вся торговля и промышленность находятся въ рукахъ армянъ. Даже въ наименѣе армянскомъ, Сивашскомъ, вилайетѣ изъ 166 оптовыхъ торговцевъ 144 армяне; изъ 150 торговцевъ, ведущихъ экспортную торговлю, 127 армяне, изъ 37 банкировъ 32 армяне, изъ 9.800 торговцевъ и ремесленниковъ 6.800 армяне, изъ 153 фабрикъ 130 принадлежатъ армянамъ, при чемъ техническій персоналъ фабрикъ состоитъ почти исключительно изъ армянъ. Въ Ванскомъ вилайетѣ 98% торговли и 80% земледѣлія находится въ рукахъ армянъ. Въ шести вилайетахъ турецкой Арменіи и Киликіи имѣлось до войны 585 армянскихъ школъ съ 52.000 воспитанниковъ, въ то время какъ турецкихъ школъ было всего 150 съ приблизительно 17.000 воспитанниковъ.

Въ виду всего этого, армяне требовали выдѣленія указанныхъ областей въ независимую и самостоятельную Арменію. Вслѣдствіе трудностей переходнаго времени, они просили, чтобы одна изъ великихъ державъ приняла на извѣстный срокъ (не болѣе 20-ти лѣтъ) мандатъ управленія Арменіей. Къ этой державѣ армянская делегація въ Парижѣ уже заранѣе обратилась съ опредѣленными требованіями, между которыми были и слѣдующія:

а) Заставить турецкія и татарскія власти, которыя еще находятся на территоріи Арменіи, эвакуироваться.

б) Предпринять всеобщее разоруженіе населенія.

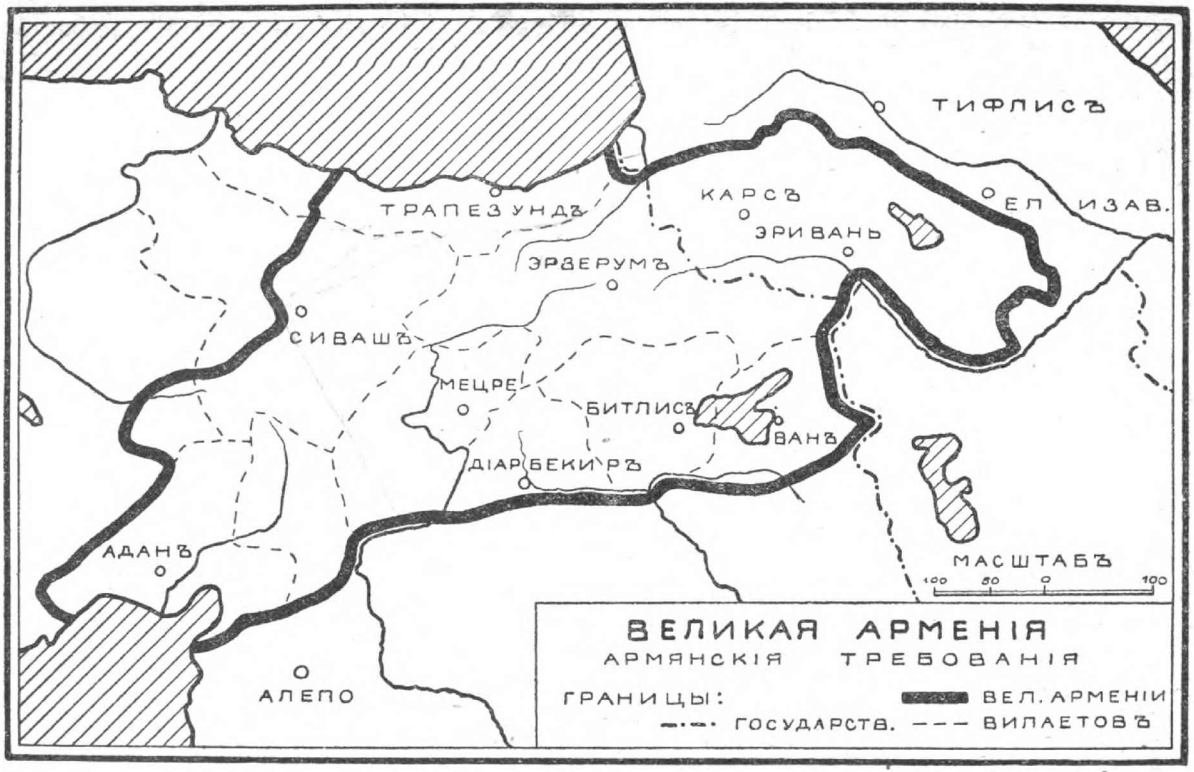
в) Изгнать и наказать тѣхъ, кто принималъ участіе въ погромахъ, совершалъ насилія надъ населеніемъ, принималъ участіе въ грабежахъ или воспользовался имуществомъ жертвъ.

г) Изгнать изъ страны безпокойный элементъ и кочевыя племена.

д) Выслать мухаджаровъ (колонистовъ-мусульманъ), вселенныхъ въ турецкую Арменію при Абдулъ-Гамидѣ и младо-туркахъ.

Эти мѣры, стремящіяся не только къ исправленію, но и къ возмездію за все совершенное турками въ теченіе послѣднихъ сорока лѣтъ, представляются, быть можетъ, справедливыми съ исторической точки зрѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что только въ порядкѣ новой длительной гражданской войны, путемъ новаго погрома уже надъ мусульманами можно провести эту рѣшительную программу, которая, въ сущности, обрекаетъ почти всѣхъ мусульманъ на изгнаніе изъ страны. Такимъ образомъ, идея независимой Арменіи съ самаго начала оказалась неразрывно связанной съ борьбой, которая для армянъ имѣла бы, однако, кое-какіе шансы на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы эта программа могла быть выполнена одной изъ великихъ державъ.

Какъ извѣстно, ни одна изъ великихъ державъ не приняла на себя мандата. И этому нельзя удивляться. Всѣ великія державы слишкомъ заняты и слишкомъ отдалены, чтобы имѣть возможность принять на себя отвѣтственность за управленіе такой сложной и громадной страной, какъ Арменія: лишь Россія могла бы это сдѣлать... Съ другой стороны, всякая культурная держава вынуждена была бы идти по пути, прямо противоположному тому, который указывался армянами. Не политика мести, а политика примиренія и соглашенія можетъ рѣшить турецко-армянскій вопросъ. Никакая культурная держава не имѣетъ въ своемъ распоряженіи пріемлемыхъ средствъ для искорененія цѣлыхъ группъ населенія — для этого нужна была бы рѣшимость бороться съ мусульманами турецкой Арменіи тѣми же «турецкими» средствами, которыя справедливо вызывали всеобщее негодованіе во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Поэтому надо признать,

ТИФЛИСЪ
КАРСЪ
ЕЛИЗАВ.
ЭРИВАНЬ
ТРАПЕЗУНДЪ
ЭРЗЕРУМЪ
СИВАШЪ
МЕЦРЕ
БИТЛИСЪ
ВАНЪ
ДІАРБЕКИРЪ
АДАНЪ
АЛЕПО
МАСШТАБЪ
100 50 0 100
ВЕЛИКАЯ АРМЕНІЯ
АРМЯНСКІЯ ТРЕБОВАНІЯ
ГРАНИЦЫ:
ВЕЛ. АРМЕНІИ
ГОСУДАРСТВ.
ВИЛАЕТОВЪ

что Арменія, какъ ее ни опредѣлять географически, какъ ни организовывать политически, будетъ всегда страной съ равнымъ или даже преобладающимъ мусульманскимъ населеніемъ. Только соглашеніе съ нимъ армянскаго населенія можетъ обезпечить миръ этой несчастной странѣ. И какъ разъ настоящій моментъ, когда турецкая политическая система разбита, наиболѣе выгоденъ для попытокъ достичь этого соглашенія.

Но жизнь, надо сознаться, идетъ не въ эту сторону. Населеніе турецкой Арменіи, предоставленное самому себѣ, продолжаетъ ожесточенную внутреннюю борьбу, приводящую страну въ состояніе невообразимой анархіи, преходящей стадіей которой для настоящаго времени является господство большевиковъ въ русской Арменіи и турецкихъ націоналистовъ въ Арменіи турецкой. Вся громадная созидающая и организаторская работа при созданіи армянской государственности, выполненная армянской общественностью при невообразимо трудныхъ условіяхъ, оказалась для настоящаго времени безпочвенной, въ виду бушующей войны всѣхъ противъ всѣхъ, превращающей страну въ пустыню: говорятъ, въ турецкой Арменіи погибло въ послѣдніе годы около милліона армянъ и 800.000 курдовъ!

Республика Азербейджанъ.

Тотъ же конецъ встрѣтилъ главнаго соперника Арменіи въ Закавказьѣ — республику Азербейджанъ. Послѣ занятія Баку въ сентябрѣ 1918 года азербейджанское правительство пыталось, сперва при помощи турокъ, потомъ при помощи англичанъ, а впослѣдствіи самостоятельно, организовать свою государственность. И ему удалось многаго достигнуть и создать впервые въ исторіи европейски-демократическую мусульманскую государственность. Было созвано Азербейджанское законодательное собраніе, избранное на основѣ всеобщаго избирательнаго права, при чемъ правомъ голоса пользовались и женщи-

ны. Въ составъ правительства (сперва Ханъ-Койскаго, потомъ Усуббекова) были введены представители русскаго и армянскаго населенія. Однако, азербейджанское правительство оказалось слишкомъ слабымъ для надвигающейся большевистской опасности, и послѣ разгрома Деникина большевики заняли Баку.

Но, не имѣя опоры въ мѣстномъ населеніи для того, чтобы установить дѣйствительное подобіе московскихъ порядковъ, совѣтскія власти рѣшили найти въ мусульманахъ Закавказья опору для своей борьбы съ Англіей, какъ они это сдѣлали уже въ Туркестанѣ. Въ Баку былъ созванъ конгрессъ восточныхъ народовъ, и, играя на наиболѣе темныхъ, невѣжественныхъ и отсталыхъ элементахъ мусульманскаго населенія, большевики стали превращать Азербейджанъ въ базу мусульманскаго объединеннаго движенія. Трудно сказать, какая роль выпадетъ ему въ борьбѣ съ англійскимъ владычествомъ, но для армянъ, являющихся первымъ объектомъ мусульманско-большевистскаго фанатизма, это новое явленіе грозитъ громадной опасностью, во всякомъ случаѣ можетъ до крайности затруднить и такъ уже не простой вопросъ о размежеваніи Арменіи съ сосѣдями. Болѣе того, можно опасаться и за судьбу спокойной и миролюбивой Грузіи, которой тоже не легко будетъ остаться въ сторонѣ отъ ожесточенныхъ распрей сосѣднихъ народовъ, тѣмъ болѣе, что татаро-грузинская граница тоже не вполнѣ безспорна.

10. Выводы и перспективы.

Подводя итогъ главѣ, едва ли будетъ правильно обольщать себя слишкомъ оптимистическими предсказаніями относительно ближайшихъ судебъ народовъ Кавказа. Безъ содѣйствія внѣшней регулирующей силы, едва ли можетъ быть замирена его жизнь: мы вѣдь видѣли, что даже конфликтъ между двумя наиболѣе культурными христіанскими, въ теченіе 2.000 лѣтъ жившими въ мирѣ

народами, привелъ къ войнѣ, для прекращенія которой понадобилось вмѣшательство внѣшней силы. Но судьба англичанъ въ Баку и исторія съ мандатомъ въ Арменіи показываютъ, что союзникамъ едва ли подъ силу длительно играть руководящую роль на Кавказѣ. Поэтому мысль невольно возвращается къ Россіи. Федеративная демократическая власть въ Россіи — вотъ единственный регулирующій принципъ, который можетъ поставить конецъ анархіи Закавказья. Характерно: даже теперь вопросъ о размежеваніи Грузіи и Азербейджана былъ переданъ смѣшанной комиссіи изъ равнаго числа татаръ и грузинъ, подъ предсѣдательствомъ представителя русской власти! И несомнѣнно, что демократическая власть въ Россіи возстановитъ нарушенныя анархіей связи съ закавказскими народами, устанавливая въ то же время миръ въ отношеніяхъ ихъ между собой. Но скоро ли придетъ эта власть? Нельзя ли ускорить часъ ея прихода? И тутъ невольно вспоминаются слова первой декларації закавказской краевой власти о томъ, что сама закавказская демократія должна вліять на ликвидацію гражданской войны въ центрѣ Россіи и созданіе однородной, революціонной и всѣми признанной власти Россійской Республики. Ибо, когда мы говоримъ о русской регулирующей и замиряющей силѣ, то мы ее не противополагаемъ, какъ нѣчто внѣшнее кавказскимъ народамъ, а видимъ въ ней созидающій и творящій принципъ, свободный договоръ, въ созданіи котораго Закавказье въ цѣломъ и каждый его народъ въ отдѣльности долженъ быть не только подчиняющимся объектомъ, но и равноправнымъ и полноправнымъ судьей и законодателемъ.

Глава была уже сверстана, когда пришли извѣстія о паденіи грузинскаго правительства. Въ виду сложности политической обстановки Закавказья, надо признать, что трехлѣтнее существованіе демократической грузинской власти является доказательствомъ высокаго политическаго искусства вождей грузинскаго народа. Результаты ихъ усилій, конечно, не пропадутъ, какія бы испытанія ни уготовили Грузіи ближайшіе дни.

ФИНЛЯНДІЯ

1. Территорія и населеніе. 2. Историческія судьбы Финляндіи. 3. Національный вопросъ. 4. Конституціонный вопросъ. 5. Соціальный вопросъ. 6. Революція 1917 года. 7. Независимая Финляндія. 8. Аландскій вопросъ. 9. Карельскій вопросъ.

1. Территорія и населеніе.

Финны вмѣстѣ съ эстами составляютъ, послѣ Мадьяръ, самый крупный этническій островъ, оставшійся отъ нѣкогда значительно бо́льшей массы финскаго племени, нынѣ затопленнаго славянской стихіей. Количественный удѣльный вѣсъ финновъ въ средѣ всѣхъ финно-угорскихъ народовъ таковъ:

Финны	3.333	
Восточные карелы	250	
Эсты	1.200	
Мелкія племена	37	
Всего въ Прибалтійской группѣ		4.820
Лапландцы	30	
Черемисы	370	
Мордва	1.250	
Всего въ Волжской группѣ		1.650
Зыряне	200	
Пермяки	100	
Вотяки	440	
Всего въ Пермской группѣ		740
Остяки	20	
Вогулы	8	
Мадьяры или венгерцы	10.000	
Всего въ Венгерской группѣ		10.028
Итого		17.238

Изъ общаго количества финновъ въ самой Финляндіи находится 2.900 т., въ остальной Россіи — 150 т., въ

Швеціи — 25 т., въ Норвегіи — 8 т., въ Америкѣ — 250 т.

Финляндія по своимъ размѣрамъ является весьма обширной страной: поверхность ея равняется 377.426 кв. кил., изъ коихъ 42.286 кв. кил. относится къ внутреннимъ воднымъ пространствамъ, отчего страна иногда называется «страной тысячи озеръ».

Населена Финляндія весьма слабо — всего 9,9 жителей на кв. километръ. Къ исходу 1910 года населеніе Финляндіи распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Родной языкъ	Въ городахъ	Въ селеніяхъ	Всего
Финскій	314.884	2.256.261	2.571.145
Шведскій	107.955	231.006	338.961
Русскій	2.323	5.016	7.339
Нѣмецкій	1.587	207	1.794
Прочіе	162	1.796	1.978
Всего	426.911	2.494.286	2.921.217

Къ 1917 году общее количество населенія Финляндіи опредѣлялось въ 3.346.853 ч. Слѣдуетъ отмѣтить, что, въ виду процесса возрожденія финской народности, число говорящихъ на шведскомъ языкѣ падаетъ (съ 14,3% въ 1880 г. до 11,6% въ 1910 г.), а число говорящихъ по-фински растетъ (съ 85,3% до 88% въ тѣ же годы).

По религіи, населеніе Финляндіи весьма однородно, ибо 98% составляютъ лютеране. По роду занятій, населеніе группируется слѣдующимъ образомъ:

Занятіе или профессія	Процентъ отъ всего населенія
Земледѣліе и связанные съ нимъ промыслы	66,3
Промышленность	12,2
Пути сообщенія	2,9
Торговля	2,2
Общественная дѣятельность и свободныя профессіи	2,6
Перемѣнный наемный трудъ	6,0
Пенсіонеры и рантье	2,4
Остальныя	5,4

2. *Историческія судьбы Финляндіи.*

Финское племя появилось въ нынѣшней Финляндіи сравнительно поздно, между 400 и 700 годами послѣ

Р. Х., какъ сѣверное отраженіе великаго переселенія народовъ: самые ранніе слѣды его относятся къ 600 годамъ послѣ Р. Х. Придя въ занимаемую нынѣ страну, финны разселились совмѣстно съ племенами тавастовъ, пришедшихъ черезъ море изъ нынѣшней Эстоніи и съ острова Эзеля, карелами и лапландцами, занимавшими земли въ центрѣ страны. На побережьи Ботническаго залива въ то время уже жили шведскія племена, съ которыми финны слились мирнымъ путемъ.

Съ конца X вѣка начались походы сосѣдей на Финляндію — сперва шведовъ, потомъ датчанъ, вначалѣ съ чисто завоевательными цѣлями, въ дальнѣйшемъ — подъ покровомъ задачи распространенія христіанства среди язычниковъ. Но христіанство укрѣпилось только въ побережной части Финляндіи, въ районѣ около древней столицы Финляндіи Або. Въ глубинѣ же страны по-прежнему жили языческія племена, дѣлающія набѣги какъ на чужеземныя поселенія въ самой Финляндіи, такъ даже на берега Скандинавіи. Въ 1209 году папа Инокентій III жалуется на угрозу христіанству въ Финляндіи и даетъ право назначить туда епископа. Первымъ епископомъ явился Ѳома, англичанинъ по происхожденію, энергично работавшій надъ укрѣпленіемъ положенія церкви въ Финляндіи. Но его усилія были неудачны: кровавое возстаніе внутри Финляндіи и пораженіе, нанесенное католическимъ крестоносцамъ православнымъ кн. Александромъ Невскимъ въ такъ называемомъ «Невскомъ побоищѣ», сломили мужество Ѳомы — онъ сложилъ епископскій санъ, а его преемникъ обратился за помощью къ Швеціи. — Наряду со стремленіемъ со стороны запада распространить въ Финляндіи католичество, съ сѣвера и востока шли усилія насаждать православіе: земля Новгородская посылаетъ въ Карелію священниковъ, которые крестятъ большинство изъ карельскаго племени. Наряду съ миссіонерской работой, какъ съ той, такъ и съ иной стороны, дѣлаются опустошительные набѣги: шведы — на

Ингрію и земли новгородскія, русскіе, въ союзѣ съ карельскими племенами, черезъ Карелію въ глубину Финляндіи. Для обезпеченія себя со стороны Россіи шведы сооружаютъ замки и города (между прочимъ, Выборгъ). Но все-таки русскимъ удается проникать въ глубину страны, и, напримѣръ, въ 1318 году ими былъ совершенъ набѣгъ до самаго Або. Борьба между Швеціей и Новгородомъ закончилась въ 1323 году длительнымъ Нотебургскимъ миромъ, согласно которому главная часть Карелiи отошла къ Новгороду, финскія земли — къ Швеціи. Этимъ закончилась самостоятельность Финляндіи, и съ той поры страна дѣлитъ судьбы Россіи и Швеціи, по-прежнему, впрочемъ, оставаясь ареной кровавыхъ столкновеній этихъ двухъ сѣверныхъ державъ. Вскорѣ, однако, Финляндія получила извѣстную автономію и изъ покоренной страны превратилась въ равноправную провинцію шведскаго государства: ея сословія получили даже право участвовать въ выборѣ короля, и жители финскаго происхожденія во всѣхъ правахъ были сравнены со шведами. Но культура Финляндіи по-прежнему остается на весьма низкомъ уровнѣ, и въ глубинѣ страны прежніе языческіе боги пользуются почитаніемъ наряду съ Христомъ и Дѣвой Маріей. Мѣры противъ этого вначалѣ ограничивались примитивными молитвами, переведенными на финскій языкъ, которыя священники должны были постоянно повторять, пока населеніе не выучитъ ихъ наизусть.

Лишь съ переходомъ престола Швеціи къ дому Ваза, особенно въ связи съ реформаціей, проводимой въ Финляндіи одновременно со Швеціей, началась болѣе широкая и всесторонняя культурная работа. Наряду съ улучшеніями во внутреннемъ управленіи, положены были основы народнаго просвѣщенія. Появились дѣятели въ родѣ епископа Микаэля Агриколы, названнаго «отцомъ финской литературы». Его стараніями былъ изданъ рядъ духовныхъ книгъ для народа и пасторовъ и начатъ былъ

переводъ Библіи. При этомъ созданъ былъ финскій литературный языкъ (на основѣ абосскаго нарѣчія), который церковная литература въ Финляндіи употребляла въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Надо отмѣтить, что вся финская литература издавалась за-границей, такъ какъ въ Финляндіи не было своихъ типографій. Въ концѣ XVI вѣка, по приказу короля Карла XI, законченъ былъ переводъ на финскій языкъ Библіи и Свода Законовъ, хотя эти переводы все еще не были напечатаны.

Громадное значеніе для Финляндіи имѣло основаніе университета въ Або, гдѣ была одновременно оборудована и типографія, въ которой, наконецъ, была напечатана на финскомъ языкѣ Библія. Въ общемъ, однако, этотъ періодъ высшаго расцвѣта шведскаго могущества былъ неблагопріятенъ для развитія финскихъ національныхъ особенностей. Хотя къ этому періоду относится временное выдѣленіе Финляндіи въ качествѣ герцогства (1556), однако, высшіе классы все болѣе проникались шведскимъ духомъ и шведской культурой, а финскій языкъ оставался языкомъ низшихъ народныхъ массъ и церковнымъ.

Культурная работа въ Финляндіи по-прежнему тормозилась цѣлымъ рядомъ опустошительныхъ войнъ. Финляндія, какъ часть Швеціи, вынуждена была принимать участіе во всѣхъ шведскихъ походахъ; главнымъ образомъ ея силами была покорена для Швеціи Эстонія (1580), за что Финляндія получила достоинство великаго княжества, но зато была жестоко опустошена мстящими русскими. Но особенно тяжкимъ стало ея положеніе, когда шведскій престолъ перешелъ къ пфальцской династіи, настолько же воинственной, насколько неудачливой въ своихъ войнахъ. При Карлѣ X началась борьба съ Алексѣемъ Михайловичемъ, при чемъ Финляндія была неоднократно опустошена и разорена, хотя въ результатѣ границы между Швеціей и Россіей остались прежними. Еще тяжелѣе отразилась на ней ве-

ликая сѣверная война, при чемъ Финляндія не разъ была разграблена какъ своими, такъ и чужими войсками. Ништадтскій миръ не положилъ конца войнамъ, такъ какъ борьба Швеціи съ Россіей продолжалась еще въ теченіе всего XVIII вѣка. Но все яснѣе становилось, что дѣло идетъ уже о покореніи Финляндіи, о присоединеніи ея къ Россіи. Такъ, въ 1742 году, императрица Елизавета выпустила манифестъ, призывающій финновъ къ отторженію отъ Швеціи и образованію собственнаго государства подъ опекой Россіи. — Впрочемъ, когда шведская армія капитулировала подъ Гельсингфорсомъ, и вся Финляндія оказалась въ рукахъ Россіи, рѣчи о самостоятельности больше не было. Но мирный договоръ и на этотъ разъ вернулъ Швеціи бо́льшую часть Финляндіи, кромѣ южной части съ Выборгомъ, Вильманстрандомъ и Фридрихсгамомъ. Послѣ этой неудачной войны Швеція дѣлала запоздалыя усилія укрѣпить свое положеніе въ Финляндіи путемъ поднятія ея благосостоянія, административныхъ и экономическихъ реформъ. Но русская оріентація уже не умирала въ Финляндіи: особенно извѣстна дѣятельность полковника Шпренгтпорта, который старался при помощи Россіи поднять вопросъ о самостоятельности Финляндіи. Когда началась новая война (1788 — 1790) были сдѣланы попытки привести эти планы въ исполненіе: среди финскихъ офицеровъ составленъ былъ заговоръ, и въ Аньялѣ заключенъ союзъ съ Россіей. Но планы эти не осуществились, и, послѣ ряда нерѣшительныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, война закончилась миромъ, при чемъ границы остались неизмѣнными.

Въ послѣдніе годы шведскаго господства въ Финляндіи опять шла весьма оживленная работа. Было основано первое экономическое общество Финляндіи, появились первыя газеты, сперва на шведскомъ, а вскорѣ и на финскомъ языкѣ. Но нежеланіе шведскаго короля подчиниться континентальной системѣ вызвало репрессіи со стороны Наполеона I, который предложилъ Александру I

отнять Финляндію у Швеціи. На этой почвѣ возникла между Россіей и Швеціей война, окончившаяся присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи.

Этотъ конецъ не былъ неожиданнымъ, и по неравенству силъ было ясно съ самаго начала войны, что Финляндія не попадаетъ обратно въ руки Швеціи. Поэтому при входѣ русскихъ войскъ всѣ чиновники и населеніе оставались на мѣстахъ, не убѣгая, какъ это дѣлалось въ прежніе годы. Да и война велась значительно гуманнѣе, насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ были запрещены, причиненный войсками ущербъ мѣстному населенію вознаграждался. Болѣе того, русская власть заботилась сама во время войны о нуждахъ населенія: изъ Россіи былъ привезенъ хлѣбъ, который продавался населенію по дешевымъ цѣнамъ. Относительно политической судьбы Финляндіи замѣчались колебанія. Въ началѣ войны Александръ I, въ манифестѣ, распространенномъ въ странѣ, призывалъ населеніе посылать своихъ депутатовъ въ Або. Но въ прокламаціи 28 марта и 17 іюня императоръ заявлялъ, что онъ уже присоединяетъ Финляндію на вѣчныя времена къ Имперіи. Однако, свободомыслящія вліянія и голосъ Сперанскаго побудили императора опять дать новый оборотъ дѣлу. Въ 1808 году было приказано населенію прислать своихъ представителей въ Петербургъ для выраженія нуждъ и пожеланій — такъ называемая «финская депутація». Послѣ выслушанія ея императоръ приказалъ созвать сословія на Сеймъ въ Борго.

На этомъ Сеймѣ былъ установленъ порядокъ, который, въ общихъ чертахъ, удержался въ Финляндіи въ теченіе цѣлаго столѣтія, при чемъ вскорѣ къ вновь завоеванной части была присоединена и та часть Финляндіи, которая была покорена Россіей раньше. При сохраненіи Финляндіей значительной самобытности, въ порядкѣ управленія съ самаго начала установились нѣкоторыя неясности и недомолвки. Такъ, прежде всего,

въ теченіе всего царствованія Александра I и Николая I Финляндскій Сеймъ ни разу не созывался, хотя основные законы Финляндіи, въ общемъ, строго соблюдались.

Періодъ мирнаго развитія оказался очень благопріятнымъ для Финляндіи. Русскія войны сравнительно мало отражались на ея судьбѣ, если не считать того, что Финляндія посылала небольшіе отряды во время крымской и турецкой войнъ, и что ея берега однажды были обстрѣляны англійской эскадрой. Страна покрывалась дорогами, проводились каналы; былъ открытъ рядъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Основалось литературное финское общество, развивалась финская литература какъ на финскомъ, такъ и на шведскомъ языкѣ.

Три вопроса наполняли, главнымъ образомъ, содержаніе финской общественной жизни во время русскаго господства: національный вопросъ, т. е. вопросъ о соотношеніи между финской и шведской культурой, такъ называемый «конституціонный вопросъ» и, наконецъ, соціальный вопросъ, съ особенной остротой сказавшійся во время недавней борьбы красныхъ съ бѣлыми.

3. Національный вопросъ.

Какъ уже упоминалось, вскорѣ послѣ присоединенія Финляндіи къ Швеціи финскій народъ получилъ полное равноправіе со шведами и даже право участія въ выборахъ шведскаго короля. Судя по фамиліямъ, можно заключить, что въ концѣ среднихъ вѣковъ знать, духовенство и высшая буржуазія въ Финляндіи были въ значительной степени представлены исконными финнами, и общеупотребительнымъ языкомъ для всѣхъ сословій былъ языкъ финскій. Но соприкосновеніе съ болѣе высокой шведской культурой, вліяніе шведской литературы и учебныхъ заведеній, гдѣ финнамъ, въ особенности до созданія собственнаго университета, приходилось полу-

чать образованіе, повлекло за собой постепенную шведизацію высшихъ классовъ. Время реформаціи усилило значеніе финскаго языка; при созданіи и управленіи финляндскимъ герцогствомъ замѣтны были даже слѣды политики, направляемой сознательнымъ національнымъ духомъ. Но въ XVI вѣкѣ эта эмансипація отъ шведской культуры исчезла безслѣдно. Шведское управленіе получило болѣе централизованный характеръ, управленіе Финляндіи стало вполнѣ зависимо отъ директивъ центра, шведскія вліянія все увеличивались, особенно когда Швеція перекинулась на другой берегъ Финскаго залива, покоривъ при помощи финновъ прибалтійскія провинціи. Однако, все же до начала XVIII вѣка не только духовенство, но и высшіе классы употребляли въ качествѣ разговорнаго финскій языкъ. Великая сѣверная война отразилась чрезвычайно тяжело на судьбѣ финскаго языка. Большинство знати и состоятельныхъ лицъ бѣжали въ Швецію и оттуда возвратились, пропитанные шведскимъ духомъ. Въ Финляндіи во множествѣ появились шведскіе чиновники, и въ теченіе XVIII вѣка разговорнымъ языкомъ высшихъ классовъ сталъ шведскій, чему способствовало и то обстоятельство, что какъ разъ къ концу этого столѣтія шведская литература достигла чрезвычайнаго расцвѣта.

Но какъ разъ къ тому времени, когда высшіе классы и буржуазія стали окончательно забывать финскій языкъ, въ средѣ нѣкоторыхъ представителей интеллигенціи пробудился новый, живой интересъ къ народному языку, въ видѣ такъ называемаго финнофильскаго движенія.

Финнофилы были далеки отъ какихъ бы то ни было политическихъ цѣлей и даже чужды самой мысли о постановкѣ вопроса о соотношеніи между финскимъ и шведскимъ языками. Ихъ цѣлью было только научное изученіе и всестороннее изслѣдованіе финскаго языка. Особенное значеніе среди нихъ имѣлъ Портанъ, который не только самъ былъ неутомимымъ изслѣдователемъ

финскаго языка, но также умѣлъ будить энтузіазмъ въ своихъ ученикахъ. Рядомъ съ нимъ работалъ Юсленіусъ, издавшій первый полный финскій словарь. Слѣдуетъ, однако, отмѣтить, что даже на зарѣ финнофильства, наряду съ совершенно чуждымъ политикѣ научно-просвѣтительнымъ движеніемъ, появился подъ вліяніемъ идей просвѣщенія духъ политическаго сепаратизма, наиболѣе яркимъ представителемъ котораго былъ уже упомянутый Геранъ Магнусъ Шпренгтпортенъ, ставившій цѣлью основаніе независимаго финляндскаго государства: отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи, хотя бы даже съ присоединеніемъ къ Россіи, при сохраненіи собственной конституціи, должно было, по мнѣнію финскихъ націоналистовъ, открыть новую эпоху для финскаго національнаго развитія. Но эти планы не осуществились полностью даже послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Вмѣстѣ со всѣмъ старымъ порядкомъ въ системѣ управленія, сохранилось непоколебленнымъ все значеніе шведизированныхъ высшихъ классовъ, вліяніе которыхъ не могло быть сразу вытѣснено финскимъ элементомъ. Но уже на Сеймѣ въ Борго нѣкоторые изъ предвидящихъ умовъ понимали, что при новомъ политическомъ положеніи Финляндіи шведскій элементъ осужденъ на вытѣсненіе, а финскій языкъ долженъ вступить въ свои права.

Эта концепція дала содержаніе уже политическому финскому движенію, которое не ограничивалось научнымъ изслѣдованіемъ, но стремилось къ тому, чтобы финскій языкъ получилъ преобладаніе въ качествѣ господствующаго языка въ странѣ. Движеніе это получило названіе финноманіи: его представителями были: Линзенъ, Бергбомъ, проф. Арвидсонъ, будившіе національное самосознаніе въ финскомъ народѣ.

— Мы перестали быть шведами, говорилъ Арвидсонъ, русскими мы не хотимъ быть, такъ будемъ же финнами...

Практическое значеніе этого движенія ограничилось тѣмъ, что въ 1826 году въ университетѣ была от-

крыта каѳедра финскаго языка. Въ общемъ же усилія финномановъ не получили широкаго отклика, и послѣ нѣкоторыхъ репрессій, заставившихъ, напримѣръ, Арвидсона покинуть университетъ и даже уѣхать изъ Финляндіи, движеніе это, какъ преждевременное, заглохло почти на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Шведскій языкъ продолжалъ быть единственнымъ культурнымъ языкомъ Финляндіи — на немъ, между прочимъ, писалъ и величайшій національный финскій поэтъ Рунебергъ.

Но въ тиши продолжалась литературная работа на финскомъ языкѣ. Центромъ ея стало служить финское литературное общество, основанное въ 1831 году, которое въ первый годъ своего существованія опубликовало первую редакцію величайшаго народнаго эпоса, національной гордости финновъ — «Калевалу».

Опубликованіе этого полу-народнаго, полу-литературнаго произведенія является, несомнѣнно, однимъ изъ крупнѣйшихъ событій въ исторіи финскаго языка и даже финскаго народа. Происхожденіе его таково. Финнофилы, начиная съ первыхъ своихъ работъ, обратили вниманіе на народное творчество, и, напримѣръ, Портанъ самъ написалъ изслѣдованіе финскихъ рунъ. Послѣ него руны собирались цѣлымъ рядомъ ученыхъ — въ особенности много ихъ было издано Топеліусомъ. Наконецъ, началъ работы по собиранію рунъ Ленротъ. Въ качествѣ учителя, находясь въ деревнѣ, Ленротъ впервые ознакомился съ народной поэзіей непосредственно изъ народныхъ устъ. Такъ какъ въ 1827 году университетъ по случаю пожара былъ на цѣлый годъ закрытъ, то Ленротъ предпринялъ съ цѣлью собиранія рунъ длинное путешествіе. Успѣхъ превзошелъ ожиданія, и онъ издалъ 4 тетради старыхъ и новыхъ рунъ. Это можно уже разсматривать, какъ первый намекъ на «Калевалу», хотя идея объединенія рунъ въ эпосъ была еще чужда Ленроту. Послѣ новыхъ экскурсій и знакомства съ новыми пѣвцами рунъ Ленротъ обратилъ вниманіе, что по-

слѣдніе часто объединяютъ отдѣльныя пѣсни въ болѣе длинное цѣлое. Это навело на мысль, что при надлежащей обработкѣ рунъ и ихъ сопоставленіи можно получить связный эпосъ. Къ 1833 году Ленротъ уже пытается осуществить это, составляя такъ называемую «Малую Калевалу». Послѣ поѣздки въ Карелію и дальнѣйшихъ усилій по собиранію рунъ, Ленротъ значительно расширилъ первоначальный текстъ и опубликовалъ въ двухъ частяхъ такъ называемую «Старую Калевалу». Но и этимъ дѣло не было окончено. Литературное общество рѣшило расширить дѣло и стало ежегодно разсылать стипендіатовъ для систематическаго собиранія рунъ, пѣсенъ и вообще произведеній народнаго творчества. На основаніи этого коллективнаго труда Ленротъ могъ составить окончательную форму «Калевалы». Новая и уже окончательная редакція эпоса была издана въ 1849 году. Она состоитъ изъ 50 рунъ съ общимъ количествомъ 22.795 стиховъ. Было много споровъ о томъ, является ли «Калевала» дѣйствительно народнымъ эпосомъ или это личное творчество Ленрота, который лишь пользовался народнымъ матеріаломъ. Но весь эпосъ настолько проникнутъ духомъ подлинныхъ народныхъ рунъ, и все его содержаніе такъ тѣсно обусловлено народнымъ творчествомъ, что самого Ленрота, поскольку онъ вносилъ въ эпосъ свое, слѣдуетъ разсматривать, какъ одного изъ народныхъ «сказителей», только прибѣгавшаго къ помощи письменности. Народное творчество заразило его изслѣдователей.

Созданіе «Калевалы» имѣло громадное значеніе для развитія финской литературы. Кастренъ, доцентъ финскаго языка въ университетѣ, сумѣлъ своими лекціями о «Калевалѣ» вызвать энтузіазмъ въ слушателяхъ и любовь къ финскому языку и всѣмъ проявленіямъ финской національности. Это подготавливало почву къ воспріятію тѣхъ идей финскаго національнаго возрожденія, которыя раньше безуспѣшно проповѣдывались финно-

манами. Особенно большое значеніе имѣла публицистическая дѣятельность Снельмана, который въ рядѣ статей въ газетѣ «Сайма» указывалъ, что финскій народъ отсталъ во многихъ отношеніяхъ отъ другихъ цивилизованныхъ народовъ, и это лишь потому, что въ его общественной работѣ не было національной основы, не было національнаго чувства, и что это чувство не можетъ возникнуть, пока родной языкъ не станетъ культурнымъ языкомъ. Поэтому нужно создать финскую литературу, воспитывая въ этомъ духѣ новое поколѣніе. Но необходимы и соотвѣтствующія права финскому языку, чтобы онъ могъ подняться до надлежащей высоты. Впрочемъ требованія Снельмана въ этой области были довольно скромны: онъ ограничивался требованіемъ введенія финскаго языка въ начальной школѣ.

Проповѣдь новаго поколѣнія финномановъ вызвала значительный откликъ среди учащейся молодежи и превратилась въ широкое общественное движеніе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она встрѣтила и ожесточенное противодѣйствіе со стороны шведскихъ элементовъ въ странѣ. Противъ призывовъ къ работѣ надъ превращеніемъ финскаго языка въ культурный были выдвинуты соображенія о невозможности, ненужности и даже вредности этого. Между прочимъ, приводились примѣры въ родѣ того, что домогательства финномановъ можно сравнить съ домогательствами ирокезовъ, которые захотѣли бы создавать свою культуру въ Америкѣ, что̀ послужило для финномановъ поводомъ окрестить своихъ противниковъ «ирокезофилами». Но противъ финскаго движенія ополчились и правительственныя сферы, которыя на усилія народа къ возрожденію стали смотрѣть, какъ на проявленіе вольномыслія и повстанческаго духа, распространявшагося во всей Европѣ въ бурные годы «Sturm und Drang'a». Въ русскихъ правительственныхъ сферахъ проявились опасенія относительно намѣреній финновъ создать миѳическую сѣверную державу, объединяющую

всѣ живущія въ Россіи финскія племена. Результатомъ этой подозрительности явилось то, что въ 1850 году было издано распоряженіе, крайне стѣсняющее финскій языкъ: безъ особаго разрѣшенія на немъ можно было печатать только книги религіознаго и сельскохозяйственнаго содержанія. Но новый правительственный курсъ не былъ выдержанъ и уступалъ подъ напоромъ естественныхъ потребностей жизни: почти одновременно со стѣсненіями финской печати возстанавливается каѳедра финскаго языка, первымъ профессоромъ котораго явился Кастренъ; вводится правило, что̀ судьи, назначаемые въ мѣстности съ финскимъ населеніемъ, должны держать устный экзаменъ въ знаніи финскаго языка. Кромѣ того, вообще, новыя стѣснительныя правила относительно финской печати соблюдались не строго, и нарушеніе буквы закона оставалось незамѣченнымъ.

Съ воцареніемъ Александра II повѣяло болѣе либеральнымъ духомъ, и финскимъ національнымъ дѣятелямъ, организовавшимся со времени созыва Сейма въ «національную партію», явился бо̀льшій просторъ для работы. На сцену выступилъ Кескиненъ, который однимъ изъ первыхъ требованій выставлялъ созданіе финскихъ учебныхъ заведеній высшаго типа, что̀ вскорѣ усиліями частныхъ лицъ и было осуществлено. Начинается оживленная борьба за права финскаго языка въ судѣ и администраціи. И борьба приноситъ плоды: въ 1860 году отмѣняются стѣснительныя правила относительно финской печати, въ 1863 году выпускается манифестъ объ языкахъ, согласно которому офиціальнымъ языкомъ попрежнему остается шведскій, но съ нимъ сравнивается финскій во всѣхъ дѣлахъ, которыя имѣютъ отношеніе къ населенію, говорящему на финскомъ языкѣ. Финскіе національные дѣятели — Снельманъ и Кескиненъ — назначаются сенаторами и, наряду съ общей широкой реформаторской дѣятельностью, пользуются своимъ офиціальнымъ положеніемъ для закрѣпленія значенія фин-

скаго языка. Такъ какъ въ Сеймѣ, состоявшемъ изъ трехъ курій, двѣ куріи — дворянская и городская — были въ рукахъ шведомановъ, то финскимъ націоналистамъ не оставалось иного пути, какъ проводить свои стремленія, минуя Сеймъ, въ административномъ порядкѣ, «черезъ Петербургъ», что̀ вызывало ожесточенныя нападки на нихъ противниковъ. Но, такъ или иначе, съ этого времени значеніе финскаго языка безпрерывно усиливается, пока, наконецъ, въ 1906 году побѣда финскаго языка завершилась признаніемъ его главнымъ языкомъ въ финляндскомъ Сеймѣ. Рядомъ съ этимъ упрочилось положеніе языка въ школахъ, и государствомъ создается цѣлый рядъ среднихъ учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на финскомъ языкѣ. Параллельно съ этимъ росло число финскихъ газетъ, ширилась литература, совершенствовался языкъ. Въ такихъ городахъ, какъ Гельсингфорсъ, Таммерфорсъ, Або, гдѣ 40—50 лѣтъ тому назадъ слышенъ былъ только шведскій языкъ, теперь слышна почти исключительно финская рѣчь.

Однако, стремленіе финскихъ дѣятелей, чтобы шведски настроенные и по-шведски говорящіе финны приняли финскій языкъ, согласно принципу «одинъ народъ — одинъ языкъ», еще далеко отъ завершенія. И, хотя до сихъ поръ лица, говорящія на шведскомъ языкѣ, составляютъ всего 11% населенія, шведскій языкъ преобладаетъ въ университетскомъ преподаваніи, въ дѣловомъ мірѣ, въ финансовыхъ учрежденіяхъ и пр. Но въ администраціи и судѣ господствуетъ уже финскій языкъ.

Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что въ виду особыхъ условій, при которыхъ господствовавшій шведскій языкъ не могъ для своей защиты прибѣгать къ систематическому насилію и злоупотребленію правительственной опорой — споръ между двумя теченіями финской культуры не достигалъ никогда слишкомъ большого ожесточенія. Смягченію распри отчасти способствовало появленіе об-

щей опасности, русской, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, заставила партію, отстаивающую привилегіи шведскаго языка (шведомановъ) соединиться съ наиболѣе боевымъ образомъ настроенной партіей финскихъ націоналистовъ (младофинновъ).

4. *Конституціонный вопросъ.*

Сущность финляндскаго «конституціоннаго вопроса» заключается въ слѣдующемъ. Заявленія и акты императора Александра I относительно формы присоединенія Финляндіи носятъ черты двойственности и неясности, не устранимыхъ никакимъ толкованіемъ. Съ одной стороны, неоднократно подчеркивалось, что Финляндія присоединяется навсегда къ Россіи, и въ «чредѣ народовъ, Скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ, обыватели новоприсоединенной Финляндіи съ сего времени воспріяли навсегда свое мѣсто. Отъ сего великаго состава ничто отторгнуть ихъ не можетъ». (Манифестъ 5 іюля 1808 г.). Точно такъ же Фридрихсгамскій трактатъ со Швеціей, по которому Финляндія уступалась Россіи, гласилъ, что «губерніи сіи... будутъ отнынѣ состоять въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются». Но въ той же статьѣ трактата прибавлено, что Его Величество, «по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія», обезпечилъ жителямъ пріобрѣтенныхъ областей «свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и ихъ преимущества».

Подробнѣе и точнѣе эта мысль объ особыхъ правахъ Финляндіи формулирована на Сеймѣ въ Борго. Высочайшая грамота 15 марта 1809 года гласила: «Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію, коренные

законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего княжества, въ особенности, и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи».

И весь порядокъ управленія Финляндіей до воцаренія императора Александра II носилъ характеръ двойственности. Сеймъ послѣ Борго не созывался. Но Финляндія управлялась на основѣ своего особаго законодательства, съ сохраненіемъ своихъ особыхъ правительственныхъ органовъ. При общей неотчетливости и нетребовательности конституціонныхъ теорій, такое положеніе не вызывало никакихъ особыхъ практическихъ трудностей или теоретическихъ сомнѣній. И финляндскіе публицисты въ полемикѣ со шведскими писателями и историками указывали, что присоединеніе Финляндіи къ Россіи, установившее въ ней твердый миръ и самобытный, автономный порядокъ, является благомъ по сравненію съ эпохой шведскаго владычества.

Но, съ распространеніемъ конституціонныхъ воззрѣній, со стороны финскихъ общественныхъ дѣятелей начинаетъ проявляться стремленіе точнѣе и тверже закрѣпить финляндскую конституцію. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи явилось возстановленіе Сейма. Послѣ воцаренія императора Александра II было приказано сословіямъ выбрать по 12 человѣкъ для того, чтобы съ ними обсудить нужды Финляндіи. Это вызвало значительное недовольство въ Финляндіи, и депутатамъ былъ данъ всего одинъ мандатъ: просить созыва Сейма. Просьба эта была исполнена, и депутаты получили порученіе подготовить созывъ Сейма, который и былъ созванъ въ 1863 году. Съ тѣхъ поръ Сеймъ собирался каждыя пять лѣтъ, а со времени Александра III — каждые три года. Работы Сейма, въ особенности же составленіе Сеймоваго Устава, были старательно и планомѣрно использованы финскими дѣятелями для закрѣ-

пленія и оформленія финской конституціи, при чемъ старанія шли въ томъ направленіи, чтобы практически и юридически создать между Финляндіей и Россіей соотношеніе персональной уніи. Это стремленіе нашло и свое теоретическое выраженіе въ трудахъ Лео Мехелина, смыслъ коихъ формулировался положеніемъ, что Финляндія управляется только Великимъ Княземъ Финляндскимъ и никѣмъ болѣе.

Но это стремленіе стояло въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ общей централизаторской политикой правительства. Въ началѣ 90-хъ годовъ вопросъ о соотношеніи Финляндіи и Имперіи началъ обсуждаться и съ русской стороны, при чемъ русскіе публицисты и ученые пришли къ совершенно противоположнымъ выводамъ и практическимъ постулатамъ: и среди нихъ все громче стали раздаваться сомнѣнія о совмѣстимости полной самобытности Финляндіи съ правами Россіи. При этомъ указывалось на общій конституціонный пробѣлъ: присоединеніе Финляндіи къ Россіи создало цѣлый рядъ общихъ дѣлъ, между тѣмъ, не было органа, кромѣ личности монарха, который могъ бы вѣдать эти дѣла, разрѣшаемыя лишь путемъ соглашеній между русскими и финскими правительственными установленіями. Далѣе указывалось и на нѣкоторыя частности, проистекающія отъ такой полной раздѣльности управленія: Финляндія, оказалось, несла значительно меньшую тяжесть по оборонѣ страны, чѣмъ это лежало на жителяхъ Имперіи; приводился также, дѣйствительно, изумительный фактъ, что финны въ предѣлахъ Имперіи пользовались всѣми правами гражданства, между тѣмъ какъ русскіе въ Финляндіи разсматривались, какъ иностранцы, и политическія и экономическія права ихъ были значительно ограничены. Начались также историческія раскопки, и въ 1889 году К. Ф. Ординъ опубликовалъ большой двухтомный трудъ «Покореніе Финляндіи», гдѣ онъ оспаривалъ какія бы то ни было особенныя права Финлян-

дiи передъ лицомъ русской государственной власти. Къ этому времени возникъ и первый практическiй конфликтъ двухъ точекъ зрѣнiя, поставившiй на очередь вопросъ о необходимости согласованiя финляндскаго и русскаго законодательствъ. Въ 1890 году было опубликовано финское уголовное уложенiе, которое заключало въ себѣ цѣлый рядъ постановленiй, противорѣчащихъ русскому политическому правопорядку. По инiцiативѣ Таганцева и Ордина, введенiе въ дѣйствiе уже утвержденнаго и опубликованнаго уголовнаго уложенiя было задержано, и въ кодексъ внесенъ былъ рядъ измѣненiй.

Все это заставило правительство учредить комиссiю подъ предсѣдательствомъ Бунге для кодификацiи основного закона Финляндiи. Кромѣ того, былъ предпринятъ рядъ мѣръ, расширяющихъ компетенцiю русскаго правительства въ Финляндiи. Однако, въ виду обнаружившейся озабоченности и безпокойства со стороны Финляндiи, Александръ III издалъ рескриптъ, подтверждающiй, что права и привилегiи Финляндiи останутся неизмѣнными. Кодификацiонныя работы были прекращены, и до конца 90-хъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ къ этому вопросу болѣе не возвращались.

Рѣзкая перемѣна началась лишь съ 1898 года, когда генералъ-губернаторомъ Финляндiи былъ назначенъ Бобриковъ. Уже въ слѣдующемъ году былъ собранъ чрезвычайный Сеймъ для обсужденiя закона о воинской повинности, согласно которому русскiй уставъ о воинской повинности распространялся на всю Финляндiю, и русскiй военный министръ получалъ право опредѣлять число военно-обязанныхъ гражданъ Финляндiи. Но прежде, чѣмъ даже Сеймъ успѣлъ высказать свое отрицательное отношенiе къ этому закону, былъ опубликованъ такъ называемый «февральскiй манифестъ», нанесшiй рѣшительный ударъ финляндской конституцiонной теорiи и практикѣ. Согласно приложеннымъ къ манифесту Основнымъ Положенiямъ о порядкѣ изданiя общегосу-

дарственныхъ законовъ, было установлено, чтобы каждый законъ, имѣющій значеніе для Финляндіи и Имперіи, передавался съ заключеніемъ финляндскаго сената или Сейма въ Государственный Совѣтъ, при участіи въ немъ съ правомъ голоса генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря по дѣламъ Финляндіи и не менѣе 2-хъ финляндскихъ сенаторовъ. Такимъ образомъ нарушалась полная обособленность финляндскаго законодательства, теорія личной уніи теряла всякую почву, и принципъ, что основные законы Финляндіи не могутъ измѣняться безъ согласія финляндскаго Сейма, впервые явно нарушался.

Этотъ манифестъ, являвшійся своего рода государственнымъ переворотомъ, вызвалъ въ Финляндіи громадное волненіе. Финляндскій сенатъ раскололся по вопросу о распубликованіи: шведоманы были противъ, старофинны — за; въ результатѣ большинствомъ одного голоса было рѣшено распубликовать, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сенаторы отправились въ Петербургъ ходатайствовать объ отмѣнѣ манифеста.

Сеймъ, между тѣмъ, отказался принять законъ о воинской повинности, но онъ предложилъ увеличить финское войско до 12.000 и внесъ нѣкоторыя поправки въ прежній уставъ о воинской повинности. Тогда, въ соотвѣтствіи съ новымъ порядкомъ законодательства, проектъ военнаго министра, вмѣстѣ съ заключеніемъ Сейма, поступилъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, большинство котораго высказалось за предложенія Сейма. Но государь согласился съ мнѣніемъ меньшинства, и въ 1901 году законъ, отвергнутый Сеймомъ, былъ утвержденъ. Новый уставъ о воинской повинности былъ во всемъ тождественъ съ русскимъ съ той лишь разницей, что въ видѣ временной мѣры число призываемыхъ было значительно уменьшено, и отбываніе повинности финнами было предположено въ Финляндіи, а не въ Россіи. Этотъ законъ не былъ единственнымъ; вслѣдъ

за нимъ въ томъ же порядкѣ былъ введенъ русскій языкъ въ дѣлопроизводство Сената и другихъ центральныхъ учрежденій и т. д. Вмѣстѣ съ этими мѣрами Бобриковъ выхлопоталъ себѣ рядъ почти диктаторскихъ полномочій, дающихъ право арестовывать, высылать, дѣлать обыски, смѣщать судей и чиновъ администраціи и пр.

Этому походу Финляндія противопоставила свою политику обороны. Шведоманы и младофинны слились въ «конституціонный блокъ», дѣйствующій подъ лозунгомъ пассивнаго сопротивленія. Пассивисты прибѣгали къ различнымъ формамъ бойкота, коллективнымъ петиціямъ, адресамъ, устройству демонстрацій, агитаціи въ заграничной прессѣ; они имѣли свой органъ, издающійся за-границей (еженедѣльникъ «Fria ord» — «Свободное Слово»), аккуратно доставлявшійся подписчикамъ, несмотря на всѣ цензурныя и таможенныя строгости. Самымъ выдающимся явленіемъ въ области коллективныхъ заявленій была такъ называемая «Большая Депутація», представившая въ Петербургѣ адресъ, имѣвшій 592.000 подписей — адресъ, однако, не былъ принятъ государемъ. Такая же участь постигла и «культурный адресъ», подписанный выдающимися европейскими учеными и привезенный въ Петербургъ лѣтомъ того же года депутаціей, во главѣ съ французскимъ сенаторомъ Траріе.

Что же касается бойкота, то ему подверглись сенаторы — «промульганты», голосовавшіе за обнародованіе февральскаго манифеста, и русскіе чиновники, поступившіе на финляндскую службу. Но наибольшаго предѣла достигъ бойкотъ устава о воинской повинности: пасторы отказывались читать въ церквахъ манифестъ о новомъ законѣ, а тѣмъ, которые рѣшались читать, публика устраивала враждебныя демонстраціи; коммуны отказывались избирать членовъ въ воинскія присутствія; бургомистры отказывались отъ содѣйствія властямъ; губернаторы подавали протесты, указывая на не-

соотвѣтствіе закона о воинской повинности съ финляндскими основными законами; молодые люди, подлежащіе призыву, не являлись въ воинскія присутствія. Несмотря на контръ-агитацію сторонниковъ правительства, въ первый призывъ 1902 года не явилось отбывать воинскую повинность 60% призванныхъ.

Но это былъ моментъ высшаго подъема пассивнаго сопротивленія, послѣ чего послѣдовалъ упадокъ. На количествѣ не явившихся къ призыву въ слѣдующіе годы упадокъ особенно наглядно виденъ: въ 1903 году цифра упала до 32%, а въ 1904 — до 22%. Пассивное сопротивленіе пошло на убыль, смѣнилось разочарованіемъ. Тяжелыя репрессіи обезсилили оппозицію, наступила реакція, и самые энергичные люди потеряли вѣру въ возможность достичь чего-либо легальными путями. Тогда выдѣлилась группа «активистовъ», не многочисленная, но мужественная, введшая въ свою тактику терроръ: первой жертвой ея палъ Бобриковъ, убитый Евгеніемъ Шауманомъ въ 1904 году. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ неслыханныхъ прежде въ Финляндіи политическихъ убійствъ и покушеній (убитъ прокуроръ сената Іонсонъ, совершены покушенія на жизнь помощника генералъ-губернатора Дейтриха, губернатора Мясоѣдова и др.). Вѣками сложившаяся правомѣрная жизнь Финляндіи разлагалась: таковъ былъ результатъ политики Бобрикова.

Надо отмѣтить, что низы народа не были втянуты въ борьбу съ обрусеніемъ. Народъ боялся только воинской повинности и бѣжалъ отъ нея, эмигрируя даже въ Америку, пока не убѣдился, что отбываніе повинности происходитъ въ самой Финляндіи. Соціальная же политика правительства, поднявшаго вопросъ о такъ называемыхъ торпаряхъ, настраивала низы скорѣе въ его пользу. Поэтому старофинская партія, или «суометаріанцы» (по названію ихъ офиціоза «Uusi Suometar»), выставившая принципъ, что благоразуміе требуетъ вре-

меннаго подчиненія силѣ обстоятельствъ, встрѣчала сочувствіе въ низахъ.

Первые раскаты русской революціи въ корнѣ измѣнили положеніе Финляндіи. Въ томъ же 1904 году, когда былъ убитъ Бобриковъ, въ Петербургѣ палъ вдохновитель новой финляндской политики — Плеве. Новый генералъ-губернаторъ Оболенскій велъ болѣе примирительную линію, соотвѣтствующую общему курсу общественнаго довѣрія, водворившемуся въ правительственныхъ сферахъ.

Въ 1905 году, въ виду разразившейся въ Финляндіи всеобщей забастовки и общаго возбужденія и революціоннаго броженія въ краѣ, финляндскій вопросъ получилъ коренное измѣненіе. 22 октября былъ подписанъ манифестъ «О мѣрахъ къ возстановленію законнаго порядка», отмѣнявшій большинство антиконституціонныхъ постановленій прежнихъ лѣтъ, и Сенату давалось порученіе выработать законъ о созывѣ Сейма на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Сеймъ собрался въ 1906 году. Самой большой въ его составѣ была фракція соціалъ-демократовъ, которой противополагались буржуазныя партіи — финская, младофинская, шведская и мелкихъ крестьянъ. Сеймъ выработалъ рядъ законовъ и постановленій, которыя, однако, не были утверждены, въ виду начавшейся реакціи въ Россіи. Та же участь полной безплодности постигла работы послѣдующихъ Сеймовъ, избираемыхъ на смѣну распущеннаго (съ 1906 по 1916 годъ выборы были произведены шестъ разъ).

Зато начались работы по разрѣшенію финляндско-русскаго конфликта уже на основѣ русской конституціи. 2 іюня 1908 года было издано распоряженіе о томъ, чтобы всѣ важнѣйшіе законодательные вопросы, касающіеся Финляндіи, представлялись на заключеніе Совѣту министровъ, прежде чѣмъ они получатъ утвержденіе Монарха. Далѣе, издано было постановленіе о томъ, что вопросъ о воинской повинности въ Финляндіи вхо-

дитъ въ компетенцію имперскихъ законодательныхъ органовъ. Наконецъ, Думой былъ утвержденъ законъ о порядкѣ законодательства по дѣламъ, имѣющимъ значеніе какъ для Финляндіи, такъ и для Имперіи, согласно которому дѣла эти должны проходить черезъ имперскіе законодательные органы, Финляндія же должна была послать 4 представителей въ Думу и 2 представителей въ Государственный Совѣтъ. Въ этомъ порядкѣ — конечно, безъ представителей Финляндіи, которые избраны не были, — въ 1912 году былъ проведенъ законъ о равноправіи русскихъ гражданъ въ Финляндіи. Такъ какъ финскія должностныя лица не приводили этого закона въ исполненіе, то началась постепенная замѣна всего административнаго аппарата Финляндіи.

Возникновеніе войны не измѣнило политическаго положенія Финляндіи, хотя значительно ухудшило ея экономическое положеніе, въ виду того, что были нарушены связи съ иностранными государствами, съ которыми Финляндія всегда была въ оживленномъ товарообмѣнѣ, съ Германіей и Англіей. Лишь русская революція въ корнѣ измѣнила постановку финляндскаго вопроса.

5. *Соціальный вопросъ.*

Для того, чтобы понять вліяніе русской революціи въ Финляндіи, необходимо освѣтить состояніе въ ней соціальнаго вопроса. Острота соціальныхъ противорѣчій въ Финляндіи вызывается главнымъ образомъ распредѣленіемъ земельной собственности. Согласно статистическимъ даннымъ 1901 года, изъ всѣхъ хозяйствъ въ Финляндіи только 23,1% были основаны на обработкѣ земли ея собственникомъ, въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ этотъ процентъ понижался даже до 11,1% (Тавастгустская губ.). Общее распредѣленіе земли было въ Финляндіи слѣдующее:

Государство	13.093	т.	гектаровъ	или 39,4%
Общины.	79	,,	,,	,, 0,2 ,,
Приходы	346	,,	,,	,, 1,0 ,,
Общества	983	,,	,,	,, 3,0 ,,
Частные собственники . .	18.494	,,	,,	,, 55,7 ,,

Площадь земли, принадлежащей частнымъ лицамъ, распредѣлялась, въ свою очередь, по такимъ категоріямъ:

Мелкихъ участковъ (ниже 50 гект.) . .	4,4%
Среднихъ (50—250)	39,3 ,,
Большихъ (250—1000)	38,7 ,,
Очень большихъ (свыше 1000)	17,6 ,,

Но, какъ упомянуто, главное количество сельскихъ хозяйствъ относится не къ собственникамъ, а къ лицамъ, обрабатывающимъ чужую землю, отдаваемую въ аренду, за плату натурой или деньгами. Особенное значеніе имѣла отдача въ аренду не всего имѣнія, а части его мелкимъ арендаторамъ, при сохраненіи остальной части имѣнія въ хозяйственномъ пользованіи собственника. Это создавало между арендаторомъ и собственникомъ отношенія не только экономическія, но и личной зависимости, такъ какъ арендаторы служили въ то же время рабочей силой для собственника. Выгода имѣть въ имѣніи такихъ мелкихъ арендаторовъ, называемыхъ торпарями, заставила хозяевъ стремиться къ этому, и число торпарей все время растетъ — отъ 8.788 въ 1767 году до 69.936 въ 1890 году, когда число ихъ достигло максимума и даже начало понемногу опускаться, поглощаемое растущей индустріей страны. Общій же характеръ эволюціи хозяйственныхъ отношеній въ XIX вѣкѣ характеризуется тѣмъ, что въ 1815 году на 77.362 самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйства имѣлось 50.473 безземельныхъ и зависимыхъ арендаторовъ, а въ 1865 году — на общее число самостоятельныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ 87 т. имѣлось свыше 115 т. хозяйствъ безземельныхъ и арендаторовъ. При очень малой площади арендуемой земли, при установленіи обязанности отрабатывать арендную плату личнымъ трудомъ, торпари находились фактически въ крѣпостномъ

состояніи у владѣльцевъ имѣній, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что если торпарь могъ покинуть своего хозяина, то и хозяинъ каждую минуту могъ лишить его средствъ пропитанія, то-есть прогнать съ земли. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что для значительной массы финляндскаго крестьянства отсутствіе крѣпостного права, бывшее преимуществомъ въ XVIII вѣкѣ, стало ущербомъ въ XIX вѣкѣ, такъ какъ нѣ было періода отмѣны крѣпостного права, съ широкимъ вниманіемъ всего общества къ положенію крестьянъ, съ радикальнымъ пересмотромъ ихъ экономическаго и правового положенія.

Лишь въ началѣ нынѣшняго вѣка начались законодательныя попытки улучшенія положенія какъ торпарей, такъ и вообще мелкихъ арендаторовъ. Особенное значеніе имѣлъ законъ 1909 года, который, сходя съ почвы добровольнаго частно-правового соглашенія между собственникомъ и арендаторомъ, ограждалъ экономически слабую сторону и самый договоръ по существу подчинялъ контролю общественной власти. Кромѣ того, было запрещено устанавливать уплату иначе, чѣмъ деньгами.

Тѣмъ не менѣе, основное зло — наличіе большого количества несамостоятельныхъ сельскихъ хозяевъ — не было устранено. Это обстоятельство, въ связи съ ростомъ промышленнаго пролетаріата, создало условія для весьма быстрыхъ успѣховъ финской соціалъ-демократіи. Возникшая въ 80-хъ годахъ партія эта сперва имѣла сторонниковъ только въ городахъ, среди промышленнаго пролетаріата. Но послѣ созданія программы, приноровленной также къ крестьянскимъ интересамъ, партія пустила корни и среди сельскихъ рабочихъ, торпарей и мелкаго крестьянства. Партія играла руководящую роль въ забастовкѣ 1905 года, и одно время фактическая власть въ странѣ находилась въ рукахъ красной гвардіи. При выборахъ въ Сеймъ 1907 года партія получила 312 т. голосовъ и 80 мѣстъ (изъ 200), а при выборахъ 1913 года — 329 т. голосовъ и 90 мѣстъ.

6. *Революція 1917 года.*

Такія условія были въ Финляндіи, когда въ Россіи вспыхнула революція. Немедленно былъ арестованъ генералъ-губернаторъ Шейнъ. Сенатъ подалъ въ отставку, и вмѣсто него образовался новый, въ которомъ большинство составляли соціалъ-демократы. Однако, длительная совмѣстная работа буржуазныхъ и соціалистическихъ представителей оказалась невозможной, и лѣтомъ 1917 года соціалисты вышли изъ состава Сената.

Октябрьскій переворотъ въ Россіи нашелъ широкій откликъ среди финской соціалъ-демократіи. Въ ноябрѣ партія объявила всеобщую забастовку, сопровождавшуюся эксцессами и убійствами. При этихъ условіяхъ финскіе общественные дѣятели для того, чтобы оградить себя отъ анархіи, идущей изъ Россіи, нашли наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ страны отдѣленіе отъ Россіи и объявленіе полной независимости Финляндіи. Однако, это не пріостановило развитія и не смягчило жестокости внутренней борьбы, и въ концѣ января власть фактически перешла къ соціалистамъ: Сеймъ вынужденъ былъ прекратить свои занятія, а, вмѣсто Сената, власть оказалась въ рукахъ финскаго совѣта народныхъ комиссаровъ. Но власть красныхъ распространялась только на южную часть Финляндіи. Сѣверная же оставалась въ рукахъ бѣлыхъ, при чемъ въ Вазѣ опять собралось законное правительство. При энергіи ген. Маннергейма, удалось положить начало бѣлой финской арміи, рекрутирующейся изъ буржуазіи и средняго крестьянства. Къ нимъ на помощь явились финскіе стрѣлки изъ Германіи, которые во время міровой войны получали тамъ военное обученіе, а также шведскіе добровольцы, и армія Маннергейма начала походъ, тѣсня красныя финскія и русскія войска къ югу.

Но было ясно, что борьба собственными силами, даже въ случаѣ успѣха, будетъ тянуться крайне долго. По-

этому финское правительство обратилось за помощью къ Германіи. Въ первыхъ числахъ апрѣля графъ Гольцъ высадился съ войсками въ Ганге и 12 апрѣля занялъ Гельсингфорсъ. Это дало возможность арміи Маннергейма развить быстрое движеніе на Выборгъ, который былъ занятъ въ концѣ апрѣля, чѣмъ закончилось очищеніе Финляндіи отъ красныхъ. Партія соціалъ-демократовъ была разбита репрессіями и преслѣдованіями и развалилась. Ея депутаты, обвиненные въ организаціи возстанія, были исключены изъ Сейма.

7. Независимая Финляндія.

Когда власть перешла въ руки прежняго правительства, обязанности главы государства были возложены на Свинхувуда. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и борьбы между республиканцами и монархистами, побѣдили послѣдніе, и на финскій престолъ былъ избранъ Фридрихъ-Карлъ, принцъ Гессенскій. Однако, побѣда союзниковъ въ корнѣ измѣнила международное положеніе. Въ то же время новые выборы въ Сеймъ дали неожиданное количество соціалистическихъ голосовъ — 80 и показали, что партія соціалъ-демократовъ уже оправилась отъ разгрома и наново создала свою организацію. Поэтому въ Финляндіи была объявлена республика. Маннергеймъ, смѣнившій Свинхувуда, ушелъ, и на его мѣсто былъ избранъ президентомъ Стальбергъ.

Въ сущности, трудно найти серьезныя возраженія противъ предоставленія Финляндіи политической самостоятельности. Исторически Финляндія была вполнѣ самобытной и шла своими собственными путями. Даже въ теченіе послѣдняго столѣтія, когда Финляндія политически была связана съ Россіей, она все же имѣла свою собственную исторію и свой собственный темпъ и характеръ развитія. Даже такія крупнѣйшія для Россіи событія, какъ эпоха великихъ реформъ и освобожденіе

крестьянъ, не затрагивали Финляндію непосредственно. И самый конституціонный вопросъ поставленъ былъ въ ней иначе, чѣмъ въ Россіи: если въ Россіи дѣло шло о пріобрѣтеніи народомъ правъ, то въ Финляндіи шла борьба за сохраненіе ихъ.

Самостоятельной была также политическая и административная организація. Финляндія все время имѣла свой собственный аппаратъ управленія, рекрутируемый изъ мѣстныхъ лицъ, и въ этомъ отношеніи находится въ безконечно болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ всѣ остальные народы Россіи, вынужденные въ настоящее время строить свой государственный аппаратъ почти на пустомъ мѣстѣ, изъ обломковъ стараго, централизованнаго чиновничьяго аппарата.

Громадны также культурные рессурсы Финляндіи. Грамотность — всеобщая. Среднее и техническое образованіе — сильно развито. Высшее образованіе представлено университетомъ, съ четырьмя факультетами, на которыхъ въ 1915 году было 3.186 слушателей. Въ 1918 году открытъ новый университетъ въ Або, съ преподаваніемъ на шведскомъ языкѣ. Наряду съ ними — техническая высшая школа съ шестью отдѣленіями. И все это дополняютъ: Финское Научное Общество, Финская Научная Академія, Общество для изученія финской флоры и фауны, Шведское и Финское литературныя общества, Финское Географическое Общество, Финское Историческое Общество, Общество врачей и пр. и пр. Почти всѣ эти общества издаютъ свои журналы или бюллетени, нѣкоторыя же — даже по нѣсколько изданій. Не надо забывать, что все это дѣлается для страны съ населеніемъ, не многимъ превышающимъ населеніе одной изъ центральныхъ русскихъ губерній!

Стратегическія соображенія тоже благопріятствуютъ самостоятельности, такъ какъ страна представляетъ чрезвычайно удобно расположенное независимое географическое цѣлое, находящееся въ сторонѣ отъ направленія

возможныхъ конфликтовъ, и ей какъ будто самой природой предопредѣленъ нейтралитетъ во всѣхъ великихъ и малыхъ столкновеніяхъ, которыя могутъ еще тревожить международный покой. Стратегическая необходимость ея принадлежности Россіи не больше и не меньше, чѣмъ необходимость принадлежности всякой сосѣдней страны — Восточной Пруссіи, Румыніи, Норвегіи... Во всякомъ случаѣ, ни сама Финляндія, ни ея ближайшіе сосѣди ни порознь, ни даже вмѣстѣ взятые, угрозы Россіи не представляютъ. А соображеніе о томъ, что Финляндія могла бы служить базой для дессантныхъ операцій морской державы, господствующей въ Балтійскомъ морѣ, не таковы, чтобы ими можно было оправдать лишеніе независимости цѣлаго народа. Болѣе того, какъ разъ независимость Финляндіи будетъ лучшимъ прикрытіемъ для Россіи.

Финансы Финляндіи тоже обособлены отъ русскихъ. При общемъ народномъ достояніи, оцѣниваемомъ въ 6 милліардовъ финскихъ марокъ, государственные долги къ 1914 году составляли 171 милліонъ фмк. Нынѣ долгъ возросъ до 1,7 милліарда. Сравнительно благополучное состояніе финскихъ финансовъ объяснялось до войны отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Финляндія не знала тяготы воинской повинности въ такой мѣрѣ, какъ Россія: съ 1889 года она выставляла всего по 9 человѣкъ съ 1.000, въ то время какъ въ Россіи призывалось по 36 человѣкъ съ тысячи; въ Россіи военные расходы составляли около 25% бюджета, а въ Финляндіи — всего 16%, въ Россіи эти расходы падали по 2 р. 83 к. на душу, а въ Финляндіи — всего по 1 р. 35 к. Финансовыя перспективы Финляндіи ухудшаются тѣмъ обстоятельствомъ, что Финляндія имѣла постоянно пассивный торговый балансъ, при чемъ превышеніе ввоза надъ вывозомъ съ 1907 года достигаетъ суммы около 100 милліоновъ фмк. ежегодно. Вотъ сопоставленіе вывоза и ввоза главныхъ товаровъ въ 1913 г. (въ милліонахъ фмк.):

Ввозъ		Вывозъ	
Зерно и мука	99,0	Лѣсъ и дерево (древес. и бумага 71,3)	227,3
Колоніальные тов.	55,3	Продукты животноводства (масло 35,3)	43,6
Металлы и мет. тов.	37,2		
Сукно, нити	36,1	Текстильные товары.	9,4
Машины	33,1		
Каменный уголь	13,4	Товары машиннаго и металлическаго произв.	8,0
Минералы	29,5		
Цементъ	5,0	Минералы (камни, стекло)	6,2
Текстильные тов.	27,5		
Фуражъ и сѣмена	22,9	Рыба	6,2
Кожа и шерсть	22,1		
Жиры и масла	17,6	Живой скотъ	5,5
Керосинъ	6,5		
Каучукъ, смола	13,7		
Продукты животнов.	13,5		
Напитки	11,1		
Готовыя платья	9,8		
Всего ввозъ	453,3	Всего вывозъ	401,8

Въ 1908—13 году, по рубрикѣ пищевыхъ продуктовъ ввозъ превышалъ вывозъ на 121,4 милл. фмк., по рубрикѣ фабрикатовъ — на 63,3 милліона фмк., по рубрикѣ же сырья и полуфабрикатовъ вывозъ превышалъ ввозъ на 71,7 фмк.

По размѣрамъ торговыхъ сношеній съ Финляндіей страны располагаются въ такомъ порядкѣ (1913):

	Оборотъ	Ввозъ	Вывозъ
Германія	254,1	202,5	51,6
Россія	252,3	139,5	112,3
Англія	169,1	60,8	108,5

Чѣмъ покрывала Финляндія пассивность своего торговаго баланса? Финскіе изслѣдователи даютъ на это слѣдующій отвѣтъ: деньгами, затрачиваемыми въ Финляндіи русскими чиновниками и военными, доходами европейскихъ туристовъ (и, конечно, русскихъ дачниковъ) и фрахтами, получаемыми финскими судами за перевозку товаровъ за-границу (Финляндія къ 1913 году имѣла 355 т. тоннъ парусныхъ и 76 т. тоннъ паровыхъ судовъ).

Въ общемъ, ближайшее финансовое будущее Финляндіи лишено ясности, такъ какъ доходы страны, въ виду разоренія въ Россіи и отсутствія туристовъ, сократятся, а расходы, въ виду собственнаго дипломатическаго пред-

ставительства, а также значительныхъ усилій на оборону страны, несомнѣнно, возрастутъ.

8. Аландскій вопросъ.

Что значительныя усилія на оборону страны неизбѣжны — показываетъ въ первую очередь то обстоятельство, что даже со Швеціей, съ которой Финляндію связываютъ тѣснѣйшія узы общей исторіи, культуры и политической солидарности, отношенія въ послѣднее время весьма обострились изъ-за Аландскихъ острововъ. Вопросъ этотъ не лишенъ поучительности и характерности.

Шведская точка зрѣнія на этотъ вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ. Жители Аландскихъ острововъ — шведы по происхожденію и языку: по переписи 1910 года 96% жителей назвали роднымъ языкомъ шведскій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ послѣднее время среди жителей Аландскихъ острововъ началось теченіе въ пользу присоединенія острововъ къ Швеціи, выразившееся въ устройствѣ собранія представителей приходовъ, посылки депутаціи во Францію, Англію и Швецію. Даже, согласно финскимъ источникамъ, большинство населенія встало именно на эту точку зрѣнія. Это даетъ шведской націоналистической печати поводъ утверждать, что къ Аландскимъ островамъ должно быть примѣнено начало самоопредѣленія народовъ. Это положеніе подкрѣпляется еще рядомъ специфическихъ доводовъ, безъ которыхъ дѣло не обходится, какъ только затрагиваются вопросы о правахъ государства на ту или иную территорію. Согласно этимъ соображеніямъ, Аландскіе острова необходимы Швеціи, какъ стратегическое обезпеченіе для ея береговъ, въ частности, для обороны Стокгольма, при чемъ выдвигается на сцену пресловутая «русская опасность»: какъ извѣстно, послѣ крымской войны Россія обязалась не возводить укрѣпленій на Аландскихъ островахъ, но это

обязательство было нарушено во время послѣдней войны, когда Россія построила мощныя укрѣпленія, которыя Швеціей были восприняты, какъ «заряженный пистолетъ, приставленный къ груди».

На эти доводы финскіе политики отвѣчаютъ соображеніями въ свою пользу. Географически Аландскіе острова составляютъ продолженіе финскаго побережья, при чемъ все пространство до береговъ Финляндіи заполнено мелкими островами, которыхъ насчитывается свыше десятка тысячъ: отъ скандинавскихъ же береговъ острова отдѣлены глубокимъ проливомъ. Вопросъ о языкѣ не рѣшаетъ дѣла, такъ какъ многіе финскіе граждане говорятъ по-шведски, и районъ преобладанія шведскаго языка не ограничивается Аландскими островами, но простирается далѣе на востокъ, захватывая почти весь прибрежный архипелагъ и даже часть континента. Неужели передъ Финляндіей должна стоять вѣчная угроза дальнѣйшаго отпаденія и этихъ частей, входившихъ съ незапамятныхъ временъ, какъ и Аландскіе острова, въ составъ политическаго цѣлаго Финляндіи? Что же касается воли населенія и его права на самоопредѣленіе, то тутъ финскіе дипломаты поднимаютъ чрезвычайно интересный принципіальный вопросъ о томъ, въ какихъ случаяхъ воля національнаго меньшинства можетъ явиться факторомъ международнаго порядка. По мнѣнію финской публицистики, національное меньшинство получаетъ право на самоопредѣленіе лишь въ томъ случаѣ, если не можетъ свободно развиваться въ рамкахъ прежней государственности. Такъ какъ населеніе Аландскихъ острововъ имѣетъ самыя широкія культурныя права, такъ какъ въ послѣднее время ему дано широкое самоуправленіе (гомъ-руль), и оно даже освобождено отъ отбыванія воинской повинности, то это превращаетъ конфликтъ между финской властью и аландцами во внутренній споръ, не подлежащій международной компетенціи. Что же касается стратегическихъ сообра-

женій, то они парируются указаніемъ на то, что якобы Финляндія была всегда щитомъ, прикрывающимъ скандинавскія страны отъ Россіи, и именно поэтому никто теперь не вправѣ дезертировать изъ-подъ финскаго знамени и отказываться отъ своей доли тяготъ въ исполненіи этой «исторической» роли.

При всей осторожности и осмотрительности шведскихъ и финскихъ политиковъ, вопросъ этотъ получилъ значительное обостреніе. Финны не могутъ понять, какимъ образомъ Швеція, признавшая первая безъ всякихъ оговорокъ независимость Финляндіи, позволила себѣ послѣ этого принимать депутатовъ отъ аландскаго населенія и даже давать устами короля обѣщаніе сдѣлать все возможное для удовлетворенія пожеланія присоединиться къ Швеціи. Шведы, въ свою очередь, глубоко огорчены тѣмъ, что финны, признавшіе себя вправѣ односторонне расторгнуть политическія связи съ Россіей, не хотятъ признать права на такое же «самоопредѣленіе» для горсточки шведовъ Аландскихъ острововъ. Особеннаго обострения вопросъ достигъ, когда финское правительство рѣшилось на суровыя мѣры, арестовало руководителей сепаратистскаго движенія на Аландскихъ островахъ и предало ихъ суду по обвиненію въ государственной измѣнѣ.

Международная дипломатія считаетъ вопросъ еще не окончательно рѣшеннымъ. Съ одной стороны, совѣтское правительство, къ великому огорченію Финляндіи, протестовало противъ претензіи Швеціи на Аландскіе острова, подчеркивая этимъ права Россіи на участіе въ разрѣшеніи этого вопроса. Съ другой стороны, Лига Народовъ Міра, постановивъ принять въ свой составъ Финляндію, сдѣлала оговорку относительно Аландскихъ острововъ, считая вопросъ о нихъ не урегулированнымъ окончательно.

9. *Карельскій вопросъ.*

Если на западъ отъ своихъ предѣловъ Финляндія отстаиваетъ свои права на чужеродное населеніе, тяготѣющее къ иному политическому образованію, то на востокѣ она сама выступаетъ въ роли Швеціи, требуя присоединенія такъ называемой Восточной Карелiи, вопросъ о которой съ неожиданной остротой и настойчивостью былъ поставленъ финскими дипломатами во время мирныхъ переговоровъ съ совѣтской властью.

Въ пользу присоединенія Карелiи къ Финляндiи приводятся слѣдующія соображенія. Прежде всего указывается, что этнографически край принадлежитъ финскому племени, такъ какъ изъ общаго числа 187 т. жителей 117 т. различныхъ финскихъ племенъ: кареловъ, весповъ, лапландцевъ. Въ связи съ этимъ указывается на «народную волю», выраженную въ рѣшеніи какого-то національнаго карельскаго совѣта. Однако, развитіе культуры края таково, что коллективное сознательное рѣшеніе совершенно не подъ силу мѣстному населенію, разобщенному бездорожьемъ, не имѣющему прессы и пр. Наконецъ, приводятся соображенія географическія о необходимости Финляндiи имѣть выходъ въ океанъ. Но, съ одной стороны, если встать на почву такихъ доводовъ, то они значительно убѣдительнѣе въ устахъ русскихъ представителей, ибо какъ разъ Россія имѣетъ здѣсь единственный выходъ къ незамерзающимъ портамъ Ледовитаго океана: значеніе его подчеркнуто спѣшной постройкой Мурманской желѣзной дороги во время войны. Финляндiи же для выхода въ океанъ нужна не вся Карелія, а лишь область Печенги. Но какъ разъ тамъ населеніе русское, и отдача этой области противорѣчила бы этническому принципу.

Кромѣ того, имѣются и спеціальные доводы въ пользу Россіи. Прежде всего, исторически Карелія еще со временъ Великаго Новгорода составляетъ политическую

часть Русской Земли. И это историческое сожительство не могло не отразиться на культурѣ населенія, которое вмѣстѣ съ православіемъ усвоило русскій бытъ и складъ жизни. Но, главное, при населеніи, численностью не превышающемъ населенія одного уѣзда въ центрѣ Россіи, Карелія занимаетъ болѣе 200 т. кв. километровъ. Такимъ образомъ, это покамѣстъ только пустыня. Поэтому едва ли можно обусловливать судьбу такого обширнаго края горсточкой населенія, вѣроятно меньшей, чѣмъ то количество рабочихъ, силами которыхъ Россія строила Мурманскую желѣзную дорогу, пробивая себѣ путь къ единственному свободному выходу въ Ледовитый и Атлантическій океанъ, мѣняя весь политическій, географическій и экономическій смыслъ края. Поэтому сравнивать, съ одной стороны, расовую принадлежность небольшихъ народцевъ, еще ничѣмъ себя политически не проявившихъ, а, съ другой стороны, уже произведенную работу стомилліоннаго народа — какъ будто не приходится. Тутъ, несомнѣнно, перейдены предѣлы допустимаго использованія создавшагося временнаго положенія Россіи. И можно лишь пожелать, чтобы финскіе политическіе дѣятели, всегда проявлявшіе чрезвычайную осторожность, тактъ и выдержку, поскорѣе и окончательно сняли этотъ вопросъ съ программы дня.

Это не значитъ, что естественное стремленіе финскаго народа къ культурной экспансіи представлялось незаконнымъ, или что линія направленія экспансіи должна идти мимо востока, близкаго по характеру, богатаго, но еще не использованнаго, населеннаго родственными племенами края! Но подходящую обстановку для этой работы можетъ дать отнюдь не враждебное отмежеваніе отъ Россіи, но, наоборотъ, возстановленіе политической связи съ Россіей. Сохраненіе на новыхъ прочныхъ основахъ прежней самобытности, наряду со взаимнымъ признаніемъ гражданскаго равноправія, единственно можетъ открыть на востокѣ просторы для финской работы. Если

припомнить новую обстановку, въ которой окажется Россія, если учесть значеніе усилившихся и автономныхъ окраинъ ея и невозможности прежней централизаторской политики, то, съ точки зрѣнія финскихъ народныхъ интересовъ, слѣдуетъ признать, что вопросъ объ отношеніи къ Россіи, быть можетъ, не исчерпывается торопливымъ разрываніемъ связей. Ростъ демократическихъ силъ въ странѣ, впечатлѣніе, которое русская революція вызвала въ нихъ — все это, можно надѣяться, въ моментъ торжества истинной демократіи въ Россіи заставитъ Финляндію нàново пересмотрѣть вопросъ о своей международной оріентаціи и внести существенныя поправки въ политику обособленія отъ Россіи.

ПОЛЬША

1. Уничтоженіе польской государственности. 2. Польскій вопросъ въ Россіи. 3. Польскій вопросъ въ Германіи. 4. Польскій вопросъ въ Австріи. 5. Возрожденіе Польши.

Въ 1908 году А. Л. Погодинъ, во вступленіи къ своей книгѣ о главнѣйшихъ теченіяхъ польской политической мысли, предостерегалъ русскаго читателя, что многое въ польскихъ настроеніяхъ произведетъ «неблагопріятное впечатлѣніе». Но авторъ убѣждалъ русскаго читателя постараться вникнуть въ психологическія основы воззрѣній и чувствъ поляка и понять, что «польское общество — больное»...

Эти извиненія за поляковъ нынѣ кажутся нѣсколько странными. Если припомнить, что 20-милліонный народъ, живущій въ центрѣ Европы, съ чисто европейской культурой, съ громаднымъ запасомъ духовныхъ силъ, съ чрезвычайной силой творчества на всѣхъ поприщахъ, въ теченіе всего великаго XIX вѣка былъ порабощенъ тремя культурными государствами и встрѣтилъ XX вѣкъ нашей эры безъ всякой политической перспективы, безъ всякой надежды на лучшее будущее, а, наоборотъ, съ грозными признаками усиленія гнета и съ востока, со стороны Россіи, и съ запада, со стороны Пруссіи, и весь міръ обходилъ дипломатическимъ молчаніемъ эту дикую несправедливость и ненужность, — то мы должны признать, что больной являлась вся европейская культура, и что всѣ системы международной дипломатіи покоятся на гнилыхъ основаніяхъ. И, дѣйствительно, стоило только пронестись надъ Европой бурѣ, какъ гнилыя осно-

ванія затрещали, и еще война шла полнымъ разгаромъ, еще не было извѣстно, кто побѣдитъ и кто падетъ въ борьбѣ, но уже было ясно: Польша, во всякомъ случаѣ, воскреснетъ. Единственный вопросъ, относительно котораго до всякихъ переговоровъ пришли къ единодушію враждующія стороны — это освобожденіе Польши, прокламированное центральными державами и русскимъ Временнымъ Правительствомъ. И въ то время, какъ Россія необычайной внутренней разрухой искупаетъ свою правовую отсталость, а воинственной Пруссіи нанесенъ войною же сокрушающій ударъ, Польша воскресаетъ къ новой жизни и на новыхъ основахъ свободы и права можетъ приступить къ возсозданію своей государственности.

Быть можетъ, даже теперь, когда дѣйствія Польши, дѣйствительно, могутъ подчасъ вызвать «неблагопріятное впечатлѣніе», — быть можетъ, опять таки слѣдуетъ корни этой нездоровой психологіи искать не въ самой Польшѣ, а въ той политикѣ угнетенія и порабощенія, которая царила въ ней почти полтора вѣка. И какими ничтожными иногда кажутся упреки по адресу Польши за ея претензіи на тотъ или иной уѣздъ на западной границѣ, или ту или иную губернію на востокѣ, когда припомнимъ, что всѣ уѣзды и губерніи Польши недавно принадлежали тѣмъ, кто теперь упрекаетъ Польшу въ захватныхъ стремленіяхъ. Какъ наивно звучатъ жалобы русскихъ или нѣмецкихъ націоналистовъ на стѣсненія русскаго или нѣмецкаго элемента въ Польшѣ, если припомнить, что недавно какъ разъ эти элементы давили польскую культуру въ самой же Польшѣ! И если Польша все еще больна, если психологія ея общества ненормальна, то мы не вправѣ закрывать глаза на то, что причина этой болѣзни и ненормальности — ничто иное, какъ русскій и прусскій государственный строй, наслѣдіе котораго не такъ легко изживается какъ въ Польшѣ, такъ и внѣ ея.

1. *Уничтоженіе польской государственности.*

Обычно принято польскую историческую государственность считать примѣромъ анархіи и своеволія. Дѣйствительно, картина послѣднихъ полутораста лѣтъ до раздѣловъ Польши показываетъ, что принципы шляхетскихъ привилегій и правъ получили нездоровое развитіе и дали государственный строй, основанный не на твердой власти, а на кастовой организаціи воинствующей во внутреннихъ отношеніяхъ и безпомощной при внѣшнихъ столкновеніяхъ шляхты. Среднее же городское сословіе было лишено всякихъ политическихъ правъ, точно такъ же, какъ и крестьянство, находящееся въ тяжелой крѣпостной зависимости.

Такое развитіе польской государственности въ значительной степени было обусловлено географическимъ положеніемъ Польши. Окруженная со всѣхъ сторонъ сильными и безпокойными сосѣдями, вынужденная вѣчно вести войны, она не могла спокойно, какъ Англія, завершить процессъ перехода отъ привилегій высшихъ слоевъ къ общимъ правамъ народа. Принадлежа не производительнымъ классамъ, а военному сословію, привилегіи эти выродились въ уродливую форму, дѣлающую государство неспособнымъ ни къ какому прогрессу, и привели къ непрекращающейся смутѣ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ. Это давало удобный поводъ для вмѣшательства сосѣдей: въ 1772 году совершенъ былъ первый раздѣлъ Польши, по которому Австрія получила Галицію, Пруссія — Померанію, а Россія взяла Бѣлоруссію.

Лишь передъ лицомъ гибели польскій народъ выдвинулъ изъ своей среды реформаторовъ, давшихъ знаменитую конституцію 3 мая 1791 года, проведеніе которой сулило новую эру въ жизни Польши. Но было уже поздно, и 3-ье мая осталось лишь національнымъ праздникомъ, завѣтомъ грядущаго спасенія черезъ внутреннее обновленіе. Для ближайшаго же времени оно послужило

лишь поводомъ для новаго вмѣшательства Россіи и Пруссіи, которыя подъ видомъ, что демократическая конституція является отраженіемъ французской революціи и грозитъ опасностью сосѣднимъ странамъ, произвели новый раздѣлъ Польши, по которому Россія получила русскія земли Польши — Волынь, Подолію и Минскую область, Пруссія заняла Данцигъ и земли Великой Польши. Въ уцѣлѣвшихъ же частяхъ Польши былъ принудительно водворенъ старый порядокъ, при чемъ установлена была значительная зависимость во всѣхъ дѣлахъ отъ Россіи.

Послѣ неудачной попытки Костюшки борьбой защитить независимость Польши — былъ произведенъ третій раздѣлъ, по которому Россія получила Литву и Курляндію. Остальныя земли Польши были раздѣлены между Пруссіей и Австріей. — Слѣдуетъ отмѣтить, что по всѣмъ тремъ раздѣламъ Россія не получила ни клочка исконно польскихъ земель, а только литовско-русскія области. Изъ польскихъ же земель было при Наполеонѣ I послѣ Тильзитскаго мира выдѣлено Варшавское герцогство. Лишь послѣ разгрома Наполеона, на Вѣнскомъ Конгрессѣ былъ произведенъ четвертый, окончательный, раздѣлъ Польши, по которому Россія получила бо́льшую часть герцогства (такъ называемая Конгрессовая Польша).

2. *Польскій вопросъ въ Россіи.*

Политика Александра I и возстаніе 1830 года.

Уже при Александрѣ I сказались принципіальныя трудности управленія присоединенными польскими областями. «Учредительной Хартіей» 1815 года Польшѣ была дана значительная автономія во внутреннихъ дѣлахъ. Она имѣла свои представительныя учрежденія, свое правительство, свои финансы и даже свое войско. Но сразу же обнаружилось разнорѣчіе настроеній русскихъ правительственныхъ круговъ и польскихъ общественныхъ

дѣятелей, которые стремились къ дальнѣйшему расширенію независимости Польши и объединенію въ ней всѣхъ ея прежнихъ земель, отторгнутыхъ по раздѣламъ. При этомъ одни теченія стремились къ полному освобожденію отъ Россіи и созданію польской республики (историкъ Лелевель и др.). Аристократическая же партія Польши (Адамъ Чарторійскій и пр.). считала необходимымъ сохранить польскій престолъ за русскимъ императоромъ, разсчитывая при помощи соглашенія съ русской властью добиться національныхъ цѣлей. Александръ I не склоненъ былъ идти такъ далеко и въ послѣднее время, въ связи съ общей перемѣной своихъ настроеній, сталъ даже ограничивать права поляковъ. Но настроенія въ Польшѣ нарастали; подъ вліяніемъ демократическихъ и революціонныхъ теченій въ Европѣ въ ней стали образовываться тайныя общества, и при Николаѣ I, въ концѣ 1830 года, въ Варшавѣ началось возстаніе, которое вскорѣ привело къ очищенію отъ русскихъ войскъ всѣхъ польскихъ областей. Такъ какъ созванный Сеймъ рѣшился на полное уничтоженіе связи съ Россіей, то русскія войска были двинуты въ Польшу, и возстаніе было подавлено. Польская конституція была уничтожена, войско расформировано, финансовая обособленность отмѣнена, Варшавскій университетъ закрытъ, а сама Польша раздѣлена, по образцу Россіи, на нѣсколько губерній. Но все же, на основаніи такъ называемаго «Органическаго статута», было сохранено польское намѣстничество и образованъ особый Государственный Совѣтъ Царства Польскаго, составленный изъ лицъ по назначенію государя. И участіе польскаго элемента не было вполнѣ уничтожено: лишь съ теченіемъ времени оно стало все болѣе выгѣсняться русскимъ элементомъ.

Возстаніе 1862 года.

Въ теченіе всего царствованія Николая I въ Польшѣ, управляемой желѣзной рукой князя Паскевича, царило

спокойствіе. Но ненормальность ея положенія была ясна правительству, и съ воцареніемъ Александра II, въ связи съ общими реформами въ Россіи, намѣченъ былъ рядъ измѣненій въ управленіи Царствомъ Польскимъ. Государственный Совѣтъ былъ реформированъ и составленъ лишь изъ поляковъ, въ губерніяхъ были учреждены совѣты изъ выборныхъ отъ населенія, было, далѣе, предположеніе отдать судъ, школы и церковныя дѣла въ вѣдѣніе мѣстныхъ комиссій (министерствъ), эмигранты получили разрѣшеніе вернуться на родину. Во главѣ польской администраціи всталъ маркизъ Велепольскій, стремившійся къ установленію въ Польшѣ такого порядка, какой существовалъ въ Финляндіи, убѣждая русскіе правящіе круги, что это единственное рѣшеніе для блага Польши, Россіи и Европы.

Но польскія настроенія развивались болѣе скорымъ темпомъ, чѣмъ реформы, проводимыя русской властью. Идея государственной независимости и территоріальнаго возстановленія Польши въ границахъ 1772 года опять ожила въ умахъ польскихъ патріотовъ. Маркизъ Велепольскій все болѣе терялъ вліяніе, и подъ руководствомъ «народнаго правительства» въ Варшавѣ въ 1863 году вспыхнуло вооруженное возстаніе, сразу охватившее весь край и Литву. Политика Велепольскаго была оставлена, возстаніе сурово подавлено. Иностранными державами, по иниціативѣ Франціи, была сдѣлана попытка вмѣшаться въ пользу Польши. Но на эту попытку былъ данъ не только властью, но и русской націоналистической общественностью рѣшительный отвѣтъ, протестующій противъ вмѣшательства въ русскія внутреннія дѣла.

Обрусительная политика.

Послѣ возстанія 1863 года русское правительство нѣкоторое время колебалось, не находя твердой линіи поведенія. Но въ Царствѣ Польскомъ уже появились стаей русскіе чиновники, администрація переходитъ цѣ-

ликомъ въ руки русской бюрократіи, русскій языкъ вводится въ управленіе, и начинается обрусеніе школы. Съ 1870 же года обрусительная политика, руководимая Гурко и Апухтинымъ, пошла полнымъ ходомъ. Во всей польской школѣ — средней, низшей и высшей — было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ; польскій языкъ былъ оставленъ лишь въ видѣ одного изъ необязательныхъ предметовъ. Всѣ проявленія польской общественной жизни стали преслѣдоваться самымъ придирчивымъ образомъ. Начался походъ на католичество; уніаты были объявлены православными. Словомъ, велась всесторонняя работа въ смыслѣ искорененія въ польскомъ народѣ «тѣхъ особенностей, которыя отдѣляютъ его отъ Россіи» и направленная къ тому, чтобы «постепенно ввести польскій народъ въ русскую семью».

Новая польская общественность.

Чѣмъ же отвѣтило польское общество на эту опасность, грозящую уже не только политической судьбѣ польскаго народа, но самому его существованію?

Прежде всего — если не считать наивныхъ и не получившихъ отклика попытокъ польскихъ эмигрантовъ («Польская Лига», созданіе польской казны) — окончательно были сданы въ архивъ романтизмъ и мечты прежняго времени о томъ, что несправедливость надъ польскимъ народомъ не можетъ долго оставаться, что внѣшній міръ долженъ заинтересоваться Польшей, и что необходима внѣшне-эффектная борьба, чтобы внѣшній міръ видѣлъ, что Польша жива. И тѣ круги, изъ которыхъ раньше выходили идеологи возстанія, ближе всего склонны были теперь къ полной противоположности, къ линіи соглашенія, «угоды». Тѣмъ болѣе, что если возстаніе въ Россіи привело къ потерѣ того, что Польша уже имѣла, то политика соглашенія дала въ Галиціи весьма реальные плоды: аристократическая консервативная партія «станчиковъ», путемъ соглашенія съ

правящими кругами Австріи, сумѣла во многихъ отношеніяхъ обезпечить не только свои сословные интересы, но и интересы польской культуры, для которой Краковъ сталъ настоящей базой и убѣжищемъ. Ту же линію поведенія стали проповѣдывать и въ Россіи (Спасовичъ, Мошинскій, Пильцъ), особенно когда послѣ воцаренія Николая II, ухода Гурко и появленія новой линіи князя Имеретинскаго явились надежды на измѣненіе правительственнаго курса по отношенію къ Польшѣ. Въ это время даже не отдѣльные круги, а все общество манифестировало чувства лойяльности, и при посѣщеніи государемъ Варшавы былъ собранъ милліонъ рублей въ полное распоряженіе царя.

Но польская жизнь не вмѣщалась въ эти рамки разочарованія въ прежнемъ романтизмѣ и надеждъ на соглашеніе съ властью. Въ ней уже нарождались новыя силы, съ новыми настроеніями, съ новыми требованіями и методами дѣйствія.

Нарожденіе промышленности, развитіе торговли, внѣшнее развитіе жизни, которое въ Польшѣ шло такъ же, какъ въ другихъ странахъ, создало классъ польской буржуазіи и сильный слой профессіональной интеллигенціи. Объ интенсивности этого развитія можно судить по тому, что въ 1863 году, въ началѣ возстанія, въ Польшѣ было всего только 9 періодическихъ органовъ, а въ 1866 году ихъ имѣлось уже около 30. Новый классъ польскаго народа пришелъ со своимъ демократическимѣщанскимъ идеаломъ и далъ выраженіе своей идеологіи въ теченіи, извѣстномъ подъ именемъ «варшавскаго позитивизма». «Польскій Вольтеръ» Свентоховскій и рядъ другихъ сотрудниковъ журнала «Еженедѣльное Обозрѣніе» стали проповѣдывать органическій трудъ, отказъ отъ гипертрофированнаго интереса къ міровой политикѣ и обращеніе къ своимъ собственнымъ дѣламъ. Вмѣсто диспута съ г. президентомъ французской республики — позитивисты звали къ устройству дешевыхъ столовыхъ и

пріютовъ для подкидышей. Пустить струю свѣжаго воздуха органическаго труда въ затхлую атмосферу клерикализма и шляхетства — вотъ что нужно Польшѣ. Понять, что, создавая культурныя условія жизни, помогая себѣ, каждый помогаетъ и обществу — вотъ задача передъ каждой отдѣльной личностью... Несомнѣнно, увѣренная и бодрая проповѣдь реальной работы чрезвычайно освѣжающе дѣйствовала въ Польшѣ, создала новый циклъ мыслей и ощущеній, выводящій изъ замкнутаго круга соглашательства и безвѣрія.

Но аполитизмъ этихъ круговъ не могъ быть длительнымъ. Очень скоро стало ясно, что позитивная работа нуждалась въ организаціи, въ извѣстныхъ минимальныхъ правовыхъ условіяхъ, въ обстановкѣ, гарантирующей нѣкоторыя политическія свободы личности и общества. Но этихъ условій и обстановки польская жизнь не имѣла. Экономическая отсталость страны, недостаточность ея желѣзныхъ дорогъ, неблагоустройство городовъ, неграмотность населенія, отсутствіе техническаго образованія — все сводилось къ тѣмъ препятствіямъ, которыя русская власть ставила полякамъ въ ихъ культурной работѣ, все требовало прежде всего измѣненія въ политическихъ условіяхъ жизни края. Даже принципъ «помогай себѣ — и ты поможешь обществу», даже въ самомъ узкомъ, мѣщанскомъ его толкованіи, наталкивался на непреодолимыя препятствія: мѣстная интеллигенція видѣла, какъ страна наполняется русскими чиновниками, какъ отовсюду стекаются отбросы русской бюрократіи... Для мѣстныхъ же силъ — всѣ дороги правительственной службы были закрыты, и мѣстные люди на своей родинѣ чувствовали себя безправными иностранцами.

Тѣ же причины, которыя вызвали нарожденіе средней буржуазіи, съ ея идеологіей органическаго труда, выдвинули къ жизни новыя силы, которыя впервые послѣ возстанія 1863 года поставили въ новомъ свѣтѣ во-

просъ о необходимости широкой политической борьбы. Ростъ промышленности создалъ значительный классъ рабочихъ. Въ 1880 году въ Лодзи было 16.000 рабочихъ, а въ 1892 — уже 30.000. Въ Варшавѣ съ 10.000 въ 1875 году число рабочихъ поднялось до 29.000 въ 1896 г. Общее число около 1.000.000 безземельныхъ въ Польшѣ давало богатый контингентъ для постояннаго роста польскаго пролетаріата. И въ его средѣ, подъ вліяніемъ русской соціалистической мысли, нарождается организаціонная работа подъ знаменемъ соціализма.

Сперва эта работа носила чисто интернаціональный характеръ, мало откликаясь на національные мотивы. Но развитіе работы и соприкосновеніе съ жизнью заставило идеологовъ польскаго соціализма считаться съ реальными фактами и настроеніями массъ. Реальными же фактами было то, что соціалистическое движеніе, наталкиваясь на политическія преграды, видѣло ихъ исключительно въ мундирѣ русскаго жандарма или русскаго городового. Поэтому борьба за политическія условія, необходимыя, какъ предпосылка къ соціальной борьбѣ, неминуемо приводила къ идеѣ предварительной борьбы съ русской властью, и такимъ образомъ настроенія соціалистовъ сближались съ общимъ народнымъ ощущеніемъ національной неволи и безправія. Поэтому, когда въ февралѣ 1893 года, послѣ ряда возникавшихъ и уничтожавшихся соціалистическихъ организацій, появилась польская соціалистическая партія (П.П.С.) — она имѣла на своемъ знамени патріотическій лозунгъ независимой соціалистической польской республики. Такимъ образомъ, на гребнѣ соціальнаго радикализма опять всплылъ радикализмъ національный, какъ въ тактическомъ смыслѣ (партія проповѣдывала возстаніе), такъ и въ программномъ (считая всѣ договоры и трактаты послѣ перваго раздѣла недѣйствительными, партія мыслила Польшу въ границахъ 1772 года и соотвѣтственно направляла свою дѣятельность). Радикализмъ былъ не

только теоріей, но и практикой партіи. Первые полит[ическіе] процессы въ Польшѣ возникли на соціалистической почвѣ, хотя вначалѣ это были лишь интеллигентскіе кружки молодежи. Нынѣ же, послѣ 1893 года съ организаціей партіи, началась большая работа, въ которой, между прочимъ, видное участіе принималъ и нынѣшній глава Польскаго государства, бывшій издателемъ перваго нелегальнаго органа партіи «Роботникъ». Пилсудскій самъ въ своей интересной книжкѣ разсказываетъ объ организаціи провоза нелегальной литературы изъ-за границы, ея распространеніи въ краѣ и печатаніи первой серіи «Роботника». Въ центрѣ большого города, наполненнаго русской полиціей и шпіонами, въ Лодзи, выходилъ номеръ за номеромъ этотъ журналъ, приводившій въ недоумѣніе жандармскія власти. Но дѣло было обставлено такъ, что только какая-то случайность открыла полиціи мѣсто тайной типографіи. Пилсудскій жилъ въ квартирѣ съ женой и наемной прислугой; къ нему ежедневно приходилъ помощникъ, и они съ мышиной чуткостью отпечатывали въ кабинетѣ хозяина комплектъ очередного номера, на что требовалось 15—16 дней упорной, тяжелой работы. Выпущенные номера подхватывали подготовленные агенты, которые развозили его по Польшѣ и Литвѣ. Съ 1894 по 1905 годъ вышло всего 62 номера журнала. Кромѣ того, партія издавала массу нелегальныхъ брошюръ, руководила забастовками рабочихъ, расширяла всюду свою организацію.

Еще бо́льшее значеніе для Польши имѣлъ процессъ возрожденія крестьянства.

Какъ извѣстно, польское крестьянство осталось, въ общемъ, почти безучастнымъ къ дѣлу возстанія: призывы польскихъ патріотовъ не могли пробудить его и засыпать пропасть классовой розни между шляхтой и «хлопомъ». Этимъ воспользовалось русское правительство, которое рѣшило въ польскомъ крестьянствѣ найти опору

и основу для своей руссификаторской политики. Освобожденіе крестьянъ было совершено на условіяхъ весьма выгодныхъ для польскаго крестьянства, которое вышло послѣ освобожденія экономически значительно болѣе крѣпкимъ, чѣмъ въ остальной Россіи. Но расчеты русскаго правительства на вѣрность польскихъ крестьянъ оказались неосновательными. При дальнѣйшемъ развитіи народной жизни въ крестьянствѣ явилось стремленіе къ организаціи, просвѣщенію, но тутъ онъ всюду встрѣтился съ такими препятствіями, чинимыми руссификаторской властью, что тотчасъ понялъ, что родной языкъ имѣетъ значеніе отнюдь не меньшее, чѣмъ земля. Въ гминѣ — приходилось вести протоколы и все дѣлопроизводство на русскомъ, чужомъ для крестьянина, языкѣ. Въ школѣ — преподаваніе велось на русскомъ, непонятномъ для дѣтей и чуждомъ окружающей жизни, языкѣ. Въ костелѣ — крестьянинъ чувствовалъ, что его религія не пользуется равноправіемъ и преслѣдуется властью. Крестьянство невольно научалось поэтому понимать, что его прогрессъ и развитіе невозможны при существующихъ политическихъ условіяхъ, и въ русской власти начинало видѣть главнѣйшаго и злѣйшаго своего врага.

Уже это направленіе народныхъ чувствъ и инстинктовъ въ сторону противъ русской власти значительно смягчало остроту соціальныхъ антагонизмовъ внутри польскаго общества. И можно безъ преувеличенія сказать, что русское правительство духовно загоняло русское крестьянство въ руки польской шляхты. Но не малое значеніе имѣло и то, что представители высшихъ классовъ, неизмѣнно оппозиціонные къ власти, окруженные даже ореоломъ преслѣдованій, приходили къ крестьянину съ посильной помощью и содѣйствіемъ: въ деревняхъ и имѣніяхъ процвѣтало тайное обученіе — по переписи 1897 года, изъ числа грамотныхъ въ Польшѣ знали грамоту только по-польски 60%, а такъ какъ правительственная школа учила только по-русски, то,

значитъ, большинство населенія получало образованіе въ тайныхъ школахъ. Кромѣ того, среди помѣщиковъ появились новыя теченія: не имѣя возможности поступать на государственную службу, они все свое вниманіе отдавали землѣ, заводили образцовыя хозяйства, поднимая этимъ уровень всей земледѣльческой культуры въ округѣ. Все это сближало крестьянъ съ помѣщиками, и между ними никогда не было такого антагонизма, какъ въ Россіи.

Это сближеніе за общей работой низовъ и верховъ народа получило и свое идеологическое обоснованіе въ проповѣди польскихъ народниковъ, имѣвшихъ своимъ органомъ газету «Голосъ» и стоявшихъ вначалѣ подъ значительнымъ вліяніемъ русскаго народничества. Но вскорѣ «Голосъ» былъ закрытъ, и народничество уже въ совершенно иной формѣ возродилось за-границей, вокругъ «Всепольскаго Обозрѣнія», разсчитаннаго на всѣ три части Польши.

Нарожденіе народовой демократіи.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ пути общественнаго развитія въ Польшѣ, всѣ разнообразныя настроенія различныхъ слоевъ и классовъ, въ конечномъ счетѣ неизмѣнно приводили къ одному и тому же: къ необходимости національной борьбы. Даже высшіе представители аристократіи, которые всегда нѣсколько интернаціональны, и тѣ начали понимать, что путь угоды не даетъ въ русскихъ условіяхъ никакихъ прочныхъ результатовъ: кн. Имеретинскій, съ политикой котораго связывалось столько надеждъ, былъ замѣненъ Чертковымъ, прямымъ продолжателемъ безоглядно-руссификаторской политики Гурко. Сознаніе необходимости борьбы вызвало поиски соотвѣтствующихъ формъ общественнаго дѣйствія.

Такъ какъ легальныхъ путей борьбы не было, то создалась нелегальная организація «Національная Лига»,

и въ Галиціи стали выходить «Всепольское Обозрѣніе» и «Полякъ», имѣвшіе, въ особенности послѣдній, громадное распространеніе въ Россіи. Наконецъ, въ 1897 году, образовалась народно-демократическая партія, которая съ начала XX вѣка получаетъ руководящую роль во всѣхъ трехъ частяхъ Польши.

Наряду съ большими заслугами передъ польскимъ народомъ на поприщѣ народнаго образованія и политической организаціи, народно-демократическая партія, дававшая основное направленіе польской общественной мысли, вліявшая даже на своихъ антагонистовъ, имѣетъ и крупный пассивъ, въ виду чрезвычайной узости ея идейныхъ основъ. Но это не столько вина партіи, сколько обстановки, въ которой польскій народъ вынужденъ былъ встрѣтить XX вѣкъ. Если съ запада на Польшу надвигался германизмъ, провозгласившій принципъ властвованія «кровью и желѣзомъ», если съ востока шелъ неуставаемый дикій гнетъ и разгромъ, — то можно ли требовать отъ польскаго народа заботливости въ сохраненіи идеалистической чистоты и вѣры въ человѣчность? И вотъ провозглашается принципъ: «Въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ справедливости и несправедливости — есть только сила и слабость». «Убѣжденіе довольно печальное, — писалъ лидеръ новаго теченія Дмовскій, — когда его провозглашаютъ въ краѣ, подвергающемся страшнѣйшему угнетенію. Но новая политическая школа полагала, что при столь опасномъ положеніи народа нельзя позволять ему оставаться пассивнымъ, по-прежнему утѣшаясь тѣмъ, что онъ — благородная жертва несправедливости». И на практикѣ, въ своей тактикѣ, партія проводила тотъ же реализмъ, какъ при оцѣнкѣ мѣръ защиты противъ нападенія, такъ и при выборѣ средствъ для нападенія, гдѣ оно только было возможно для поляковъ.

Въ Россіи партія начала свою работу въ весьма воинственномъ тонѣ, выставивъ въ программѣ незави-

симость Польши, которая должна быть добыта «кровью и желѣзомъ», то-есть возстаніемъ. Но уже съ 1901 года, когда партія значительно расширилась и вобрала въ себя значительное количество буржуазнаго элемента, не склоннаго по своей природѣ на слишкомъ рискованные эксперименты, возстаніе было выкинуто изъ тактическаго арсенала партіи. Болѣе того, въ программѣ тоже начали пробиваться умѣренные тона. И хотя, напримѣръ, русско-японская война была встрѣчена настроеніями очень близкими къ пораженческимъ, но задачей времени было поставлено завоеваніе широкой автономіи.

1905—6 годы. Новыя настроенія.

Начавшееся россійское освободительное движеніе вызвало глубокое броженіе и въ Польшѣ. Правительству былъ представленъ рядъ меморіаловъ и записокъ (графа Тышкевича и др.). Въ крестьянствѣ началось широкое гминное движеніе, требовавшее дѣлопроизводства на польскомъ языкѣ. Въ городахъ вспыхнула всеобщая школьная забастовка, окончившаяся введеніемъ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія Закона Божія на польскомъ языкѣ и разрѣшенія въ частныхъ заведеніяхъ общаго преподаванія на польскомъ языкѣ.

Выборы въ Государственную Думу дали отъ Польши «польское коло», состоявшее изъ однихъ только народовцевъ, которые внесли детально разработанный проектъ польской автономіи. Но уже тогда начались первыя тренія между польскими кругами и русскими прогрессивными партіями: неупоминаніе въ первой рѣчи Муромцева о судьбѣ Польши было встрѣчено извѣстнымъ огорченіемъ со стороны польскихъ представителей. Роспускъ первой и второй Думы, сокращеніе народнаго представительства и общая реакція въ Россіи сняли вопросъ объ автономіи Польши съ ближайшей очереди. И опять началась упорная борьба съ Польшей, вдохновляемая столыпинскимъ націонализмомъ.

Однако, разочарованіе польскаго общества оказалось значительно меньше, чѣмъ можно было бы ожидать. Во всякомъ случаѣ, не было ничего, хотя бы отдаленно напоминающаго настроенія послѣ неудачи возстанія 1863 года.

Съ одной стороны, русское освободительное движеніе впервые вызвало въ Польшѣ дѣйствительный интересъ къ Россіи и къ русскому народу. То, чего никогда не удавалось добиться правительству, легко и просто осуществило русское освободительное движеніе: русскія газеты массами стали выписываться и нарасхватъ читаться въ Польшѣ; польская демократія почувствовала себя плечо къ плечу съ русской, и въ программѣ П.П.С. принципъ независимости Польши былъ замѣненъ требованіемъ автономіи. Реакція не ослабила этой связи: польскій народъ видѣлъ, что рядомъ съ нимъ страдаетъ и борется за освобожденіе народъ русскій. Лозунгъ «за нашу и вашу свободу» получилъ вполнѣ реальный и отчетливо-программный смыслъ.

Иное впечатлѣніе произвелъ размахъ освободительнаго движенія въ правыхъ кругахъ польскаго общества. Но и тутъ невольно чувствовалась общность интересовъ крупной земельной и городской буржуазіи съ соотвѣтствующими классами въ Россіи. Польское забастовочное движеніе, чрезвычайная острота борьбы между соціалистическими и буржуазными теченіями — все это не на шутку встревожило польскіе умѣренные круги. Какія-либо мечты о возстаніи, отдававшемъ буржуазію въ полную власть народной стихіи, были оставлены. Правда, эти круги склонны были само польское пролетарское движеніе относить на счетъ русской анархіи, которая заражаетъ Польшу, и въ этомъ черпать новый доводъ за выдѣленіе Польши. Но практически гораздо бо́льшее значеніе имѣло то, что русская власть, поддерживающая внѣшній порядокъ въ краѣ, показалась этимъ кругамъ уже не только врагомъ.

3. *Польскій вопросъ въ Германіи.*

Не малое вліяніе на сдержанность польскаго общества по отношенію къ Россіи играли судьбы польскаго вопроса въ Германіи. Въ Россіи время такъ или иначе должно было принести значительное измѣненіе въ положеніе польскаго элемента и удовлетвореніе польскихъ стремленій: искоренить 10 милліоновъ поляковъ было задачей явно абсурдной для Россіи. Поэтому неизбѣжная демократизація строя должна была принести широкую возможность культурнаго развитія.

Не то въ Германіи, гдѣ около 3 милліоновъ разбросанно живущихъ поляковъ оказались лицомъ къ лицу противъ 60 милліоновъ нѣмцевъ, со стихійной силой производящихъ давленіе на востокъ, вооруженныхъ тяжеловѣснымъ и неумолимымъ аппаратомъ прусской государственности, со всей жестокостью и послѣдовательностью проводящаго задачу полнаго искорененія польскаго элемента. Тутъ могло казаться, что польской народности грозитъ такая опасность, которая можетъ быть предотвращена только извнѣ.

Однако, нельзя сказать, чтобы польскій элементъ въ Германіи не оказывалъ сопротивленія нѣмецкому натиску. Страницы борьбы поляковъ въ Познани и Силезіи до сихъ поръ составляютъ поучительные эпизоды въ исторіи современной общественности.

Гакатизмъ въ Познани.

Ярче всего прусская политика сказалась въ Великомъ Княжествѣ Познанскомъ, древнѣйшей польской землѣ, колыбели государства Пястовъ. Выдвинутое на западъ, окруженное со всѣхъ сторонъ нѣмецкимъ элементомъ, пропитанное нѣмецкими вліяніями, сильными тамъ еще при независимости Польши, княжество это стало объектомъ усиленной и безоглядной германизаціи. И вначалѣ польскій элементъ уступалъ передъ напоромъ денаціонализаторской политики. Но, подъ влія-

ніемъ всеобщаго возрожденія и демократизаціи польской культуры, поляки Познани стали оказывать сопротивленіе нѣмецкому натиску, и процессъ германизаціи остановился. Тогда возникъ знаменитый планъ полнаго искорененія польскаго населенія, лишенія его экономическихъ корней, такъ называемая политика «гакаты»[1]), стремящейся уже не онѣмечить поляковъ, а замѣнить нѣмцами, не verdeutschen, но ausrotten. Для этого былъ основанъ колонизаціонный банкъ, ставившій задачей скупать польскія земли и селить на нихъ нѣмецкихъ колонистовъ; кромѣ того, былъ введенъ рядъ ограниченій для польскаго землевладѣнія. Однако, несмотря на очень выгодныя матеріальныя условія, нѣмецкіе колонисты, встрѣчаемые чрезвычайно недружелюбно мѣстнымъ населеніемъ, вынуждены были часто бросать землю и уходить. Поляки же, въ свою очередь, основали экономическія организаціи для поддержанія польскаго землевладѣнія. При этомъ создалась такая политическая атмосфера, что продажа имѣнія колонизаціонному банку считалась измѣной народу и преступленіемъ. Въ результатѣ, послѣ громадныхъ усилій и значительныхъ затратъ со стороны германскихъ властей, польское землевладѣніе не только не сократилось, но даже нѣсколько увеличилось. Правда, уже наканунѣ войны, которой суждено было оторвать Познань отъ Германіи, былъ изданъ законъ о принудительномъ отчужденіи польскихъ земель, создававшій, казалось, неустранимую угрозу польскому элементу. Но и тутъ, вѣроятно, энергія и сплоченность націи, борющейся за свое существованіе, нашла бы способъ защитить и спасти себя.

Верхняя Силезія.

Въ этомъ убѣждаетъ замѣчательный процессъ возрожденія польскаго элемента въ Верхней Силезіи. Тамъ

*) Слово происходитъ отъ иниціаловъ вдохновителей этой политики.

положеніе поляковъ было значительно хуже, чѣмъ въ Познани. Въ послѣдней всегда существовали польскія традиціи, память о польской независимости. Не то въ Верхней Силезіи, которая въ теченіе 600 лѣтъ была въ рукахъ нѣмцевъ, и въ которой всѣ высшіе классы — городская буржуазія, земельная аристократія и интеллигенція — были всегда чисто нѣмецкими, польскій же элементъ былъ представленъ только крестьянствомъ, говорящимъ къ тому же на особомъ польскомъ діалектѣ. И, тѣмъ не менѣе, польскій элементъ, давимый и преслѣдуемый всюду, сумѣлъ не только сохраниться, но даже вступить въ борьбу за отвоеваніе края отъ нѣмцевъ. Въ виду совершенно исключительнаго интереса и поучительности этого процесса для всего круга вопросовъ, затрагиваемыхъ нашей книгой, остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ замѣчательномъ эпизодѣ общественной исторій современной Европы.

Польская Силезія въ настоящее время дѣлится на двѣ части: Верхнюю Силезію, бывшую въ составѣ Пруссіи, и австрійскую, или Тѣшинскій округъ, споръ изъ-за котораго обостряетъ отношенія между Польшей и Чехо-Словакіей. Но если Тѣшинское княжество, при всемъ его значеніи, какъ промышленнаго округа, не составляетъ для Польши жизненнаго вопроса, то судьба Верхней Силезіи надолго опредѣлитъ экономическую структуру польскаго государства.

Обѣ эти Силезіи въ настоящее время представляютъ только остатки польскихъ областей на западѣ. Оторванная отъ всей остальной массы польской территоріи, Силезія со второй половины XII вѣка была предметомъ распрей между короной св. Вацлава, Пруссіей и Австріей, пока, наконецъ, при Фридрихѣ II не попала окончательно въ руки Пруссіи, нераздѣльную часть которой Силезія составляетъ съ 1763 года.

Положеніе польскаго населенія въ странѣ было крайне тяжелое въ виду того, что къ общему эконо-

мическому гнету, который польское населеніе раздѣляло со всѣмъ нѣмецкимъ крестьянствомъ, присоединялся еще гнетъ національный, доходившій до прямого запрещенія польскаго языка, до запрещенія духовнымъ вѣнчать лицъ, не знающихъ нѣмецкаго языка, или даже нанимать такихъ лицъ прислугой! Школа, церковь, администрація, войско — все было направлено въ сторону онѣмечиванія, и въ результатѣ нынѣ въ Нижней и Средней Силезіи только названія мѣстностей свидѣтельствуютъ о томъ, что это нѣкогда были польскія страны. Въ одной лишь Верхней Силезіи крестьянство сохранило польскій языкъ въ своеобразномъ силезскомъ нарѣчіи.

Но тутъ съ середины XIX столѣтія, наряду съ правовымъ раскрѣпощеніемъ, наряду съ сильными вліяніями революціи 1848 года, стали сказываться просвѣтительныя идеи и своеобразный стихійный процессъ пробужденія народныхъ массъ. И изъ той же среды, которая раньше проводила германизацію насильственными мѣрами, выдвинулись люди съ новыми настроеніями и стремленіями: основу для пробужденія польскихъ массъ въ Верхней Силезіи положилъ не кто иной, какъ нѣмецъ, Бернардъ Богедэнъ, горячій нѣмецкій патріотъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ демократъ и хорошій педагогъ. Въ качествѣ школьнаго совѣтника, а впослѣдствіи въ качествѣ епископа, онъ сталъ вводить въ силезскихъ школахъ въ мѣстностяхъ съ польскимъ населеніемъ польскій языкъ, при чемъ не въ силезскомъ нарѣчіи, какъ рекомендовало министерство, а польскій литературный языкъ. Убѣдившись, что въ Силезіи нѣтъ ни одного учителя или ксендза, который умѣлъ бы правильно писать по-польски, Богедэнъ выписалъ учителей и священниковъ изъ Познани, основалъ учительскую семинарію, сдѣлалъ польскій языкъ обязательнымъ предметомъ въ другихъ семинаріяхъ въ Верхней Силезіи, издалъ рядъ книжекъ, преимущественно религіознаго содержанія, а въ 1849 году основалъ даже польскую газету. Вслѣдъ за

нимъ явились и польскіе дѣятели: Ломка, Смулка и др., при чемъ усилія ихъ ограничивались исключительно чисто культурной работой, отнюдь не имѣя никакихъ политическихъ тенденцій.

Въ новую фазу народное развитіе въ Верхней Силезіи вступило со времени такъ называемаго «культуръ-кампфа», открытаго Бисмаркомъ противъ католицизма. Въ 1872 году въ школахъ былъ введенъ нѣмецкій языкъ для обученія не только чтенію и письму, но и религіи и пѣнію. Польская работа на каждомъ шагу стала натыкаться на препятствія. Но на Верхнюю Силезію обратила вниманіе германская католическая партія центра. Она поддержала издаваемую извѣстнымъ польскимъ силезскимъ дѣятелемъ Мяркой газету «Католикъ» и начала на силезской почвѣ борьбу съ прусскими тенденціями.

Борьба центра, конечно, не шла подъ національнымъ польскимъ флагомъ, а лишь какъ внутренняя нѣмецкая распря. И партія центра не только не заботилась о томъ, чтобы на выборахъ выставлять поляковъ, но выдвигала кандидатуры даже явно враждебно настроенныя по отношенію къ польскимъ идеямъ, что, впрочемъ, подчасъ приводило къ провалу офиціальныхъ кандидатовъ и выбору поляковъ; но и эти поляки, выбранные противъ офиціальныхъ директивъ партіи, занимали обычно мѣста въ центрѣ, а отнюдь не въ «польскомъ коло».

Только въ 1901 году, уже на почвѣ создавшихся навыковъ къ политической дѣятельности, подъ вліяніемъ процесса національнаго возрожденія въ другихъ частяхъ Польши, подъ воздѣйствіемъ польскихъ организацій, въ Верхней Силезіи появляется уже чисто польское политическое движеніе. Появляется органъ всепольскихъ, народно-демократическихъ тенденцій «Верхнесилезецъ», редактируемый Корфанты. Со столбцовъ этого органа бросается лозунгъ: «долой центръ», и во время выборовъ 1903 года, наряду съ кандидатами центра,

выставляются уже польскіе кандидаты. И хотя побѣда осталась еще за центромъ, но польскіе кандидаты получили 44.000 голосовъ и провели одного своего представителя (Корфанты), который вошелъ въ составъ польскаго коло. Выборы 1907 года дали уже 115.000 голосовъ и 5 депутатскихъ мѣстъ. Правда, на слѣдующихъ выборахъ надежды завоевать всѣ 8 избирательныхъ округовъ (изъ 12), въ которыхъ поляки составляютъ большинство, не оправдались; наоборотъ, число польскихъ мѣстъ даже понизилось до 4. Но, тѣмъ не менѣе, польскія вліянія и польскія настроенія сказались уже съ неустранимой силой и отчетливостью, ставя предѣлъ дальнѣйшему движенію германизма и мѣняя весь культурный обликъ края.

Конечно, это не задерживало вполнѣ естественнаго процесса германизаціи въ видѣ постепеннаго увеличенія числа нѣмцевъ и уменьшенія поляковъ. Такъ, въ Верхней Силезіи, по переписи, было лицъ, говорящихъ на языкахъ:

Годъ	Нѣмецкомъ	%	Польскомъ	%	На двухъ яз.	%
1890	566.523	35,9	918.728	58,2	31.724	2,0
1900	684.397	36,6	1.048.230	56,1	70.296	3,7
1905	757.187	37,1	1.158.765	56,9	54.094	2,6

Благопріятное для нѣмцевъ значеніе этихъ цифръ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что абсолютный приростъ польскаго населенія въ значительной степени объясняется пришлымъ элементомъ: польскими рабочими, въ большомъ количествѣ притягиваемыми промышленными центрами Верхней Силезіи. Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, что нѣмецкій элементъ очень силенъ экономически. Верхняя Силезія является страной промышленныхъ и земельныхъ магнатовъ, въ рукахъ которыхъ находится около 58% всей земли, при чемъ около четверти всей Верхней Силезіи принадлежитъ 8 нѣмецкимъ фамиліямъ. Точно такъ же всѣ угольныя копи находятся въ нѣмецкихъ рукахъ. Нѣмцы же составляютъ главную массу профессіональной интеллигенціи. Но

все же численный перевѣсъ польскаго элемента сказывается очень сильно, и вліянія обѣихъ культуръ война застала почти въ равновѣсіи.

4. *Польскій вопросъ въ Австріи.*

Автономія Галиціи.

Картина польскаго народнаго дѣла самообороны и возрожденія была бы не полна безъ очерка отношеній въ Галиціи, гдѣ польскому элементу суждено было найти почву для наибольшихъ успѣховъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и проявиться въ менѣе симпатичной роли элемента агрессивнаго по отношенію къ другимъ народностямъ.

Когда въ 1772 году Галиція была присоединена къ Австріи, то это не вызвало недовольства мѣстнаго населенія, и наслѣдникъ австрійскаго престола, посѣтившій край, былъ встрѣченъ всеобщими и искренними овиціями. Польскій духъ и польскія настроенія почти не чувствовались. И только польскія возстанія въ русской части разбудили чувства принадлежности къ польскому народу и сознаніе общности польскаго дѣла.

Особенности развитія дунайской монархіи привели къ тому, что Галиція получила широкія права самоуправленія. Нѣкоторыя права были получены вмѣстѣ съ другими народами, иныя явились слѣдствіемъ придворныхъ вліяній польской высшей аристократіи, главныя же были пріобрѣтены путемъ сепаратныхъ соглашеній съ центральной властью за поддержку ея противъ другихъ народностей (такъ называемая политика аристократической партіи «станчиковъ», стоявшихъ за соглашеніе съ Австріей). Въ результатѣ, Галиція получила весьма широкую автономію, съ польскимъ языкомъ въ администраціи, въ судѣ, въ средней и низшей школѣ, въ Львовскомъ и Краковскомъ университетѣ. Въ виду этого Галиція явилась естественной базой для политической работы всего польскаго народа и служила убѣ-

жищемъ для народной мысли, гонимой въ Россіи и Германіи. Отсюда началось развитіе новаго польскаго сознанія, здѣсь зародились оформленныя настроенія борьбы за народные идеалы.

И, тѣмъ не менѣе, широкая автономія Галиціи не удовлетворяла поляковъ. Еще въ 60-хъ годахъ началось широкое демократическое движеніе, руководимое Францемъ Смолкой, добивавшееся выдѣленія Галиціи изъ земель Австрійской короны и установленія въ ней широкой конституціи. Въ 1868 году проектъ подобной конституціи былъ принятъ въ видѣ резолюціи Галиційскаго Сейма. Однако, частичными уступками австрійской власти удалось добиться того, что аристократическая партія въ Галиціи сняла съ очереди вопросъ о выдѣленіи, довольствуясь широко мѣстной автономіей.

Но движеніе не прекратилось и въ началѣ XX вѣка вспыхнуло съ новой силой. Наибольшее развитіе идея выдѣленія Галиціи получила въ книжкѣ Вл. Студницкаго, который въ пользу выдѣленія приводилъ не политическія, а, главнымъ образомъ, экономическія соображенія. Галиція — самый убогій польскій край. Для поднятія ея благосостоянія необходимо, чтобы ею управляло мѣстное правительство. Для нея нѣтъ выгодъ, когда въ ней проводятся желѣзныя дороги по стратегическимъ соображеніямъ, не считаясь съ мѣстными нуждами края. Галиція не выигрываетъ отъ того, что поляки занимаютъ посты министровъ въ центральномъ правительствѣ: какъ разъ во время пребыванія министромъ финансовъ поляка Дукаевскаго — Галиція пострадала отъ соглашенія съ Австро-Венгріей, поставившаго въ невыгодное положеніе нефтяную промышленность. Не центральное правительство, но краевое можетъ быть рычагомъ экономическаго развитія Галиціи; только мѣстная власть, опирающаяся на свой собственный солидный бюджетъ, можетъ принять дѣйствительныя мѣры къ развитію галиційской промышленности, такъ необходимой для всего хозяйствен-

наго возрожденія края. Лишь самостоятельность въ завѣдываніи государственными имуществами, автономія въ гражданскомъ и уголовномъ законодательствѣ — создадутъ необходимую правовую обстановку для всесторонняго процвѣтанія Галиціи.

Идеи эти были встрѣчены съ чрезвычайнымъ сочувствіемъ. Книжка Студницкаго, изданная сперва въ 2.000 экземпляровъ, потребовала тотчасъ новаго изданія въ 20.000 экземпляровъ. Въ Галиціи стали устраиваться систематическіе объѣзды съ докладами и лекціями на тему о выдѣленіи. Во Львовѣ и Краковѣ были устроены большія собранія. И возможно, что польскій вопросъ явился бы новымъ серьезнымъ осложненіемъ въ Австріи, если бы не то, что онъ самъ съ чрезвычайной остротой осложнился въ Галиціи вопросомъ русинскимъ.

Польско-русинская распря.

Статистика въ Восточной Галиціи неблагопріятна для поляковъ. Даже по польскимъ источникамъ для 1910 года, во всей Восточной Галиціи изъ общаго количества 5,5 милліоновъ жителей было всего 33,7% поляковъ. Правда, поляки указываютъ обычно на два обстоятельства въ свою пользу. Во-первыхъ, постоянный ростъ польскаго населенія, который характеризуется слѣдующими цифрами:

Годъ	Поляковъ въ В. Гал.	%
1880	1.076.145	28,1
1890	1.338.899	31,2
1900	1.608.170	33,7

Кромѣ того, поляки указываютъ на невозможность размежеванія польскаго элемента отъ украинскаго, такъ какъ въ городахъ большинство населенія польское (во Львовѣ 105.000 поляковъ и 40.000 украинцевъ), и польское населеніе разсѣяно по всей Галиціи, при чемъ округа съ преобладаніемъ польскаго элемента имѣются

на самой границѣ съ русскимъ Подоломъ (Скалацкій уѣздъ, съ 52% польскаго населенія).

Но и эти далеко не благопріятныя для поляковъ данныя оспариваются украинцами. Украинскіе изслѣдователи указываютъ прежде всего на особенности австрійской статистики, не знающей ни еврейской національности, ни еврейскаго языка, а только іудейское исповѣданіе. Поэтому при группировкѣ населенія по родному языку евреи въ нѣмецкихъ областяхъ причисляются къ говорящимъ на нѣмецкомъ языкѣ, а въ мѣстностяхъ съ господствующимъ польскимъ населеніемъ — къ полякамъ. Если же взять за основу не языкъ, а вѣроисповѣданіе, то картина сразу получается иная: въ Восточной Галиціи количество православныхъ почти равно количеству лицъ, говорящихъ по-украински, а число католиковъ почти точно совпадаетъ съ числомъ лицъ, говорящихъ по-польски, за вычетомъ числа лицъ іудейскаго вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, число поляковъ въ Восточной Галиціи уменьшается до 1.375.000, то-есть составляетъ всего 25% населенія Восточной Галиціи. При такихъ поправкахъ, поляки не имѣютъ большинства и въ городахъ (во (Львовѣ ихъ лишь относительное большинство).

Въ главѣ объ Украинѣ мы уже упоминали о томъ, что, пока между польскимъ элементомъ и австрійскимъ правительствомъ шла борьба, со стороны вѣнской власти дѣлались попытки вести борьбу съ поляками въ Галиціи, опираясь на русинскій элементъ. Основаніе Головной Народной Рады, установленіе отдѣльнаго Сейма для Восточной Галиціи, поощреніе русинскаго національнаго движенія — все это относится къ эпохѣ натянутыхъ польско-австрійскихъ отношеній. Но съ начала 70-хъ годовъ между польскимъ элементомъ и австрійскими правящими кругами достигается соглашеніе. Первой жертвой его падаетъ отдѣльный Сеймъ для Восточной Галиціи, которая административно объединяется съ Галиціей За-

падной и остается во власти политически и численно преобладающаго польскаго элемента.

Это лишь замедлило на время развитіе русинскаго движенія, но отнюдь не уничтожило его. Въ началѣ своего движенія русинамъ пришлось столкнуться съ консервативными польскими партіями Галиціи. Этотъ періодъ характеризуется сравнительно здоровымъ направленіемъ всего польско-русинскаго конфликта. Съ одной стороны, украинство въ Галиціи, какъ движеніе по природѣ своей демократическое и борющееся съ консервативными теченіями, встрѣчало сочувствіе въ средѣ польскихъ демократовъ, борющихся противъ того же самаго противника. Съ другой стороны, польскіе аристократическіе элементы очень ревниво относились къ своимъ соціальнымъ правамъ и преимуществамъ, но зато были уступчивѣе въ области національной. И украинцы сравнительно безъ труда получили не только низшую, но даже среднюю школу, ихъ языкъ пріобрѣлъ извѣстныя права гражданства въ администраціи и пр.

Совершенно иной характеръ получила распря съ появленіемъ на сцену польской народной демократіи. Партія сразу объявила польскій «stan posiadania» неприкосновеннымъ, всякія домогательства украинцевъ воспринимались, какъ угроза польскому народу. Интеллигенціи польской народовцы объяснили ту опасность, которую таитъ для нихъ расширеніе правъ украинскаго языка уже съ чисто экономической точки зрѣнія: польскій учитель, польскій адвокатъ, польскій чиновникъ теряли почву подъ ногами въ Восточной Галиціи, если она станетъ украинской. Болѣе того, послѣ стихійныхъ аграрныхъ забастовокъ, въ 1902 году, народовцамъ удалось убѣдить даже собственниковъ латифундій, какую опасность для нихъ представляетъ національное возрожденіе русинъ. Были, такимъ образомъ, найдены значительныя средства, и среди русинскаго населенія стала съ чрезвычайнымъ напряженіемъ и умѣлостью развивать-

ся агитація и организаціонная работа народовой демократіи. Особенныя усилія были направлены на такъ называемыхъ «латинниковъ», то-есть населеніе, говорящее по-украински, но католиковъ по вѣроисповѣданію. Такъ какъ религіозный признакъ свидѣтельствовалъ о прежнемъ польскомъ происхожденіи, то, при помощи католическаго духовенства, учителей, чиновниковъ и помѣщиковъ, стала вестись агитація среди латинниковъ для возврата ихъ на лоно забытой ими польской народности, при чемъ, благодаря умѣлымъ дѣйствіямъ и хорошо подобранной литературѣ, иногда удавалось превращать въ польскія цѣлыя деревни католиковъ-украинцевъ.

Такая позиція польской общественности вызвала соотвѣтствующія настроенія на сторонѣ русинъ. Среди нихъ тоже была организована народно-демократическая партія. Украинскій элементъ все яснѣе сталъ выступать не противъ польской шляхты, а противъ поляковъ вообще. Лозунгъ «за Санъ поляковъ» сталъ повторяться все чаще и упорнѣе. Это, въ свою очередь, вызывало недружелюбное отношеніе уже со стороны польскихъ прогрессивныхъ элементовъ.

Особенно обострилась борьба съ момента введенія всеобщаго избирательнаго права въ Австріи. На первыхъ выборахъ въ Рейхсратъ украинцы побѣдили по всей линіи и образовали свое украинское коло, занявшее сразу враждебную позицію къ полякамъ. Тогда польскіе круги, въ поискахъ опоры въ краѣ, въ которомъ они явно начинали терять почву, ухватились за прозябавшее тамъ москалефильство: русская опасность казалась значительно меньше украинской и давала возможность внести расколъ въ ряды украинскаго движенія. На выборахъ въ галиційскій Сеймъ намѣстникъ Галиціи, гр. Андрей Потоцкій, всѣми законными и незаконными средствами и давленіемъ заслужившимъ печальную извѣстность аппаратомъ административнаго воздѣйствія, оказалъ поддержку москалефиламъ, и въ галиційскій сеймъ, наряду съ

11 украинцами, вошло 10 москалефиловъ, находившихся въ полной зависимости отъ польскихъ круговъ. Такіе выборы были возможны исключительно благодаря устарѣлой выборной системѣ въ сеймъ, самую мысль о реформѣ которой поляки воспринимали, какъ угрозу по ихъ адресу. Это обострило отношенія до такой степени, что намѣстникъ гр. Потоцкій, съ именемъ котораго связывались всѣ выборныя махинаціи, палъ жертвой покушенія украинскаго студента Сичинскаго. Вся украинская печать не проронила ни одного слова сожалѣнія или осужденія террористическому акту. Поляки же учинили украинскіе погромы во Львовѣ и другихъ городахъ.

Но тутъ къ запутанному развитію украинско-польскихъ отношеній примѣшалась еще новая осложняющая струя. Воспользовавшись офиціально привилегированнымъ положеніемъ москалефильства и основываясь на братаніи съ Дмовскимъ и Балицкимъ на почвѣ неославянофильства и сокольскихъ празднествъ въ Прагѣ, въ Галиціи показались русскіе націоналисты, во главѣ съ Бобринскимъ, и открыли усиленную агитацію въ чисто русскомъ націоналистическомъ духѣ. Послѣ посѣщенія Бобринскаго въ средѣ москалефиловъ выросло новое теченіе (Дудыкевича), распоряжавшееся значительными средствами, издающее большую газету «Прикарпатская Русь» и оттѣснившее прежнихъ москалефиловъ (Давидяка и Короля, съ органомъ «Галичанинъ»), и поставило поляковъ лицомъ къ лицу съ новымъ немаловажнымъ противникомъ.

5. *Возрожденіе Польши.*

Рессурсы польской государственности.

Съ такимъ сложнымъ и нескладнымъ наслѣдіемъ разнородныхъ стремленій и тенденцій встрѣтила Польша свою самостоятельность. Мечты о независимости не только осуществились, но въ такомъ размѣрѣ и масштабѣ,

который раньше могъ рисоваться только самой буйной фантазіи. Среди другихъ новообразовавшихся государствъ Польша почти колоссъ. По размѣрамъ — 200.000 кв. километровъ — Польша превосходитъ рядъ старыхъ европейскихъ государствъ. По количеству населенія — Польша значительно превосходитъ всѣ новообразовавшіяся государства, уступая только украинцамъ [1]).

Но зато она превышаетъ послѣднихъ своей культурой, создавшей блестящую, мірового значенія литературу, которая сливала въ одно общее сознаніе всѣ три разрозненныя части польскаго народа. Ея политическія силы выкованы борьбой въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и имѣютъ традиціи многолѣтней парламентской работы въ Австріи, Германіи и Россіи. Ея пресса стоитъ наравнѣ съ европейскими изданіями. Организованность массъ, созданная во время гнета, не можетъ не сулить пышнаго расцвѣта, когда, вмѣсто препятствій со стороны государственной власти, встрѣчаетъ нынѣ поддержку.

Политическая неустойчивость Польши.

Тѣмъ не менѣе, если объективно вглядываться въ положеніе Польши, то мы должны признать, что оно чрезвычайно неустойчиво, неопредѣленно и незаконченно. И, какъ ни мала, напримѣръ, Эстонія, затерявъ-

[1]) По даннымъ А. Закревскаго «Польша, статистико-этнографическій очеркъ», Кіевъ, 1916, распространеніе поляковъ слѣдующее: въ Царствѣ Польскомъ поляковъ 9.420 т. изъ общаго количества 13.057 т. жителей; въ Познани — 1.291 т. изъ 2.100 жит.; въ Западной Пруссіи — 604 т. изъ 1.703 т. жит.; въ Верхней Силезіи — 1.258 т. изъ 2.208 т. жит.; въ Западной Галиціи — 2.561 т. изъ 2.667 т. жит.; въ четырехъ уѣздахъ Княжества Тѣшинскаго — 235 т. поляковъ и въ польскихъ мѣстностяхъ Венгріи — около 250 т. поляковъ, всего же — 15.878 т. поляковъ изъ общаго числа 22 милліоновъ жителей этнографической Польши и изъ общаго количества около 21 милліона поляковъ на всемъ свѣтѣ. Новѣйшіе польскіе источники поднимаютъ послѣднюю цифру до 25 милліоновъ, но безъ достаточныхъ основаній.

шаяся въ углу между Финскимъ и Рижскимъ заливами, все же ея политическій обликъ и даже перспективы безъ сравненія болѣе отчетливы, чѣмъ Польши, которая до сихъ поръ не имѣетъ твердой границы ни на западѣ ни на востокѣ, которая еще не установила своей хозяйственной системы, которая въ будущемъ стоитъ передъ цѣлымъ рядомъ тяжебъ и столкновеній съ такими могущественными стихіями, какъ 60-милліонная нѣмецкая и 100-милліонная русская.

Ни одинъ вопросъ не урегулированъ окончательно на западѣ. Въ настоящее время Германія придавлена гнетомъ Версальскаго мира. Но мы уже теперь видимъ, какъ Англія, добившаяся войной и миромъ своего, старается начать политику примиренія и соглашенія съ Германіей, не заботясь даже о своей ближайшей сосѣдкѣ, Франціи. Можетъ ли Польша быть увѣрена, что давленіе на Германію съ запада всегда будетъ столь сильно, чтобы сдерживать давленіе Германіи на востокѣ? Не вѣроятнѣе ли другая перспектива, что за уступки, за признаніе пораженія на западѣ Германіи будетъ дана возможность извѣстныхъ компенсацій на востокѣ? Спрашивается: за чей счетъ?

Независимо отъ этихъ, быть можетъ, и не такъ далекихъ, но, во всякомъ случаѣ, не завтрашнихъ перспективъ, мы видимъ, что уже теперь Польша, упорно отстаивавшая отъ Германіи каждую свою національную пядь, потеряла весьма много. Воинственная политика, милитаризація и связанныя съ этимъ финансовыя и матеріальныя тяготы для населенія отпугнули отъ воскресшей польской государственности поляковъ въ западной и восточной Пруссіи, и при плебисцитѣ Польша получила до смѣшного ничтожное количество голосовъ. Но если поляки въ западной Пруссіи голосовали уже противъ Польши, то не проявится ли тяга къ Германіи и въ другихъ областяхъ, напримѣръ, въ Познани, для которой товарообмѣнъ съ промышленной Германіей былъ

выгоднѣе, чѣмъ съ нищей, дезорганизованной Польшей. А по существу неразрѣшимый вопросъ о Верхней Силезіи! А нѣмецкій городъ Данцигъ и пресловутый коридоръ — есть ли здѣсь хоть намекъ на поиски платформы органическаго соглашенія? И если теперь, когда

въ Германіи наиболѣе покладистое правительство, когда Германія максимально ослаблена, эти вопросы все еще не разрѣшены, то спрашивается: когда и какъ получатъ они свое окончательное рѣшеніе?

«Границы 1772 года».

Еще хуже положеніе Польши на востокѣ. На западѣ Польша такъ или иначе ссылается на принципъ

самоопредѣленія народа, тамъ она опирается на интересы польскихъ трудовыхъ массъ, противопоставляя ихъ интересамъ нѣмецкихъ правящихъ классовъ, и поэтому можетъ разсчитывать, что неизбѣжное демократическое развитіе будетъ служить въ ея пользу. На востокѣ же она сама анулируетъ этнографическій принципъ, замѣняетъ его цѣлымъ рядомъ другихъ болѣе сложныхъ и спорныхъ соображеній и пользуется временнымъ ослабленіемъ Россіи для того, чтобы обезпечить интересы польскихъ помѣщиковъ противъ интересовъ бѣлорусскихъ и украинскихъ крестьянъ.

Въ своемъ стремленіи на востокъ польская политика не имѣетъ вполнѣ отчетливой тенденціи. Ея «восточныя окраины», «kresy wschodnie», понимаются весьма разно самими польскими политиками. Но, все же, польская мысль постоянно возвращается къ такъ называемой границѣ 1772 года, которая подчасъ еще расширяется принципомъ «отъ моря до моря». Именно эти границы вспоминались польскими патріотами при возстаніи 1830 и 1863 г. г.; ихъ постоянно оживляютъ польскіе публицисты (напримѣръ, Романъ Дмовскій въ книгѣ «Германія, Россія и польскій вопросъ»); онѣ лежатъ въ основѣ новѣйшихъ статистическихъ работъ (напримѣръ, въ изданіи «Польскій Ежегодникъ» Ромера и Вейнфельда); онѣ постоянно выдвигаются передъ европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ (напримѣръ, въ энциклопедическомъ изданіи «La Pologne», гдѣ въ основу всѣхъ подсчетовъ кладутся такъ называемыя «польскія области» именно въ историческихъ границахъ до раздѣла 1772 года).

Какъ видно по приложенной картѣ, граница 1772 года обнимала весь сѣверо-западный край (Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская губ.) и юго-западный (Волынская, Подольская, Кіевская). Принципъ «отъ моря до моря» расширяетъ эту границу, присоединяя еще Курляндію, которая нѣкогда была въ вассальной зависимости отъ Польши, и Херсонскую

губернію съ Одессой, историческія традиціи принадлежности которыхъ Польшѣ восходятъ до временъ Хмѣльницкаго и освобожденія Украины.

Этнографической опоры эти фантастическіе предѣлы не имѣютъ никакой. Во всѣхъ названныхъ частяхъ только въ одномъ уѣздѣ — сосѣднемъ съ Польшей Бѣлостокскомъ — поляки имѣли, по переписи 1897 года, относительное большинство (70.000 изъ 206.000 населенія), но и тамъ къ 1909 году процентъ поляковъ понизился до 18, въ то время какъ бѣлоруссовъ — выросъ до 31. Въ остальныхъ же губерніяхъ картина такая (1909 г.):

Губернія	Процентъ поляковъ
Гродненская	5
Ковенская	4
Минская	4
Могилевская	3
Виленская	15
Витебская	3
Кіевская	3
Подольская	2
Волынская	7

Можно было бы поражаться, какимъ образомъ при такомъ количествѣ поляковъ польская общественная мысль считаетъ возможнымъ вспоминать о границахъ 1772 года. Но дѣло объясняется историческими и экономическими соображеніями.

Историческія соображенія очень несложны. Такъ какъ всѣ акты раздѣловъ, начиная съ 1772 года, являются съ точки зрѣнія поляковъ неправомъ и несправедливостью, то возстановленіе Польши должно начаться съ ихъ отмѣны, какъ неправомѣрныхъ и недѣйствительныхъ. Но, конечно, этотъ доводъ противорѣчитъ всему существу совершающихся на нашихъ глазахъ явленій. Смыслъ современныхъ событій не въ томъ, чтобы возстанавливать отжившія историческія формы государствъ, чтобы воскрешать давно и безвозвратно похороненныхъ мертвецовъ, а чтобы государственныя формы приноровить къ новому развитію народовъ, къ новому пониманію права.

Шестьсотъ лѣтъ безспорнаго владѣнія Верхней Силезіей не даетъ, съ точки зрѣнія современныхъ принциповъ, само по себѣ никакого права на владѣніе ею дальше. Тѣмъ болѣе было бы странно воскрешать случайную политическую линію, которая нынѣ разрѣзала бы живое тѣло новыхъ народностей, новыхъ создавшихся или создающихся культуръ. Глубокой реакціонной затхлостью отдаютъ эти архаическія воспоминанія поляковъ.

Но историческія воспоминанія были бы давно сданы въ архивъ самими поляками, если бы не существенныя экономическія соображенія. Польское населеніе въ предѣлахъ Украины, Бѣлоруссіи и Литвы ничтожно, но экономическая сила поляковъ тамъ весьма значительна, ибо въ этихъ странахъ, какъ говорятъ сами поляки, они считаютъ не на души, а на десятины. О значеніи этихъ десятинъ можно судить по тому, что изъ крупной земельной собственности полякамъ принадлежало:

Губернія	процентъ
Ковенская	73,0
Гродненская	75,0
Минская	53,6
Витебская	40,6
Могилевская	33,0

Нынѣ, въ виду всеобщей аграрной революціи, весь этотъ «stan posiadania» поставленъ подъ ударъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ встаетъ опасность и всѣмъ вліяніямъ Польши въ этихъ краяхъ. Поэтому понятны чрезвычайныя усилія для того, чтобы добиться хотя бы временнаго политическаго господства надъ указанными областями, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ, хотя бы путемъ колонизаціи польскихъ земель польскими крестьянами, спасти свое національное достояніе. Но можно сомнѣваться, чтобы планы Рорбаха и Гинденбурга, не удавшіеся желѣзной Германіи, могли быть осуществлены нынѣшней Польшей!

Въ подкрѣпленіе историческихъ и экономическихъ доводовъ приводятся — особенно изъ рядовъ польской демократіи — доводы политическіе. Вся территорія въ

предѣлахъ границы 1772 года, не будучи польской, въ то же время не является и великорусской, а населена литовцами, латышами (Латгалія), бѣлоруссами и украинцами. Если принципъ польскаго самоопредѣленія не примѣнимъ къ нимъ, то нельзя ли направить на пользу Польшѣ принципъ самоопредѣленія литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго? Правда, сложившіяся до сего времени польско-литовскія (Вильна!) польско-бѣлорусскія (Гродненщизна) и польско-украинскія (Восточная Галиція и Холмщина) отношенія не предвѣщаютъ ничего добраго для интересовъ Польши отъ самоопредѣленія народовъ. Но польская мысль все питаетъ себя надеждами, что это лишь случайности, интриги кучки политикановъ, и все надѣется такъ или иначе найти политическую программу, сочетающую ея реакціонные соціальные интересы на востокѣ съ современными демократическими принципами. Поэтому наиболѣе прогрессивная формула поляковъ по отношенію къ востоку: самоопредѣленіе народовъ подъ контролемъ Польши. Помимо экономическихъ интересовъ, Польша такимъ образомъ должна обезпечить свои стратегическіе интересы, свою независимость, свое политическое существованіе. Призракъ россійской опасности все еще витаетъ надъ Польшей. Что явитъ собой востокъ, съ какими требованіями, съ какой государственной программой возродится новая Россія? Неизвѣстность мучитъ и пугаетъ. И поэтому стремленіе — прикрыться отъ востока завѣсой изъ буферныхъ политическихъ образованій, стоящихъ подъ гегемоніей обновленной Польши.

Таковы желанія. Но это еще не рѣшаетъ вопроса о возможностяхъ. Можно опасаться, что слишкомъ активная политическая роль на востокѣ не прикроетъ Польшу отъ Россіи, но, наоборотъ, безнадежно впутаетъ ее во всѣ сложности возстановленія русскаго государства и свяжетъ ея судьбу съ общимъ разрѣшеніемъ русской проблемы. Для настоящаго же времени ни судьба, ни ха-

рактеръ восточной границы не ясны еще даже въ самыхъ общихъ очертаніяхъ.

Экономическія перспективы.

Трудность отдѣленія Польши отъ востока усиливается ея экономическимъ положеніемъ. Тяга ея къ просторамъ востока вызывается не только интересами польскихъ аграріевъ, но и существенными, можно сказать, жизненными интересами ея промышленности, ибо территоріальной неустойчивости и неопредѣленности современной возрожденной Польши соотвѣтствуетъ ея неустойчивость экономическая. Въ виду таможенныхъ условій Польша, какъ выдвинутая на западъ часть Россіи, служила до войны ареной для нѣмецкаго капитала, создавшаго въ Лодзи громадный промышленный центръ, работающій на русскій рынокъ. О значеніи этой промышленности для Польши можно судить по цифрамъ торговаго баланса. Въ 1910 году ввозъ и вывозъ Царства Польскаго представлялъ въ милліонахъ австрійскихъ кронъ:

Предметы	Вывозъ	Ввозъ	Балансъ
Земледѣліе и огородничество . . .	73,0	210,0	— 137,0
Скотоводство	83,1	98,4	— 15,3
Дерево	26,0	25,3	+ 0,7
Пищевая промышл.	58,7	37,0	+ 21,7
Переработка прод. животнов. . .	116,2	130,1	— 13,9
Переработка дерева	—	12,5	— 12,5
А. Земледѣльческіе продукты и ихъ переработка	357,0	513,3	— 156,3
Уголь, нефть	6,0	65,7	— 59,7
Пром. минеральная и стекольн. .	12,5	25,3	— 12,8
„ желѣзн. и металлич. . . .	153,3	202,2	— 48,9
„ текстильная	892,0	627,0	+ 265,0
„ бумажная	17,0	34,0	— 17,0
„ химическая	19,3	74,7	— 55,4
Б. Промышленность неземледѣльческая	1 100,1	1 028,9	+ 71,2
Сумма А и Б	1 457,1	1 542,2	— 85,1

Для точнаго пониманія значенія этой таблицы надо добавить, что группа А для торговли съ Россіей давала

— 183,9 милліона кронъ, а заграничная торговля давала + 28,6 милліоновъ кронъ; групца Б давала для торговли съ Россіей 613,7 милліоновъ кронъ, а для заграничной торговли — 543,4. Общій балансъ торговли съ Россіей давалъ для Польши превышеніе вывоза надъ ввозомъ въ 429,8 милліоновъ кронъ, а балансъ торговли съ за-границей давалъ превышеніе ввоза надъ вывозомъ въ сумму 514,8 милліоновъ кронъ. Словомъ, текстильная промышленность Польши была основой равновѣсія ея торговаго баланса.

Правда, эти цифры относятся только къ Конгрессовой Польшѣ. Но такъ какъ эта часть государства составляетъ главную территорію какъ по количеству населенія, такъ и по пространству, то ея хозяйственный бытъ предопредѣляетъ особенности всего польскаго хозяйственнаго организма. И теперь передъ Польшей, если бы она захотѣла отдѣлиться отъ Россіи, встаетъ съ неизбѣжностью вопросъ о перестройкѣ всего хозяйства на новый ладъ. Если Польша замкнется въ своихъ этнографическихъ границахъ, то едва ли ей избѣжать превращенія въ страну, вывозящую сырье и ввозящую фабрикаты, то-есть въ колонію Германіи, Франціи — не все ли равно? Этимъ объясняется стремленіе обезпечить себѣ на востокѣ такія территоріи, которыя могли бы служить базой для развитія собственной польской промышленности.

Въ чемъ выходъ?

Какой же выходъ найдетъ Польша изъ своихъ политическихъ и экономическихъ трудностей? Какая формула политическаго дѣйствія, какая программа на востокѣ и на западѣ придастъ устойчивыя очертанія этому хаотическому, неопредѣленному и задорному государственному образованію?

Прежде всего, очевидно, что нынѣшнее направленіе энергіи польскаго народа — борьба на два фронта — грозитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неустра-

нимымъ крахомъ и разгромомъ. Противопоставленіе 22 милліоновъ поляковъ 60 милліонамъ нѣмцевъ, 100 милліонамъ великороссовъ и нѣсколькимъ десяткамъ милліоновъ бѣлоруссовъ и украинцевъ — это самая несостоятельная политическая авантюра, какую только когда-либо видѣла европейская дипломатія. Тутъ ни одного шанса за успѣхъ и всѣ сто шансовъ полностью за пораженіе.

Но едва ли также было бы правильно и возможно идти по другому традиціонному руслу политическихъ комбинацій: соглашенія съ Германіей противъ Россіи или съ Россіей противъ Германіи.

Можно сказать, что наиболѣе естественной представлялась бы первая формула. Общее развитіе разселенія европейскихъ народовъ шло съ запада на востокъ: мы уже видѣли господствующіе классы нѣмцевъ на земляхъ польскихъ, латышскихъ и эстонскихъ, а господствующіе классы польскіе — на земляхъ литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ, въ то время какъ главная тяжесть русской колонизаціи шла на востокъ отъ московскаго меридіана. Но не слѣдуетъ увлекаться этими историческими схемами. Подобные процессы неудержимы, когда они совершаются стихійно. Но они не переводимы на языкъ политическихъ соглашеній и комбинацій. Не говоря объ очевидныхъ психологическихъ и политическихъ препятствіяхъ сближенія Польши съ Германіей, въ сущности, нельзя намѣтить формулу ни тѣхъ уступокъ, которыя Польша могла бы сдѣлать Германіи, ни тѣхъ услугъ, которыя она могла бы потребовать себѣ взамѣнъ. Послѣ разрѣшенія вопроса о Верхней Силезіи голосованіемъ, всѣ уступки Польши могутъ свестись къ незначительнымъ исправленіямъ границы, согласію на плебисцитъ въ парѣ, другой пограничныхъ уѣздовъ да къ новой юридической формулѣ, не мѣняющей существа дѣла съ пресловутымъ коридоромъ. Но эти уступки не могутъ стоять ни въ какомъ соотвѣтствіи съ той

тягостью, которую Польша должна была бы возложить на Германію, если бы захотѣла при помощи ея отстаивать свое преобладаніе во всѣхъ или въ части территорій, пограничныхъ съ Россіей. Силезія, Познань и Данцигъ, вмѣстѣ взятые, не явились бы достаточно вѣскимъ вознагражденіемъ за то постоянное напряженіе силъ, которое понадобилось бы Германіи для охраны польскихъ интересовъ въ Украинѣ, Бѣлоруссіи и Литвѣ, если эти интересы войдутъ въ коллизію съ интересами Россіи. Но, главное, что̀ дастъ Польшѣ эта помощь? Если нѣмцы не могли справиться съ горсточкой поляковъ въ Верхней Силезіи и Познани, сумѣютъ ли они помочь полякамъ справиться съ украинцами въ Восточной Галиціи или съ бѣлоруссами въ Гродненской губерніи?

Не лучше обстоитъ дѣло съ возможностью соглашенія съ Россіей для борьбы съ Германіей. Въ Германіи Польша не имѣетъ никакихъ интересовъ, кромѣ установленія мирнаго сожительства. Послѣ урока, который по заслугамъ получилъ прусскій имперіализмъ, ея справедливымъ интересамъ и правамъ едва ли тамъ что̀ угрожаетъ. Агрессивная же политика на западѣ является такой противоестественностью, что объ этомъ не приходится и говоритъ.

Не въ традиціонныхъ дипломатическихъ комбинаціяхъ, не въ заговорахъ, организуемыхъ министерскими кабинетами, а въ новыхъ принципахъ надо искать разрѣшенія польскаго вопроса.

Эти новые принципы должны, совершенно независимо отъ восточныхъ польскихъ проблемъ, подсказать Польшѣ политику скорѣйшаго примиренія съ Германіей. Теперь для Польши наиболѣе благопріятный моментъ, и иниціатива, проявленная ею, могла бы служить факторомъ общаго оздоровленія политической атмосферы въ Европѣ. Принципъ этнографическаго размежеванія, воспринятый въ общихъ чертахъ и нѣмецкой и польской мыслью, нуждается, быть можетъ, въ самыхъ незначи-

тельныхъ модификаціяхъ и уступкахъ и можетъ служить базой для дальнѣйшаго сближенія на почвѣ экономическаго сотрудничества для возстановленія хозяйственной жизни обѣихъ странъ.

Значительно сложнѣе вопросъ на востокѣ.

Полное отмежеваніе отъ Россіи на этнографической польской границѣ — для Польши не только не выгодно, но, быть можетъ, является полной хозяйственной и политической немыслимостью. Заставить поляковъ сжаться въ своихъ этнографическихъ предѣлахъ было бы несправедливостью по отношенію къ Польшѣ, не меньшей, чѣмъ покореніе ея. Какъ ни малъ численно процентъ польскаго населенія въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и Украинѣ, культурная работа его весьма значительна. Лишить возможности продолжать и развивать эту работу или затруднить ее — значило бы продолжать политику Муравьева-Вѣшателя, который сумѣлъ закрыть польскій университетъ въ Вильнѣ, но не создалъ ничего взамѣнъ.

Но такъ же не мыслимъ тотъ раздѣлъ, который склонны проектировать поляки: раздѣлъ Бѣлоруссіи, Украины и даже, можетъ быть, Литвы. Времена, когда дипломаты могли вычерчивать на картѣ любыя границы, къ счастію, миновали безвозвратно. Теперь приходится считаться съ народами и ихъ волей. И нѣтъ сомнѣнія, что, какъ ни анархична современная Украина, она найдетъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы объединить народъ, искусственно раздѣленный на части. Какъ ни слаба общественность въ Бѣлоруссіи — она уже крѣпка настолько, что опрокинетъ всякіе планы на расчлененіе единой по національности страны.

Трудно также имѣть вѣру въ планы Польши создать буферныя политическія образованія и, какъ таковыя, втягивать ихъ въ свою орбиту. Поскольку эти планы носятъ имперіалистическій характеръ, поскольку они направлены противъ Россіи, они вызываютъ то недовѣріе, которое уже теперь не въ силахъ преодолѣть Польша: Литва оказа-

лась солидарной даже съ совѣтской властью въ отстаиваніи своихъ правъ и полной независимости отъ Польши!

Польскимъ политикамъ рано или поздно придется убѣдиться, что у нихъ нѣтъ такихъ доводовъ за сближеніе народовъ съ Польшей, которые не говорили бы также за сближеніе народовъ и между собой и съ Россіей. Хозяйственныя соображенія, стремленіе создать возможно болѣе широкія и благопріятныя формы для развитія сношеній между народами, сознаніе цѣнности общаго права гражданства — все это въ устахъ Польши убѣдительно не болѣе, чѣмъ въ устахъ сторонниковъ возсозданія общежитія народовъ въ рамкахъ всей Россіи. Работая надъ тѣмъ, чтобы литовскіе или украинскіе націоналисты отказались отъ слишкомъ узкаго пониманія своихъ задачъ, польскіе политики тѣмъ самымъ подготавливаютъ почву не только для федераціи Литвы и другихъ странъ съ Польшей, но и для федераціи съ Россіей. Не слѣдуетъ ли поэтому примириться съ неизбѣжностью и соотвѣтственно направить польскую политическую работу?

Несомнѣнно, въ настоящее время въ этой области мы наталкиваемся на значительныя психологическія трудности съ обѣихъ сторонъ. Но это не значитъ, что трудности непреодолимы... Со стороны польской общественности прежде всего заявляются опасенія, что какая-либо связь съ Россіей непремѣнно повлечетъ за собой потерю польской независимости, подчинитъ Польшу интересамъ Россіи. Но даже въ предѣлахъ прежней русской государственной системы польскій элементъ, пользуясь минимальными конституціонными возможностями, часто игралъ довольно замѣтную роль, не оправдываемую ни его численностью ни реальнымъ соотношеніемъ силъ — вспомнимъ о значеніи польскаго коло во второй Государственной Думѣ. Нынѣ же русская государственность можетъ мыслиться въ формахъ гораздо менѣе жесткихъ и опасныхъ для любой народности. Централизаторскій

аппаратъ Россіи разбитъ, аракчеевски-столыпинскія національстическія традиціи безобидно ютятся по задворкамъ европейскихъ столицъ и осуждены на самое быстрое вымираніе. Въ виду этого, роль Польши въ общемъ управленіи россійскими дѣлами могла бы быть чрезвычайно замѣтной и открывать передъ польской культурной и экономической работой такія перспективы, передъ которыми поблѣднѣли бы даже мечты о границахъ 1772 года.

Во всякомъ случаѣ, передъ Польшей выборъ: или замкнуться въ своихъ этнографическихъ границахъ, или принять участіе въ созданіи общероссійскаго государственнаго общежитія. Если первое для Польши невозможно, то остается только второе. Чѣмъ раньше польская мысль пойметъ это и сдѣлаетъ соотвѣтствующіе выводы — тѣмъ лучше для самой Польши и для новой Россіи. Всѣ же другія схемы рѣшенія польскаго восточнаго вопроса приводятъ только къ временнымъ эфемернымъ успѣхамъ, въ результатѣ же не могутъ дать ничего, кромѣ напрасной растраты національныхъ силъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ

1. Единая, недѣлимая Россія. Историческіе доводы. — Юридическіе доводы. — Стратегическіе доводы. — Экономически-географическіе доводы. — Доводы силы. 2. Расчлененная Россія. Недовѣріе къ Россіи. — Является ли распадъ прогрессомъ? — Экономическія трудности. — Этнографическія трудности. 3. Объединеніе Россіи. Культурное значеніе Россіи. — Значеніе Россіи для ея народовъ. — Международное значеніе единства Россіи. — Гарантіи свободы народовъ.

Окидывая взоромъ всю пеструю груду явленій и фактовъ, составляющихъ въ послѣдніе годы судьбы народовъ Россіи, мы подмѣчаемъ двѣ основныя черты: неожиданность совершающихся событій и незаконченность ихъ.

Событія неожиданны, не предусмотрѣны и не подготовлены. Лишь одна Финляндія фактически старалась установить тотъ порядокъ, который создался въ ней послѣ развала Россіи. Но даже Польша, какъ разъ передъ войной, устами лидера народовцевъ Дмовскаго, сдала идею независимости изъ политической области въ область моральную; даже во время войны легіонеры Пилсудскаго, пришедшіе освобождать Польшу отъ Россіи, встрѣтили у поляковъ Царства Польскаго такой сухой пріемъ, что одинъ изъ видныхъ участниковъ созданія легіоновъ въ отчаяніи застрѣлился. Всѣ же другія страны дальше постановки вопроса объ автономіи не шли никогда. И объявленіе независимости народовъ не было подсказано общественными программами, но стало необходимымъ, какъ средство борьбы противъ анархіи, грозившей изъ центра (Финляндія, Эстонія, Латвія, Украина), какъ слѣдствіе отдачи народа въ распоряженіе противника (Литва) или

какъ необходимость для спасенія отъ физическаго истребленія народовъ» (Закавказье).

Наряду съ этимъ мы видимъ, что послѣ трехъ лѣтъ отдѣльнаго существованія народовъ процессъ распада Россіи не получилъ законченной формы. Ни одно изъ новыхъ политическихъ образованій не можетъ похвалиться окончательно установленными предѣлами, нѣкоторыя же страны не имѣютъ еще ни одной опредѣленной границы (Украина, Бѣлоруссія), и, даже произнося слово «Польша», мы еще не знаемъ, что̀ слѣдуетъ понимать хотя бы для настоящей минуты: страну въ 20 или 40 милліоновъ жителей. Не отчетливѣе картина экономическая, въ виду неопредѣленности хозяйственныхъ основъ всѣхъ отдѣлившихся странъ. Неясны и политическія перспективы, въ виду споровъ народовъ между собой, неустановленности отношеній къ Россіи, невыясненности отношенія иностранныхъ державъ. Повсюду чувствуется, что настоящее положеніе лишь переходное. Но въ какую сторону завершится процессъ?

Вопросъ покамѣстъ открытый. Общеизвѣстныхъ же проектовъ его разрѣшенія два: идеологія «единой и недѣлимой Россіи» и конкурирующія съ нею тенденціи сторонниковъ «расчлененной Россіи».

1. «Единая, недѣлимая Россія».

Если отвлечься отъ подробностей и словесныхъ украшеній, то программа «единой и недѣлимой Россіи» заключается въ слѣдующемъ. Неожиданность событій распада Россіи свидѣтельствуетъ объ его случайности и объясняется только сцѣпленіемъ ряда чрезвычайныхъ обстоятельствъ, изъ коихъ самое существенное и рѣшающее — воцареніе въ Россіи большевизма. Большевизмъ, какъ отрицаніе государственной власти и всякаго правопорядка, сдѣлалъ то, что русская власть на время оказалась въ «нѣтяхъ», и отдѣльныя области были предоставлены са-

мимъ себѣ. Но какъ только государственность въ Россіи будетъ возстановлена, возстановятся всѣ права и взаимоотношенія между центральной суверенной властью и окраинами. И только тогда, путемъ декретированія сверху, русской государственной властью будетъ опредѣлена форма общежитія народовъ Россіи, будутъ разсмотрѣны пожеланія, разобраны жалобы и претензіи ея отдѣльныхъ частей.

Такая точка зрѣнія, въ сущности, рѣдко высказывается съ полной опредѣленностью и законченностью. Но она составляетъ основу всей офиціальной заграничной русской политики. Она опредѣляетъ характеръ многочисленныхъ заявленій русскихъ политическихъ дѣятелей въ Парижѣ и Лондонѣ по вопросу о самостоятельности новообразовавшихся окраинныхъ государствъ («Комитетъ освобожденія» въ Лондонѣ, русская парижская делегація, брошюры Мандельштама). Она вдохновляла окраинную политику правительствъ Колчака и Деникина.

О формѣ будущаго соединенія Россіи мало что можно почерпнуть изъ литературы защитниковъ этихъ взглядовъ, кромѣ самыхъ общихъ указаній, что Россія будетъ «новой», что она будетъ «свободной», что народы въ ней будутъ въ той или иной мѣрѣ, хотя не всѣ одинаково, пользоваться «широкимъ самоуправленіемъ» или даже «автономіей». Изрѣдка проскальзываетъ слово «федерація». Ближайшихъ указаній, чѣмъ именно новая Россія будетъ отличаться отъ старой, или въ какихъ юридическихъ формулахъ опредѣлится «свобода» народовъ, что надо понимать подъ самоуправленіемъ, и какая и кому будетъ предоставлена автономія — на это мы не находимъ никакихъ указаній. Но изъ всего способа аргументаціи явствуетъ, что рѣчь идетъ о сохраненіи полнаго суверенитета Россіи надъ всѣми ея частями, кромѣ Польши въ этнографическихъ границахъ, объ установленіи общаго централизованнаго управленія военнымъ дѣломъ и объ единствѣ международнаго представительства. Послѣдній моментъ,

однако, смягчается указаніемъ, что свобода народовъ Россіи можетъ быть гарантирована Лигой Народовъ. Надо добавить, что взгляды эти развиваются кругами, поддерживающими идею военной диктатуры въ Россіи и въ послѣднее время все болѣе явно склоняющимися въ сторону возстановленія въ Россіи монархіи.

Въ пользу того, что Россія можетъ настаивать именно на такомъ рѣшеніи вопроса, приводится рядъ юридическихъ, историческихъ и другихъ доводовъ. Намъ остается поближе ознакомиться съ ними.

Историческіе доводы.

Прежде всего, сторонники «единой и недѣлимой» Россіи опираются на историческіе факты, на результаты прежнихъ войнъ, на значеніе прежняго «собиранія Россіи», на прежніе договоры и трактаты, опредѣлившіе границы до войны 1914 года. Живущіе въ этихъ предѣлахъ народы принадлежатъ Россіи, неразрывно входятъ въ составъ ея, и ихъ судьба не можетъ быть измѣнена помимо соглашенія съ суверенной русской властью.

Теорію историческаго права Россіи и принадлежности ея народовъ можно оспаривать съ двухъ сторонъ.

Терминъ «самоопредѣленія» народовъ завоевалъ себѣ популярность лишь во время войны, но сущность процесса, покрываемаго этимъ терминомъ, заполняетъ всю исторію XIX вѣка: созданіе Италіи, исторія Австріи, балканскій вопросъ, ирландскій вопросъ — все это проявленія одной и той же тенденціи. Наряду съ уже рѣшенными вопросами имѣются, правда, еще не рѣшенные, но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни одного, снятаго съ очереди иначе, какъ удовлетвореніемъ національнаго стремленія къ самоопредѣленію во всей полнотѣ. И, несомнѣнно, Россія тоже не оказалась бы въ болѣе счастливомъ положеніи и не избѣжала бы національныхъ осложненій въ своихъ предѣлахъ. Она не сумѣла разрѣшить ни польскаго ни финляндскаго вопросовъ. Къ нимъ начинали

все замѣтнѣе присоединяться другіе національные вопросы. Это стихійный процессъ, для котораго ссылки на прежнія войны или прежніе трактаты вызываютъ такое же ироническое отношеніе, какъ ссылки на то, что самодержавіе установлено свыше и пр. Россія создалась, когда народы, какъ таковые, въ ней еще не существовали, когда народныя массы находились въ темнотѣ, невѣжествѣ и рабскомъ безправіи, когда принципы демократіи ни въ теоріи ни на практикѣ не играли никакой роли, когда національные вопросы, въ современномъ ихъ значеніи, были чужды европейской культурѣ, когда идея народнаго плебисцита показалась бы верхомъ кабинетной оторванности отъ жизни, когда образованные финны говорили по-шведски, латыши и эсты по-нѣмецки, литовцы — по-польски, а народные языки были признакомъ соціальнаго униженія и безправія. И созданная борьбой съ правящими классами національно сложныхъ государствъ, поглотивъ громадныя пространства, населенныя чужими народами, Россія должна была неизбѣжно на пути своего развитія встрѣтиться съ новыми явленіями, въ корнѣ мѣняющими смыслъ и содержаніе соотношеній между частями и центромъ. Прежніе историческіе факты, прежнія распри Москвы съ Варшавой, войны Петра со шведами — конечно, не имѣютъ никакого значенія для народовъ, которые въ ту пору были еще въ стадіи небытія, забвенія и безсловесности. Нынѣ они вправѣ разсматривать себя, какъ новорожденныхъ, и самостоятельно, наново опредѣлять свое бытіе въ Божьемъ мірѣ. Швеція въ 1722 году могла отдать Россіи Ливонію и Эстляндію. Но эстонскаго и латышскаго народовъ въ XX вѣкѣ ни Швеція, ни Россія, ни какая-либо иная власть въ мірѣ ни отдать, ни продать, ни присвоить не вправѣ. Народы эти не несутъ отвѣтственности и не могутъ признать обязательствъ по договорамъ, которые заключены безъ ихъ согласія, при условіяхъ, безконечно отличающихся во всѣхъ отношеніяхъ отъ современной политической обста-

новки. Въ этомъ смыслѣ русская граница 1914 года не имѣетъ ровно никакихъ преимуществъ передъ пресловутой польской границей 1772 года. Лишь договоръ съ самими латышами и эстами можетъ нынѣ опредѣлить судьбу этихъ народовъ. Общій новый договоръ нуженъ для возсозданія Россіи. Въ этомъ смыслъ историческихъ явленій, въ этомъ направленіи должна производиться работа.

Жестоко, но реально, а, главное, въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ духомъ идей сторонниковъ «историческаго права» Россіи звучатъ еще такія возраженія. Если до войны Россія могла говорить о правѣ, которое было нѣкогда пріобрѣтено силой, то теперь, послѣ ея разгрома во время войны, когда обнаружилась ея слабость, и она разлетѣлась въ куски — объ этомъ не слѣдуетъ припоминать. Смыслъ и оправданіе Россіи для окраинныхъ народовъ былъ въ томъ, что она можетъ ихъ защитить отъ внѣшнихъ враговъ. Но Россія не защитила ни Литвы, ни Латвіи, ни Эстоніи отъ германскаго имперіализма; она не сумѣла защитить народовъ Кавказа отъ угрозы физическаго истребленія турецкими шайками. Послѣ Брестскаго мира, отдававшаго Грузію и Арменію на растерзаніе азіатскихъ бандъ, а Литву и Прибалтику въ руки Рорбаховъ и Гинденбурговъ, — Россія потеряла право ссылаться на договоры съ Царемъ Ираклiемъ II и на договоры съ Пруссіей и Австріей о раздѣлѣ польскихъ земель.

Юридическіе доводы.

Нѣсколько мягче, культурнѣе и современнѣе звучатъ юридическіе доводы. Измѣненіе судьбы каждой части Россіи затрагиваетъ жизненные интересы всего цѣлаго, разрушаетъ старыя права, создаетъ новыя обязательства, словомъ, связано съ серьезнѣйшими сдвигами и перемѣнами во всей правовой системѣ русскаго государства. Поэтому недопустимо предоставленіе права каждой части самостоятельно опредѣлять свое бытіе, устанавливать одно-

стороннимъ волеизліяніемъ свое международное положеніе, рвать юридическія связи со всѣмъ окружающимъ міромъ. Лишь источникъ права для всего цѣлаго можетъ быть признанъ компетентнымъ для разрѣшенія вопроса о правовомъ положеніи частей. Поэтому лишь общероссійская власть, лишь Всероссійское Учредительное Собраніе вправѣ окончательно опредѣлить взаимоотношенія частей русскаго государства между собой.

Для каждаго отдѣльнаго народа такое рѣшеніе, обрекающее его на передачу своего дѣла въ руки собранія, гдѣ представители этого народа будутъ въ ничтожномъ меньшинствѣ, можетъ показаться безнадежнымъ. Но для всѣхъ народовъ, составляющихъ свыше 50% всего населенія Россіи, такая постановка вопроса не страшна. И въ 1917 году она, въ сущности, была единственно правильной и пріемлемой. Но нынѣ положеніе въ корнѣ измѣнилось. Въ теченіе трехъ лѣтъ, когда части Россіи пережили самыя разнообразныя судьбы, когда уже многіе мѣсяцы въ нихъ имѣются правильно функціонирующія представительныя учрежденія, когда онѣ вошли во всевозможныя обязательства съ внѣшнимъ міромъ, когда онѣ временно были ближе связаны съ Берлиномъ, Парижемъ и Лондономъ, чѣмъ съ Москвой и Петербургомъ, — не разъединеніе, а, наоборотъ, объединеніе создастъ новый порядокъ. Задача теперь не въ томъ, чтобы, исходя изъ единства, создать разнообразіе, но, наоборотъ, многообразіе привести къ единству. Поэтому самому созыву Всероссійскаго Учредительнаго Собранія или иного общероссійскаго органа нынѣ должны предшествовать длительные переговоры, разнородная подготовительная работа, выясняющая какъ условія созданія такого органа, такъ и задачи его. Постройка Россіи сверху уже невозможна. Россія можетъ быть построена только снизу. Не самостійность мелкихъ народовъ, а нивеллирующій и не считающійся съ жизнью русскій націонализмъ является нынѣ разрушительной идеей.

Но такая постановка вопроса вызываетъ сомнѣнія со стороны русскихъ политическихъ дѣятелей. Постройка Россіи снизу — означаетъ предоставленіе вопроса о возсозданіи единства Россіи на волю и милость мелкихъ народовъ и связана съ рискомъ, что эти народы откажутся объединиться и, наборотъ, постараются фактъ отдѣленія Россіи закрѣпить, уже какъ право. Можетъ ли Россія допустить это? Можетъ ли она существовать внѣ своихъ прежнихъ предѣловъ? И торопливо дается отвѣтъ:

— Нѣтъ!

Стратегическіе доводы.

Нѣтъ, потому, что безопасность Россіи не можетъ быть обезпечена безъ окраинъ. — Очень подробно на этихъ доводахъ останавливается г. Мандельштамъ: приводятся техническія детали о стратегическихъ морскихъ позиціяхъ въ Финскомъ заливѣ, что̀ должно убѣдить въ необходимости для Россіи финскаго побережья; разбирается вопросъ о возможности высадки войскъ противника въ Финляндіи; оцѣнивается значеніе плацдарма для развертыванія войскъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. И получается выводъ: безъ Прибалтики, Финляндіи и сѣверо-западнаго края Россія существовать не можетъ. Иные такими же доводами доказываютъ невозможность отдѣленія отъ Россіи Украины и Кавказа.

Но такъ ли обоснованы всѣ эти страхи? Почему малые народы не испытываютъ страха передъ внѣшней опасностью, а Россія должна вѣчно чего-то бояться? Почему маленькая Финляндія не требуетъ для обезпеченія отъ Россіи Петербурга, а громадная Россія для обезпеченія отъ возможной опасности со стороны Финляндіи требуетъ — всей Финляндіи? Какіе особенные интересы нуждаются въ нагроможденіи этой вавилонской башни колоссальныхъ военныхъ рессурсовъ? И гдѣ предѣлы стратегической необходимости? Развѣ польскій плацдармъ не былъ бы также полезенъ Россіи? Развѣ обладаніе Вос-

точной Пруссіей не обезпечитъ ее лучше, чѣмъ обладаніе только Литвой? Развѣ Скандинавскій полуостровъ лишенъ хорошихъ и надежныхъ морскихъ позицій, которыя обезпечили бы господство въ Балтійскомъ морѣ? И противъ кого, наконецъ, сооружается весь этотъ тяжеловѣсный милитаристическій аппаратъ? Изъ прежнихъ народовъ Россіи и каждый въ отдѣльности и даже всѣ вмѣстѣ слишкомъ слабы для борьбы съ Великороссіей. А безнадежно выходящая изъ моды манера запугиванія германской опасностью слишкомъ наивна: нелѣпо для защиты отъ разбитой и ослабленной войной 60-ти милліоной Германіи создавать военный механизмъ изъ 180-ти милліоновъ человѣкъ! А, кромѣ того, если вопросъ идетъ объ обезпеченіи великорусскаго центра, то поясъ нейтральныхъ державъ лучше обезпечитъ его, чѣмъ рядъ крѣпостей на иноплеменныхъ территоріяхъ. Независимая Литва окажется несомнѣнно бо̀льшимъ препятствіемъ, чѣмъ пресловутая Ковенская крѣпость; нейтральная Финляндія лучше, надежнѣе и дешевле прикроетъ Россію, чѣмъ многомилліонныя Паркалаундскія, Свеаборгскія и Выборгскія сооруженія.

Экономически-географическіе доводы.

Болѣе убѣдительно звучатъ доводы экономическ и - географическаго характера. Выдѣленіе окраинъ изъ Россіи отрѣзываетъ великій народъ отъ морей: Украина закрываетъ доступъ къ Черному морю, прибалтійскія государства хотятъ заколотить окно, прорубленное Петромъ въ Европу. Такіе порты, какъ Ревель, Рига, Либава, Виндава, Одесса, Николаевъ, созданы не для одного прибрежнаго населенія, но служатъ выходами и отдушинами для цѣлаго континента. Можно ли задушить континентъ, закрывъ эти отдушины? Можетъ ли великая нація допустить, чтобы эти важные географическіе пункты были внѣ ея власти и контроля?

Соображенія, несомнѣнно, вѣскія. Но имѣютъ ли

они значеніе и даже отношеніе къ вопросу о свободѣ народовъ? Было бы весьма оригинальной теоріей признать, что наличіе хорошаго порта на территоріи какого-либо народа тѣмъ самымъ не даетъ ему выгодъ, а обрекаетъ на рабство другому народу. И, далѣе, если этотъ принципъ имѣетъ общее значеніе, то онъ долженъ быть признанъ не только для географическихъ широтъ и долготъ Россіи, но всюду. Если латышскій народъ, имѣвшій неосторожность поселиться около Риги, тѣмъ самымъ обреченъ на вѣчную и безысходную политическую зависимость отъ Россіи, то, спрашивается, почему же Роттердамъ не обрекаетъ Голландію на потерю независимости, или Амстердамъ не отдаетъ Бельгіи въ руки Германіи?

И опять таки мы должны задать вопросъ: гдѣ предѣлы экономически-географической необходимости? Рига и Ревель еще не обезпечиваютъ свободы сношеній съ міромъ, такъ какъ выводятъ только въ замкнутое Балтійское море. Одесса даетъ доступъ только къ Черному морю, побережья котораго представляютъ сами по себѣ третьестепенный интересъ для Россіи. Даже Константинополь — ключъ только отъ Средиземнаго моря, а не отъ Индійскаго и Атлантическаго океановъ. Значитъ, Гибралтаръ и Аденъ?

Вопросъ стоитъ иначе. Товарообмѣнъ и вообще сношенія Россіи съ внѣшнимъ міромъ должны совершаться съ абсолютной свободой черезъ необходимые порты и пункты, съ полной возможностью соотвѣтствующихъ сооруженій, постройки нужныхъ дорогъ и пр. И нѣтъ никакого сомнѣнія — заявленія государственныхъ дѣятелей всѣхъ окраинъ, ихъ реальный интересъ и, главное, реальное соотношеніе силъ тому порукой — такая свобода можетъ быть вполнѣ гарантирована соотвѣтствующими договорами. Въ крайнемъ случаѣ, имѣется еще путь интернаціонализаціи нѣкоторыхъ категорій дѣлъ и вопросовъ. И лишь если бы развитіе русской торговли и русскаго торговаго мореплаванія все же встрѣтило какія-

либо затрудненія — тогда только можно было бы ставить вопросъ о несовмѣстимости интересовъ Россіи и свободы народовъ. Этого нѣтъ въ настоящее время, когда возможности товарообмѣна и сношеній во много разъ превышаютъ потребность въ немъ. Но этого и не будетъ, ибо, напримѣръ, Латвія гораздо болѣе заинтересована въ томъ, чтобы русскіе товары шли черезъ нее, чѣмъ Россія, которая всегда сумѣетъ найти другой путь; и какія-либо опасенія, что 2-хъ милліонный эстонскій народъ рѣшится явиться препятствіемъ для 100-милліонаго народа въ сношеніяхъ его съ міромъ — кажутся рѣшительно преувеличенными.

Доводы силы.

Но неудачи аргументаціи не смущаютъ націоналистовъ. Пусть такъ, — отвѣчаютъ они, — пусть Россія не можетъ убѣдить въ своемъ правѣ, но она все же достаточно с и л ь н а, чтобы настоять на немъ и наново вооруженной рукой собрать земли державы Россійской. Споръ съ окраинами — безплоденъ. Доводы — встрѣчаютъ возраженія. Убѣжденія и упрашиванія — роняютъ достоинство. Гораздо вѣрнѣе будетъ, когда наступитъ срокъ, послать нѣсколько генералъ-губернаторовъ съ соотвѣтствующей свитой, — и весь вопросъ, со всѣми «самостійностями», будетъ радикально законченъ.

Такъ говорятъ, перешептываются. Такіе тона звучатъ въ фельетонахъ на патріотическія темы. И даже въ недавно демократическихъ кругахъ — раздаются уже похвальныя рѣчи Муравьеву-Вѣшателю, который де имѣетъ большія заслуги передъ прошлой и даже передъ будущей Россіей!

Но ясно, что сила не разрѣшитъ, а только запутаетъ вопросъ. Насильственный поворотъ назадъ былъ бы возможенъ, если бы процессъ самоопредѣленія народовъ былъ случаенъ. Но мы уже видѣли, что онъ развивался всюду, при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, при раз-

личной національной, религіозной и культурной обстановкѣ. И нельзя обольщаться, будто частичными уступками можетъ быть разрѣшенъ національный вопросъ въ Россіи. Мы же видѣли, что Царство Польское, лишенное самоуправленія, склонно было для начала ограничиться хотя бы земскими учрежденіями. Но Литва, имѣвшая городское самоуправленіе, требовала уже автономіи. Галиція, имѣвшая автономію, требовала выдѣленія на федеративныхъ основахъ. Финляндія, имѣвшая почти полную обособленность, стремилась къ превращенію зависимости отъ Россіи въ формальность.

Теперь же всѣ эти процессы совершатся быстрѣе. Самообольщеніе думать, что населеніе окраинныхъ странъ только «обмануто» кучками провинціальныхъ министеріаблей, обольщено демагогами и шовинистами. Единодушіе избранныхъ всѣмъ народомъ учредительныхъ собраній Эстоніи, Латвіи, Литвы, Грузіи, Азербейджана показываетъ, что насильственная власть изъ центра встрѣтится лицомъ къ лицу не съ противодѣйствіемъ кучекъ политикановъ, которыхъ можно арестовать и выслать, а съ сопротивленіемъ всѣхъ классовъ всего населенія [1]). И мы видѣли, что народы нельзя лишить средствъ борьбы. Исторія поляковъ въ Познани и Верхней Силезіи, исторія насильственнаго введенія воинской повинности въ Финляндіи показываютъ, что даже весь аппаратъ громадныхъ милитаристическихъ державъ не въ силахъ справиться съ единодушной волей небольшихъ національныхъ группъ. Теперь же, послѣ Версальскаго договора, положившаго въ основу самоопредѣленіе народовъ, послѣ трехъ лѣтъ привычки къ фактической свободѣ — во всѣхъ народахъ создалось уже достаточно прочное сознаніе

[1]) То обстоятельство, что большинству народовъ Россіи не удалось покамѣстъ создать свою устойчивую демократическую власть, отнюдь не свидѣтельствуетъ о слабости національной идеи этихъ народовъ, подобно тому, какъ паденіе русской власти въ Москвѣ не является концомъ русской національно-государственной идеи.

своего права, чтобы оно не отступило передъ лицомъ насилія. И если даже чрезвычайно искусная въ политикѣ Англія не находитъ формулы соглашенія съ маленькой, подъ бокомъ живущей, Ирландіей, то какимъ образомъ русская государственная власть, пришедшая съ голымъ насиліемъ изъ культурно опустошеннаго центра, можетъ разсчитывать справиться съ народами окраинъ? Путь силы ведетъ лишь къ ирландизаціи Россіи, при чемъ не надо забывать, что Ирландія по населенію составляетъ $^1/_8$ часть Англіи, окраинные же народы Россіи — болѣе половины ея.

2. «*Расчлененная Россія*».

Защитники «единой, недѣлимой» Россіи тянутъ назадъ, къ прошлому. Сторонники «расчлененной» Россіи — стремятся сохранить современное положеніе вещей, юридически закрѣпить распадъ Россіи, завершить процессъ государственнаго обособленія народовъ другъ отъ друга. Они считаютъ ненужнымъ и невозможнымъ созданіе Россіи ни сверху ни снизу, они не хотятъ старой и не вѣрятъ въ возможность новой Россіи. Согласно ихъ взглядамъ, связь съ Россіей приноситъ во всѣхъ отношеніяхъ — культурномъ, экономическомъ и даже въ отношеніи внѣшней безопасности — лишь вредъ и ущербъ. Они не только съ чувствомъ горечи и обиды вспоминаютъ старую бюрократическую Россію, но съ тревогой слѣдятъ за развитіемъ общественныхъ настроеній въ современной Россіи и повсюду видятъ признаки новыхъ угрозъ и опасностей со стороны Россіи въ будущемъ. Лишь полное и окончательное отдѣленіе отъ Россіи съ максимальной международной гарантіей обезпечитъ свободу всесторонняго и безпрепятственнаго развитія. Поэтому цѣль ихъ — полная независимость отдѣльныхъ частей и установленіе такихъ юридическихъ отношеній, чтобы связь любого изъ окраинныхъ народовъ съ Петербургомъ и

Москвой была формально не тѣснѣе, чѣмъ съ Лондономъ или Нью-Іоркомъ. Словомъ, изъ державы-колосса превратить Россію въ дюжину ничѣмъ между собою не связанныхъ самостоятельныхъ и обособленныхъ государствъ. — Въ основѣ этихъ взглядовъ лежитъ не только отрицательное отношеніе къ Россіи, но и положительные принципъ и убѣжденіе, что государство только тогда устойчиво, если оно національно однородно, и что интересы и права націи только тогда обезпечены, если въ ея рукахъ сосредоточена неограниченная полнота государственной власти.

Въ направленіи защиты подобныхъ взглядовъ совершается офиціальная работа дипломатовъ всѣхъ новообразовавшихся государствъ, въ этомъ духѣ высказываются учредительныя собранія, на почвѣ этихъ идей воспитывается внутреннее общественное мнѣніе, такова основа теоретическихъ работъ, среди которыхъ наиболѣе видное мѣсто занимаетъ книжка латвійскаго министра внутреннихъ дѣлъ г. Берга «Латвія и Россія».

И надо сказать, что, по сравненію съ идеей старой Россіи, идея атомизма имѣетъ много преимуществъ. Полное освобожденіе народовъ и даже ихъ временная государственно-правовая обособленность другъ отъ друга гораздо болѣе соотвѣтствуютъ духу времени, чѣмъ порабощеніе ихъ заново. Если Россія не можетъ мыслиться иначе, какъ въ видѣ господства одной національности надъ другими, то возможно, что жизнь пойдетъ мимо Россіи, и она въ прежнихъ размѣрахъ никогда не возстановится. Но признаніе этого не должно заставить закрыть глаза на истинное положеніе вещей и на тѣ результаты, къ которымъ приводитъ теорія и практика полнаго расчлененія Россіи.

Недовѣріе къ Россіи.

Главнѣйшимъ мотивомъ, заставляющимъ народы упорно отстаивать свое полное отдѣленіе отъ Россіи и

отвергать всякую мысль о какой-либо формѣ новаго съ нею объединенія, является опасеніе, что на этомъ пути возстановится централизмъ, россійскій бюрократизмъ, и свобода народовъ будетъ опять уничтожена или крайне ограничена.

Конечно, было бы неправильно слишкомъ идеалистически оцѣнивать значеніе сосѣдства съ Великороссіей. Но въ этомъ отношеніи путь отдѣленія отъ Россіи грозитъ свободамъ народовъ гораздо бо́льшими опасностями, чѣмъ любая форма соглашенія. Не касаясь вопроса, какая форма власти тамъ установится окончательно, надо исходить изъ того, что настроеніе русскаго народа и русскихъ общественныхъ дѣятелей будетъ стоять приблизительно на томъ же уровнѣ, какъ настроенія окраинныхъ народовъ. И вотъ, если поляки по историческимъ основаніямъ считаютъ нынѣ возможнымъ воскрешать границу, не существующую уже полтораста лѣтъ, то почему же Россіи не отстаивать предѣловъ, которые также помимо нея и формально противоправно разрушены всего три года тому назадъ? Если Литва по стратегическимъ и экономическимъ причинамъ считаетъ себя вправѣ претендовать на городъ Гродно, то надо имѣть въ виду, что не мало такихъ же доводовъ найдется со стороны Россіи, когда разговоръ зайдетъ о Вильнѣ и Ковно. Если латыши для удобства сообщенія Лифляндіи съ Латгаліей добились передачи имъ русской мѣстности у станціи Пыталово, то почему русскимъ націоналистамъ не требовать съ такимъ же упорствомъ себѣ Риги и Либавы, которыя нужны для удобства сношеній половины Европы и Азіи со всѣмъ міромъ? Если грузинамъ казалось достаточнымъ доводомъ для присоединенія Сочи рѣшеніе какихъ-то невѣдомыхъ революціонныхъ организацій, то, спрашивается, сколько такихъ формальныхъ поводовъ найдутъ русскіе націоналисты, когда захотятъ начать тяжбу центра съ окраинами?

И мы вправѣ ожидать, что упорство, съ которымъ русскіе націоналисты будутъ отстаивать свои, по своему

понимаемыя, права, будетъ не меньше, чѣмъ страстность, съ которой окраинные народы защищаютъ свои интересы, и которая бросила другъ на друга поляковъ и литовцевъ, жившихъ въ мирѣ 600 лѣтъ, эстовъ и латышей, не воевавшихъ 800 лѣтъ, армянъ и грузинъ, не знавшихъ братоубійственной войны въ теченіе 1000 лѣтъ... Иностранное вмѣшательство? Авторитетъ Лиги Народовъ Міра? Но если Лига Народовъ оказалась безсильной предотвратить эти столкновенія народовъ, стоящихъ въ полной зависимости отъ союзныхъ державъ, то что она будетъ въ силахъ сдѣлать, когда всколыхнется русская народная стихія, одичавшая въ братоубійственной войнѣ, привыкшая къ кровавымъ расправамъ, руководимая политиками, для которыхъ само слово «миръ» звучитъ, какъ признакъ слабости и безволія?

Это будетъ неустранимо, если дѣло перестройки Россіи пытаться завершить не только помимо участія Россіи, но даже противъ нея. Ни одинъ изъ окраинныхъ народовъ въ отдѣльности не будетъ въ состояніи сопротивляться этой стихіи, съ какимъ бы мужествомъ онъ ни встрѣтилъ ударъ. И даже всѣ окраинные народы вмѣстѣ, растянувшіеся тонкимъ полукругомъ отъ «финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», представляютъ слишкомъ невыгодную стратегическую конфигурацію, чтобы можно было вести рѣчь о вооруженномъ выступленіи сообща. Кромѣ того, самый заурядный дипломатъ въ Москвѣ сумѣетъ до вооруженнаго столкновенія разрушить единство и солидарность народовъ и подготовить почву для послѣдовательнаго разгрома въ одиночку, начиная съ самыхъ слабыхъ.

Несомнѣнно, въ конечномъ счетѣ завоеваніе не дастъ ничего, и на другой день послѣ покоренія даже всѣхъ окраинъ начнется стремительное, неудержимое, разными путями совершающееся возстановленіе свободъ и самодѣятельности народовъ. Но при такомъ развитіи исходнымъ пунктомъ дѣйствительнаго освобожденія будутъ не

нынѣшнія свободы и государственныя учрежденія, а военная оккупація новыми Муравьевыми. И всѣмъ народамъ придется еще разъ пережить въ той или иной формѣ ту стадію борьбы, которая нынѣ ведется въ Ирландіи. Въ смыслѣ культуры и человѣческаго прогресса все это: и походъ изъ центра, и сопротивленіе окраинъ, и страстное напряженіе ожесточенной внутренней борьбы будетъ безплодной и ненужной потерей силъ. Но развѣ исторія всегда идетъ прямымъ путемъ?

Является ли распадъ прогрессомъ?

Было бы, однако, весьма печально, если бы только внѣшняя угроза и опасность чернаго національнизма въ Россіи загоняла народы въ тѣ или иныя формы и рамки политическаго единства: тогда намъ пришлось бы предвидѣть, что, сколько бѣдствій ни суждено пережить народамъ, все же, въ концѣ концовъ, они достигнутъ своего, такъ или иначе преодолѣютъ препятствія. Болѣе того, тогда, перефразируя извѣстное выраженіе, надо было бы сказать, что если не волей народовъ снизу, то волей россійской прогрессивной демократіи сверху будетъ закрѣпленъ и осуществленъ распадъ Россіи на мелкія государства, — если только признать, что такой распадъ является единственной и высшей формой для полноты свободы народовъ.

Но уже апріорныя соображенія убѣждаютъ, что въ процессѣ полнаго распада не все естественно и органично. Если, съ одной стороны, исторія свидѣтельствуетъ о неудержимомъ стремленіи народовъ къ свободѣ, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, современность приноситъ намъ безчисленныя доказательства все растущаго сближенія народовъ между собой. Поэтому распаденіе Россіи, поскольку въ немъ освобожденіе народовъ связано съ уничтоженіемъ того психологическаго единства, которое неоднократно и ярко проявлялось въ исторіи послѣднихъ лѣтъ, и того правового и хозяйственнаго единства, которое слу-

жило основой грандіозной работы на пространствѣ $^1/_6$ части земной суши, будетъ уже само по себѣ фактомъ значительнаго регресса. Но угрозы регрессомъ становятся особенно отчетливыми, если вдуматься въ послѣдствія распада Россіи, притомъ имѣя въ виду судьбу не одной страны, а всѣхъ въ совокупности.

Экономическія трудности.

Мы все болѣе привыкаемъ мыслить современное государство, какъ экономически-хозяйственный механизмъ.

Въ этомъ смыслѣ всякое суженіе границъ государства будетъ само по себѣ регрессомъ, но суженіе по случайнымъ и съ хозяйственной жизнью не связаннымъ этнографическимъ соображеніямъ — является регрессомъ вдвойнѣ. И мы видимъ, что въ Россіи нынѣ, вмѣсто хозяйственнаго организма, привольно раскинувшагося по великой европейско-азіатской равнинѣ, получаются лишь жалкіе обрывки географическаго цѣлаго, не сулящія большихъ радостей государствамъ, владѣющимъ устьями рѣкъ безъ ихъ истоковъ, портами, отрѣзанными отъ своего экономическаго бассейна, рынками, отдѣленными отъ своихъ портовъ. За сто лѣтъ существованія въ одной государственной системѣ экономическія взаимоотношенія не считались съ этническими границами и расширялись во всѣ стороны, повинуясь естественнымъ хозяйственнымъ велѣніямъ, перепутывая всѣ народы, связывая ихъ общностью интересовъ, общими организаціями, общими предпріятіями, общимъ товарообмѣномъ. Не говоря уже о такихъ центрахъ, какъ Петербургъ или Москва, Вильна — политическій и экономическій центръ не Бѣлоруссіи, не Литвы и, тѣмъ болѣе, не фантастической «Бѣлопольши», а всего сѣверо-западнаго края, не имѣющаго единой этнической основы. Вліяніе Риги сказывалось не только въ Латвіи, но и въ Литвѣ и въ Эстоніи. Теперь каждому государству придется эти связи распутать, кое-что развязать, кое-что оборвать; многіе экономическіе вопросы изъ частно-пра-

вовой сферы придется перенести въ гораздо менѣе приспособленную сферу международно-правовую, многія же отрасли хозяйственной жизни придется уничтожить совсѣмъ. Учтенъ ли объемъ этой работы, учтены ли убытки отъ такого кромсанія исторически сросшихся частей общаго трудового организма?

Теперь, когда жизнь парализована безмѣрной разрухой войны и внутренней междоусобицы, безжизненное тѣло страны можно рѣзать и кромсать, какъ угодно. Но въ минуту дѣйствительнаго оживленія, какъ только начнется кругооборотъ товаровъ, воскреснетъ финансовая, промышленная и культурная работа, — разорванная ткань единаго организма дастъ о себѣ знать мучительной болью, затяжными кризисами, общей депрессіей отъ искусственныхъ, хозяйственно не обоснованныхъ государственныхъ границъ. И въ то время, какъ англо-саксонскія страны въ предѣлахъ грандіозной федераціи будутъ просторно и широко развиваться подъ никогда не заходящимъ солнцемъ, — только мы, привыкшіе къ просторамъ, будемъ на каждомъ шагу натыкаться на клѣтки, загородки, перевитыя колючей проволокой взаимной ненависти... Прекрасныя перспективы для мірового соперничества, для трудовой борьбы за право жить!

Этнографическія трудности.

Въ основу новаго раздѣленія Россіи на малыя государства кладется этническій принципъ, принадлежность къ націи, «родной языкъ», по терминологіи нашей переписи. Такимъ образомъ, придется отмежевать другъ отъ друга не менѣе 10-ти народовъ и провести государственныя границы общимъ протяженіемъ около 15.000 верстъ!

Но даетъ ли этническій принципъ твердую опору для завершенія такой гигантской задачи? О трудности подобныхъ территоріально-національныхъ передѣловъ можно судить по недавнему выдѣленію Холмской губерніи, гдѣ проведеніе границы — еще не государственной, а

только краевой — вызвало громадную литературу на пяти языкахъ, при чемъ выяснилось, что о сговорѣ, соглашеніи не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ въ пылу политическихъ страстей хрупкими и ненадежными оказались самые почтенные столбцы статистическихъ выкладокъ, самые обоснованные историческіе аргументы. Теперь же рѣчь идетъ не объ административномъ передѣлѣ, но о значительно бо́льшемъ — объ установленіи предѣловъ суверенныхъ властей. На примѣрахъ Восточной Галиціи, города Вильны, Валка, не говоря уже о Закавказьѣ, мы видѣли, къ какимъ нескончаемымъ и неразрѣшимымъ трудностямъ приводятъ такія раздѣленія, сколько споровъ, жалобъ въ Лигу Народовъ и даже кровавыхъ столкновеній вызываютъ они. Но все это дѣтскіе пустяки въ сравненіи съ тѣмъ, что несетъ съ собой проблема выдѣленія Бѣлоруссіи или Украины, языкъ которыхъ отличается отъ русскаго отнюдь не больше, чѣмъ верхнесилезское нарѣчіе отъ польскаго или латгальскій языкъ отъ латышскаго. Безъ преувеличенія можно сказать, что спорныя территоріи будутъ въ нѣсколько разъ превышать территорію Швеціи и Даніи, вмѣстѣ взятыхъ. И если припомнить мирное сожительство народовъ рядомъ другъ около друга до размежеванія, то можно серьезно опасаться, что изъ орудія прогресса и культуры національная идея явно начинаетъ превращаться въ орудіе страшной анархіи и чудовищнаго регресса.

А, между тѣмъ, въ результатѣ зло, съ которымъ начата борьба, отнюдь не будетъ уничтожено. Все равно, на территоріи новыхъ государствъ, даже идеально отмежеванныхъ другъ отъ друга, останутся еще милліоны гражданъ, живущихъ внѣ черты этнографическаго большинства своего народа. Если они захотятъ остаться дома, то имъ придется выбирать между подданствомъ чужой народности и превращеніемъ у себя дома въ иностранца. Иначе имъ предоставляется прекрасная и легкая возможность бросать насиженное мѣсто и перекo-

чевывать безъ всякой нужды въ свое, на національномъ принципѣ построенное, государство. И въ такомъ положеніи окажется не горсточка людей, а ни болѣе, ни менѣе, какъ двадцать милліоновъ жителей! По переписи 1897 года, на территоріи этнографической Бѣлоруссіи было не-бѣлоруссовъ 2,5 милл., на территоріи Латвіи 0,3 милліона не-латышей, въ Эстоніи 0,15 милл. неэстовъ, въ Литвѣ 0,7 милліона не-литовцевъ, на территоріи Украины около 9 милліоновъ не-украинцевъ, на территоріи Закавказья свыше милліона не-армянъ въ Арменіи, не-грузинъ въ Грузіи и не-татаръ въ Азербейджанѣ. Къ этому надо добавить еще нѣсколько милліоновъ не-поляковъ на территоріи Польши. И, спрашивается, большая ли польза получится, если такимъ образомъ, вмѣсто одной Россіи, мы получимъ десятокъ съ лишнимъ государствъ, построенныхъ по тому же принципу, съ тѣми же затрудненіями, какъ и прежняя Россія?

Не говоря о десяткахъ милліоновъ личныхъ трудностей и заботъ, что тоже едва ли будетъ служить для подъема разоренныхъ странъ, такое расщепленіе гражданства затормозитъ и исказитъ естественный процессъ разселенія народовъ Россіи. Бюрократизмъ старой власти искусственно создавалъ центры, которые при новой жизни въ свободныхъ условіяхъ должны будутъ измѣниться, перенестись въ другіе районы, въ болѣе подходящія климатическія и географическія условія. Передвиженіе центра населенія Россіи должно будетъ совершаться въ направленіи на юго-востокъ съ бо́льшей силой, чѣмъ оно совершалось до сихъ поръ. Въ этомъ стихійномъ процессѣ примутъ, какъ это было и раньше, участіе всѣ народы Россіи. Но теперь это передвиженіе будетъ на каждомъ шагу наталкиваться на колючую проволоку границъ, на таможенныя заставы, на препятствія въ видѣ чужого гражданства. И, при новыхъ условіяхъ, каждый новый сдвигъ народовъ, каждый мельчайшій этапъ передвиженія и перемѣщенія центровъ экономической и хозяйствен-

ной жизни будетъ связанъ съ коллизіями государственныхъ системъ.

Мы уже видѣли, что Грузіи за три года ея самостоятельнаго существованія пришлось выдержать около 10-ти войнъ, и на территоріи прежней Россіи временами велась борьба сразу на 50-ти фронтахъ. Поэтому мы вправѣ считать еще оптимистическимъ предположеніе, что въ нормальное время на этой территоріи будетъ существовать всегда всего пара, другая, такъ сказать, «дежурныхъ» вооруженныхъ конфликтовъ.

Прекрасныя международныя перспективы открываются этимъ передъ народами Россіи! Можно вѣрить въ самую радикальную перемѣну общей политики Германіи, можно съ величайшей и искренней симпатіей относиться къ англо-саксонскому міру, но совершенно нельзя допустить, чтобы иностранныя силы не старались вмѣшиваться въ такое положеніе дѣлъ, конечно, во имя высокихъ принциповъ цивилизаціи и человѣчности, но и не безъ соотвѣтствующихъ компенсацій за безпокойство.

Словомъ, если въ итогѣ «единой, недѣлимой Россіи» мы видѣли ея ирландизацію, то оцѣнка перспективъ, которыя сулитъ теорія и практика «расчлененной Россіи», приводитъ къ необходимости предвидѣть балканизацію всего востока Европы и центра Азіи!

3. Объединеніе Россіи.

Если въ первой части настоящей главы мы пришли къ выводу, что стремленіе народовъ къ полной свободѣ не является случайнымъ, то предыдущія соображенія должны были уже навести на мысль, что и объединеніе Россіи не было только исторической ошибкой и ненужностью, и что силы сцѣпленія, ослабѣвшія нынѣ, скажутся властно при установленіи болѣе или менѣе нормальныхъ условій. Такимъ образомъ, задача сводится къ изысканію формъ, сочетающихъ свободу народовъ съ единствомъ Россіи.

Формальныхъ препятствій такому сочетанію нѣтъ. Принципъ самоопредѣленія народовъ отнюдь не подразумѣваетъ отдѣленія ихъ отъ Россіи, а лишь право на такое отдѣленіе. И отъ всей совокупности интересовъ націи, отъ характера политической обстановки зависитъ, какимъ образомъ и до какихъ предѣловъ будетъ использовано это право, какія конкретныя формы поставятъ себѣ цѣлью національная мысль и энергія.

Въ противорѣчіи съ общепризнаннымъ взглядомъ, выше было установлено, что Россія разрушилась не снизу, а сверху, что ея организація была сперва расшатана политикой власти, а потомъ въ конецъ разрушена анархіей въ центрѣ. Теперь же мы чувствуемъ себя вправѣ выставить второй аналогичный тезисъ: такъ какъ изъ центра новая единая Россія возстановлена быть не можетъ, то возстановленіе ея должно быть совершено снизу. Если централизмъ привелъ къ распаду, то исторической справедливостью было бы, чтобы народы, объявившіе свою самостоятельность, возстановили ее.

Культурное значеніе Россіи.

Прежде всего, надо пріучиться смотрѣть на Россію, не только какъ на политическую систему, что невольно вызываетъ горестныя воспоминанія, но какъ на хозяйственное цѣлое. Съ политической точки зрѣнія, Россію, въ ея довоенныхъ государственныхъ формахъ, можно разсматривать, какъ историческій анахронизмъ, какъ регрессивное явленіе, какъ колосса на глиняныхъ ногахъ, который только потому не свалился, что ему не было нанесено достаточно сильнаго удара, чтобы преодолѣть историческую инерцію. Но и тутъ нужно, быть можетъ, нѣсколько больше объективности. Конечно, внѣшняя картина Россіи была не слишкомъ отрадной, особенно съ точки зрѣнія лицъ, судящихъ по западно-европейскому масштабу. Но не слѣдуетъ забывать, что условія развитія Россіи были совершенно необычны. Раскинувшаяся

по побережью Ледовитаго океана, бездорожная, имѣющая въ своихъ владѣніяхъ кочевые народы, тундры, непроходимые лѣса, объединяющая въ своихъ рукахъ и страны съ чисто западной культурой, какъ Польша и Финляндія, и чисто дикія племена, она являлась мостомъ между Европой и Азіей. Ея задачи затруднялись необозримыми пространствами суши, несчетнымъ количествомъ этнографически-пестраго населенія. При этихъ условіяхъ создать правительственный аппаратъ было задачей непомѣрно трудной. И задача эта до конца не была выполнена. Но значитъ ли это, что сама задача должна быть снята съ очереди? Не слѣдуетъ ли попытаться рѣшить ее заново?

О Россіи, какъ о факторѣ мірового регресса, говорить, конечно, не приходится. Если при переѣздѣ западной границы европеецъ чувствовалъ новыя культурныя условія, то все же онъ еще разъ могъ испытать такое же ощущеніе, переѣзжая границу Россіи съ государствами Азіи. Въ предѣлахъ громадной Россіи культурныя условія разрѣдились, стали жидкими, но все же она насыщена культурой значительно болѣе высокаго напряженія, чѣмъ зарубежныя восточныя страны. Чтобы убѣдиться — достаточно раскрыть карту міровыхъ сообщеній. Если Англія подошла къ Афганистану съ юга, то съ сѣвера желѣзной дорогой подошла Россія, и въ общей системѣ мірового движенія пути, построенные Россіей, занимаютъ значительное мѣсто: одна сибирская дорога въ два раза сократила продолжительность кругосвѣтнаго путешествія.

Конечно, легко сказать: «будь на мѣстѣ русскихъ англичане или нѣмцы, они сдѣлали бы скорѣе и лучше». Но англичане и нѣмцы и такъ не сидѣли безъ дѣла, и помимо Россіи, и притомъ Россіи объединенной, сибирскій путь не могъ быть проложенъ никѣмъ. Кромѣ того, трудно сказать, оказались ли бы другіе народы способны совершить въ некультурныхъ условіяхъ тѣ задачи, которыя были по плечу Россіи. Участокъ мурманской желѣзной дороги, который взялись строить англичане,

остался незаконченнымъ, и его достроили сами русскіе, потому что англійскіе и канадскіе рабочіе не могли работать въ тягостныхъ условіяхъ дикаго сѣвера, а англійскіе организаторы не могли справиться съ русскими рабочими.

Какъ ни какъ, Россіей пробитъ путь черезъ Азію, проложена дорога къ Ледовитому океану, проведенъ новый путь изъ Европы въ Индію. И все это — не въ качествѣ слѣда по картѣ, проложены не только рельсы, но основана цѣлая система новыхъ поселеній, нàново открывающихъ и завоевывающихъ для культуры то, что было завоевано только любопытствомъ географовъ. Заселялись степи, вырубались первобытные лѣса, оплодотворялись занесенныя песками пустыни, и изъ праха встаютъ, воскресаютъ отъ соприкосновенія съ Россіей старинныя цвѣтущія страны, сметенныя съ лица земли великимъ переселеніемъ народовъ.

Работа эта совершалась не только Московіей: это дѣло Россіи въ ея цѣломъ. Сибирь населена не только великороссами. Бѣлорусскія поселенія Пріамурья, украинскіе «концы», разбросанные по всей азіатской Россіи, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Общій финансовый аппаратъ бралъ средства на общія задачи со всѣхъ народовъ. Однимъ великороссамъ многое изъ выполненнаго оказалось бы не по плечу. И если подводить итоги гибели Россіи, то запишемъ въ пассивъ не только разрушеніе широкихъ государственныхъ рамокъ, которыя сами по себѣ были факторомъ положительнымъ, ибо эволюція всего міра совершается въ сторону широкихъ группировокъ. Распадъ Россіи должно разсматривать не только какъ гибель великорусскаго дѣла, но какъ гибель цѣлаго ряда намѣченныхъ и осуществляемыхъ міровыхъ культурныхъ задачъ. Гибель Россіи была бы побѣдой не только образовавшихся въ ней центробѣжныхъ силъ и окраиннаго партикуляризма. Это побѣда бездорожья сѣверныхъ областей, это побѣда раскаленныхъ песковъ средней Азіи,

это побѣда кочевыхъ племенъ надъ культурными поселенцами, это побѣда льдовъ сѣвернаго океана. Не только новыя предпріятія станутъ невозможными, но и старыя трудно будетъ поддерживать на должной высотѣ. О такихъ мѣропріятіяхъ, какъ поддержаніе хлопководства въ средней Азіи, будетъ трудно и думать, и сѣверный морской путь въ Западную Сибирь, съ громадными тратами на его оборудованіе и поддержаніе, явится задачей, почти неисполнимой.

Конечно, и въ рамкахъ прежней Россіи задачи эти выполнялись не всегда съ достаточной широтой и планомѣрностью, и силы ея тратились на безразсудныя и безплодныя выдумки власти, на внутренній гнетъ и насиліе. Конечно, отсутствіе свободы и частной предпріимчивости въ Россіи заставляло поляковъ, литовцевъ, латышей сотнями тысячъ эмигрировать въ Америку, гдѣ они находили бо́льшій просторъ и свободу для своей энергіи. Но вотъ вопросъ: слѣдуетъ ли теперь, когда, наконецъ, для предпріимчивости всѣхъ открываются безбрежные просторы въ самой Россіи, притомъ такіе, какихъ даже Америка дать не можетъ, слѣдуетъ ли теперь отгородиться отъ Россіи колючей проволокой и по-прежнему высылать за океанъ своихъ сыновъ, не находящихъ примѣненія силъ на родинѣ?

Значеніе Россіи для ея народовъ.

То обстоятельство, что населеніе одной шестой части земной тверди было объединено общимъ гражданствомъ, представляло значительное культурное пріобрѣтеніе. Конечно, близко время, и ничто не задержитъ его прихода, когда будетъ установлено міровое гражданство. Но, повидимому, наше поколѣніе, одичавшее отъ войны внѣшней и классовой, не воспользуется этимъ благомъ. Тѣмъ непростительнѣе было бы разрушать широкія объединенія тамъ, гдѣ они уже существуютъ. Странно будетъ ставить эстонскаго или литовскаго рабочаго или интеллигента въ

Москвѣ, украинца въ Великороссіи или великоросса въ Кіевѣ въ положеніе иностранца, не пользующагося полными правами гражданства, заставлять его охранять свои права черезъ дипломатическихъ представителей, отстранять отъ завѣдыванія мѣстными всегда для него кровно близкими дѣлами.

Можно математически иллюстрировать значеніе распаденія единаго гражданства. Если только на территоріи полнаго гражданства можно признать полной свободу передвиженія, предпринимательства и участія въ использованіи естественныхъ богатствъ страны, то раньше каждый гражданинъ русскаго государства имѣлъ просторъ для дѣятельности въ двадцать два милліона кв. верстъ. Все это онъ могъ разсматривать, какъ естественную сферу для развитія своихъ силъ и предпріимчивости. Правда, при старой Россіи былъ рядъ ограниченій, правда, даже на своей родинѣ инородцы чувствовали себя чужими. Но этому причиной система старой власти, и за отпаденіемъ ея — постановка вопроса остается въ полной силѣ. Такъ, нынѣ каждый литовецъ сохраняетъ только $^1/_{300}$ часть простора своей дѣятельности, каждый латышъ — $^1/_{400}$ часть, а каждый эстонецъ — только $^1/_{500}$ часть. Всѣ богатства Россіи, всѣ сокровища Азіи, всѣ неограниченныя возможности небывалаго расцвѣта и экономическаго подъема Россіи — остаются за предѣлами достиженія. Латышъ и литовецъ въ Россіи окажется въ условіяхъ худшихъ, чѣмъ американецъ, англичанинъ или бельгіецъ. Были какъ-то въ печати извѣстія, что американцы составили грандіозный трестъ для использованія естественныхъ богатствъ Россіи. Позволительно сомнѣваться, насколько этотъ трестъ учелъ всѣ условія для эксплуатаціи великой страны. Но, во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Россія — фантастически выгодное предпріятіе. И было бы крайнимъ проявленіемъ національной слѣпоты и близорукости отказываться добровольно отъ своего пая въ этомъ предпріятіи, отъ своей доли,

заработанной сотней лѣтъ совмѣстнаго сожительства и совмѣстнаго съ русскимъ народомъ страданія.

Международное значеніе единства Россіи.

Слишкомъ сложно и трудно всесторонне оцѣнить значеніе единства Россіи для всей совокупности международныхъ вопросовъ. Но имѣется одна проблема, пройти мимо которой нельзя, въ виду ея чрезвычайнаго значенія для всей Европы и, въ особенности, для западныхъ народовъ Россіи, а быть можетъ, и для Украины — это германскій вопросъ. Мы, конечно, весьма далеки отъ намѣренія запугивать германской опасностью и рисовать страшныя перспективы возстановленія германскаго имперіализма и похода его на востокъ для покоренія земель и пріобрѣтенія просторовъ для насильственной колонизаціи. Но все же надо вдумываться въ положеніе германскаго народа. Въ послѣднія 50 лѣтъ онъ показалъ въ себѣ изумительныя способности къ организаціи и работѣ, развивъ гигантскую промышленность и торговлю. Война тоже показала, какую выдержку, какую силу таитъ этотъ народъ. Нынѣ вся эта сила собрана на этнографической территоріи и отъ распространенія на западъ отгорожена и фактическимъ соотношеніемъ силъ и суровыми версальскими постановленіями. Такъ какъ внутри этимъ силамъ слишкомъ мало простора, то онѣ, въ той или иной формѣ, должны будутъ податься на югъ и на востокъ. Тутъ мы будемъ имѣть дѣло съ давленіями такого большого напряженія, что надѣяться на ихъ удержаніе нельзя, тѣмъ болѣе, что среди западныхъ политиковъ уже назрѣваетъ мысль о необходимости предоставить организаціоннымъ силамъ Германіи востокъ, какъ компенсацію за потери на западѣ. И при полной разрухѣ востока, при страшномъ недостаткѣ тамъ въ организаторскихъ силахъ, при необходимости въ капиталѣ, въ дешевой мануфактурѣ и талантливыхъ организаторахъ — проникновеніе германскаго вліянія на востокъ неустранимо. Но такъ какъ эти силы

чрезвычайно высокаго напряженія, то востоку надо быть осторожнымъ и вразбродъ не сталкиваться съ ними. Только объединивъ усилія, только распредѣливъ организаціонныя силы Германіи по всей Россіи, народы могутъ быть спокойны за свою участь и увѣрены, что вліяніе Германіи будетъ имъ не во вредъ, а на пользу. Пытаясь же въ одиночку регулировать свои отношенія съ германской стихіей, они, сами того не замѣчая, могутъ оказаться захлестнутыми ею. Германія слишкомъ голодна, чтобы къ ней можно было подпустить небольшія государства. Только политическое образованіе, раскинувшееся на двухъ континентахъ, можетъ подходить смѣло къ Германіи и не бояться попытки использовать или, что одно и то же, помочь ей. Только Россія въ цѣломъ можетъ разрѣшить сложный узелъ европейскихъ проблемъ, не разрѣшенныхъ, а лишь запутанныхъ и обостренныхъ версальскимъ договоромъ. Лишь безграничные просторы Россіи, лишь безконечныя богатства всего цѣлаго могутъ дать достаточную сферу для примѣненія силъ Германіи, безъ вреда для мѣстнаго населенія. Одна лишь Литва, или Латвія, или даже Польша — могутъ оказаться лишь затопленными, хотя бы рѣчь шла исключительно о мирныхъ средствахъ. Съ Германіей нужно сговориться, ей нужно помочь, ею нужно воспользоваться. Но нельзя совѣтовать мелкимъ народамъ браться за эту задачу наединѣ.

Гарантіи свободы народовъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что многообразные интересы заставляютъ вспоминать объединеніе Россіи.

И несомнѣнно, если только нервный націонализмъ въ центрѣ не помѣшаетъ, жажда и тоска по просторамъ и привольямъ Россіи станетъ общей во всѣхъ народахъ. Сперва дальновидные политики, затѣмъ отдѣльныя партіи и организаціи и, наконецъ, всѣ общественныя силы окраинныхъ народовъ будутъ направлены на то, чтобы осуществить эту задачу. Но въ интересахъ народовъ именно

теперь приняться за дѣло возсозданія Россіи, ибо теперь имъ легче всего добиться такихъ политическихъ очертаній Россіи, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ полной свободѣ и гарантируютъ равенство. Лучшая и даже единственная гарантія противъ Россіи — самимъ построить ее.

Въ задачи настоящей работы не входитъ давать детально разработанный проектъ и отчеканенныя юридическія формулы соглашенія народовъ или конституціи объединенной Россіи. Но общій смыслъ этого единства яснѣе всего выражается въ тѣхъ ограниченіяхъ центральной власти, которыя представляются естественными и необходимыми, и въ тѣхъ гарантіяхъ свободы народовъ, которыя являются неизбѣжными.

Конечно, каждому народу должна быть предоставлена полная самостоятельность во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ: въ соціальномъ и уголовномъ законодательствѣ, въ организаціи народнаго просвѣщенія и т. д. Это необходимо не только съ точки зрѣнія интересовъ окраинъ, но и для всего цѣлаго. Было бы странно, если бы, напримѣръ, въ морской или горной странѣ образованіе народа было организовано такъ же, какъ въ степной и равнинной; было бы удивительно, если бы соціальное законодательство промышленныхъ округовъ шло въ ногу съ областями чисто земледѣльческими, или борьба съ преступностью въ сѣверныхъ странахъ строилась по тому же шаблону, какъ въ южныхъ. Россія уже на опытѣ убѣдилась, что управленіе изъ центра создаетъ не крѣпкую власть, а только видимость ея, прикрывающую всеобщее обезличеніе и дряблость: мы видѣли, что стоило только пасть власти въ центрѣ, и вся страна оказалась въ параличѣ. Россія только тогда можетъ развернуться во всей своей мощи и использовать всѣ свои безграничные рессурсы, если мѣстная жизнь въ ней получитъ возможность широко и разносторонне выявить свою самобытность.

Но этой внутренней автономіей права народовъ не могутъ ограничиваться. Важнѣйшей дѣйствительной га-

рантіей ихъ свободъ является новая организація вооруженныхъ силъ, которыя должны строиться по національному принципу. Уже событія революціи, когда всѣ народы непереривъ требовали созданія національныхъ частей, показали, что прежнее перемѣшиваніе всѣхъ въ одной общей военной организаціи впредь невозможно, что каждый народъ захочетъ имѣть свои войска подъ командой своихъ офицеровъ. Возразить противъ этого нельзя ничего: развѣ не вправѣ солдатъ требовать, чтобы языкъ команды былъ понятенъ ему, чтобы въ опасность онъ могъ идти съ людьми, которыхъ онъ знаетъ и понимаетъ; чтобы, умирая, онъ слышалъ родную рѣчь и видѣлъ близкихъ и понимающихъ его людей? Уже само равноправіе языковъ съ неизбѣжностью ведетъ къ установленію этого начала. Но послѣдствія этого естественнаго и несложнаго принципа глубочайшимъ образомъ колеблютъ все существо прежнихъ государственныхъ отношеній. Вѣдь каждая національная армія явится вѣрнымъ отраженіемъ взглядовъ и желаній своего народа, и тѣмъ самымъ употребленіе ея противъ воли народа становится невозможнымъ. Поэтому дѣло войны новой Россіи будетъ рѣшаться не волей центра и даже не большинствомъ представителей народовъ, а каждымъ народомъ въ отдѣльности. И въ этомъ ограниченія не только для центральной власти, но и для мѣстной: уничтожается не только право Москвы или иного центра посылать латыша или эста въ невѣдомыя для него страны и для совершенія непонятныхъ ему задачъ, но ограничивается также право латышской или иной власти привлекать насильственно въ свою армію лицъ иныхъ народностей. Конечно, это связано со значительнымъ ослабленіемъ общей военной готовности Россіи. Но чего Россіи бояться? Германія и Австрія обезоружены, въ Англіи возстановленъ традиціонный принципъ добровольчества. А если дѣйствительно встанетъ грозная опасность передъ цѣлымъ организмомъ, или будетъ совершена несправедливость надъ однимъ изъ сочленовъ, то,

несомнѣнно, во всѣхъ народахъ пробудится достаточно сознанія общности интересовъ, чтобы создать нужную силу для отраженія противника: импровизированные, но воодушевленные латышскіе отряды около Риги и армянскія части на Кавказѣ играли гораздо бо́льшую роль, чѣмъ по казенному образцу построенные и заранѣе подготовленные цѣлые корпуса. Но вооруженныя посягательства извнѣ для ближайшаго времени невѣроятны. И Россія какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ смѣло могла бы перейти къ добровольческому типу, гарантируя его общимъ договоромъ всѣхъ народовъ.

Единое хозяйственно-государственное цѣлое Россіи должно имѣть, конечно, общее международное представительство. Но это не должно значить, что всѣ отдѣльные народы окажутся вполнѣ обезличенными съ точки зрѣнія международнаго права. Прежде всего, каждый народъ долженъ получить право имѣть свои отдѣленія въ общихъ консульскихъ и представительныхъ органахъ, и отъ наличія реальныхъ интересовъ народа будетъ зависѣть использовать это право или нѣтъ. Кромѣ того, несомнѣнно, ни одинъ народъ добровольно не откажется отъ своего права имѣть свое лицо и голосъ въ высшемъ политическомъ органѣ міра — въ Лигѣ Народовъ. И если Англія сама настаивала на томъ, чтобы въ Лигу Народовъ были допущены представители доминіумовъ — Австраліи, Канады, Южной Африки и пр. — то, спрашивается, почему Россіи бояться, если русскій представитель явится туда, окруженный представителями Латвіи, Эстоніи, Литвы, Украины, Грузіи и другихъ народовъ Россіи?

Въ итогѣ, мы видимъ, что сила неизбѣжныхъ процессовъ и логика вещей приводитъ къ тому, что Россіи придется рано или поздно перестроиться на началахъ, близко напоминающихъ принципы, легшіе въ основу Британской имперіи. И если бы это осуществилось, то Лига Наро-

довъ Міра получила бы въ Британіи и Россіи два существенныхъ и солидныхъ устоя для дальнѣйшаго развитія и перестройки международныхъ отношеній всего міра. Въ этомъ смыслѣ созданіе Россіи на новыхъ началахъ является задачей не только внутренне русской, но въ полномъ смыслѣ слова — міровой.

Кто и какъ будетъ ее строить: будетъ ли изъ центра производиться новое, сперва духовное, а затѣмъ и политическое, собираніе Россіи, или, наоборотъ, изъ периферіи, изъ экономически и культурно уцѣлѣвшихъ обломковъ начнется эта грандіозная работа; кто войдетъ вначалѣ въ новое объединеніе, а кто вынужденъ будетъ силой вещей и обстоятельствъ примкнуть позже; изъ какихъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ и свободныхъ частей будетъ состоять новая Россія; не образуются ли, какъ ступени въ общемъ развитіи, сперва отдѣльныя мѣстныя политическія объединенія — все это вопросы, на которые самое близкое будущее должно дать отвѣтъ. Нашей задачей было посильно содѣйствовать выясненію сущности поставленнаго жизнью вопроса и указать на неизбѣжное направленіе въ разрѣшеніи его.

Оглавленіе.

	Стр.
ВСТУПЛЕНІЕ	3
ВѢЛОРУССІЯ	20
УКРАИНА	48
ЛИТВА	98
ЛАТВІЯ	149
ЭСТОНІЯ	177
ЗАКАВКАЗЬЕ	206
ФИНЛЯНДІЯ	261
ПОЛЬША	298
ЗАКЛЮЧЕНІЕ	341

Того же автора:

ВОСПОМИНАНІЯ

(1914—1919)

Цѣна 15 марокъ

Изъ отзывовъ печати:

„Книга г. Станкевича — примѣчательный документъ современности, и она должна быть прочтена всякимъ, кто хочетъ уяснить себѣ смыслъ той смуты и тѣхъ душевныхъ потемокъ, въ которыхъ блуждаетъ въ настоящее время подавляющее большинство русской интеллигенціи.

Написана книга увлекательно, умно, съ тонкимъ художественнымъ чутьемъ и большимъ даромъ наблюдательности .... Обо всемъ видѣнномъ и продуманномъ и прочувствованномъ онъ пишетъ просто и откровенно. И съ первыхъ же страницъ подкупаетъ читателя искренностью и задушевностью тона."

„Голосъ Россіи", 1920 г. № 154.

„Не найдется ни одного мыслящаго русскаго, въ чьей душѣ многія страницы книги г. Станкевича не нашли бы самаго живого отклика . . . Иногда, при чтеніи, „Воспоминанія" начинаютъ казаться коллективнымъ трудомъ, несмотря на всю несомнѣнность единоличнаго авторства."

„Варшавское Слово", 28 іюля 1920 г.

„Воспоминанія представляютъ большой интересъ. Написаны живо, много удачныхъ характеристикъ, цѣнныхъ наблюденій. Авторъ не теряется въ деталяхъ и стремится, даже по отношенію къ отдѣльнымъ моментамъ, набрасывать общія картины. То, что авторъ видѣлъ, чему былъ свидѣтелемъ, онъ описываетъ искренно и живо и, чувствуется даже, безъ пристрастія. Видѣть же ему удалось много, въ виду его исключительнаго положенія, особенно со времени мартовской революціи и въ теченіе всего періода Временнаго Правительства."

„Общее Дѣло", 1920 г. № 123.

„Было ли появленіе большевизма неизбѣжностью — вотъ вопросъ, который имѣетъ не только историческое значеніе, но живо занимаетъ и современниковъ. Воспоминанія Станкевича, члена Исполнительнаго Комитета и комиссара сѣвернаго фронта, даютъ, какъ намъ кажется, исчерпывающій отвѣтъ на этотъ вопросъ, хотя самъ авторъ, не безъ умысла, не высказываетъ его."

„Die Weltbühne", 14 ноября 1920 г.